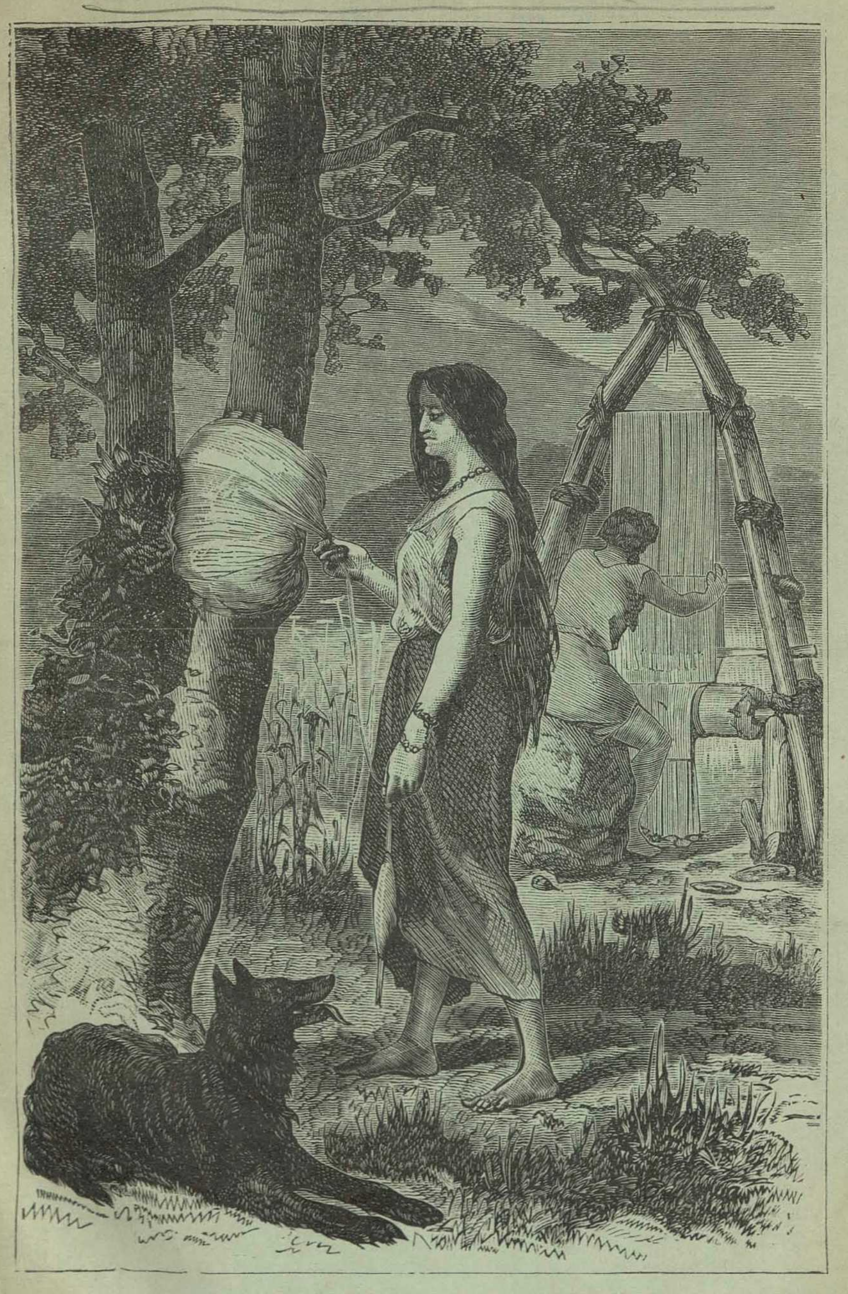
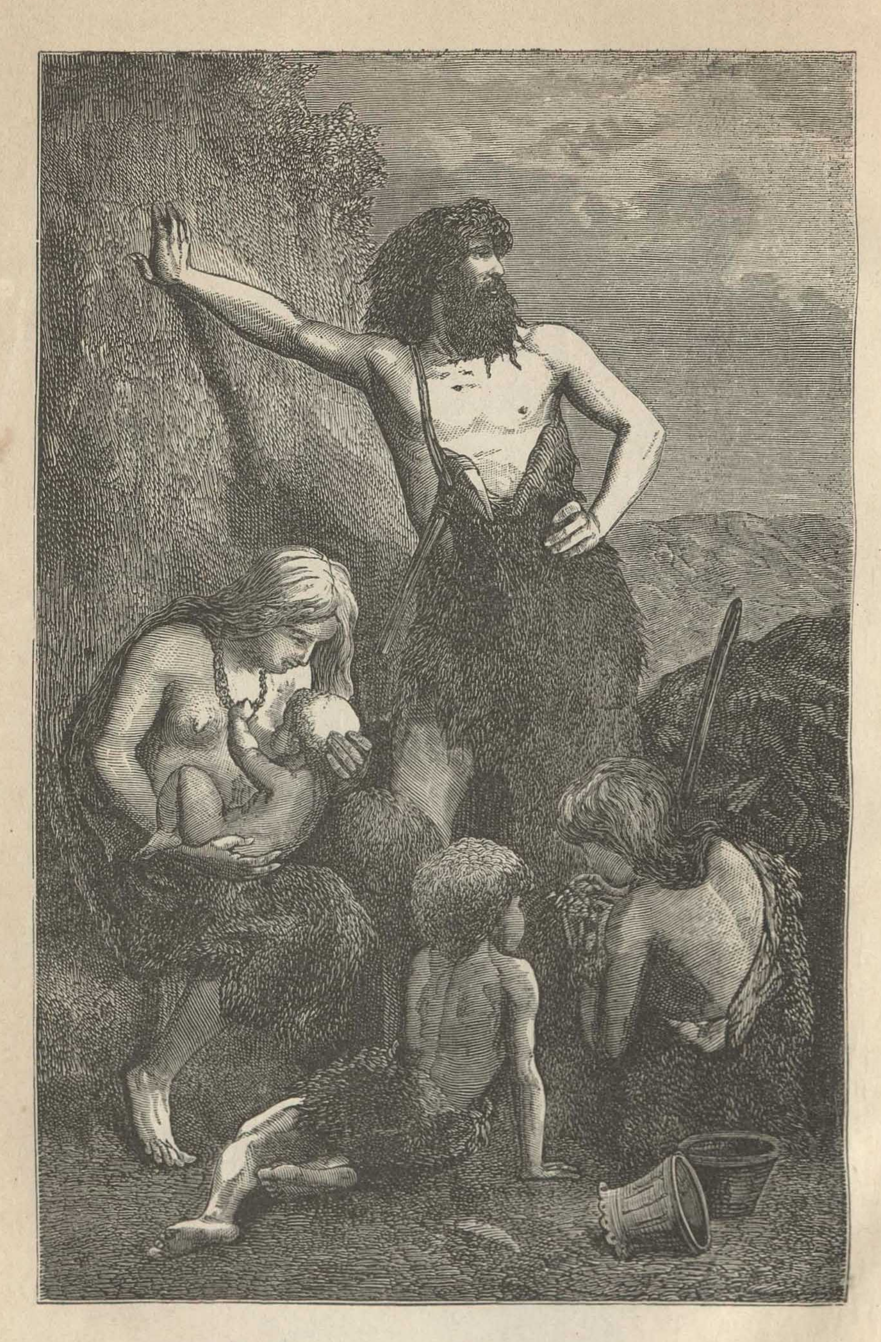
ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

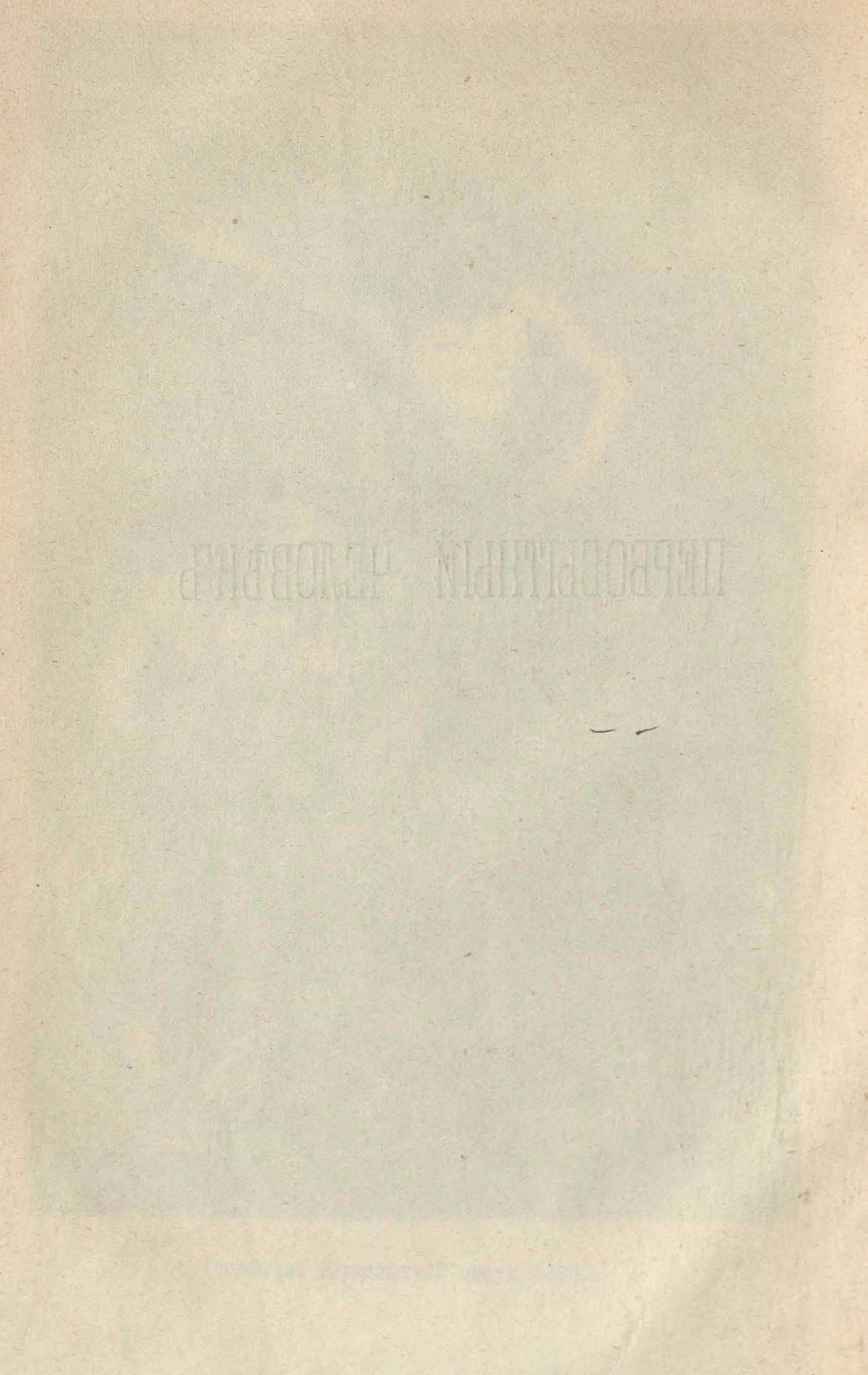

Съ 126 рисунками и 5 картинами.

Семейство первобытной эпохи желѣза.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

СОЧИНЕНІЕ

ЛУИ ФИГЬЕ

Съ рисунками и картинами, изображающими сцены изъ жизни первобытнаго человѣка

Arma antiqua manus, ungues, dentesque fuerunt,
Et lapides, et item silvarum fragmenta rami,
Et flammæ atque ignes, postquam sunt cognita primum.
Posterius ferri vis est ærisque reperta;
Et prior æris erat quam ferri cognitus usus.

Lucrèce, de Natura rerum, lib. v.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ Типографіи М. Хана, Болотная, д. № 5
1870

2007334324

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я взялъ на себя въ настоящей книгѣ трудную задачу изложить науку еще несуществующую. Изслѣдованій о происхожденіи человѣка мы имѣемъ множество, но они еще не сведены въ одно систематическое цѣлое. Сочиненія, въ которыхъ находятся эти изслѣдованія, принадлежатъ къ самымъ различнымъ наукамъ: къ геологіи, палеонтологіи, этнологіи, археологіи и исторіи; и всѣ вмѣстѣ составляютъ нѣчто подобное громадному хаосу. Никто еще не предпринялъ разобрать весь этотъ хаосъ и написать сочиненіе общее, *связанное*, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, о всѣхъ фактахъ, касающихся человѣка въ первыя времена появленія его на землѣ. Госпожа Клемансъ Ройе въ послѣднемъ своемъ сочиненіи *О происхожденіи человѣка и обществъ*, говоритъ относительно этихъ фактовъ: „Ихъ такое множество, что уже нынѣ память человѣка не въ состояніи ихъ совмѣстить, и цѣлой жизни недостаточно, чтобы ихъ изучить и описать."

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго притязанія въ этомъ скромномъ очеркѣ резюмировать науку доисторическихъ временъ; мы надѣемся лишь представить *опытъ конспекта* этой науки.

Вопросъ о дѣйствительномъ происхожденіи человѣка возбуждаетъ живое вниманіе между учеными и мыслителями, которые желали бы имѣть положительныя свѣденія обо всемъ, что касается человѣчества до начала исторіи. Публика, чуждая научнымъ занятіямъ, также интересуется этимъ предметомъ, и даже нравственныя понятія общества огорчены идеей, проповѣдуемой нѣкоторыми натуралистами о воображаемомъ происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Наконецъ, эта теорія, появившаяся только на мгновеніе въ наукѣ и тотчасъ же исчезнувшая, занимаетъ до сихъ поръ юношество. Поэтому давно пора раздаться безпристрастному голосу, который возсталъ бы противъ партизановъ этой грустной для человѣчества теоріи.

Въ настоящемъ трудѣ мы предполагаемъ:

1) Собрать всѣ извѣстные до сихъ поръ факты о нравахъ и обычаяхъ человѣка во времена, предшествовавшія преданію и исторіи.

2) Доказать всю недостаточную основательность теоріи о происхожденіи человѣка отъ обезьяны.

Чтобъ достичь этой двоякой цѣли, мы познакомимъ читателя съ результатами почти всѣхъ научныхъ трудовъ, благодаря которымъ современные натуралисты успѣли изслѣдовать нравы и обычаи человѣка, жившаго до и послѣ европейскаго потопа, во времена доисторическія. Для большей ясности приводимыхъ фактовъ, мы представляемъ во множествѣ рисунковъ почти всѣ орудія, инструменты, оружіе, одежду и прочее, принадлежность которыхъ человѣку этого періода вполнѣ доказана. Мы также представляемъ образцы типа человѣческаго черепа въ различныя эпохи.

Галло-римскій музей, основанный въ Сен-Жерменѣ въ 1863 г. по приказанію императора, для сохраненія всѣхъ документовъ и памятниковъ, касающихся исторіи Галліи, обогатился въ послѣднее время нѣсколькими залами, посвященными спеціально доисторическому человѣку. Всѣ предметы тамъ великолѣпно расположены для систематическаго изученія, и мы многимъ обязаны этому драгоцѣнному собранію.

Кромѣ того, помня какъ одобрительно были встрѣчены публи-

кой и учеными *Идеальные виды древняго міра*, которые были приложены къ сочиненію *Земля до потопа*, и которые, благодаря многочисленнымъ переводамъ, перешли во всѣ европейскія литературы—мы обратились къ помощи искуснаго карандаша Эмиля Баяра и прикладываемъ къ настоящей книгѣ *сцены изъ жизни первобытнаго человѣка*, которыя знакомятъ насъ фактически, хотя и въ художественной формѣ, съ жизнью, нравами и обычаями нашихъ прапраотцевъ.

Представляя читателю достовѣрные снимки съ первобытныхъ издѣлій человѣка, выказывая основы цивилизаціи, конечно, основы грубыя, но безспорныя и появившіяся почти въ самый моментъ явленія на землѣ человѣческаго рода — мы вмѣстѣ съ тѣмъ прямо и самымъ убѣдительнымъ образомъ опровергнемъ теорію, производящую человѣка отъ обезьяны. Въ трудахъ Карла Фохта, Гукслея, Бюхнера, Шафаузена и другихъ мы только находимъ соображенія, основанныя на анатоміи. Они стараются доказать низкое происхожденіе человѣчества линіями и поверхностями костей, ихъ отростками и швами. Мы ставимъ вопросъ на совершенно новую почву. Мы представляемъ человѣка съ самой первой минуты его появленія на землѣ, окруженнаго произведеніями своихъ искусныхъ рукъ, доказывающими замѣчательную степень ума и разсудка, и спрашиваемъ у каждаго чистосердечнаго читателя: можно ли признать малѣйшее органическое и нравственное родство между творцомъ этихъ произведеній и грубымъ животнымъ? Возвышая такимъ образомъ не простыми разсужденіями, а фактами и безспорными матеріальными доказательствами, происхожденіе человѣка, которое нѣкоторые ученые такъ унизили, мы полагаемъ, что служимъ одинаково наукѣ и философіи.

Наша книга имѣетъ прежде всего постоянное достоинство всѣхъ нашихъ изданій—научное изложеніе предмета; она избавитъ читателей отъ тягостнаго труда рыться въ безконечныхъ документахъ и изслѣдованіяхъ, избранныхъ въ тысячѣ болѣе или менѣе доступныхъ научныхъ источникахъ. Но она принесетъ и другаго рода пользу; она уничтожитъ предразсудокъ, слишкомъ

долго отвлекавшій отъ изученія этого предмета много серьезныхъ умовъ. Такъ какъ большинство ученыхъ, писавшихъ о первобытномъ человѣкѣ, принадлежитъ къ школѣ матеріалистовъ, то до сихъ поръ полагали, что заниматься этимъ предметомъ значитъ раздѣлять ихъ теоріи, изучать первобытнаго человѣка значитъ явно проповѣдывать матеріализмъ.

Но какимъ образомъ вопросъ естественной исторіи, простая задача палеонтологіи, можетъ относиться до философскихъ теорій? Отчего матеріализмъ торжествуетъ при доказательствѣ того факта, что человѣкъ, вмѣсто шести или семи тысячъ лѣтъ существованія, считаетъ пятнадцать или двадцать тысячъ? Признаемся, мы этого не понимаемъ. Какъ бы то ни было, прочтя эту книгу, каждый читатель, мы надѣемся, простится на вѣки съ указаннымъ предразсудкомъ. Наука о первобытномъ человѣкѣ нуждается въ содѣйствіи всѣхъ умовъ и было бы большимъ несчастьемъ, еслибы она приняла оттѣнокъ противорелигіозный и печать той или другой философской школы.

Мы просимъ снисхожденія публики и ученыхъ для нашего труда, первой попытки въ своемъ родѣ, встрѣтившей на пути своего осуществленія столько трудностей. Мы не могли себя взять руководящей нитью ни одного сочиненія по этому предмету. На англійскомъ языкѣ существуютъ два труда о первобытномъ человѣкѣ, но не одинъ изъ нихъ не удовлетворяетъ предположенной нами цѣли. Изслѣдованіе сера Чарльза Лайсля о *Древности человѣка* составляетъ только рядъ техническихъ описаній тѣхъ слоевъ земли, въ которыхъ найдены слѣды присутствія человѣка въ первобытныхъ эпохахъ. Нѣтъ ни малѣйшаго порядка во всѣхъ этихъ матеріалахъ и замѣткахъ, соединенныхъ самымъ страннымъ образомъ. Мы находимъ у него нескончаемыя разсужденія о теоріи Дарвина, который, скажемъ въ скобкахъ, никогда не вводилъ человѣка въ свою теорію о происхожденіи видовъ. Къ этому сочиненію приложенъ совершенно отдѣльный томъ, заключающій въ себѣ простую перепечатку самыхъ важныхъ изслѣдованій о доисторическомъ человѣкѣ, именно ученыхъ трудовъ Ларте, Кристи, Эдуара Дюпона, Гаригу и Фильоля, Вибре, Прю-

онера-Бея и другихъ. Таковъ трактатъ о *Древности человѣка*, дающій довольно странное понятіе о томъ способѣ, къ которому прибѣгаетъ англійскій геологъ при составленіи своихъ сочиненій.

Доисторическій человѣкъ Люббока въ сущности собраніе четырехъ или пяти статей о совершенно различныхъ предметахъ, появившихся въ англійскихъ журналахъ. Болѣе половины книги занято статьею о *Нравахъ современныхъ дикарей*; нельзя не признать, что какъ-то странно читать о современныхъ дикаряхъ въ книгѣ о доисторическомъ человѣкѣ. Въ этомъ сборникѣ не говорится ни слова о человѣкѣ въ эпоху оленя и въ эпоху желѣза; изслѣдованы же только предметы изъ камней и бронзы, найденные въ гробницахъ и въ грудахъ раковинъ на берегахъ Даніи.

Два другія сочиненія: „*Чтенія о человѣкѣ*, Карла Фохта, и о *Положеніяхъ человѣка въ ряду органическихъ существъ*, Т. Гукслея, ничто иное, какъ длинныя защитительныя рѣчи въ пользу происхожденія человѣка отъ обезьяны, и всѣ ихъ доводы основаны исключительно на сравнительной анатоміи. Чтеніе этихъ книгъ чрезвычайно утомительно для всѣхъ неспеціалистовъ— анатомовъ. Ихъ авторы, по видимому, забыли основную аксіому искуства:—*Scribitur ad narrandum, non ad docendum.*

Однако мы были бы несправедливы въ отношеніи Люббока, еслибъ не признали тѣхъ услугъ, которыхъ оказала намъ его книга по спеціальнымъ вопросамъ, въ ней разсмотрѣннымъ. Но настоящимъ основаніемъ предлагаемаго опыта служили подлинные труды ученыхъ: Буше де Перта, Ларте, Кристи, Нильсона, Леге, Брюна, Гаригу и Фильоля, Мортилле, Тройона, Дезора, Фонтана, Квикере и другихъ, въ особенности же три тома, изданные въ 1864 и 1867 годахъ Мортилле и его сотрудниками, подъ названіемъ: *Матеріалы для положительной и философской исторіи человѣка*, и появившійся въ 1868 г. Отчетъ о трудахъ международнаго конгреса *антропологіи и доисторической археологіи.*

Всѣ эти изслѣдованія и научныя работы представляютъ по-

чтенную массу, которую намъ слѣдовало разобрать, классифицировать и подвергнуть основательному анализу для изданія въ свѣтъ настоящаго сочиненія. Мы признаемъ за собою только заслугу приведенія въ порядокъ всѣхъ этихъ разнообразныхъ матеріаловъ и облегченія задачи тѣмъ, которые будутъ заниматься тѣмъ же предметомъ. Мы главнымъ образомъ старались представить ясно и систематично вопросъ очень темный и сложный, но который занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду вопросовъ, останавливающихъ на себѣ вниманіе просвѣщенныхъ людей.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Не болѣе сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начали приписывать человѣку бо́льшую древность, чѣмъ опредѣляли исторія и преданія. До послѣдняго времени обыкновенно считали, что появленіе первобытнаго человѣка на землѣ было не далѣе шести или семи тысячъ лѣтъ тому назадъ. Эта историческая хронологія была нѣсколько поколеблена учеными трудами о восточныхъ народахъ: о китайцахъ, египтянахъ и индійцевъ. Изслѣдователи древнихъ цивилизацій не могли ограничить ихъ исторію шестью тысячами лѣтъ классической хронологіи и отдаляли еще на нѣсколько тысячъ лѣтъ происхожденіе восточныхъ расъ.

Однако, эта идея не вышла изъ узкаго круга ученыхъ оріенталистовъ и нимало не измѣнило общее мнѣніе, по которому человѣческій родъ созданъ только шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Это мнѣніе было подтверждено и освящено ошибочнымъ толкованіемъ св. писанія. Полагали, что въ Ветхомъ Завѣтѣ написано, что человѣкъ созданъ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но ничего подобнаго мы не находимъ въ книгѣ Бытія. Это коментаторы и сочинители хронологическихъ системъ опредѣлили такимъ образомъ время появленія человѣчества на землѣ. Эдуардъ Ларте, назначенный въ 1869 г. профессоромъ палеонтологіи въ парижскомъ музеѣ естественной исторіи, указываетъ въ одномъ изъ своихъ научныхъ мемуаровъ именно на то, что только хро-

нологисты выставили подобное опредѣленіе и что они въ этомъ отношеніи дурно поняли смыслъ Библіи.

„Въ книгѣ Бытія, говоритъ Ларте, ничего не сказано, что бы ограничивало извѣстнымъ временемъ начало первобытнаго человѣчества. Только хронологисты впродолженіи пятнадцати вѣковъ стараются подвести библейскіе факты подъ свои системы. Поэтому мы видимъ, что существуютъ сто сорокъ различныхъ мнѣній о времени сотворенія человѣка и что между самыми крайными варіантами различіе достигаетъ 3194 лѣтъ, исключительно для періода между началомъ міра и рожденіемъ Іисуса Христа. Это различіе главнымъ образомъ относится до временъ, ближайшихъ къ сотворенію міра.“

„Итакъ, съ той минуты, что вопросъ о происхожденіи человѣка признанъ непротиворѣчащимъ нисколько религіозному догмату, онъ становится тѣмъ, чѣмъ долженъ быть, т. е. научной задачей, доступной всякимъ изслѣдованіямъ и подлежащей во всѣхъ отношеніяхъ тому разрѣшенію, которое ближе всего подходитъ къ фактамъ и опытнымъ выводамъ“ ([1]).

Такимъ образомъ авторитетъ священнаго писанія нисколько не колеблется научными трудами, имѣющими цѣлью изслѣдовать эпоху дѣйствительнаго появленія человѣка на землѣ. Въ подтвержденіе словъ Ларте, мы напомнимъ еще, что католическая церковь, возводящая въ догматъ столько маловажныхъ фактовъ, никогда не хотѣла сдѣлать догматомъ тотъ фактъ, что человѣкъ созданъ шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ.

Поэтому ни мало не удивительно, что члены католическаго духовенства сами съ жаромъ занимаются изслѣдованіями о доисторическомъ человѣкѣ. Епископъ Шалона на Марнѣ, монсиньоръ Меньянъ одинъ изъ самыхъ знающихъ людей по этой новой наукѣ; онъ занимается ею съ рѣдкимъ усердіемъ и его личныя наблю-

---

([1]) Nouvelles recherehes sur la coexiestence de l'homme et des grands mamifères fossiles réputés caractéristiques de la dernière période géologique, — par. Ed. Lartet. Annales des sciences naturelles, 4 série, t. XV, p. 256.

денія прибавили многое къ тому, что мы знаемъ объ этомъ предметѣ. Этотъ ученый епископъ издалъ въ 1869 году книгу подъ названіемъ *Міръ и первобытный человѣкъ по Библіи* (1), въ которой онъ, слѣдуя тезису, развитому Марселемъ де Серръ въ его сочиненіи *Моисеева космогонія въ сравненіи съ геологическими фактами* (2), и приводя данныя, добытыя современной наукой о первобытномъ человѣкѣ, старается согласовать всѣ эти данныя съ Священнымъ откровеніемъ.

Абатъ Ламберъ въ недавнее время издалъ также сочиненіе— *Первобытный человѣкъ и Библія* (3), въ которомъ онъ доказываетъ, что открытіе современной науки о древности человѣка нимало не противорѣчитъ священному откровенію и книгѣ Моисея.

Наконецъ одно духовное лице, абатъ Буржуа, простираетъ свою ревность до того, что опережая большинство современныхъ геологовъ, относитъ происхожденіе человѣка къ эпохѣ третичной. Мы не соглашаемся съ этимъ крайнимъ мнѣніемъ и приводимъ его здѣсь только для доказательства, что всѣ богословскія преграды, такъ долго задерживавшія развитіе науки о первобытномъ человѣкѣ, нынѣ исчезли въ виду того, что вполнѣ доказана совершенная независимость этого вопроса отъ религіознаго догмата.

Благодаря взаимной поддержкѣ трехъ наукъ-сестеръ—геологіи, палеонтологіи и археологіи, благодаря счастливой комбинаціи этихъ трехъ наукъ, которую съумѣли сдѣлать люди, съ пламеннымъ усердіемъ изыскивающіе истину,—пришлось отдалить тѣ границы, которыя съ давнихъ поръ приписывали существованію человѣческаго рода, и отнести ихъ въ самый мракъ отдаленныхъ вѣковъ. Умъ человѣческій, можно сказать, отступаетъ испуганный отъ попытки высчитать, сколько тысячелѣтій протекло со времени созданія человѣка.

Но, спросятъ меня, на чемъ основываете вы такое положеніе? Какія доказательства вы можете привести? Вотъ главнѣйшіе на-

---

(1) Le monde et l'homme primitif selon la Bible, 1 vol. Paris. 1869.

(2) Cosmogonie de Moise compa aux faits géologiques—2 vol. Paris. 1869.

(3) L'homme primitif et la Bible. Paris. 1869.

учные способы, которыми руководились ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, которые дозволили создать науку о древности человѣческаго рода:

Если человѣкъ существовалъ въ эпоху очень отдаленную, то онъ долженъ оставить слѣды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, на той почвѣ, которую онъ попиралъ ногами. Насколько бы ни былъ дикаремъ первобытный человѣкъ, все же онъ имѣлъ нѣкоторыя орудія для охоты за звѣрями и ловли рыбы. Всѣ человѣческія существа имѣли хоть какую либо одежду и домашнюю утварь, хотя бы раковину для черпанья воды, инструментъ для рубки дерева, ножъ для разрѣзанія мяса и тяжеловѣсный камень для раздробленія костей животныхъ, служащихъ имъ пищей. Никогда человѣкъ не жилъ безъ какого либо оружія. Вотъ эти-то орудія, инструменты и оружіе долго, терпѣливо отыскивали и наконецъ нашли. Ихъ нашли въ тѣхъ слояхъ земли, древность которыхъ геологи точно знаютъ и которые принадлежатъ—одни къ эпохѣ до-европейскаго потопа, другіе — послѣ этого общаго катаклизма.

Такимъ образомъ доказано, что родъ человѣческій жилъ на землѣ въ эпоху, опредѣленную древностью геологическихъ слоевъ земли, т. е. въ эпоху *четвертичную*.

Когда недостаетъ подобнаго рода доказательствъ присутствія человѣка въ данную эпоху, т. е. слѣдовъ первобытныхъ издѣлій, что бываетъ очень рѣдко, то можно опредѣлить это присутствіе человѣческими костями, сохранившимися въ землѣ въ продолженіе стольких вѣковъ, благодаря отложеніямъ известковыхъ частицъ, превратившихъ эти кости въ окаменѣлости. Дѣйствительно, подобные остатки человѣческихъ костей найдены были въ пластахъ *четвертичной* эпохи, слѣдовательно, гораздо древнѣйшихъ, чѣмъ пласты новѣйшей, современной намъ геологической эпохи.

Впрочемъ, этотъ способъ доказательства гораздо труднѣе предъидущаго, потому что человѣческія кости подвергаются очень легко порчѣ, если онѣ закопаны не на большой глубинѣ, и чтобъ долго сохраниться, требуютъ рѣдкаго въ то время стеченія обстоятельствъ, ибо первобытные народы часто сожигали своихъ мертвецовъ и вообще человѣческій родъ былъ очень немногочисленъ.

Другое замѣчательное доказательство существованія человѣка въ геологическую эпоху, предшествующую нашей, это то обстоятельство, что часто находятъ кости человѣка вмѣстѣ съ костями допотопныхъ животныхъ. Очевидно, что если вмѣстѣ съ костями мамонта, пещернаго медвѣдя, пещернаго тигра и другихъ животныхъ, существовавшихъ только въ *четвертичную* эпоху и нынѣ исчезнувшихъ, встрѣчаются кости человѣка или слѣды его издѣлій, то можно положительно утверждать, что человѣческій родъ со временен съ этими животными, а подобное смѣшеніе костей встрѣчалось не разъ въ пещерахъ и на значительныхъ глубинахъ земли.

Вотъ различнаго рода доказательства, служившія къ опредѣленію того факта, что человѣкъ существовалъ на землѣ въ *четвертичную* эпоху. Теперь представимъ краткій историческій очеркъ главнѣйшихъ трудовъ, благодаря которымъ создана новая наука о положительномъ происхожденіи человѣческаго рода.

Палеонтологія существуетъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Мы едва еще подняли одинъ уголъ той завѣсы, которая скрываетъ остатки исчезнувшаго міра; такъ, напримѣръ, мы не знаемъ еще ничего о томъ, что покоится непробуднымъ сномъ въ нѣдрахъ земли на днѣ морей. Поэтому не слѣдуетъ удивляться, что такъ много протекло времени прежде, чѣмъ нашли въ четвертичныхъ пластахъ человѣческія кости или слѣды человѣческихъ произведеній; этотъ отрицательный результатъ выставлялся всегда главнымъ опроверженіемъ допотопнаго происхожденія человѣка.

Заблужденія и разочарованія, встрѣтившія сначала естествоиспытателей на пути подобныхъ изслѣдованій, охладили ихъ ревность и отдалили разрѣшеніе задачи. Всѣмъ извѣстна исторія ископаемой саламандры, найденной въ каменоломняхъ Энингена и окрещенной, по свидѣтельству Шейхцера въ 1726 г., *человѣкомъ, свидѣтелемъ потопа* (*homo diluvii testis*). Камперъ въ 1787 году доказалъ, что воображаемый *преадамитъ* былъ ни что иное, какъ пресмыкающееся животное, и это разочарованіе, долго забавлявшее европейскихъ ученыхъ, много повредило допотопному человѣку. Его существованіе было отнесено, въ силу всеобщаго смѣха, къ предметамъ баснословнымъ.

Однако, первый шагъ впередъ былъ сдѣланъ въ 1774 году; человѣческія кости, разбросанныя вмѣстѣ съ остатками пещернаго медвѣдя и другихъ млекопитающихъ животныхъ, принадлежащихъ къ неизвѣстнымъ въ то время видамъ, были найдены Эсперомъ въ знаменитой Гейленрейтской пещерѣ въ Баваріи.

Даже ранѣе этой эпохи, т. е. въ первыхъ годахъ восемнадцатаго столѣтія, англичанинъ Кемпъ нашелъ въ Лондонѣ, рядомъ съ зубами слона, каменный топоръ, подобный тѣмъ, которые были впослѣдствіи найдены въ такомъ громадномъ количествѣ въ различныхъ мѣстностяхъ земнаго шара. Этотъ топоръ былъ грубо срисованъ и рисунокъ напечатанъ въ 1715 году; подлинный же топоръ существуетъ до сихъ поръ въ колекціяхъ британскаго музея.

Въ 1797 году англійскій археологъ Джонъ Ферръ открылъ въ Гокснѣ, въ графствѣ Суфолькъ, подъ слоями четвертичнаго пласта, кремневыя орудія, перемѣшанныя съ костями животныхъ, принадлежащихъ къ исчезнувшимъ видамъ. Фреръ полагалъ, что эти орудія и люди, сдѣлавшіе ихъ, жили въ эпоху предшествовавшую формаціи того пласта, въ которомъ они найдены.

По словамъ Ларте, честь перваго заявленія о древности человѣческаго рода принадлежитъ Эме Буэ, французскому геологу, жившему въ Германіи. Въ 1823 году этотъ геологъ нашелъ въ четвертичномъ пластѣ рейнской долины человѣческія кости и представилъ ихъ Кювье и Броньяру какъ кости человѣка, жившаго въ четвертичную эпоху.

Въ 1823 году англійскій геологъ Букландъ напечаталъ *Reliquiae diluvianae*, сочиненіе, главнымъ образомъ посвященное описанію Кинклакской пещеры, но въ которомъ авторъ также собралъ всѣ извѣстные въ то время факты, говорившіе въ пользу единовременнаго существованія человѣка и допотопныхъ животныхъ.

Не смотря на все, что говорили, Кювье былъ недалекъ отъ того, чтобы признать существованіе человѣка въ четвертичную эпоху. Въ своихъ сочиненіяхъ: *Окаменѣлыя кости* и *Рѣчь о переворотахъ земнаго шара* знаменитый естествоиспытатель разсматриваетъ все pro и contra этого вопроса и, не смотря на

недостаточность существовавшихъ въ то время фактовъ, онъ говоритъ: —„Я не могу заключить, чтобы человѣкъ не существовалъ въ эпоху великихъ переворотовъ... Онъ можетъ быть обиталъ въ странахъ не обширныхъ, откуда родъ человѣческій распространился по всей землѣ послѣ ужасныхъ катастрофъ; быть можетъ, также мѣстности, гдѣ жилъ первобытный человѣкъ, исчезли, и его кости погребены въ глубинахъ нынѣ существующихъ морей.“

Такимъ образомъ напрасно такъ самоувѣренно ссылаются на авторитетъ Кювье для опроверженія теоріи о древности человѣческаго рода.

Второй рѣшительный шагъ для созданія новой науки былъ сдѣланъ открытіемъ въ делювіяльныхъ пластахъ кремневыхъ орудій и другихъ произведеній первобытнаго человѣка.

Въ 1826 г. французскій геологъ и археологъ Турналь изъ Нарбона напечаталъ отчетъ объ открытіяхъ, сдѣланныхъ имъ въ одной изъ пещеръ департамента Оды; онъ нашелъ кости оленей и зубровъ, отдѣланныя человѣческою рукой, а также раковины, которыя, по всей вѣроятности, были перенесены людьми, жившими въ этой пещерѣ.

Три года спустя Кристоль изъ Монпелье, впослѣдствіи професоръ въ Греноблѣ, нашелъ въ пещерахъ Пондръ и Сувинаргъ (департаментъ Геро) кости человѣка, перемѣшанныя съ остатками гіенны, пещернаго медвѣдя, носорога и другихъ. Въ послѣдней изъ этихъ пещеръ нашлись еще остатки горшечной посуды.

Всѣ эти поразительные факты были собраны и описаны Марселемъ де Серромъ, професоромъ въ Монпелье, въ его книгѣ *Опытъ о пещерахъ*.

Пещеры съ человѣческими костями Энгисъ и Энгигуль (въ Бельгіи) представили доказательства такого же рода. Въ 1833 г. ученый бельгійскій геологъ Шмерлингъ нашелъ въ этихъ пещерахъ два человѣческіе черепа вмѣстѣ съ зубами носорога, слона, медвѣдя, гіенны и пр. Человѣческія кости были также испорчены и отчасти разрушены, какъ кости животныхъ. Эти послѣднія имѣли на себѣ слѣды человѣческихъ рукъ. Наконецъ, для вящей полноты, тутъ же найдены были кремневыя орудія въ формѣ ножей и острія стрѣлъ.

Результатомъ этихъ трудолюбивыхъ изысканій было сочиненіе, нынѣ чрезвычайно уважаемое и которое доказываетъ, что бельгійскій геологъ вполнѣ заслуживаетъ названія основателя науки о древности человѣка. Въ этой книгѣ Шмерлингъ описываетъ и представляетъ въ рисункахъ громадное количество предметовъ, найденныхъ въ бельгійскихъ пещерахъ, и знакомитъ впервые съ человѣческимъ черепомъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи столь знаменитымъ подъ названіемъ: *черепа Энгиса.* Но въ то время европейскіе ученые были противъ подобныхъ идей и открытія бельгійскаго геолога не обратили на себя болѣе вниманія, чѣмъ подобныя же изслѣдованія французскихъ геологовъ.

Въ 1835 г. Жоли, бывшій тогда професоръ лицея въ Монпелье, а нынѣ професоръ въ Тулузѣ, нашелъ въ пещерѣ Набрига (въ Лозерскомъ департаментѣ) черепъ пещернаго медвѣдя, на которомъ остались очевидные слѣды стрѣлы. Въ недалекомъ разстояніи найденъ былъ горшечный черепокъ, ясно свидѣтельствовавшій о выдѣлавшей его человѣческой рукѣ.

Нельзя не удивляться, что въ виду этихъ предшествовавшихъ открытій, Буше-де-Пертъ, пламенный апостолъ древности человѣческаго рода, встрѣтилъ столько затрудненій, равнодушія и недовѣрія съ самой первой минуты, какъ онъ началъ съ 1836 г. защищать эту идею въ цѣломъ ряду мемуаровъ, представленныхъ имъ въ Абевильское Общество Соревнованія.

Горизонтальные слои четвертичнаго пласта, извѣстные подъ названіемъ *дилювія* (*наноса*), представляютъ слои различнаго цвѣта и различнаго состава, которые указываютъ намъ самымъ непреложнымъ образомъ древнюю исторію земли. Органическіе остатки, находимые тутъ, принадлежатъ существамъ исчезнувшимъ и свидѣтелямъ дилювіяльнаго катаклизма, предшествовавшимъ ему, быть можетъ, на нѣсколько столѣтій.

„И такъ здѣсь, въ этихъ остаткахъ древняго міра, сдѣлавшихся его архивомъ, говоритъ Абевильскій пророкъ:—необходимо отыскивать преданія и за неимѣніемъ медалей и надписей довольствоваться грубыми камнями, которые, не смотря на все ихъ несовершенство также вѣрно доказываютъ существованіе человѣка, какъ и Лувръ.“

Твердо убѣжденный въ справедливости своего мнѣнія, Буше де Пертъ дѣятельно занялся розысканіемъ въ дилювіяльныхъ пластахъ остатковъ человѣческихъ костей или, по крайней мѣрѣ, матеріальныхъ слѣдовъ первобытныхъ издѣлій человѣка. Въ 1838 г. онъ имѣлъ счастье представить въ Абевильское Общество Соревнованія свои первые допотопные топоры.

Въ теченіе 1839 г. Буше де Пертъ повезъ эти топоры въ Парижъ и показалъ ихъ нѣкоторымъ членамъ академіи. Броньяръ, Флуранъ, Эли де Бомонъ, Кордье и Жомаръ, сначала поощряли изысканія, обѣщавшія сдѣлаться столь плодотворными, но эта минута милостиваго сочувствія длилась недолго.

Эти первыя, грубыя, кремневыя орудія, въ которыхъ Буше де Пертъ видѣлъ топоры, представляли смутныя очертанія и притупленные углы; ихъ плоская форма сильно отличалась отъ извѣстныхъ въ то время полированныхъ топоровъ. Чтобъ распознать въ этой каменной массѣ слѣды человѣческихъ рукъ, надо было имѣть вѣру. „Я имѣлъ эту вѣру, говоритъ абевильскій археологъ;—но я одинъ.“ Онъ тогда рѣшился искать себѣ помощниковъ и подготовилъ цѣлый отрядъ рабочихъ для раскопокъ дилювіяльныхъ пластовъ, вскорѣ, благодаря своимъ неусыпнымъ трудамъ, онъ нашелъ въ четвертичныхъ слояхъ Абевиля около двадцати кремневыхъ орудій, очевидно, выдѣланныхъ рукою человѣка.

Въ 1842 г. Годвинъ Остенъ представилъ въ лондонское геологическое общество описаніе найденныхъ имъ различныхъ предметовъ въ пещерѣ Кентъ-Голь, рядомъ съ остатками животныхъ, которые должно быть тамъ находились съ допотопныхъ временъ.

Въ 1844 г. появились изслѣдованія Лунда о бразильскихъ пещерахъ. Онъ осмотрѣлъ около восьми сотъ подобныхъ пещеръ и въ одной изъ нихъ, не вдалекѣ отъ озера Семидуро, нашелъ кости, по крайней мѣрѣ, тридцати человѣческихъ индивидуумовъ въ такомъ же состояніи разложенія какъ и кости ископаемыхъ животныхъ, найденныхъ тамъ же. Эти животныя были обезьяны, хищныя, грызуны, толстокожія, тихоходы и др. Поэтому Лундъ заключилъ, что человѣкъ долженъ былъ быть современенъ съ ме-

гатеріемъ, милодономъ и другими животными четвертичной эпохи.

Однако, Денуае, библіотекарь музеума естественной исторіи въ Парижѣ, напечаталъ очень ученую статью *о Гротахъ и Пещерахъ во Всеобщемъ Словарѣ Естественной Исторіи*, въ 1845 г., и энергично возсталъ противъ ипотезы древности человѣка. Но открытія шли своимъ чередомъ и нынѣ самъ Денуае находится въ ряду партизановъ допотопнаго человѣка. Онъ даже пошелъ далѣе и принадлежитъ къ тому кружку ученыхъ, которые хотятъ отнести время появленія человѣческаго рода на землѣ къ третичной эпохѣ.

Въ 1847 г. Генри нашелъ въ Кентской пещерѣ въ Англіи подъ слоемъ сталактитовъ остатки допотопныхъ животныхъ, смѣшанные съ остатками человѣческихъ костей.

Тотъ же 1847 г. ознаменованъ былъ появленіемъ перваго тома Кельтическихъ и Допотопныхъ Древностай (Antiquité Celtique et Antidiluvienne) Буше де Перта, въ которомъ заключалось около семи сотъ рисунковъ различныхъ предметовъ, найденныхъ въ раскопкахъ, производимыхъ имъ съ 1836 г.

Почва Абевиля, въ которой Буше де Пертъ произвелъ всѣ свои открытія, принадлежитъ къ эпохѣ четвертичной.

Докторъ Риголо, который впродолженіи десяти лѣтъ былъ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ Буше де Перта, нашелъ, съ своей стороны, въ 1854 г. кремневыя орудія въ четвертичныхъ наносахъ Сентъ-Ашеля близъ Амьена; и съ тѣхъ поръ онъ перешелъ на сторону абевильскаго археолога.

Фауна наноса въ Амьенѣ одинаковая съ фауной Абевиля. Нижніе слои щебня, гдѣ найдены обточенныя кремневыя орудія, образованы прѣсной водою. Эти слои никогда не подвергались никакому измѣненію, и найденныя тамъ кремневыя орудія, выработанныя человѣческой рукой, по всей вѣроятности, находятся тамъ со времени формаціи этихъ слоевъ, т. е. съ эпохи нѣсколько позднѣйшей, чѣмъ делювіяльный періодъ.

Число выработанныхъ человѣкомъ кремневыхъ орудій, найденныхъ въ Абевилѣ, чрезвычайно велико. Въ Меншкурѣ найдено въ теченіе двадцати лѣтъ около ста отчетливо сдѣланныхъ топо-

ровъ; въ Сен-Жилѣ двадцать очень грубыхъ топоровъ и столько же хорошо исполненныхъ, въ Муленъ-Киньонѣ отъ ста пятидесяти до двухъ сотъ очень хорошо выточенныхъ.

Подобные же остатки первобытныхъ человѣческихъ издѣлій найдены также въ другихъ мѣстностяхъ: въ 1853 году ученымъ Нулэ въ долинѣ Инферна (въ департаментѣ верхней Гароны) и англійскими геологами Прествичемъ, Фолькенеромъ, Пенкелли и другими въ нижныхъ слояхъ Боманской пещеры, въ Гарцѣ.

Только что названнымъ англійскимъ геологамъ принадлежитъ честь перваго заявленія ученому міру о достоинствѣ трудовъ Буше де-Перта, который до тѣхъ поръ никакъ не могъ убѣдить французскихъ ученыхъ принять его идеи. Докторъ Фольконеръ, вицъ-президентъ лондонскаго геологическаго общества, отправился въ департаментъ Сомы, чтобы на мѣстѣ изучить пласты земли и найденные въ нихъ предметы. Послѣ него, въ 1859 году, Прествичь и Эванъ три раза ѣздили въ Абевиль. Всѣ они возвратились въ Англію съ твердымъ убѣжденіемъ о древности и дѣвственномъ состояніи изслѣдованныхъ слоевъ земли, а также о существованіи человѣка до потопа четвертичной эпохи.

Въ слѣдующемъ посѣщеніи Сент-Ашеля Прествичь, Фолькенеръ и Эвансъ въ сопровожденіи Фловера, Мильна и Годвина Остена, сами добыли изъ копи Сент-Ашеля человѣческія кости и кремневые топоры. Наконецъ Чарлзъ Лайель посѣтилъ эту мѣстность, и англійскій геологъ, до того времени возставшій противъ идеи о допотопномъ человѣкѣ, могъ теперь сказать: *veni, vidi, victus fui!* Дѣйствительно, въ засѣданіи британской асоціяціи въ Абердинѣ, 15 сентября 1855 года, Лайель открыто объявилъ себя партизаномъ существованія человѣка въ четвертичную эпоху; и это торжественное заявленіе президента лондонскаго геологическаго общества придало много вѣса новымъ идеямъ.

Около того же времени Геберъ, професоръ геологіи въ Сорбонѣ, присоединился къ новому ученію, а Альбертъ Годри, другой французскій геологъ, заявилъ академіи наукъ, что онъ также нашелъ въ парижскомъ наносѣ кремневые топоры и зубы ископаемыхъ лошадей и быковъ.

Въ томъ же году Госсе (сынъ) изслѣдовалъ щебень предмѣсть-

евъ Парижа—Гренеля, и Ламотъ-Пикэ на лѣвомъ берегу Сены и нашелъ кремневыя орудія вмѣстѣ съ костями мамонта, ископаемаго быка и пр.

Подобныя же открытія были сдѣланы въ Преси на Оазѣ и въ наносѣ Живри.

Маркизъ Вибре нашелъ въ пещерѣ Арси человѣческія кости, а именно остатокъ челюсти вмѣстѣ съ костями животныхъ исчезнувшихъ видовъ.

Въ 1859 г. Фонтанъ нашелъ въ гротѣ Масса (въ департаментѣ Арьежа) не только остатки человѣческихъ издѣлій, но и человѣческіе зубы, смѣшанные съ костями пещернаго медвѣдя (ursus spelaeus), ископаемой гіенны *(hyena spelaea)* и пещернаго тигра (felis spelaea).

Альфонсъ Мильнъ Эдвардсъ нашелъ въ 1861 г. въ гротѣ Лурдъ (въ дапартаментѣ Тарна) остатки человѣческихъ издѣлій вмѣстѣ съ костями ископаемыхъ животныхъ.

Долины Уазы и Сены представили также большое количество допотопныхъ остатковъ. Въ щебнѣ окрестностей Парижа, именно въ Гренелѣ, Левалуа-Пере и Нельи многіе натуралисты, между прочимъ Госсе, Мартенъ и Ребу, нашли значительное количество кремневыхъ орудій, вмѣстѣ съ костями слона и бегемота. Въ долинѣ Уазы въ Преси близъ Крейля также найдено нѣсколько кремневыхъ топориковъ Роберомъ и Пенье-Делакуромъ.

Наконецъ многіе изъ департаментовъ Франціи, особливо на сѣверѣ и въ центрѣ, подверглись успѣшнымъ изслѣдованіямъ. Мы можемъ указать на департаменты Па-де-Кале, Эны, Луары-и-Шеры, Ендры-и-Луары, Вьенны, Аллье, Іонны, Соны-и-Луары, Геро, Тарны-и-Гаронны и т. д.

Въ Англіи произведены столь же драгоцѣнныя открытія. Движеніе, начатое во Франціи Буше де-Пертомъ, распространилось въ Англіи съ замѣчательной быстротой. Повсюду стали дѣлать раскопки, приведшія къ блестящимъ результатамъ.

Въ щебнѣ окрестности Бедфорда найдены Вайатомъ кремневыя орудія, соотвѣтствующія главнымъ типамъ орудій Амьена и Абевиля рядомъ съ остатками мамонта, носорога, бегемота, быка, лошади и оленя. Подобныя же открытія сдѣланы были въ Суф-

фолькѣ, въ Кентѣ, въ Гертфордширѣ, въ Гампширѣ, въ Вильдширѣ и другихъ мѣстахъ.

Возвратясь изъ Абевиля, Эванъ посѣтилъ музей лондонскаго общества антикваріевъ и нашелъ нѣсколько образцевъ вполнѣ сходными съ предметами, находящимися въ коллекціи Буше де-Пертъ. Онъ полюбопытствовалъ узнать о ихъ происхожденіи и оказалось, что они были найдены въ щебнѣ Гоксна Фреромъ, который, добывъ ихъ вмѣстѣ съ костями исчезнувшихъ животныхъ, подарилъ ихъ музею и описалъ въ *Археологіи* 1800 года.

Какъ мы говорили въ началѣ нашего историческаго очерка, это каменное орудіе означено въ каталогѣ, какъ найденное вмѣстѣ съ зубомъ ископаемаго слона, первыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка. Оно черное, кремневое, имѣетъ форму острія пики.

Такимъ образомъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія имѣлось въ Англіи доказательство существованія человѣка въ одно время съ исчезнувшими толстокожими животными; но на это не обратили никакого вниманія.

Мы дошли теперь до самаго замѣчательнаго и характернаго изъ открытій подобнаго рода. Мы говоримъ объ изслѣдованіяхъ, произведенныхъ въ 1860 г. въ знаменитомъ мѣстѣ погребенія доисторическаго человѣка въ Ориньякѣ (департаментъ верх. Гаронны).

По ориньякской дорогѣ, въ полуторѣ километра отъ города, возвышается на двадцать метровъ надъ протекающимъ ручьемъ холмъ Фажоль. На сѣверномъ крутомъ скатѣ этого холма находится нѣчто въ родѣ пещеры, имѣющей въ глубину два метра, и полукруглое отверстіе, которое обращено на сѣверо-западъ. Этотъ маленькій гротъ расположенъ въ тринадцати метрахъ надъ ручьемъ. Извнѣ известковая почва опускается террасой, постепенно склоняющейся къ ручью.

Открытіе этой пещеры было совершенно случайно. Входъ въ нее былъ заваленъ слоемъ обломковъ известняка и землистыхъ веществъ, смываемыхъ дождемъ съ холма, и тутъ извѣстна была только нора кроликовъ. Въ 1842 г. одинъ землекопъ по имени Бонмезонъ вздумалъ однажды просунуть руку въ это отверстіе и къ своему удивленію вытащилъ большую кость. Желая изслѣдо-

вать эту тайну, онъ началъ копать въ этомъ мѣстѣ землю и черезъ нѣсколько часовъ натолкнулся на обломокъ скалы, закрывавшейся полукруглое отверстіе. Отодвинувъ эту преграду, онъ увидѣлъ передъ собою пещеру, наполненную человѣческими костями.

Извѣстіе объ этомъ открытіи немедленно распространилось повсюду. Любопытные стекались толпами и каждый старался по своему объяснить происхожденіе этихъ человѣческихъ остатковъ, крайняя хрупкость которыхъ свидѣтельствовала о ихъ чрезвычайной ветхости. Старики изъ мѣстныхъ жителей тотчасъ стали вспоминать, что лѣтъ за пятьдесятъ тому назадъ въ окрестностяхъ была извѣстна шайка фальшивыхъ монетчиковъ и на основаніи этого было положено, что найденная пещера по всей вѣроятности была ничто иное, какъ притонъ этихъ злодѣевъ, которые уничтожили слѣды своихъ преступленій, скрывая трупы ихъ жертвъ въ извѣстной однимъ имъ пещерѣ.

Мэръ Ориньяка, докторъ Аміель, приказалъ собрать всѣ найденныя кости и похоронить ихъ на приходскомъ кладбищѣ. Но прежде ихъ погребенія, онъ опредѣлилъ, что скелеты принадлежали семнадцати индивидуумамъ обоихъ половъ. Кромѣ этихъ скелетовъ было найдено въ пещерѣ нѣкоторое число маленькихъ кружковъ съ отверстіями внутри, сдѣланныхъ изъ раковинъ рода *cardium*. Подобные кружечки часто встрѣчаются въ древне-ассирійскихъ ожерельяхъ и другихъ украшеніяхъ, найденныхъ въ Ниневіи.

Восемнадцать лѣтъ послѣ этого событія Эдуардъ Ларте посѣтилъ Ориньякъ. Ему разсказали объ этомъ фактѣ, но съ тѣхъ поръ столько прошло времени, что никто, даже могильщики не могли указать точно того мѣста, гдѣ были погребены эти человѣческіе скелеты. Такимъ образомъ драгоцѣнные предметы были потеряны для науки.

Однако, Ларте рѣшился произвести раскопки въ самой пещерѣ и вскорѣ пріобрѣлъ цѣлую колекцію неожиданныхъ сокровищей. Почва пещеры была нетронута и покрыта слоемъ рыхлой земли, въ которомъ были разбросаны куски скалы. Внѣ пещеры Ларте нашелъ слой пепла и угля, который не проникалъ во внутрь.

Человѣкъ въ эпоху мамонта и пещернаго медвѣдя.

Надъ этимъ слоемъ находился другой слой рыхлой земли съ органическими и растительными въ ней остатками. Внутри грота въ землѣ были найдены кости медвѣдя, лисицы, оленя, зубра, лошади и пр., а вмѣстѣ съ ними были разбросаны и остатки первобытныхъ человѣческихъ издѣлій, какъ напримѣръ орудія изъ роговъ оленей и косулей тщательно заостренныхъ съ одного конца и граненныхъ съ другаго, проколатая рукоятка изъ рога сѣвернаго оленя, кремневыя орудія, представлявшія ножи, шилы и различныя другія орудія, наконецъ глазной зубъ медвѣдя, грубо выточенный наподобіе птичьей головы и пр. и пр.

Раскопки продолжались далѣе и въ нисшихъ слояхъ земли были найдены остатки медвѣдя, дикой кошки, пещерной гіены, оленя, косули, волка, мамонта, лошади, вола, носорога и пр. и пр. Это просто былъ Ноевъ ковчегъ. Всѣ кости были расколоты вдоль и нѣкоторыя обожжены; на многихъ же изъ нихъ виднѣлись царапины, произведенныя острымъ орудіемъ.

Послѣ долгихъ и терпѣливыхъ изысканій, Ларте заявилъ ученому міру, что Ориньякская пещера была кладбищемъ человѣка, современнагѣ мамонту, сибирскому носорогу и другимъ крупнымъ млекопитающимъ четвертичной эпохи.

Способъ расколки костей вдоль показываетъ, что они были надломлены для извлеченія изъ нихъ мозга; царапины же доказываютъ, что мясо было соскоблено острыми орудіями. Найденный пепелъ ясно указываетъ на существованіе древняго очага, на которомъ сожжена была часть костей. Должно предполагать, что человѣкъ исполнялъ въ этой пещерѣ извѣстные погребальные обряды. Вѣроятно тамъ складывали орудія и кости животныхъ въ честь умершихъ, чему мы видимъ многочисленные примѣры въ памятникахъ друидовъ и кельтовъ, а также въ гробницахъ древнихъ галловъ.

Таковы были великолѣпныя открытія и новые факты, которыми обогатилась наука, благодаря изысканіямъ Ларте въ Ориньякской пещерѣ. Послѣ его изслѣдованій не можетъ быть никакого сомнѣнія въ существованіи человѣка въ одно время съ крупными допотопными животными.

Въ 1862 г. извѣстный геологъ докторъ Феликсъ Гаригу, изъ

Тарасона, обнародовалъ результатъ своихъ изслѣдованій, предпринятыхъ имъ вмѣстѣ съ Рамесомъ и Фильолемъ въ пещерахъ Арьежа. Они нашли нижнія челюсти большаго медвѣдя съ ихъ острыми и выдающимися глазными зубами, служившія человѣку оборонительнымъ орудіемъ, подобно тому, какъ Самсонъ обращалъ въ бѣгство филистимлянъ ослиной челюстью.

„Особливо въ пещерахъ Ломбривъ, Лермъ, Буишета и Мазъ-Дазиль, говоритъ Гаригу, мы нашли челюсти большаго медвѣдя и большой пещерной кошки, признанныя за обдѣланныя руками человѣка не только нами, но многочисленными французскими и англійскими учеными, которые осмотрѣли эти челюсти и выпросили у насъ экземпляры для своихъ колекцій. Число этихъ челюстей достигаетъ нынѣ до ста. Вооруженныя грознымъ глазнымъ зубомъ и обдѣланныя такъ, что ихъ удобно было держать въ рукѣ, эти челюсти представляли смертоносное орудіе для допотопнаго человѣка... Такъ какъ животныя, которымъ принадлежали эти челюсти теперь уже исчезли, то очевидно, что для обращенія ихъ въ орудіе, пока онѣ были свѣжи, такъ какъ они были изгрыжены гіеною, человѣкъ долженъ былъ жить въ одну эпоху съ ними.“

Въ пещерѣ Брюникель (департаментъ Тарна и Гаронны) посѣщенной въ 1862 г. Фильолемъ, Гаригу и другимм учеными, найдены были: старинной очагъ съ углемъ и пепломъ, расколотыя и обожженныя кости различныхъ животныхъ исчезнувшихъ породъ, кремневыя орудія въ формѣ ножей, острія треугольныхъ и четыреугольныхъ стрѣлъ, различные предметы изъ оленьяго рога и костей, наконецъ все что обнаруживаетъ присутствіе первобытнаго человѣка. Близъ пещеры были найдены впослѣдствіи на шести метрахъ глубины подобныя же кости животныхъ и цѣлый рядъ старинныхъ очаговъ, полныхъ пепла и предметовъ допотопнаго человѣческаго издѣлія. Кости, зубы и кремневыя орудія находятся тамъ во множествѣ.

Въ началѣ 1863 г. Гаригу представилъ во французское геологическое общество найденные имъ предметы въ пещерахъ Лермъ и Буишета, а абатъ Буржуа прочелъ отчетъ о своихъ изслѣдо-

ваніяхъ надъ кремневыми орудіями найденными въ наносѣ Понлевуа.

Вотъ въ какомъ положеніи былъ вопросъ объ ископаемомъ человѣкѣ, когда въ апрѣлѣ 1863 г. ученый міръ былъ пораженъ вѣстью объ открытіи человѣческой челюсти въ наносной почвѣ Мулена Киньона близъ Абевиля. Припомнимъ обстоятельства этого замѣчательнаго открытія:

23 марта 1863 г. одинъ изъ рабочихъ, занимавшихся раскопкою песка въ Муленѣ-Киньонѣ, принесъ въ Абевиль Буше-де-Перту найденное имъ кремневое орудіе и небольшой остатокъ кости. Очистивъ эту кость отъ покрывавшей ее земляной породы, Буше-де-Пертъ призналъ ее за коренной зубъ человѣка. Онъ тотчасъ же отправился на мѣсто и убѣдился, что мѣстонахожденіе этихъ предметовъ былъ желѣзисто-глинистый слой, пропитанный окрашивающимъ веществомъ и казалось заключалъ въ себѣ органическіе остатки. Этотъ слой принадлежалъ къ *дѣвственному* пласту, какъ говорятъ геологи, т. е. къ такому пласту, въ который не проникла никакая посторонняя примѣсь.

28 марта другой землекопъ принесъ Буше-де-Перту новый человѣческій зубъ, говоря, что въ пескѣ торчало нѣчто похожее на кость. Буше-де-Пертъ тотчасъ отправился на мѣсто и въ присутствіи Дюпре—отца и сына и нѣкоторыхъ членовъ Абевильскаго общества соревнованія онъ самъ вытащилъ изъ земли полъ человѣческой нижней челюсти, покрытой землянистой породой. Въ нѣсколькихъ сантиметрахъ отъ этой кости былъ найденъ кремневой топоръ, покрытый той же черной массой какъ и челюсть. Слой, въ которомъ находились эти предметы, былъ на четыре съ половиной метра ниже поверхности земли.

При первомъ извѣстіи объ этомъ событіи множество геологовъ поспѣшило въ Абевиль и въ половинѣ августа абатъ Буржуа, Бради-Бютё, Корпентеръ, Фолконеръ и другіе попеременно являлись къ Буше-де-Перту для провѣрки того слоя, гдѣ была найдена человѣческая челюсть. Всѣ остались вполнѣ убѣжденными, что слой земли былъ дѣвственный и человѣческая челюсть дѣйствительно древняя.

Буше-де-Пертъ между тѣмъ нашелъ въ томъ же слоѣ наноса

два зуба мамонта и нѣсколько кремневыхъ топоровъ. Наконецъ онъ нашелъ въ костяхъ, вынутыхъ изъ Меншекурской копи, остатокъ другой человѣческой челюсти и шесть отдѣльныхъ зубовъ, которые Фалконеръ тотчасъ призналъ за человѣческіе.

Челюсть найденная въ Муленѣ-Киньонѣ чрезвычайно хорошо сохранилась. Скорѣе маленькая, чѣмъ большая, она по видимому принадлежала человѣку пожилому и небольшаго роста. Она не представляла того звѣрскаго вида, которымъ отличаются челюсти нѣкоторыхъ изъ современныхъ человѣческихъ расъ. Что же касается до того, что коренной зубъ немного наклоненъ, то это могло произойти случайно, ибо сосѣдній зубъ могъ выпасть при жизни человѣка и оставить за собою пустое пространство, которое дозволило наклониться оставшемуся зубу. Впрочемъ эта особенность встрѣчается во всѣхъ человѣческихъ черепахъ въ колекціи Парижскаго Музеума Естественной Исторіи.

Челюсть найденная въ Муленѣ Киньонѣ не представляетъ большаго различія съ челюстью современнаго человѣка. Къ тому же заключенію пришли Катрфажъ и Пруннеръ-Бей, бывшій докторъ египетскаго вицъ-короля и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ антропологовъ, сравнительно изслѣдуя челюсти найденныя Ларте и Вибре въ гротахъ Ориньяка и Арси.

20 апрѣля 1863 г. Катрфажъ заявилъ академіи объ открытіи Буше-де-Перта и представилъ ученому собранію любопытную челюсть присланную изъ Абевиля.

Въ Англіи вѣсть объ этомъ открытіи произвела значительное волненіе: англійскіе ученые, спеціально занимавшіеся этимъ предметомъ, Кристи Фальконеръ, Карпентеръ и Бускъ тотчасъ отправились во Францію и вмѣстѣ съ Буше-де-Пертомъ и нѣкоторыми изъ членовъ Парижской Академіи наукъ изслѣдовали слой земли, въ которомъ найдены были топоры и человѣческая челюсть; всѣ единогласно признали справедливость заключеній неутомимаго абевильскаго археолога.

Открытіе кремневыхъ топоровъ и человѣческой челюсти въ четвертичномъ пластѣ Мулена Киньона довершило цѣпь доказательствъ въ пользу теоріи, за которую уже стояло множество ученыхъ. Кромѣ своего собственнаго значенія это открытіе присоединялось

къ столькимъ другимъ и вселило окончательно въ умы убѣжденіе о древности человѣческаго рода. Съ этой минуты теорія о громадной древности человѣческаго рода сдѣлалась навсегда достояніемъ науки.

Окончивъ этотъ историческій очеркъ, мы зададимъ себѣ вопросъ: къ какой же именно опредѣленной геологической эпохѣ надо отнести первое появленіе человѣка на землѣ?

Пласты земли, предшествовавшіе нынѣшнему наносу и которые составляютъ твердую кору земнаго шара, раздѣляются какъ извѣстно на пять групъ, соотвѣтствующихъ такому же количеству періодовъ его физическаго переворота. Эти пласты по порядку времени слѣдующіе: *первичные*, *переходные*, *вторичные*, *третичные* и *четвертичные*. Каждая изъ этихъ эпохъ заключала въ себѣ громадное количество времени, ибо свойственное ей поколѣніе животныхъ и растеній радикально вымирало. Къ тому же можно себѣ составить идею о медленности, съ которой измѣнялись органическія созданія, смотря на современную фауну, которая не измѣнилась въ продолженіи тысячи лѣтъ ея существованія. Можно ли отнести появленіе человѣка на землѣ къ тѣмъ отдаленнѣйшимъ эпохамъ, которыя соотвѣтствуютъ первичнымъ почвамъ, переходнымъ и вторичнымъ?—очевидно нѣтъ. Можно ли отнести его къ эпохѣ третичныхъ почвъ? Нѣкоторые геологи полагаютъ, что слѣды присутствія человѣка замѣчаются въ третичныхъ почвахъ (въ міоценовомъ и пліоценовомъ пластахъ). Но мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Въ 1863 г. Денуае нашелъ въ верхнихъ слояхъ третичной почвы (въ пліоценѣ) въ Сен. Претѣ (департаментъ Эры)кости различныхъ исчезнувшихъ животныхъ, между прочимъ слона Elephas meridionalis, который не находится въ четвертичной фаунѣ. На большей части этихъ костей онъ нашелъ царапины, которыя по его мнѣнію произведены кремневыми орудіями. Это по словамъ Денуае вѣрный признакъ существованія человѣка въ третичную эпоху.

Противъ этого мнѣнія возсталъ Лайель, который доказалъ, что замѣченныя Денуае царапины результатъ не разумной человѣческой дѣятельности, но какого либо механическаго дѣйствія. Впрочемъ нельзя и основываться на такомъ маловажномъ обстоятель-

ствѣ, какъ царапины на костяхъ, для доказательства такого факта, какъ древность человѣка. Прибавимъ еще, что даже ученые спорятъ о томъ, принадлежатъ ли дѣйствительно третичной эпохѣ тѣ пласты, въ которыхъ найдены означенныя кости съ царапинами.

Напротивъ того, въ пластахъ соотвѣтствующихъ четвертичной эпохѣ, находятъ непреложныя, неподлежащія никакому сомнѣнію доказательства о существованіи человѣка. И такъ, слѣдуетъ отнести появленіе человѣческаго рода на землѣ четвертичной эпохѣ, предшествовавшей современному геологическому періоду.

Для точнаго изученія исторіи первыхъ временъ человѣчества должно раздѣлить этотъ громадный промежутокъ времени на нѣсколько періодовъ. Наука о первобытномъ человѣкѣ до того нова, что ученые писавшіе объ этомъ предметѣ едвали успѣли заняться раціональной класификаціей. Но мы все же примемъ класификацію, предложенную Эдуардомъ Ларте и примѣненную Сен-Жерменскимъ Музеемъ къ колекціи доисторическихъ древностей. Мы раздѣлимъ исторію первобытнаго человѣчества на два большіе періода:

1) Каменный вѣкъ.

2) Металическій вѣкъ.

Эти главные два періода въ свою очередь подраздѣляются на нѣсколько эпохъ.

Каменный вѣкъ заключаетъ въ себѣ три эпохи:

1) Эпоха исчезнувшихъ животныхъ (или эпоха пещернаго медвѣдя и мамонта).

2) Эпоха современныхъ перекочевавшихъ животныхъ (или эпоха оленей).

3) Эпоха прирученныхъ современныхъ животныхъ (или эпоха полированнаго камня).

Металлическій вѣкъ раздѣляется на двѣ эпохи:

1) Бронзовая эпоха.

2) Желѣзная эпоха.

Нижеслѣдующая таблица представитъ яснѣе читателямъ эту класификацію, которая имѣетъ то достоинство, что дозволяетъ точно

и ясно излагать чрезвычайно разнохарактерные факты, относящіеся до исторіи первобытнаго человѣка.

Каменный вѣкъ.	1) Эпоха исчезнувшихъ животныхъ или эпоха пещернаго медвѣдя и мамонта. 2) Эпоха современныхъ перекочевавшихъ животныхъ или эпоха оленя. 3) Эпоха современныхъ прирученныхъ животныхъ или эпоха полированнаго камня.
Металическій вѣкъ.	1) Бронзовая эпоха. 2) Желѣзная эпоха.

КАМЕННЫЙ ВѢКЪ

ЭПОХА ИСЧЕЗНУВШИХЪ ЖИВОТНЫХЪ
или
ЭПОХА ПЕЩЕРНАГО МЕДВѢДЯ И МАМОНТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первые люди.—Типы человѣка въ эпоху исчезнувшихъ животныхъ.—Происхожденіе человѣка.—Опроверженіе теоріи, производящей человѣческій родъ отъ обезьяны.

Человѣкъ жилъ на землѣ въ то время, когда еще существовали послѣдніе представители древнихъ животныхъ породъ: мамонтъ, пещерный медвѣдь, пещерная гіена, сибирскій носорогъ и пр. Съ этого перваго періода исторіи первобытнаго человѣка мы начнемъ наши изслѣдованія.

Мы не знаемъ ничего положительнаго о человѣкѣ въ первое время его появленія на землѣ. Какъ появился онъ? Гдѣ можно указать первые его шаги? Родился ли онъ въ Европѣ или прибылъ онъ только въ нашу часть свѣта изъ громадныхъ равнинъ центральной Азіи, гдѣ онъ увидѣлъ свѣтъ?

Это послѣднее мнѣніе общепринятое. Мы увидимъ, говоря о человѣческихъ расахъ въ книгѣ, которая послѣдуетъ за этой, что большинство естествоиспытателей признаетъ нынѣ одинъ центръ созданій человѣческаго рода. Человѣкъ, безъ сомнѣнія, родился на равнинахъ средней Азіи и оттуда распространился во всѣ обитаемыя части земнаго шара. Дѣйствія климата и среды, которую онъ обиталъ, опредѣлила вслѣдъ за этимъ образованіе различныхъ существующихъ нынѣ расъ: бѣлой, черной, желтой и красной съ ихъ безконечными подраздѣленіями.

Но есть другой вопросъ, на который слѣдуетъ тотчасъ отвѣтить, ибо онъ постоянно волнуетъ людей, относящихся къ нему съ тѣмъ жаромъ, который объясняется глубокимъ интересомъ для насъ этой распри. Созданъ ли человѣкъ Богомъ отдѣльно и типъ человѣка не зависитъ отъ типа животныхъ, существовавшихъ

до него? Или, напротивъ, слѣдуетъ ли признать, что человѣкъ происходилъ путемъ нечувствительныхъ превращеній и постепенныхъ усовершенствованій отъ другой животной породы и особливо отъ обезьяны?

Это послѣднее мнѣніе поддерживалъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія знаменитый французскій натуралистъ Ламаркъ, очень ясно формулировавшій свою теорію въ *Зоологической Философіи*. Эта же теорія въ наше время возстановлена и развита, благодаря видимому обилію фактовъ, приводимыхъ въ подтвержденіе ея нѣкоторыми учеными, какъ напримѣръ Карломъ Фохтомъ въ Швейцаріи и Гукслеемъ въ Англіи.

Мы положительно отвергаемъ подобную теорію. Для доказательства, что человѣкъ ничто иное, какъ усовершенствованная обезьяна, орангутангъ или горилла, повышенный въ чинѣ—довольствуются указаніемъ на анатомическія соображенія. Черепъ обезьяны сравниваютъ съ черепомъ первобытнаго человѣка, и находя аналогическія черты болѣе или менѣе явныя между той и другой костяной коробкой выводятъ заключеніе о постепенномъ переходѣ типа обезьяны въ типъ человѣка.

Эти аналогическія черты, скажемъ прежде всего, чрезвычайно преувеличены и исчезаютъ при основательномъ изученіи предмета. Взгляните на черепа, найденные въ гробницахъ каменнаго вѣка, напримѣръ, на черепъ Бореби, на человѣческую челюсть Мулена Киньона, на черепъ Мейлена и пр. и вы удивитесь, какъ мало они различествуютъ отъ череповъ современнаго человѣка. Слушая партизановъ теоріи Ламарка, можно было бы предположить, что у первобытнаго человѣка челюсть была выдающаяся, какъ у обезьяны, или по крайней мѣрѣ какъ у негра. Поэтому съ удивленіемъ убѣждаешься, что напротивъ черепъ человѣка въ каменный вѣкъ почти совершенно сходенъ по наружному виду съ черепомъ современнаго человѣка кавказской расы. Надо быть спеціалистомъ, чтобы отличить одну изъ этихъ костяныхъ коробокъ отъ другой.

Если сравнить, какъ мы здѣсь дѣлаемъ, черепъ человѣка въ каменную эпоху съ черепами главнѣйшихъ обезьянъ большаго роста, то различіе ихъ прямо бросается въ глаза. Не нужно

другихъ элементовъ сравненія, чтобъ опровергнуть теорію о низкомъ происхожденіи человѣка.

Рисунокъ 1-й представляетъ черепъ человѣка въ каменный періодъ, найденный въ Даніи и извѣстный подъ названіемъ *черепа Борреби;* рис. 2-й представляетъ черепъ гориллы; рис. 3-й — орангутанга; рис. 4-й — обезьяны павіана; рис. 5-й — обезьяны макаки. Сопоставьте изображеніе черепа человѣка въ каменную эпоху, найденный въ Даніи, съ масками животныхъ и выведите вы, сами читатели, то заключеніе, которое подскажетъ вамъ вашъ разумъ, не заботясь о мнѣніи нѣкоторыхъ анатомовъ, пропитанныхъ противуположными идеями.

Потерпѣвъ пораженіе по вопросу о черепѣ, сторонники теоріи превращенія выставляютъ впередъ кости. Съ этою цѣлью они указываютъ намъ на аналогическія распредѣленія костей въ скелетахъ обезьяны и первобытнаго человѣка. Такъ, напримѣръ, продольная выпуклость на бедренной кости такъ же значительна у первобытнаго человѣка, какъ и обезьяны. Тоже самое можно сказать о меньшой берцовой кости, которая очень развита у первобытнаго человѣка и у обезьяны, а довольно незначительна у современнаго человѣка.

Зная, какъ образъ жизни измѣняетъ формы скелета у человѣка и животныхъ, нельзя удивляться тому, что нѣкоторые органы развиваются болѣе у тѣхъ индивидуумовъ, которые ихъ много употребляютъ, чѣмъ тѣ, у которыхъ они остаются сравнительно въ покоѣ. Если человѣкъ, въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, имѣлъ болѣе развитую ногу и бедро обширнѣе, чѣмъ современный человѣкъ въ большей части существующихъ расъ, то это объясняется жизнью дикаря, которую онъ велъ среди дикихъ звѣрей и которая побуждала его къ сильнымъ упражненіямъ, развивавшимъ эту часть его тѣла. Такимъ образомъ, люди, которые много ходятъ, имѣютъ икры толстыя и ведущіе сидячую жизнь — ногу сухую. Изъ этого ясно, что различіе въ формѣ нѣкоторыхъ частей скелета зависитъ лишь отъ различія въ образѣ жизни.

Къ тому же зачѣмъ обращать вниманіе только на скелетъ при указаніи аналогіи между человѣкомъ и животными? Еслибъ подвергли сравненію и другіе органы, то непремѣнно пришли бы къ

заключенію, которое доказало бы, какъ нераціональны подобныя сравненія. Дѣйствительно, если человѣкъ по своему скелету сходенъ съ обезьяной, то у него анатомическое строеніе одинаково съ другими животными. Напримѣръ, система пищеваренія не та ли же самая, какъ и у плотоядныхъ животныхъ. Нашъ желудокъ, кишки, почки, легкія, сердце не отличаются ни въ чемъ отъ тѣхъ же частей тѣла тигра и льва. Но скажете ли вы на основаніи этого, что человѣкъ происходитъ отъ тигра, что человѣкъ усовершенствованный левъ, очеловѣчившаяся кошка? Однако, вы должны придти къ этому заключенію, если вы не ограничитесь разсмотрѣніемъ одного скелета, этой единственной части человѣческаго индивидуума, къ которой вы, неизвѣстно по какой причинѣ, приковали себя.

Но говоря по правдѣ, всѣ эти анатомическія соображенія чрезвычайно слабы. Неужели въ человѣкѣ нѣтъ ничего, кромѣ костей? Неужели скелетъ и внутренности резюмируютъ всего человѣка? Какое же значеніе придаете вы, слѣпые риторы, разуму, выражающемуся въ словѣ? Разумъ и слово, вотъ что составляетъ человѣка, вотъ что дѣлаетъ его самымъ совершеннымъ созданіемъ на землѣ. Покажите мнѣ говорящую обезьяну, и я соглашусь, что человѣкъ ничто иное, какъ усовершенствованная обезьяна. Покажите мнѣ обезьяну, выдѣлывающую изъ кремня топоры и стрѣлы, высѣкающую огонь, готовящую себѣ пищу, однимъ словомъ, дѣйствующую какъ разумное существо, и я признаю себя орангутангомъ въ новомъ исправленномъ изданіи.

Мы однако не хотимъ говорить поверхностно о такомъ спорномъ вопросѣ, какъ анатомическое сходство человѣка съ обезьяной; напротивъ, мы подвергнемъ этотъ вопросъ основательному разсмотрѣнію и приведемъ мнѣніе ученаго, служащаго авторитетомъ въ подобныхъ предметахъ, мнѣніе Катрфажа, профессора антропологіи въ парижскомъ Музеумѣ Естественной Исторіи.

Катрфажъ въ своемъ „Отчетѣ о развитіи антропологіи“, изданномъ въ 1868 г., подробно разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи человѣка отъ обезьяны. Онъ ссылается на множество работъ послѣдняго времени, касающихся этого вопроса и въ окон-

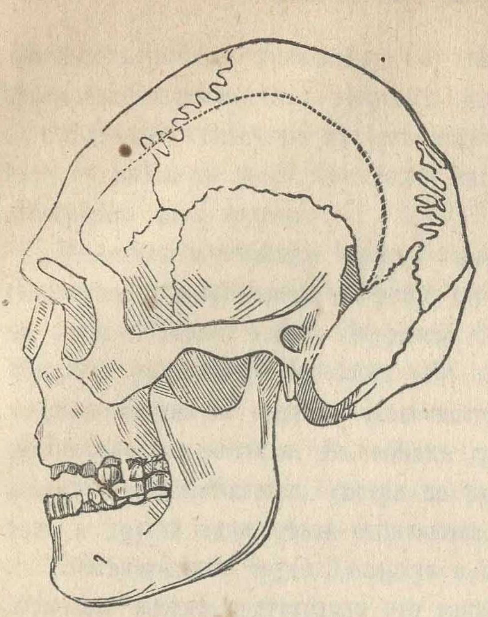

Рис. 1. Черепъ человѣка въ каменный періодъ.

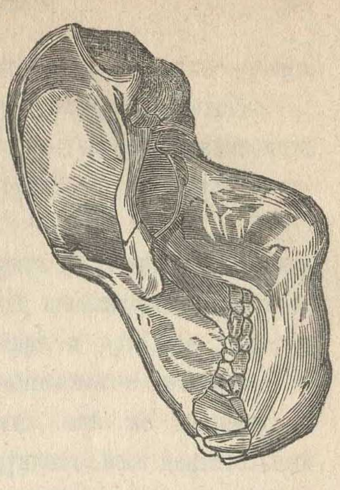

Рис. 3. Черепъ орангутанга.

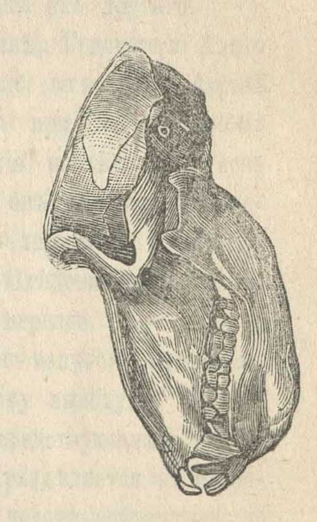

Рис. 4. Черепъ павіана.

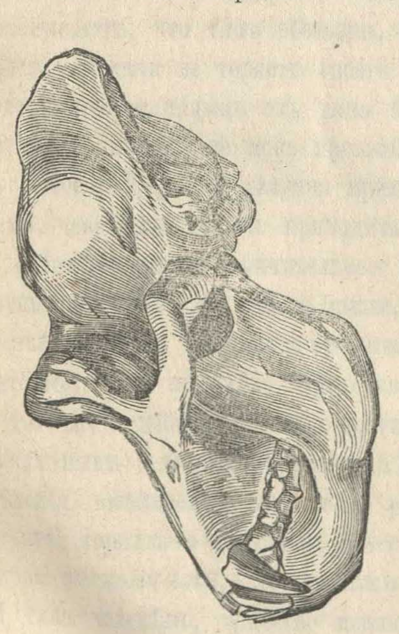

Рис. 2. Черепъ гориллы.

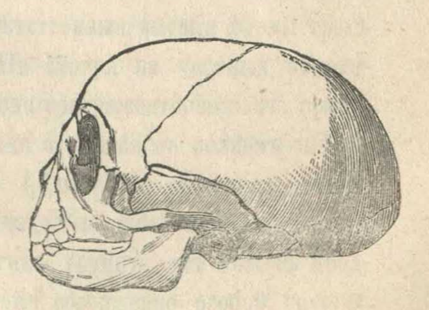

Рис. 5. Черепъ макаки.

чательномъ выводѣ признаетъ, съ анатомической точки зрѣнія, совершенно невозможнымъ допустить эту странную генеологію.

Слѣдующее извлеченіе изъ его труда достаточно познакомитъ насъ съ мнѣніемъ этого извѣстнаго антрополога относительно занимающаго насъ вопроса:

„Человѣкъ и обезьяны вообще, говоритъ г. Катрфажъ, представляютъ, при сравненіи ихъ между собой, поразительное различіе, на которое Викъ-д'Азиръ, Лауренсъ, Серръ и др. уже давно и подробно указывали. Человѣкъ есть *животное ходящее* и ходящее именно на заднихъ оконечностяхъ, всѣ же обезьяны — *животныя лазящія.* Въ обѣихъ группахъ весь двигательный апаратъ видоизмѣняется, смотря по различію его назначеній, и тотъ и другой типы рѣзко отличаются одинъ отъ другаго.

„Замѣчательные труды Дювернуа о гориллѣ, Грасіоле и Али о шимпанзе вполнѣ подтвердили это заключеніе, во всякомъ случаѣ важное, но пріобрѣтающее особое значеніе при *логическомъ* пользованіи теоріей Дарвина. Эти новѣйшія изслѣдованія ясно доказываютъ, что типъ обезьяны, какъ бы онъ ни совершенствовался, все-таки не теряетъ своего основнаго характера и остается совершенно отличнымъ отъ типа человѣка. Слѣдовательно, этотъ послѣдній никакъ не могъ произойдти отъ перваго.

„Ученіе Дарвина, разумно примѣняемое къ вопросу о происхожденіи человѣка, должно приводить къ такому выводу:

„Намъ извѣстно значительное число посредствующихъ формъ группы обезьянъ. Мы знаемъ также, что она раздѣляется на второстепенные виды, одинаково примыкающіе къ человѣкообразнымъ, но которые, тѣмъ не менѣе, представляютъ собой не членовъ одного и того же семейства, а только соотвѣтственныя высшія формы трехъ различныхъ семействъ (Грасіоле). Не смотря на частныя видоизмѣненія, вызываемыя извѣстнаго рода совершенствованіемъ, орангутангъ, горилла и шимпанзе все-таки остаются въ полномъ смыслѣ слова *обезьянами, лазящими* (Дювернуа, Грасіоле, Али). И такъ человѣкъ, существо исключительно *ходящее*, не можетъ быть отнесенъ ни къ одной изъ этихъ группъ, онъ можетъ представлять собою только высшую форму совершенно особой группы, остальные члены которой или исчезли или до сихъ поръ усколь-

зали отъ нашего наблюденія. Человѣкъ и антропоморфныя обезьяны суть конечныя формы двухъ различныхъ видовъ, которые должны были разъединиться не позже появленія самой низшей формы типа обезьяны.

„Такъ долженъ смотрѣть на дѣло истинный дарвинистъ, если онъ даже будетъ имѣть въ виду только *наружные морфологическіе признаки* и *признаки анатомическіе*, изъ которыхъ первые отражаются всегда у взрослаго животнаго

„Можно сказать, пожалуй, что дойдя до степени развитія антропоморфныхъ, организмъ человѣка получилъ какой нибудь особый толчекъ и пошелъ по другому пути организаціи. Но это бы значило создавать еще новую ипотезу, въ подтвержденіе которой нельзя даже сослаться на постепенность развитія, представляемаго всей группой четырерукихъ, что часто дѣлаютъ, чтобы какъ нибудь вывести опровергаемое нами заключеніе; въ данномъ случаѣ это значило бы выйдти совершенно изъ предѣловъ теоріи Дарвина, которая служитъ мнимой поддержкой всѣхъ подобныхъ усилій.

„Оставаясь въ области чисто морфологическихъ понятій, можно еще указать, какъ это сдѣлалъ Прунеръ-Бей, на наиболѣе выдающіеся характеристическіе признаки человѣка и человѣкообразныхъ. Тогда мы убѣдимся въ общемъ фактѣ, что существуетъ *„обратный порядокъ“* конечной стадіи развитія въ органахъ чувствъ и растительныхъ отправленій въ системахъ передвиженія и воспроизвожденія“ (Прунеръ Бей).

„И даже болѣе: этотъ обратный порядокъ точно также выражается въ явленіяхъ развитія индивидуальнаго.

„Прунеръ-Бей доказалъ это для нѣкоторыхъ изъ коренныхъ зубовъ. Велькеръ, въ своихъ интересныхъ изслѣдованіяхъ Вирховскаго угла основной кости, пришелъ къ тому же результату. Онъ доказалъ, что видоизмѣненія основанія черепа, части скелета, имѣющей наиболѣе тѣсное отношеніе къ мозгу, происходятъ у человѣка и обезьяны въ обратномъ порядкѣ. Этотъ уголъ у человѣка отъ самаго рожденія его все болѣе и болѣе уменьшается, тогда какъ у обезьяны онъ расширяется, становясь наконецъ почти незамѣтнымъ.

„Но еще важнѣе то, что этотъ обратный ходъ развитія обнару-

живается также и относительно мозга. Этотъ фактъ, указанный Грасіоле, къ которому онъ возвращался въ нѣсколькихъ случаяхъ, и который не былъ объясненъ иначе ни въ одномъ антропологическомъ обществѣ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ, говоритъ самъ за себя.

„У человѣка и у взрослыхъ человѣкообразныхъ въ способѣ расположенія мозговыхъ извилинъ существуетъ нѣкоторое сходство, которое легко замѣчается и на которое многіе часто указывали. Но это видимое сходство есть ничто иное, какъ результатъ обратнаго хода развитія. „У обезьяны вилочно-основныя извилины, образующія срединную лопасть, появляются и заканчиваются прежде переднихъ, составляющихъ лобную долю. Напротивъ того, у человѣка лобныя извилины являются первыми, а извилины срединной лопасти послѣдними.“

„Ясно, что изъ двухъ существъ, слѣдующихъ въ своемъ развитіи совершенно обратному порядку, высшее никакъ не можетъ развиться изъ низшаго.

„Эмбріологія, съ своей стороны, также подтверждаетъ доказательства анатоміи и морфологіи, на сколько ошибались тѣ, которые полагали въ теоріи Дарвина найдти поддержку для ученія, производящаго человѣка отъ обезьяны.

„Въ виду этихъ фактовъ весьма легко объясняется, что антропологи, которые въ другихъ вопросахъ такъ часто расходятся, въ этомъ случаѣ всѣ приходятъ къ одному и тому же мнѣнію, именно, что нѣтъ никакого основанія считать мозгъ обезьяны человѣческимъ мозгомъ, подвергшимся остановкѣ въ своемъ развитіи, или мозгъ человѣка — развившимся мозгомъ обезьяны (Грасіоле); что изученіе ихъ организмовъ, въ особенности конечностей, указываетъ, рядомъ съ общимъ планомъ строенія, такія особенности формы и расположенія, которыя ясно свидѣтельствуютъ о совершенно различныхъ и спеціальныхъ приспособленіяхъ, несовмѣстныхъ съ идеей прямаго происхожденія одного отъ другаго (Грасіоле, Али); что обезьяны, достигая большаго совершенства въ организаціи, все-таки не приближаются къ человѣку, и наоборотъ, человѣческій типъ, идя назадъ въ своемъ развитіи, не подходитъ къ типу обезьянъ (Беръ), и что вообще нельзя признать возмож-

нымъ переходъ одного типа въ другой, не извращая законовъ развитія (Прунеръ Бей) и т. д.

„Что же возражаютъ защитники происхожденія человѣка отъ обезьяны на всѣ эти данныя науки, составляющія только обобщеніе множества другихъ фактовъ, болѣе мелкихъ?

„Сколько мы ни искали, мы встрѣчали вездѣ одни и тѣ же орудія опроверженія: преувеличеніе морфологическаго сходства, котораго никто не отрицаетъ, заключенія, выведенныя изъ нѣсколькихъ совершенно исключительныхъ фактовъ, которымъ придаютъ общее значеніе, или нѣсколько случайныхъ совпаденій, въ которыхъ видятъ причинную связь, и наконецъ обращенія къ *возможности*, откуда выводятся вполнѣ утвердительныя положенія.

„Укажемъ нѣсколько примѣровъ такого рода сужденій:

1) Кости руки человѣка и обезьяны, въ особенности нѣкоторыхъ изъ человѣкообразныхъ, представляютъ очевидныя аналогіи. Нельзя ли заключить отсюда, что это малозамѣтное различіе можетъ перейдти въ совершенное тожество?

„Нѣтъ, отвѣчаютъ Грасіоле и Али, потому что расположеніе мускуловъ большаго пальца обнаруживаетъ весьма значительное различіе и ясно указываетъ на совершенно иныя примѣненія этихъ органовъ.

2) Только у человѣка и человѣкообразныхъ соглашеніе плечевыхъ костей допускаетъ возможность кругообразнаго движенія руки. Нѣтъ ли здѣсь основнаго сходства организаціи?

„Опять нѣтъ, отвѣчаютъ тѣ же анатомы; уже при изслѣдованіи костей видно, что движенія не могутъ быть совершенно одинаковыми, но это въ особенности обнаруживается при изслѣдованіи мускуловъ, ясно указывающихъ на различіе приспособленій.

„И эти отвѣты вполнѣ научны: говоря о движеніи, нельзя упускать изъ виду мускулы, играющіе дѣятельную роль въ движеніи, во всякомъ случаѣ не менѣе важную, нежели кости, служащія только средствомъ прикрѣпленія и имѣющія значеніе совершенно пасивное.

3) Черепной сводъ у нѣкоторыхъ человѣческихъ породъ не представляетъ въ поперечныхъ разрѣзахъ однообразной кривизны, а спускается нѣсколько по направленію къ вершинамъ обоихъ бо-

ковъ и приподнимается на срединной линіи (ново-каледонійцы, австралійцы и др.). Не есть ли это переходъ къ костистому гребню, встрѣчаемому на черепѣ нѣкоторыхъ антропоморфныхъ?

„Нѣтъ, скажемъ мы, гребень обезьянъ, о которомъ идетъ рѣчь, безъ труда отдѣляется отъ черепа и цѣлаго съ нимъ не составляетъ.

4) Не знаменательно ли то, что орангутангъ короткоголовъ, подобно малайцу, обитающему въ одной странѣ съ нимъ, а горилла, шимпанзе и негръ всѣ длинноголовы? Нельзя ли, основываясь на этомъ, считать перваго прародителемъ малайскихъ племенъ, а послѣднихъ предками африканскихъ народовъ?

„Еслибъ эти факты и были справедливы, такого рода заключеніе было бы совершенно произвольно и бездоказательно, но на самомъ дѣлѣ не существуетъ даже и указываемаго совпаденія. Во первыхъ орангутангъ, родиной котораго считается Борнео, живетъ тамъ вблизи даяковъ, а никакъ не малайцевъ, а даяки скорѣе могутъ назваться длинноголовыми, нежели короткоголовыми. Во вторыхъ длинноголовый характеръ черепа гориллы далеко не можетъ считаться доказаннымъ, такъ какъ изъ трехъ измѣренныхъ череповъ самокъ этой породы *два* имѣли признаки короткоголовости (Прунеръ Бей).

5) Мозгъ малоголовыхъ представляетъ смѣшеніе признаковъ типа человѣка и обезьяны и служитъ посредствующей формой, бывшей нормальной въ какую нибудь изъ предшествовавшихъ намъ эпохъ, но въ настоящее время возможной только, благодаря остановкѣ въ развитіи и закону атавизма.

„Изысканія Грасіоле надъ мозгомъ обезьяны, нормальнаго человѣка и малоголоваго привели къ тому заключенію, что это указываемое сходство совершенно мнимое и могло быть выставлено только вслѣдствіе недостаточно внимательнаго наблюденія. У малоголоваго строеніе мозга менѣе сложно, но первоначальный планъ этого строенія остается безъ измѣненія и не встрѣчается ни у одной обезьяны. На этомъ основаніи Грасіоле имѣлъ право сказать, и никто не могъ возразить ему: „Человѣческій мозгъ тѣмъ болѣе отличается отъ мозга обезьяны, чѣмъ менѣе онъ развитъ; остановка въ развитіи заставляетъ еще болѣе выступать естествен-

ное различіе, существующее между этими мозгами... Мозгъ малоголоваго, хотя бы и меньшій по объему и съ меньшимъ числомъ извилинъ въ сравненіи съ мозгомъ обезьяны, никогда не имѣетъ сходства съ этимъ послѣднимъ... Малоголовый, какъ бы мало развитъ онъ ни былъ, не есть животное; онъ все-таки человѣкъ, хотя и недоразвившійся.“

„Законы мозговаго развитія обоихъ типовъ, которые мы приводили выше, вполнѣ оправдываютъ и подтверждаютъ эти положенія: факты, на основаніи которыхъ они выведены, безвозвратно уничтожаютъ всякія попытки къ сближенію между недоразвившимся мозгомъ человѣка и мозгомъ обезьяны, какой бы степени развитія онъ ни достигалъ.

6) Раскопки, произведенныя въ нетронутыхъ древнихъ почвахъ, дали возможность отыскать черепа давно отжившихъ расъ, и эти черепа по своему характеру, по видимому, приближаются къ черепу обезьянъ. Не можетъ ли служить этотъ животный характеръ, такъ ясно выступающій въ черепѣ изъ Неандерталя, переходомъ отъ одного типа къ другому и доказательствомъ ихъ непосредственнаго родства?

Этотъ аргументъ еще имѣетъ, пожалуй, нѣкоторый вѣсъ въ сравненіи съ предыдущими, его и эксплуатировали очень часто, но читатель сейчасъ увидитъ самъ его значеніе. Начнемъ съ того, что и самъ Ляйель не рѣшился высказаться положительно относительно древности остатковъ, открытыхъ докторомъ Фульротомъ, и допускаетъ для нихъ возможность современности съ энгисскимъ черепомъ, который ясно воспроизводитъ кавказскій типъ.

„Но если мы и отнесемъ черепъ изъ Неандерталя къ самой глубокой древности, какое же значеніе получитъ для насъ этотъ черепъ? Можно ли будетъ его считать посредствующимъ звеномъ между головой человѣка и головой обезьяны? Неужели мы не найдемъ ничего подобнаго у породъ сравнительно новѣйшихъ?

„Много было писано объ этихъ вопросахъ и теперь уже ихъ можно считать до нѣкоторой степени выясненными. Безспорно этотъ черепъ весьма замѣчателенъ и по громадности надбровныхъ дугъ, и по длинѣ и узкости черепной коробки, и по малой высотѣ свода и пр. Но всѣ эти признаки гораздо менѣе исключительны,

нежели это показалось съ перваго взгляда, за недостаткомъ единицы сравненія; при ближайшемъ изслѣдованіи онъ оказывается далеко не подходящимъ къ тому типу, который хотѣли въ немъ видѣть, и имѣетъ всѣ характеристическіе признаки человѣческаго черепа. Г. Боскъ, въ Англіи, указалъ на подобія выступовъ надбровныхъ дугъ и приплющенія верхней части головы, существующія между нѣкоторыми датскими черепами изъ Борреби и черепомъ неандертальскимъ. Барнардъ Дависъ указалъ на еще большее сходство между этимъ *ископаемымъ* черепомъ и однимъ изъ череповъ своей колекціи. Грасіоле доставилъ въ музей черепъ идіота, современннаго намъ, почти въ точности, хотя въ меньшемъ видѣ, воспроизводящій черепъ, о которомъ мы говорили, и т. п.

„Изъ всего этого мы вправѣ заключить, что неандертальскій черепъ, не смотря на свои любопытныя особенности, тѣмъ не менѣе принадлежитъ существу, которое, судя по прочимъ его костямъ, ничѣмъ не отдаляется отъ общаго типа современныхъ германскихъ расъ и ни въ какомъ случаѣ не подходитъ къ обезьянамъ.

„Иначе нужно будетъ предположить, что въ этомъ переходномъ существѣ все тѣло приняло человѣческій характеръ, а голова удержала типъ головы обезьяны, что̀, даже въ смыслѣ оспариваемой нами теоріи, было бы совершенно произвольной и безплодной ипотезой.

„Вообще, не смотря на шумное различіе мнѣній по поводу этихъ интересныхъ остатковъ, мы съ своей стороны, видимъ въ нихъ только индивидуальную особенность, правда, вполнѣ исключительную, но все-таки несомнѣнно указывающую на принадлежность этого черепа къ человѣческой породѣ и, даже болѣе, къ одной изъ вѣтвей арійскаго корня, къ кельтской расѣ. Изслѣдованія г. Прунеръ-Бея поставили это послѣднее заключеніе внѣ всякаго сомнѣнія. Эти вполнѣ убѣдительныя доказательства основаны на очевидномъ сходствѣ, представляемомъ кельтскимъ черепомъ, найденнымъ въ одномъ изъ кургановъ близъ Пуату, и черепомъ, который, благодаря доктору Шафгаузену, получилъ такую извѣстность. И это сходство не только наружное. Внутренній слѣпокъ одного изъ нихъ совершенно приходится къ внутренности другаго. Слѣдовательно, не только черепа̀, но и мозги были сходственны

между собой. Это намъ кажется доказательствомъ совершенно достаточнымъ, и мы можемъ, не колеблясь, признать вмѣстѣ съ ученымъ авторомъ указываемаго нами труда, что *черепъ изъ Неандерталя есть черепъ кельта.*

„Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что ни наблюденіе, ни опытъ не раскрываютъ намъ источниковъ происхожденія человѣка. Строгая наука должна до времени оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ. Сознаваясь въ своемъ невѣжествѣ, мы гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ тогда, когда стараемся скрыть его отъ себя и отъ другихъ.

„Что касается до теоріи происхожденія человѣка отъ обезьяны, ее нужно считать чистѣйшей ипотезой или, лучше сказать, остроумнымъ предположеніемъ, въ защиту котораго не былъ приведенъ до сихъ поръ ни одинъ заслуживающій вниманія фактъ и котораго, напротивъ, полнѣйшую несостоятельность доказываютъ всѣ существующіе факты.“

Мы, съ своей стороны, прибавимъ, относясь къ вопросу съ самой общей точки зрѣнія, что истинная наука громко возвѣщаетъ намъ, что видъ не измѣняется, что ни одинъ животный видъ не происходитъ отъ другаго, что виды могутъ преобразовываться, но всѣ они свидѣтельствуютъ о независимости происхожденія. Это положеніе, подробно развитое г. Катрфажемъ во многихъ его сочиненіяхъ, является сужденіемъ вполнѣ опредѣленнымъ и научнымъ, рѣшающимъ вопросъ для всякаго непредубѣжденнаго ума.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Человѣкъ въ дикомъ состояніи въ четвертичную эпоху. — Ледниковый періодъ и его опустошительное дѣйствіе на первобытныя населенія земли. — Человѣкъ въ борьбѣ со звѣрями четвертичной эпохи. — Открытіе огня. — Оружіе первыхъ людей. — Различные виды кремневыхъ топоровъ. — Производство первыхъ глиняныхъ сосудовъ. — Предметы роскоши въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта.

Послѣ подробнаго разсмотрѣнія и опроверженія теоріи, приписывающей человѣку такое низкое происхожденіе, взглянемъ на человѣка въ ту минуту, когда онъ, слабый и безпомощный, былъ брошенъ на землю среди природы дикой и безмилосердной.

Какъ ни больно это нашей гордости, но мы все же должны сознаться, что человѣкъ въ первыя времена его существованія немногимъ отличался отъ животнаго. Онъ весь былъ поглощенъ удовлетвореніемъ своихъ естественныхъ потребностей. Всѣ его мысли и заботы сосредоточивались на одномъ—на обезпеченіи его ежедневнаго существованія.

Сначала онъ могъ питаться только плодами и кореньями, ибо онъ еще не изобрѣлъ никакого оружія для убіенія дикихъ звѣрей. Если ему и случалось какъ нибудь умертвить мелкаго животнаго, то онъ пожиралъ его свѣжаго, съ дымившейся еще кровью, а шкурой его покрывалъ свое обнаженное тѣло для огражденія себя отъ непогоды. Камень служилъ ему изголовьемъ, кровлей—тѣнистыя деревья или темныя пещеры, гдѣ онъ скрывался отъ дикихъ звѣрей.

Сколько вѣковъ продолжалось это жалкое существованіе? Никто не можетъ сказать. Человѣкъ—существо совершенствующееся. Безграничный прогрессъ—законъ его существованія. Это верховное на-

значеніе, дающее ему преемство надъ всѣми его окружающими существами. Но какъ ни рѣшительны вѣрно были его первые шаги, сколько усилій должны были ему стоить первое твореніе его ума, первое произведеніе его рукъ, грубая попытка, въ которой мы, вѣроятно, нынѣ не узнали бы труда разумнаго созданія!

Въ началѣ четвертичной эпохи великое, естественное событіе совершилось въ Европѣ. Подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, которыхъ еще до сихъ поръ не могутъ вполнѣ объяснить, большая часть Европы покрылась льдами. Съ одной стороны льды шли съ полюсовъ и достигали самыхъ южныхъ широтъ, съ другой стороны они низвергались съ вершинъ горъ и наполняли равнины. Всѣ низменности были залиты моремъ и только нѣкоторыя возвышенныя точки служили убѣжищемъ человѣку и животнымъ, спасавшимся бѣгствомъ отъ смертельной стужи.

Таковъ былъ *ледниковый періодъ*, который уничтожилъ много поколѣній животныхъ и долженъ былъ бы уничтожить человѣка, столь плохо защищеннаго, отъ неожиданной и повсемѣстной зимы.

Однако, человѣкъ устоялъ противъ ударовъ возмутившейся природы. Конечно, въ этотъ опустошительный періодъ прогрессъ его былъ очень незначителенъ, если не наступилъ совершенный перерывъ въ его умственномъ развитіи. Но все же родъ человѣческій не погибъ. Ледниковый періодъ окончился. Льды исчезли, и природа приняла снова свой первобытный видъ.

Когда льды мало по малу удалились на сѣверъ и на вершины горъ, новое поколѣніе животныхъ или, какъ говорятъ натуралисты, новая фауна явилась на землѣ. Эти вновь народившіяся животныя во многомъ отличались отъ тѣхъ, которыя исчезли въ катастрофѣ ледниковой эпохи. Бросимъ взглядъ на этихъ странныхъ животныхъ, нынѣ совершенно исчезнувшихъ.

Вотъ мамонтъ (elephas primigenius) или мохнатый слонъ съ гривой, экземпляры котораго были найдены совершенно сохранившіеся на берегахъ Сибири. Вотъ сибирскій носорогъ (rhinoceros tichorhinus), также покрытый теплымъ и мягкимъ мѣхомъ и у котораго носъ украшенъ двумя замѣчательными рогами. Потомъ идутъ нѣсколько видовъ бегемотовъ, входившихъ даже въ рѣки Ан-

гліи и Россіи; большаго роста медвѣдь, обитатель пещеръ (ursus spelaeus), съ выпуклымъ лбомъ и громаднымъ черепомъ; пещерные львы и тигры (felis spelaea), превосходившіе силою нынѣшнихъ львовъ и тигровъ; различные виды гіеннъ (hyenna spelaea) гораздо страшнѣе нынѣшнихъ; зубръ (biso europaeus), существующій еще по нынѣ въ Бѣловежской пущи, въ Россіи; большой волъ (bos primigenius) и гигантскій ирландскій олень (cervus megaceros), рога котораго достигали изумительныхъ размѣровъ. Въ тоже время появилось много и другихъ животныхъ, которыхъ было бы слишкомъ долго перечислять; между прочимъ было нѣкоторое число грызуновъ. Почти всѣ эти виды нынѣ исчезли, но достовѣрно, что человѣкъ жилъ въ одно время съ ними.

Мамонты, слоны, носороги, олени, бегемоты ходили по Европѣ громадными стадами, подобно тому, какъ еще до нынѣ странствуютъ нѣкоторые изъ этихъ звѣрей во внутренности Африки. У нихъ были, вѣроятно, любимыя мѣста, гдѣ они собирались тысячами, ибо иначе невозможно объяснить тѣ груды безчисленныхъ костей, которыя находятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Передъ этими грозными фалангами человѣкъ могъ только бѣжать. Онъ былъ въ состояніи вступить въ бой лишь съ нѣкоторыми изъ нихъ, и то одинъ на одинъ. Мы увидимъ далѣе, какъ человѣкъ изобрѣлъ грубое, первобытное оружіе для защиты отъ грозныхъ враговъ.

Первый значительный шагъ, сдѣланный человѣкомъ на пути прогресса,—открытіе огня. По всей вѣроятности, онъ познакомился съ огнемъ какимъ нибудь случайнымъ образомъ; или онъ увидѣлъ, что какое нибудь вещество загорѣлось отъ солнечныхъ лучей, или, ударяя однимъ кремнемъ о другой, онъ, ничего не подозрѣвая, высѣкъ неожиданно огонь, отъ котораго вспыхнули окружающіе легко воспламенимые предметы.

Для добыванія огня въ четвертичную эпоху, человѣкъ прибѣгалъ къ тѣмъ же способамъ, которые были въ употребленіи у туземцевъ Америки во времена Христофора Колумба и встрѣчаются еще до сихъ поръ у дикихъ народовъ. Онъ или теръ одинъ кусокъ сухаго дерева о другой, или быстро вертѣлъ заостренный колъ въ углубленіи, сдѣланномъ въ сухомъ древесномъ пнѣ.

Такъ какъ у современныхъ дикарей существуютъ нѣкоторые элементарные механизмы для ускоренія добыванія огня, то надо полагать, что эти способы были извѣстны въ самыя первобытныя времена человѣчества. Для того, чтобъ отъ тренія загорѣлись два куска сухаго дерева, необходимо много времени; но если прибѣгнуть къ помощи *смычка*, т. е. тетивы лука, твердо прикрѣпленной къ ручкѣ, и этимъ орудіемъ быстро обращать на своей оси заостренный кусокъ дерева, воткнутый въ небольшое углубленіе деревянной доски, то эту деревянную доску можно зажечь въ нѣсколько секундъ. Мы полагаемъ, что этотъ способъ, вѣроятно, употреблялся первобытнымъ человѣкомъ въ эпоху мамонта и другихъ исчезнувшихъ нынѣ звѣрей.

Когда такимъ образомъ изобрѣтенъ былъ способъ добыванія огня для отопленія, приготовленія пищи и освѣщенія, явился вопросъ, какъ поддержать и сохранить этотъ огонь? Дерево изъ окрестныхъ лѣсовъ или приносимое теченіемъ рѣкъ, горючія минеральныя вещества, смолы съ хвойныхъ деревъ, сало, добываемое изъ дикихъ животныхъ, масла изъ китородныхъ животныхъ—всѣ эти источники топлива и свѣта, вѣроятно, употреблялись и въ тѣ отдаленныя времена. Эскимосы и теперь освѣщаютъ и отопляютъ свои жилища только тюленьимъ саломъ, которое горитъ въ лампѣ съ короткой свѣтильней и служитъ въ одно и то же время свѣточемъ и очагомъ.

Въ наше время еще въ Шварцвальдѣ, въ Баденѣ (¹), вмѣсто свѣчей употребляютъ длинныя буковыя лучины, которыя вставляютъ горизонтально въ палку, расщепленную наподобіе вилки, и эта экономическая лампа вполнѣ удовлетворяетъ своему назначенію.

Извѣстенъ также оригинальный способъ, которымъ освѣщаются и отопляются жители острововъ Ферерскихъ, въ Сѣверномъ Океанѣ. Этотъ способъ состоитъ въ обращеніи пингвина въ настоящую лампу, благодаря количеству жира, заключающагося въ этой птицѣ. Достаточно выпотрошить пингвина и воткнуть въ его клювъ свѣтильню, чтобы получить отличную свѣчку, которая будетъ го-

---

(¹) И въ Курляндіи у латышей. *Прим. перев.*

рѣть до послѣдняго куска жирной птицы. Пингвины, кромѣ этого, служатъ еще и вмѣсто дровъ для изжаренья другихъ подобныхъ же пингвиновъ.

Какимъ бы способомъ ни добывали огонь первые люди, простымъ ли треніемъ дерева о дерево, быстрымъ ли вращеніемъ кола, съ помощью ли *смычка* или какимъ другимъ способомъ — достовѣрно одно, что открытіе средства добывать огонь принадлежитъ къ самымъ великимъ и дорого-цѣннымъ открытіямъ человѣчества. Съ огнемъ исчезла скука длинныхъ, темныхъ вечеровъ; съ огнемъ уничтожился мракъ, царившій въ пещерахъ, жилищахъ человѣка; съ огнемъ самый суровый климатъ сдѣлался сноснымъ, и вода, покрывавшая тѣло человѣка или его грубую одежду изъ звѣриныхъ шкуръ, могла испариться; съ огнемъ опасность отъ дикихъ звѣрей уменьшилась, ибо они инстинктивно его боятся; съ огнемъ, наконецъ, возникла промышленная дѣятельность человѣка. Такимъ образомъ посреди лѣсовъ, кишившихъ хищными звѣрями, первобытный человѣкъ могъ, благодаря огню, разложенному на ночь, спать спокойно, не боясь нападенія своихъ грозныхъ враговъ. Съ другой стороны, огонь далъ ему возможность рубить деревья, добывать уголь, приводить въ твердый видъ дерево для выдѣлки изъ него различныхъ орудій, приготовлять первую глиняную посуду. Изъ всего этого мы видимъ, что какъ только человѣкъ получилъ возможность добывать искуственное тепло, то положеніе его улучшилось, и благотворное пламя очага стало центромъ, вокругъ котораго образовалось семейство.

Въ это же время человѣкъ почувствовалъ необходимость вооружиться противъ нападенія хищныхъ звѣрей; и съ другой стороны ему захотѣлось сдѣлать своей добычей мирныхъ животныхъ, оленя, лошадь и мелкихъ животныхъ. Тогда онъ началъ производить оружія.

На поверхности земли человѣкъ замѣтилъ кремневые камни съ острыми краями. Онъ поднялъ эти камни и съ помощью другихъ, болѣе твердыхъ, отбилъ отъ нихъ осколки, которымъ и придалъ грубую форму топора или молотка. Эти обточенные осколки онъ вдѣлалъ въ расщепленныя палки и укрѣпилъ ихъ животными сухожиліями или высушенными стеблями растеній. Съ этимъ оружі-

емъ въ рукахъ онъ могъ издали поражать свою жертву. А когда онъ изобрѣлъ лукъ и сталъ вытачивать изъ кремня острія стрѣлъ, то онъ уже могъ поражать обратившихся въ бѣгство самыхъ быстрыхъ звѣрей.

Съ тѣхъ поръ, какъ изысканія остатковъ первобытнаго человѣка стали дѣятельно производиться во всѣхъ странахъ, найдено безконечное количество подобныхъ обточенныхъ кремней и различныхъ каменныхъ орудій, которыхъ археологи называютъ однимъ общимъ именемъ *топоровъ*, такъ какъ не всегда можно опредѣлить, къ чему именно они предназначались. Прежде, чѣмъ идти далѣе, намъ необходимо разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностью эти оригинальныя орудія первыхъ вѣковъ человѣчества.

Съ давнихъ поръ тамъ и сямъ на поверхности земли и въ ея нѣдрахъ находили подобные обточенные камни, но никогда не понимали ихъ значенія. Народъ же, если и отличалъ ихъ отъ обыкновенныхъ камней, то лишь руководствуясь суевѣріями. Народъ называлъ ихъ громовыми стрѣлами, ибо приписывалъ имъ свойство предохранять людей отъ ударовъ молніи. Только со второй половины нашего вѣка, естествоиспытатели и археологи поняли все значеніе этихъ обточенныхъ камней для исторіи первобытнаго человѣка, поняли, что съ помощью ихъ можно въ нѣкоторой степени возсоздать физіономію первыхъ человѣческихъ расъ, ихъ обычаи, нравы и издѣлія. Поэтому каменныя орудія занимаютъ въ настоящее время видное мѣсто въ колекціяхъ древностей, въ кабинетахъ естественной исторіи.

Большая часть орудій, находимыхъ въ Европѣ, кремневыя, и это обстоятельство очень легко объясняется. Кремень, вѣроятно, былъ предпочтенъ по его твердости и чрезвычайно легкому способу раскалыванья. Достаточно одного искуснаго удара, чтобъ отдѣлить отъ большаго куска кремня тонкій, острый осколокъ, могущій служить ножемъ. Конечно, подобное орудіе не можетъ долго служить, ибо очень хрупко; но первобытные люди были чрезвычайно искусны въ этомъ отношеніи.

Хотя эти каменныя орудія очень различны, но ихъ можно раздѣлить на нѣсколько главнѣйшихъ типовъ, которыхъ мы находимъ въ самыхъ различныхъ странахъ. Сначала простые и неправиль-

ные, топоры мало по малу выказываютъ больше искусства въ ихъ производителяхъ и лучшее понятіе о нуждахъ, которымъ они должны удовлетворять. Развитіе человѣческаго ума начертано неизгладимыми письменами на этихъ каменныхъ скрижаляхъ, которыя презирали превратности времени, находясь подъ защитой толстаго слоя земли.

Не будемъ же презирать этихъ первыхъ попытокъ нашихъ праотцевъ; онѣ означаютъ возникновеніе промышленности и искуства. Еслибъ люди каменнаго вѣка не упорствовали въ своихъ усиліяхъ, мы не имѣли бы теперь нашихъ дворцевъ и нашихъ чудесъ искуствъ. „Первый человѣкъ, говоритъ Буше-де-Пертъ, который ударилъ камнемъ о камень, для приданія послѣднему лучшей формы—дѣлалъ первый взмахъ рѣзца, создавшаго Минерву и всѣ статуи Парѳенона“ ([1]).

Археологи, изучающіе первые памятники человѣческихъ издѣлій, должны остерегаться нѣкоторыхъ заблужденій, которыя могутъ извратить ихъ сужденія и уничтожить достовѣрный характеръ ихъ открытій. Дѣйствительно, существуетъ извѣстный классъ работниковъ, которые находятъ удовольствіе въ обманѣ археологовъ и производятъ ложныя каменныя орудія, которыми они очень выгодно торгуютъ. Они утверждаютъ безъ малѣйшей совѣсти громадную древность своихъ произведеній и продаютъ ихъ или новичкамъ-любителямъ, или, что гораздо хуже, работникамъ, занятымъ раскопками въ мѣстностяхъ, содержащихъ въ себѣ кости, и, которые, спрятавъ эти поддѣльные предметы въ подлежащій слой земли, впослѣдствіи ихъ выкапываютъ, какъ подлинную древность и получаютъ премію отъ довѣрчивыхъ естествоиспытателей. Необходимо имѣть очень опытный глазъ, чтобы распознать эти поддѣлки, такъ ихъ искусно дѣлаютъ; но ихъ всегда можно отличить, руководствуясь слѣдующими соображеніями:

Древніе кремневые остатки представляютъ стекловидную поверхность, тогда какъ свѣжіе надломы всегда имѣютъ тусклый видъ.

([1]) L'homme antédiluvien (antiquités celtique et antédiluviennes), t. 3. Paris. 1864. p. 60.

Они также покрыты вообще бѣловатой массой, которая ничто иное, какъ легкій налетъ углекислой извести, почернѣвшей отъ времени. Наконецъ многія изъ кремневыхъ орудій украшены вѣтвистыми кристализаціями, называемыми *дентритами*, которыя образуютъ на поверхности орудій чрезвычайно нѣжные, темнокоричневые рисунки, происходящіе отъ дѣйствія смѣси окисей желѣза и марганца (рис. 6-й).

Прибавимъ, что кремневыя орудія часто принимаютъ цвѣтъ тѣхъ слоевъ земли, въ которыхъ они покоились столько вѣковъ, и, какъ справедливо замѣчаетъ ученый англійскій геологъ Приствичъ, это соотвѣтствіе цвѣтовъ кремневаго орудія и пласта земли доказываетъ, что эти орудія находились значительное время въ тѣхъ слояхъ, гдѣ ихъ теперь находятъ.

Между каменными орудіями первобытныхъ временъ нѣкоторыя найдены совершенно цѣлыми, что доказываетъ ясно о ихъ дѣвственности; другія же, напротивъ, поистерты, округлены и притуплены по краямъ или отъ долгаго употребленія, или отъ дѣйствія дилювіяльныхъ водъ. Наконецъ третьи находятъ сломанными и въ незначительныхъ остаткахъ. Они по большей части скрыты подъ толстымъ слоемъ породы, которую надо очистить, чтобъ добраться до нихъ.

Всего чаще кремневыя орудія встрѣчаются въ почвѣ гротовъ и пещеръ, о которыхъ мы будемъ впослѣдствіи говорить подробно, и тамъ они почти всегда смѣшаны съ костями исчезнувшихъ породъ млекопитающихъ.

Нѣкоторыя страны, не имѣющія пещеръ, однако, имѣютъ слои земли съ значительнымъ количествомъ скрытыхъ въ нихъ каменныхъ орудій. Можно указать въ этомъ отношеніи на наносы четвертичной эпохи въ долинахъ Сомы, извѣстныхъ подъ названіемъ сѣраго наноса и тщательно изслѣдованныхъ Буше-де-Пертомъ. Эти наносы (рис. 7-й) состоятъ изъ песчанисто-глинистыхъ отложеній, которыя геологи относятъ къ времени большихъ наводненій, измѣнившихъ въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта весь наружный видъ Европы. Близъ Абевиля и Амьена въ пескѣ и голышѣ найдено, благодаря изысканіямъ Буше де-Перта, тысячи кремневыхъ орудій,

служащихъ безспорнымъ доказательствомъ существованія человѣка въ четвертичную эпоху.

Всѣ кремневыя орудія принадлежатъ къ одному изъ слѣдующихъ типовъ, назначеніе которыхъ мы можемъ приблизительно отгадывать:

Одинъ изъ самыхъ распространенныхъ типовъ, особливо въ наносной почвѣ долины Сомы, гдѣ другихъ почти не существуетъ—это кремневое орудіе наподобіе *миндалины* (рис. 8-й).

Орудія этого рода состоятъ изъ топоровъ овальныхъ, болѣе или менѣе продолговатыхъ, обыкновенно сплющенныхъ съ обѣихъ сторонъ, а иногда только съ одной, и старательно обточенныхъ, такъ что края острые. Рабочіе въ долинѣ Сомы называютъ ихъ очень картинно—*кошачьими языками*.

Ихъ объемъ чрезвычайно различенъ; обыкновенно они имѣютъ 15 сант. въ длину и 8 въ ширину, но встрѣчаются гораздо большія. Въ доисторической галереѣ всемірной выставки 1867 г. былъ выставленъ одинъ такой топоръ, найденный въ Сентъ-Ашелѣ и присланный Робертомъ. Онъ имѣлъ 29 сант. въ длину и 13 въ ширину. Рисунокъ 9-й представляетъ намъ этотъ замѣчательный образецъ.

Другая, чрезвычайно характеристичная форма кремневыхъ орудій—типъ Мустье (рис. 10-й), названный такъ потому, что подобныхъ орудій найдено во множествѣ въ мѣстности Мустье, въ департаментѣ Дордоны. Подъ этимъ названіемъ разумѣются острыя кремневыя орудія, обточенныя только съ одной стороны, другая же сторона совершенно ровная.

Къ тому же разряду принадлежатъ скребки, острый край которыхъ выведенъ полуциркулемъ, а противоположный довольно толстъ, чтобы ловко было держать въ рукѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ орудій имѣютъ остріе зубчатое, такъ что очевидно они употреблялись вмѣсто нашихъ пилъ (рис. 11).

Третій типъ представляютъ ножи. Это тонкіе, узкіе пластинки отколотыя однимъ ударомъ отъ кремня (рис. 12). Заостренные съ одного конца, ножи эти обращаются въ скребки. Иногда находятъ такія кремневыя орудія, обточенныя наподобіе бурава.

Часто недоумѣвали, какъ первобытные народы могли произво-

дить оружіе, инструменты и домашнюю утварь опредѣленныхъ формъ безъ помощи металическихъ молотковъ. Это недоумѣніе даже послужило аргументомъ противъ защитниковъ четвертичнаго человѣка. Но англійскій геологъ Эвансъ побѣдоносно опровергнулъ этотъ аргументъ чрезвычайно простымъ опытомъ: Онъ взялъ небольшой камень, укрѣпилъ его въ деревянную ручку и съ помощью этого каменнаго молотка обточилъ кусокъ кремня въ овальный топоръ, сходный съ первобытными топорами, лежавшими передъ его глазами.

Работники, производившіе до половины настоящаго вѣка кремни для ружей, поступали точно такимъ же образомъ для раскалыванья кремневыхъ ружей; они только употребляли стальной молотъ, тогда какъ первобытный человѣкъ пользовался для обдѣлки одного кремня другимъ кремнемъ.

Вотъ какъ поступали первые люди: Они брали кремневый камень, болѣе или менѣе подходящій къ формѣ паралелепипеда, извѣстный подъ названіемъ nuclei (ядро) и находимый въ различныхъ мѣстахъ вмѣстѣ съ оконченными орудіями; потомъ, съ помощью другаго кремня, болѣе твердаго и длинноватой формы, служившаго молотомъ (рис. 13), отбивали осколки, изъ которыхъ уже дѣлали ножи, скребки, топоры, острія стрѣлы, шилы и пр. Чтобъ придать желаемую форму грубому камню, конечно требовалось нѣкоторое искуство, но опытъ и привычка дѣлали эту задачу легкой для первобытныхъ людей.

Но какимъ образомъ укрѣпляли эти камни въ ручкахъ, чтобы они могли служить топорами, кинжалами, ножами?

Нѣкоторые изъ обдѣланныхъ кремней вставлялись подъ прямымъ угломъ въ раструбъ расщепленной палки; и орудіе, полученное такимъ образомъ, походило на современный топоръ. Другіе кремни овальной формы съ полукруглымъ остріемъ могли быть воткнуты поперегъ ручки. При необходимости простая, расходящаяся вѣтка или расщепленный кусокъ дерева могли служить влагалищемъ для кремневаго лезвія. Кремни также обращали въ орудіе обоюдо-острое съ помощью двухъ кусковъ дерева скрѣпленныхъ ручкою и въ нарочно устроенныхъ жолобкахъ, въ которыхъ помѣщался обточенный кремень.

Наконецъ, эти каменные осколки можно было вставлять въ рукоятки однимъ концемъ, а ножи, острые только съ одной стороны и довольно толстые съ другой, могли употребляться безъ всякой ручки. Мелкіе кремни можно было бросать какъ метательный снарядъ съ помощью пращи, сдѣланной изъ дикой вѣтки, какъ теперь мы видимъ у дѣтей.

Въ этомъ описаніи каменныхъ топоровъ, вдѣланныхъ въ деревянныя рукоятки, нельзя не узнать тѣхъ самыхъ орудій, которыя и въ настоящее время употребляются дикарями въ Америкѣ и на австралійскихъ островахъ. Это *тамавъ*, столь часто упоминаемый въ разсказахъ кругосвѣтныхъ путешественниковъ. У дикихъ племенъ, которыхъ цивилизація не подчинила еще своему вліянію, должны находиться въ употребленіи и дѣйствительно находятся тѣ самыя орудія и домашняя утварь, которыя существовали у первобытныхъ людей. Близкое знакомство съ нравами и обычаями жителей современной Австраліи много помогли для возсозданія нравовъ и обычаевъ человѣка въ четвертичную эпоху.

Съ этими-то только что описанными нами орудіями, люди, жившіе въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, защищались отъ нападенія дикихъ звѣрей, сновавшихъ вокругъ ихъ жилищъ, и даже иногда сами нападали на нихъ.

Но защита отъ дикихъ звѣрей и охота на нихъ не обнимали всего существованія первобытнаго человѣка. Кромѣ необходимости защищаться и охотиться, была еще необходимость пить. Вода, необходимая потребность человѣка, какъ дикаго, такъ и просвѣщеннаго. Но какъ жидкость, ее нельзя переносить съ мѣста на мѣсто иначе, какъ въ пузыряхъ, въ мѣхахъ, въ выдолбленныхъ кускахъ дерева, въ плетенкахъ и т. д. Подобные сосуды, однако, отъ осадка соли и другихъ причинъ, вскорѣ дѣлаются негодными для сохраненія воды и къ тому же они не могутъ выносить дѣйствія огня. Конечно, можно выдолбить камень въ видѣ резервуара, но камни, достаточно мелкіе для долбленія и въ тоже время твердые для продолжительнаго употребленія, очень рѣдки. Раковины могутъ держать въ себѣ жидкость, но не вездѣ онѣ находятся. Поэтому необходимо было разрѣшить задачу и изобрѣсть сосуды

прочные, твердые и способные выдержать дѣйствіе огня. Однимъ словомъ, — создать глиняную посуду.

Горшечное искуство извѣстно было въ самыя отдаленныя времена человѣчества. Мы уже упоминали въ *Введеніи*, что въ 1835 г. Жоли нашелъ въ пещерѣ Набрига (депар. Лозеры) черепъ пещернаго медвѣдя, пронзенный каменной стрѣлой, и рядомъ съ нимъ черепки глиняной посуды, на которыхъ еще виднѣлись слѣды рукъ, ихъ обдѣлывавшихъ. Такимъ образомъ очевидно, что искуство горшечника было извѣстно въ первую эпоху развитія человѣчества.

Впрочемъ легко понять какимъ образомъ человѣкъ въ самое первое время своего существованія дошелъ до изобрѣтенія грубой глиняной посуды.

Глина, служащая матеріаломъ всего горшечнаго производства, начиная отъ самаго простаго кухоннаго сосуда и до тончайшаго фарфора, находится повсюду. Смѣшавъ ее съ водой, изъ нея можно лѣпить сосуды какой угодно формы. Выставленные на солнцѣ, эти сосуды уже пріобрѣтаютъ извѣстную твердость, а по словамъ преданія, всѣ башни и зданія Ниневіи были выстроены изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ.

Однако, мысль о затвердѣніи глины посредствомъ огня такъ проста, что мы не полагаемъ, чтобъ даже у первобытнаго человѣка существовало исключительно обожженная солнцемъ глиняная посуда. Случай, самое элементарное наблюденіе должны были научить первобытнаго человѣка, что кусокъ глины, положенный передъ огнемъ, крѣпнетъ и не пропускаетъ воду, т. е. дѣлается настоящимъ горшечнымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ первая глиняная посуда была сдѣлана по всей вѣроятности вскорѣ послѣ открытія огня первобытнымъ человѣкомъ.

Мало по малу опытъ научилъ людей совершенствовать эту посуду и къ глинѣ стали прибавлять песку, чтобъ она болѣе выдерживала жару, и сухой соломы для приданія большей крѣпости.

Такимъ образомъ выдѣланы были эти грубые сосуды, на которыхъ еще доселѣ сохранились слѣды пальцевъ работниковъ. Они обожжены только на половину, ибо тогдашній очагъ не давалъ

много жару; этотъ очагъ всегда состоялъ изъ простаго костра, разложеннаго на камняхъ подъ открытымъ небомъ.

Въ голышѣ окрестностей Аміена найдены небольшія, круглыя тѣла съ отверстіями по серединѣ и которыя ничто иное какъ ископаемыя бѣлаго мѣла (рис. 14). По всей вѣроятности эти камешки въ видѣ бусъ служили украшеніемъ первобытныхъ людей. Естественныя отверстія позволяли ихъ нанизовать для браслетовъ и ожерелій. По крайней мѣрѣ, таково мнѣніе доктора Риголо, основанное на томъ, что онъ часто находилъ цѣлыя груды этихъ шариковъ въ одномъ мѣстѣ, какъ будто они были занесены въ ложе рѣки, когда еще связь между ними была непорвана.

Ожерелья, носимыя мужчинами и женщинами въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, представляютъ первое олицетвореніе—естественнаго въ человѣкѣ инстинкта къ нарядамъ и украшеніямъ. Способъ составленія этихъ ожерелій былъ тотъ же, который мы теперь встрѣчаемъ у дикихъ племенъ; на нитку нанизывали нѣсколько раковинъ и надѣвали на шею.

Судя по цѣлой серіи кремневыхъ остатковъ, найденныхъ Буше-де-Пертомъ въ Сент-Ашелѣ, люди въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта произвели нѣсколько грубыхъ попытокъ въ художественномъ изображеніи фигуръ и символовъ. Буше-де-Пертъ дѣйствительно нашелъ кремни, представлявшіе изображеніе, болѣе или менѣе сходное человѣческой головѣ въ профиль или въ три четверти, и звѣрей, какъ напримѣръ носорога и мамонта.

Что касается до другихъ кремней, очевидно обработанныхъ человѣческой рукой и найденныхъ Буше-де-Пертомъ въ четвертичныхъ слояхъ, то трудно опредѣлить, для какого назначенія или употребленія они предназначались. Это были, можетъ быть, религіозные символы, знаки власти и т. д.

Тотъ фактъ, что эти произведенія допотопнаго искуства сдѣланы человѣкомъ, доказывается симетріей формъ и слѣдами постепеннаго ряда ударовъ, которыми заострены края и просверлены отверстія. Въ изображеніяхъ человѣческихъ фигуръ, глазъ всегда изображается *кружкомъ*, т. е. углубленіемъ, изъ котораго выходятъ лучи какъ на дѣтскихъ рисункахъ солнце. Простая *точка*, центръ расходящихся лучей могъ бы быть результатомъ толч-

ка, но глаза на выдѣланныхъ первобытными ваятелями кремняхъ, именно впадина, постепенно увеличивающаяся, ясно обнаруживаетъ работу человѣческихъ рукъ.

Естественный цвѣтъ всѣхъ выработанныхъ человѣкомъ кремневыхъ орудій сѣрый, принимающій всѣ оттѣнки отъ свѣтло-сѣраго до самаго темнаго; но вообще они окрашены тѣмъ цвѣтомъ, который подходитъ подъ цвѣтъ слоя земли, въ которомъ они находятся. Глина окрашиваетъ ихъ въ бѣлый цвѣтъ, песокъ въ желто-бурый. Нѣкоторыя бѣлы съ одной стороны и буры съ другой, вѣроятно потому, что находились между двумя различными слоями.

Эта прикрывающая кремневыя орудія порода служитъ доказательствомъ ихъ долговременнаго пребыванія въ землѣ, служитъ печатью ихъ древности.

Рис. 6. Кристаллы, находящіеся на поверхности кремней.

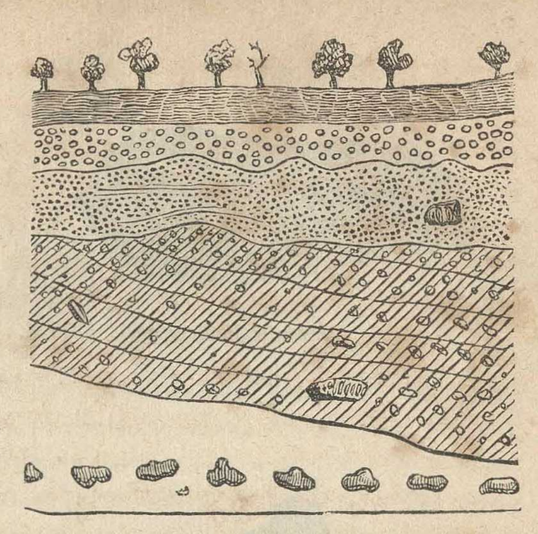

Рис. 7. Поперечный разрѣзъ наноса, въ которомъ нашли кремневыя орудія.

Рис. 8. Топоръ, имѣющій форму миндалины.

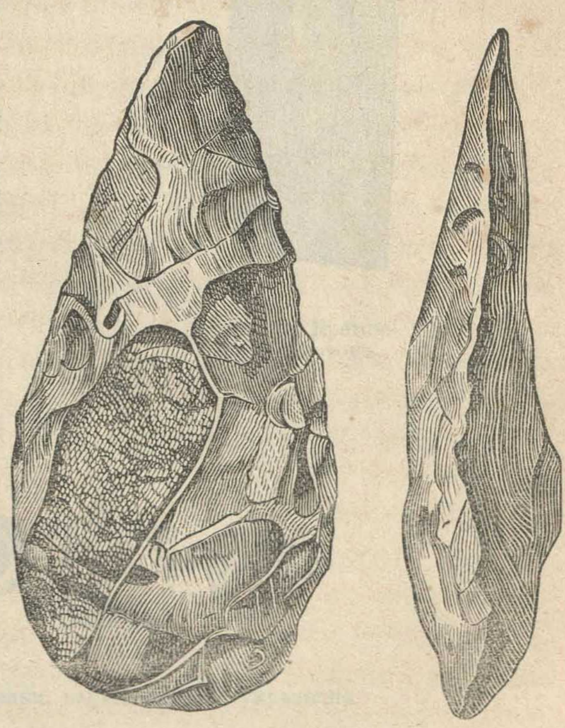

Рис. 9. Кремневый топоръ изъ С. Ашеля.

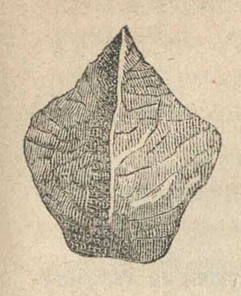

Рис. 10. Орудіе, типъ Мустье.

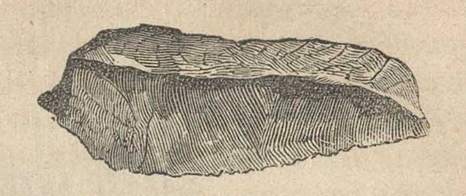

Рис. 11. Кремневая пила.

Рис. 12. Кремневый ножъ.

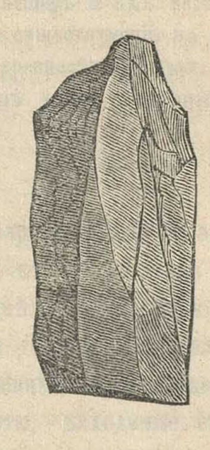

Рис. 13. Кремневый молотокъ.

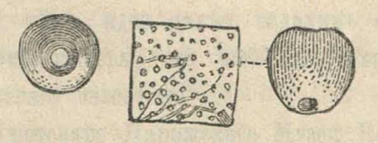

Рис. 14. Шарики, служившіе для украшенія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Человѣкъ въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта жилъ въ пещерахъ.— Пещеры, содержащія кости въ четвертичномъ пластѣ въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта.—Формація этихъ пещеръ и ихъ категоріи.— Орудія кремневыя, костяныя и роговыя, существующія въ этихъ пещерахъ.—Ориньякское кладбище.—Его древность. Обычаи, которые оно обнаруживаетъ.—Погребальные пиры въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта.

Описавъ орудія и домашнюю утварь человѣка въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, перейдемъ къ его жилищу.

Пещеры, высѣченныя въ глубинѣ утесовъ, служили первымъ обиталищемъ человѣка. Поэтому мы должны внимательно изучить эти первыя, дикія пристанища нашихъ прапраотцевъ. Многочисленные и разнообразные предметы, находимые въ этихъ пещерахъ бросаютъ яркій свѣтъ на обычаи первобытнаго человѣка и доказываютъ самымъ положительнымъ образомъ, что человѣкъ существовалъ въ одно время съ исчезнувшими нынѣ видами млекопитающихъ, именно съ мамонтомъ, медвѣдемъ и сибирскимъ носорогомъ.

Но прежде, чѣмъ идти далѣе, зададимъ себѣ вопросъ: какъ образовались эти пещеры, въ которыхъ сохранились памятники жизни первобытнаго человѣка?

Денуае, библіотекарь Парижскаго Музея Естественной исторіи, полагаетъ, что эти пещеры такія же разсѣлины, какъ металлическія жилы. Только вмѣсто металлическихъ минеральныхъ веществъ онѣ въ началѣ были наполнены осадкомъ минеральныхъ водъ.

Рисунокъ 15-й представляетъ, согласно мемуару Денуае *о пещерахъ*, одну изъ такихъ первобытныхъ разсѣлинъ въ каменно-

угольномъ известнякѣ. Въ моментъ дилювьяльнаго наводненія эти разсѣлины были прорваны дѣйствіемъ потока и такимъ образомъ разскрытыя онѣ приняли форму пещеръ, какъ изображено на рисункѣ 16-мъ.

Делювьяльное наводненіе въ Европѣ, какъ извѣстно, принадлежитъ къ эпохѣ позднѣйшей чѣмъ ледниковая.

Одинаково можно признать, что пещеры произошли отъ внутреннихъ переворотовъ, или что онѣ были нѣкогда подземными естественными ложбинами водяныхъ потоковъ, подобныхъ тѣмъ, которые существуютъ нынѣ въ различныхъ странахъ.

Прибавимъ еще, что по всей вѣроятности эти пещеры не всѣ имѣютъ одинаковыя происхожденія и что многочисленныя причины, выставленныя нами, могли содѣйствовать ихъ формаціи въ различныхъ сочетаніяхъ.

Подъ общимъ названіемъ *пещеръ* подразумѣваютъ всякаго рода подземныя углубленія; но слѣдуетъ отличать ихъ различные виды. Прежде всего бываютъ простыя разсѣлины, которыя ничто иное, какъ узкіе колодцы очень мало удаляющіеся отъ вертикальной линіи. Потомъ слѣдуютъ *гроты*, которые обыкновенно имѣютъ широкое отверстіе и не очень длинны, наконецъ собственно *пещеры, содержащія кости* состоятъ изъ цѣлой серіи отдѣленій, соединенныхъ узкими проходами. Эти пещеры бываютъ чрезвычайно пространны и занимаютъ иногда нѣсколько миль; при этомъ почва въ нихъ не одинаковая и потому изслѣдованіе ихъ представляетъ много трудностей. Входъ въ нихъ обыкновенно очень затруднителенъ и безъ помощи заступа невозможно пройти изъ одного отдѣленія въ другое.

Въ большей части гротъ и пещеръ почва и стѣны покрыты известковыми отложеніями, извѣстными подъ названіемъ сталактитовъ и сталагмитовъ, которые соединяясь въ большія массы и составляя иногда столбы и колоны придаютъ таинственную прелесть этимъ подземнымъ заламъ.

Известковыя отложенія, о которыхъ мы говоримъ, происходятъ отъ просачиванія водъ, насыщенныхъ углекислой известью. Просачиваясь капля за каплей чрезъ щели утесовъ эти воды постепенно теряютъ угольную кислоту, которая держала въ растворен-

номъ состоянiи углекислую известь, и эта соль низвергаясь образуетъ отложенiя кристализированныя или аморфныя, которыя составляютъ естественныя колоны.

Сталагмитами называются известковыя отложенiя, покрывающiя почву пещеръ, а сталактитами—тѣ изъ изъ нихъ, которыя опускаются со сводовъ въ формѣ столбовъ, навѣсовъ и другихъ естественныхъ украшенiй, достигающихъ иногда поразительной красоты.

Подъ сталагмитами найдено большое число костей животныхъ. Это земляная кора, служившая имъ гробницей, до того толста и тверда, что ее нельзя проломить иначе какъ ломомъ, и благодаря ей кости были охранены отъ разложенiя и уничтоженiя. Известь служила цементомъ, который,— соединивъ въ одну сплошную, неразрывную массу песокъ, грязь, камни, кости людей и животныхъ, орудiя и другiе предметы,—сохранилъ ихъ для современной науки.

Дѣйствительно подъ кристализированномъ слоемъ, покрывающимъ почву пещеръ, находится слой земли, заключающiй въ себѣ кости.

Рисунокъ 17-й, представляющiй разрѣзъ Галенрейтскаго грота въ Баварiи, можетъ познакомить читателей съ положенiемъ, занимаемымъ костями въ большей части пещеръ.

Слой земли, содержащiй въ себѣ кости, состоитъ изъ глины красноватой или желтоватой, и часто въ ней встрѣчаются кусочки известняка, по видимому происходящiе изъ отдаленныхъ пластовъ, такъ какъ ихъ невозможно отнести къ окружающимъ утесамъ. Этотъ слой чрезвычайно различествуетъ по своей толщинѣ: то слой этотъ очень тонокъ, то онъ доходитъ до вершины пещеры на двѣнадцать или пятнадцать метровъ вышины. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ состоитъ въ сущности изъ нѣсколькихъ слоевъ, относящихся до различныхъ эпохъ, и изслѣдователи должны обращать большое вниманiе на то именно положенiе, какое занимаютъ органическiе остатки въ этой массѣ.

Однако многiя изъ такихъ пещеръ отличаются особенностями, требующими объясненiя. Часто въ пещерахъ встрѣчаются груды костей, на вышинѣ положительно не доступной обитавшимъ въ нихъ

животнымъ. Какимъ же образомъ попали туда эти кости? Потомъ чрезвычайно странно, что ни въ одной пещерѣ никогда не находили полнаго скелета или хоть цѣльной части скелета человѣка или животнаго. Не только кости всегда разбросаны въ безпорядкѣ и смѣшаны однѣ съ другими, но до сихъ поръ невозможно было найти всю совокупность костей, составлявшихъ нѣкогда цѣлаго индивидуума. Поэтому надо признать, что груды костей и человѣческихъ остатковъ въ большей части пещеръ одолжены своимъ происхожденіемъ какой либо другой причинѣ, а не присутствію человѣка или животныхъ въ этихъ пещерахъ.

Такимъ образомъ предполагаютъ, что эти остатки занесены въ пещеры потоками дилювьяльныхъ водъ, встрѣтившихъ ихъ на своемъ пути. Постоянно находимые вмѣстѣ съ костями круглые камешки доказываютъ справедливость этой ипотезы, ибо означенные камешки происходятъ изъ мѣстностей, отдаленныхъ отъ пещеръ.

Часто даже вмѣстѣ съ костями встрѣчаются и раковины земляныя и водяныя. Съ другой стороны замѣчаютъ, что бедреныя и берцовыя кости большихъ млекопитающихъ округлены въ оконечностяхъ, а болѣе мелкія кости расколоты на мелкія округленныя части. Это очевидные признаки того, что кости были переносимы съ мѣста на мѣсто быстрыми потоками водъ, все увлекавшими на своемъ пути, т. е. водами потопа, ознаменовавшаго четвертичную эпоху.

Всѣ пещеры въ эпоху существованія первобытнаго человѣка не имѣли одного назначенія. Однѣ служили логовищемъ дикихъ звѣрей, другія — жилищемъ человѣка, третьи — мѣстомъ погребенія.

Можно было бы предположить, что логовища дикихъ звѣрей были обитаемы человѣкомъ послѣ убіенія или изгнанія этихъ звѣрей; но никакое открытіе не подтвердило еще подобнаго предположенія. Первобытный человѣкъ, по всей вѣроятности, никогда не смѣлъ помѣститься въ логовищахъ, служившихъ постояннымъ мѣстомъ отдыха лютымъ плотояднымъ. Если же онъ на это и рѣшался, то лишь убѣдившись въ совершенномъ покинутьѣ логовища его страшнымъ хозяиномъ.

Разсмотримъ всѣ эти три вида пещеръ.

Пещеры, служившія логовищемъ дикимъ звѣрямъ въ эпоху четвертичную, чрезвычайно многочисленны. Опытные ученые узнаютъ ихъ по различнымъ признакамъ. Заключающіяся въ нихъ кости никогда не изломаны, но онѣ очевидно обглоданы животными, ибо замѣтны до сихъ поръ слѣды ихъ зубовъ. Въ этихъ то пещерахъ тигръ (felis spelaea) и гіена (hyaena spelaea) пожирали принесенную добычу или кормили своихъ дѣтенышей. Часто дѣйствительно встрѣчаются въ подобныхъ пещерахъ испражненія гіены съ примѣшанными къ нимъ непереваренными костями. Въ эти же логовища удалялся и пещерный медвѣдь, но вѣроятно только для своей зимней спячки. Туда же, вѣроятно, являлись больные и издыхающіе звѣри, что доказывается слѣдами ранъ и гноенія на нѣкоторыхъ костяхъ, найденныхъ Шмерлингомъ въ пещерахъ Мааса и главнымъ образомъ однимъ черепомъ гіены, на которомъ ясно видны признаки укушенія полузажившаго.

Пещеры, служившія жилищемъ первобытнаго человѣка, также узнаются по разсмотрѣнію костей. Длинныя кости вола, лошади, оленя, тигра, носорога и другихъ четвероногихъ, которыхъ человѣкъ употреблялъ въ пищу въ четвертичную эпоху, всегда расколоты и то одинаковымъ образомъ вдоль. Для чего было бы ихъ раскалывать такимъ образомъ, если не для извлеченія мозга на пищу? Подобный процесъ надъ костями не могъ быть произведенъ никакимъ животнымъ.

Это обстоятельство, по видимому мелочное, имѣетъ огромную важность. Оно приводитъ къ слѣдующему заключенію:—человѣкъ, употреблявшій въ пищу большихъ млекопитающихъ исчезнувшихъ нынѣ видовъ очевидно жилъ въ одно время съ этими животными.

Теперь перейдемъ къ пещерамъ, служившимъ мѣстомъ погребенія человѣка.

Знаменитому палеонтологу Эдуарду Ларте принадлежитъ честь собранія важныхъ свѣденій о пещерахъ, бывшихъ кладбищемъ первыхъ людей въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта. Благодаря этимъ изысканіямъ, обнаружились погребальные обряды человѣка въ эту отдаленную эпоху; мы говоримъ о *погребальныхъ пещерахъ*. Эти любопытныя данныя доставили намъ открытіе до-

историческаго кладбища въ Ориньякѣ, о чемъ уже мы говорили въ введеніи.

Близъ города Ориньяка возвышается холмъ Фажоль, называемый мѣстными жителями *Mountagno de las Hajoles* (буковая гора), что по видимому означаетъ, что она нѣкогда была покрыта буковыми деревьями. На скатѣ этого холма въ 1852 г. одинъ землекопъ по имени Бонмезонъ, какъ мы уже говорили въ введеніи нашемъ, нашелъ большой камень, скрывавшій полукруглое отверстіе. Въ гротѣ, входъ въ который закрывалъ этотъ камень, найдены землекопомъ семнадцать человѣческихъ скелетовъ!

Мы уже разсказали, какъ эти скелеты были преданы землѣ на приходскомъ кладбищѣ и такимъ образомъ потеряны навсегда для науки.

Спустя восемнадцать лѣтъ, въ 1860 г., Ларте, услыхавъ объ этомъ обстоятельствѣ, отправился на мѣсто съ Бонмезономъ и объяснилъ слѣдующимъ образомъ то обстоятельство, что гротъ этотъ могъ въ продолженіи столькихъ вѣковъ ускользнуть отъ вниманія мѣстныхъ жителей. Входъ въ него былъ заслоненъ слоемъ землистаго наноса, смытаго водою сверху холма, и такимъ образомъ была скрыта платформа, на которой хранились остатки доисторическихъ временъ. Никакой подземный переворотъ не совершился на этомъ мѣстѣ послѣ погребенія скелетовъ и потому откоса горы и камня было достаточно для огражденія отъ всякаго внѣшняго посягательства эти остатки человѣка, современнаго мамонту.

Рисунокъ 18-й представляетъ вертикальный разрѣзъ погребальнаго грота въ Ориньякѣ, согласно мемуару Ларте.

Послѣ поверхностнаго осмотра грота и его окрестностей, Ларте рѣшился произвесть основательныя и систематичныя раскопки съ помощью искусныхъ работниковъ и подъ его личнымъ наблюденіемъ. Вотъ къ какимъ результатамъ привели его труды.

Почва грота была покрыта слоемъ рыхлой земли въ 60 сантиметровъ толщины. Въ этомъ слоѣ найдено нѣсколько костей человѣка и животныхъ хорошо сохранившихся, не расколотыхъ и безъ малѣйшаго слѣда зубовъ, кремневыя орудія, большею частью въ формѣ *ножа (рис. 19)* и обточенные оленьи рога, между

которыми одинъ рогъ выточенъ въ круглый, тонкій инструментъ безъ острія и съ расплюснутой ручкой (рис. 20).

Надо еще прибавить, что Бонмезонъ, въ числѣ другихъ своихъ находокъ, открылъ восемнадцать плоскихъ круглыхъ пластинокъ съ отверстіемъ въ центрѣ (рис. 21-й), по видимому предназначенныхъ для нанизыванья на нитку въ родѣ браслета или ожерелья. Эти кружки изъ бѣлаго слоистаго вещества были признаны за раковины вида cardium.

Ориньякскій гротъ былъ положительно мѣстомъ погребенія въ четвертичную эпоху, ибо Ларте нашелъ въ немъ множество костей пещернаго медвѣдя, зубра, оленя, лошади и пр.

Мы представляемъ въ примѣръ того состоянія, въ которомъ найдены кости въ пещерѣ, остатокъ нижней челюсти медвѣдя (рис. 22-й).

Фактъ, что кости сохранились въ совершенной цѣлости, доказываетъ, что онѣ не были расколоты для пищи человѣка и не изглоданы плотоядными животными, преимущественно гіенами, какъ видно во многихъ другихъ пещерахъ. Изъ этой особенности Ориньякскаго грота надо заключить, что камень, закрывавшій входъ, отваливали только на минуту погребенія каждаго покойника и потомъ тотчасъ же снова заваливали имъ отверстіе.

Для объясненія присутствія между человѣческими костями стольких посторонних предметовъ—костей животныхъ, орудій каменныхъ и костяныхъ, ожерелій изъ раковинъ—надо предположить, что люди, жившіе въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, имѣли обычай погребать своихъ мертвецовъ съ обрядомъ въ родѣ того, который сохранился въ позднѣйшія времена. Въ гробницу клали вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго его оружіе, трофеи охоты и различныя принадлежавшія ему украшенія. Этотъ обычай еще существуетъ до сихъ поръ между племенами болѣе или менѣе дикими.

Передъ гротомъ, какъ мы сказали, разстилалась платформа, покрытая впослѣдствіи землею, смытой водами съ окружающихъ утесовъ. Очистивъ платформу отъ этой земли нашли новый слой, въ которомъ находились кости. Этотъ слой былъ продолженіемъ того, надъ которымъ найдены скелеты во внутренности грота. Внизу же

найденъ былъ другой слой пепла и угля, толщиною въ 15 или въ 20 сантиметровъ. Очевидно, тутъ находился древній очагъ.

Другими словами, передъ погребальнымъ гротомъ была расположена тераса, на которой послѣ погребенія мертвецовъ давался погребальный пиръ.

Въ этомъ послѣднемъ слоѣ, помѣщающемся передъ гротомъ, найдено множество чрезвычайно любопытныхъ остатковъ: большое количество зубовъ и расколотыхъ костей травоядныхъ (рис. 23-й), сотня кремневыхъ ножей, два обточенные куска кремня, служившіе, по мнѣнію археологовъ, камнемъ пращи,—круглый камень съ углубленіемъ внутри, который, по словамъ Штейнгауера, консерватора Копенгагенскаго Этнографическаго Музея, долженъ былъ служить точиломъ кремневыхъ ножей, наконецъ множество различныхъ орудій изъ оленьяго рога. Укажемъ, напримѣръ, на острія стрѣлъ, чрезвычайно просто отдѣланныхъ безъ бородокъ (рис. 24-й), шило изъ рога дикой козы, очень старательно заостренное, такъ что, по словамъ Ларте, его и теперь можно употреблять при сшиваніи шкуръ животныхъ (рис. 25-й); другой такой же инструментъ, но не такъ хорошо заостренный и который, по мнѣнію Ларте, вѣроятно служилъ для татуированія; лезвія не толстыя и разныхъ величинъ чрезвычайно похожія, по словамъ Штейнгауера, на инструменты изъ оленьяго рога, которыми лапландцы разглаживаютъ швы на своихъ одеждахъ изъ оленьихъ шкуръ. Кромѣ этихъ предметовъ найдено еще одно лезвіе, усѣченное съ обоихъ концовъ, гладко отполированное и покрытое двумя рядами поперечныхъ чертъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга равными пространствами; на краяхъ лезвія виднѣются зарубки также на правильномъ другъ отъ друга разстояніи (рис. 26-й). Ларте видитъ въ этихъ чертахъ и зарубкахъ знаки счисленія, а Штейнгауеръ полагаетъ, что это охотничьи знаки. Та и другая ипотеза возможна тѣмъ болѣе, что онѣ другъ другу не противорѣчатъ.

Между костями нѣкоторыя частью обуглены, другія только обожжены, а большинство вовсе не имѣетъ на себѣ слѣдовъ огня. Всѣ кости съ мозговыми вмѣстилищами были расколоты вдоль— ясное доказательство, что это было сдѣлано для извлеченія мозга, и эти кости служили украшеніемъ погребальныхъ пировъ въ тѣ вре-

мена, когда мозгъ изъ костей животныхъ считался самымъ изысканнымъ блюдомъ; впрочемъ и нынѣ многіе раздѣляютъ это мнѣніе.

На нѣкоторыхъ изъ этихъ костей остались слѣды неглубокихъ царапинъ, доказывающихъ, что мясо съ нихъ сдирали острымъ орудіемъ. Почти всѣ кости, не подвергшіяся дѣйствію огня, сохраняли слѣды зубовъ плотояднаго животнаго. Это животное было не иное какъ гіена, что подтверждается ихъ копролитами, находимыми на мѣстѣ.

Въ насыпи, находящейся надъ самымъ очагомъ, найдены были, точно также какъ въ нижнемъ слоѣ пепла, большое количество костей травоядныхъ животныхъ.

Открытіе очага передъ Ориньякскимъ гротомъ и различныхъ остатковъ, скрытыхъ въ пеплѣ этого очага, дозволяетъ намъ составить себѣ идею о погребальныхъ обрядахъ въ эпоху пещернаго медвѣдя. Родные и друзья покойника провожали его до послѣдняго его жилища и тамъ, предъ только что закрывшейся гробницей, давался погребальный пиръ, послѣ котораго всѣ удалялись, предоставляя мѣсто гіенамъ, спѣшившимъ уничтожить всѣ остатки пира.

Этотъ обычай погребальныхъ пировъ сохранился до нашихъ дней, преимущественно въ низшихъ классахъ.

На основаніи приведенныхъ данныхъ, мы представляемъ читателямъ картину подобнаго погребальнаго пира въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта.

На платформѣ передъ пещерой, предназначенной послѣднимъ жилищемъ мертвецу, друзья его въ звѣриныхъ шкурахъ, накинутыхъ на обнаженное тѣло, сидятъ вокругъ разложеннаго огня, пируя въ честь покойнаго. Мясо пещернаго медвѣдя и мамонта составляетъ весь запасъ этого первобытнаго банкета. Вдали видна колоссальная масса мамонта, служащаго пищею пирующимъ. Ѣдятъ эти люди какъ принято въ эпоху, въ которую они жили, т. е. они высасываютъ мозгъ изъ костей, предварительно расколотыхъ вдоль, а мясо пожираютъ изжаренное на угольяхъ. Тѣло покойнаго лежитъ тутъ же передъ входомъ въ пещеру, подлѣ камня, который вскорѣ закроетъ его навсегда отъ взоровъ міра.

Остатки первобытнаго человѣка, найденные въ погребальномъ гротѣ Ориньяка, наводятъ насъ на мысль, доказывающую какъ лю-

бопытно и плодотворно изученіе натуралистами древности человѣка. Оружіе, трофеи охоты, украшенія, куски мяса, находимые въ гробницахъ рядомъ съ тѣлами мертвецовъ, не доказываютъ ли вѣру въ будущую жизнь у человѣка самаго первобытнаго? Зачѣмъ эта провизія, зачѣмъ это оружіе, если человѣкъ исчезая на землѣ не воскреснетъ въ другомъ мірѣ? Великая истина, что не все умираетъ вмѣстѣ съ нашей тѣлесной оболочкой, должна быть врожденнымъ сознаніемъ человѣческаго сердца, если мы находимъ это сознаніе въ самыя отдаленныя времена въ сердцѣ человѣка каменнаго вѣка!

Художественный инстинктъ также по видимому выражался въ человѣческой расѣ въ эту отдаленную эпоху. Дѣйствительно между предметами, найденными въ погребальномъ гротѣ Ориньяка, находится клыкъ молодаго пещернаго медвѣдя, обдѣланный въ что-то напоминающее какую-то животную форму, скорѣе всего птичью голову (рис. 27). Внутри его находится отверстіе, вѣроятно сдѣланное для того, чтобы надѣвать его въ видѣ украшенія или амулета. По всей вѣроятности онъ принадлежалъ одному изъ погребенныхъ въ гротѣ мертвецовъ и положенъ былъ въ могилу вмѣстѣ съ нимъ, потому конечно, что онъ дорого цѣнилъ этотъ предметъ первобытной роскоши. Такимъ образомъ мы видимъ, что люди, охотившіеся за пещернымъ медвѣдемъ и мамонтомъ, не были лишены художественнаго элемента!

Окончимъ нашъ разсказъ о драгоцѣнныхъ находкахъ, сдѣланныхъ въ Ориньякскомъ погребальномъ гротѣ, перечнемъ тѣхъ видовъ млекопитающихъ, кости которыхъ найдены внутри и снаружи этой пещеры. Первые шесть видовъ уже исчезли, а остальные существуютъ до нынѣ:

Большой пещерный медвѣдь (ursus spelaeus) — мамонтъ (elephas primigenius)—сибирской носорогъ (rhinoceros tichorhinus)— большой пещерный тигръ (felis spelaea) — пещерная гіена (hyaena spelaea) — гигантскій олень (cervus megaceros) — зубръ,— олень, —лошадь, —оселъ, —косуля,— кабанъ,—лисица,—волкъ,— дикая кошка,—барсукъ,—хорекъ.

Мы считаемъ долгомъ представить читателямъ точныя изображенія череповъ трехъ величайшихъ ископаемыхъ животныхъ, найден-

Рис. 15. Разсѣлина въ каменоугольномъ известнякѣ.

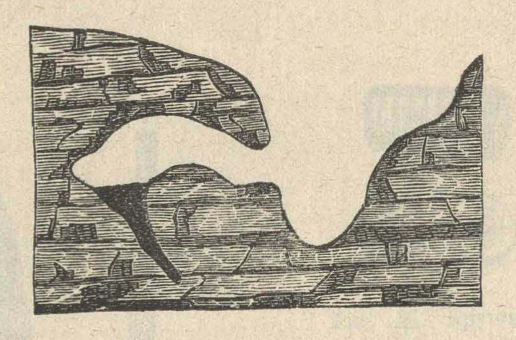

Рис. 16. Пещера въ каменоугольномъ известнякѣ.

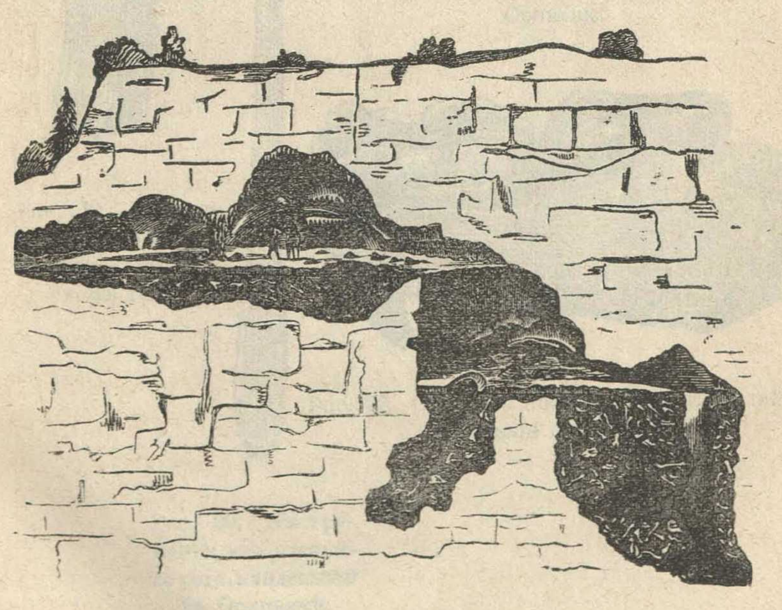

Рис. 17. Галейнрейтерскій гротъ въ Баваріи.

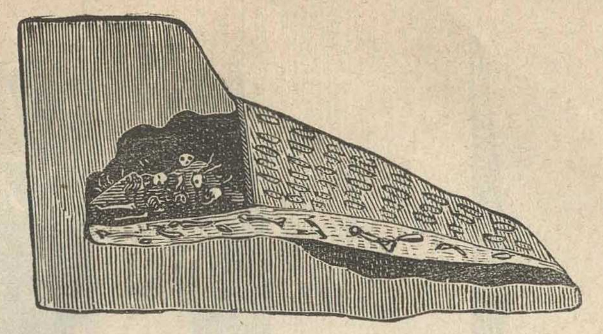

Рис. 18. Вертикальный разрѣзъ грота въ Ориньякѣ.

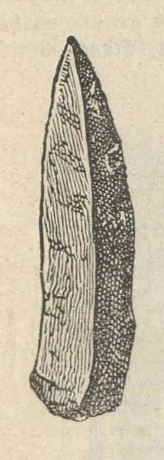

Рис. 19. Кремневый ножъ, найденный въ Ориньякскомъ гротѣ.

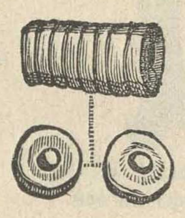

Рис. 21. Кружки раковины, найденные въ Ориньякѣ.

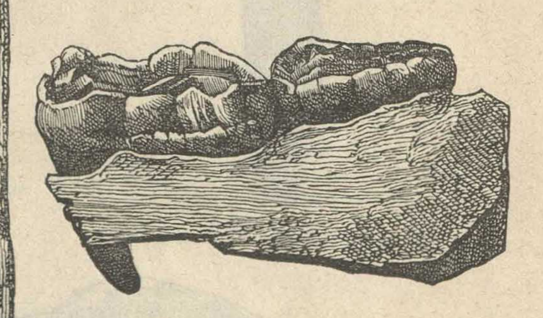

Рис. 22. Остатокъ нижней челюсти медвѣдя, найденный въ Ориньякѣ.

Рис. 20. Инструментъ изъ оленьяго рога, найденный въ Ориньякѣ.

Рис. 23. Зубъ зубра, найденный въ очагѣ Ориньякскаго грота.

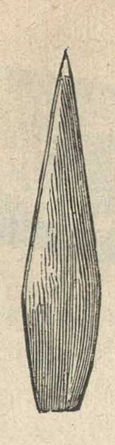

Рис. 24. Остріе стрѣлы, найденное въ Ориньякѣ.

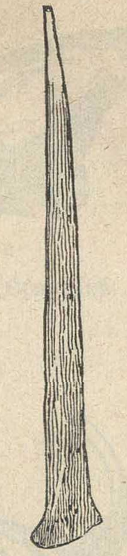

Рис. 25. Шило, найденное въ Ориньякѣ.

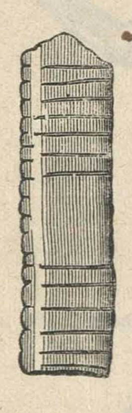

Рис. 26. Лезвіе съ зарубками.

Рис. 27. Зубъ молодаго медвѣдя.

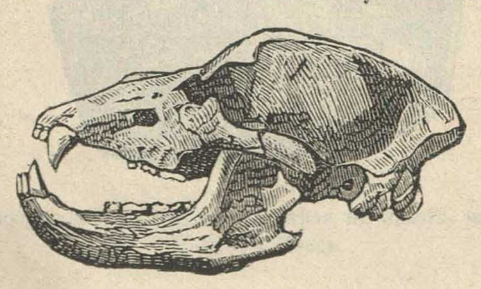

Рис. 28. Голова пещернаго медвѣдя, найденная въ Ориньякѣ.

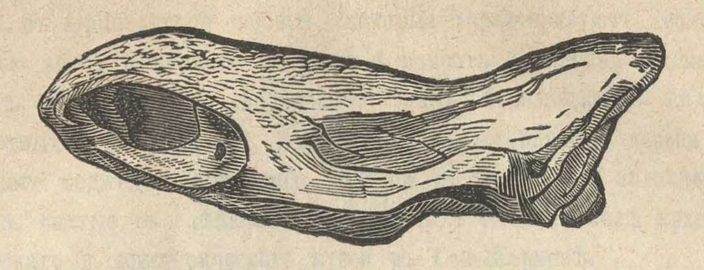

Рис. 29. Голова носорога, найденная въ Ориньякѣ.

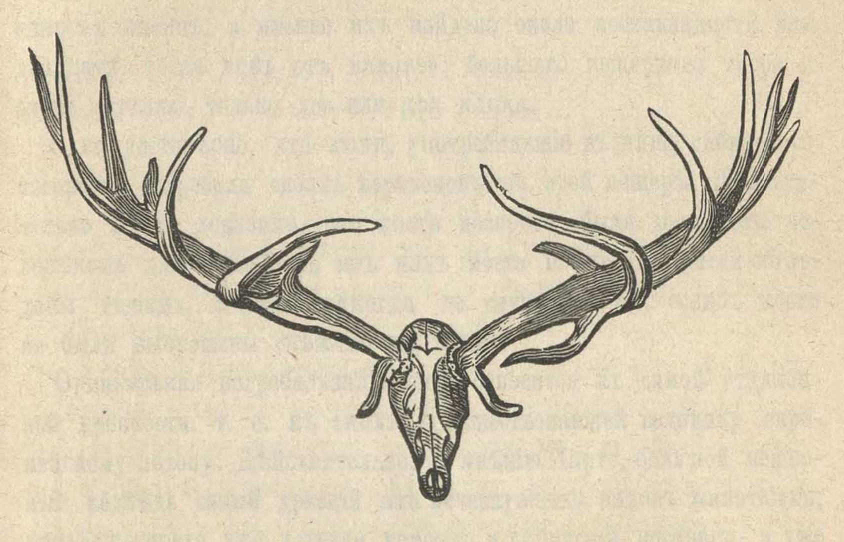

Рис. 30. Голова гигантскаго оленя, найденная въ Ориньякѣ.

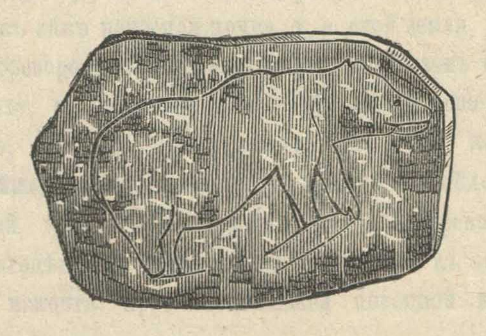

Рис. 31. Изображеніе пещернаго медвѣдя на камнѣ, найденномъ въ гротѣ Масса.

ныхъ въ Ориньякской пещерѣ, которыя характеризуютъ геологическую эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта и очевидно доказываютъ, что человѣкъ современенъ этимъ исчезнувшимъ видамъ животныхъ. Рисунки 28, 29 и 30-й представляютъ черепа пещернаго медвѣдя, сибирскаго носорога и гигантскаго ирландскаго оленя, снятые съ слѣпковъ, украшающихъ большой залъ археологическаго и доисторическаго музея въ Сен-Жерменѣ.

Изъ всѣхъ этихъ видовъ животныхъ осталось всего болѣе экземпляровъ лисицъ, а именно ихъ найдено около восемьнадцати или двадцати, тогда какъ отъ мамонта, большаго пещернаго тигра и оленя остались только два или три клыка.

Одно достовѣрно, что люди, употреблявшіе въ пищу сибирскаго носорога, погребали своихъ мертвецовъ въ этой пещерѣ. Дѣйствительно Ларте доказалъ, что кости носорога были расколоты человѣкомъ для извлеченія изъ нихъ мозга и что онѣ были обглоданы гіенами, а этого никогда не случилось бы, еслибъ кости не были выброшены свѣжими на землю.

Ориньякская погребальная пещера относится къ самой отдаленной древности, т. е. къ эпохѣ предшествовавшей великому европейскому потопу. Дѣйствительно, по мнѣнію Ларте, большой пещерный медвѣдь самый древній изъ исчезнувшихъ видовъ животныхъ, послѣ котораго уже исчезли мамонтъ и сибирскій носорогъ, а уже гораздо позднѣе удалились на сѣверъ и востокъ Европы олень и зубръ. А такъ какъ наносная почва, т. е. слой земли, образовавшійся великимъ переворотомъ, произведеннымъ наплывомъ водъ въ четвертичную эпоху, не заключаетъ въ себѣ костей пещернаго медвѣдя, то очевидно, что она принадлежитъ къ эпохѣ каменнаго вѣка болѣе новѣйшей, чѣмъ Ориньякскій гротъ [1]. Слѣдовательно этотъ погребальный гротъ, представившій наукѣ о древности человѣка столько драгоцѣнныхъ данныхъ, принадлежитъ къ эпохѣ пещернаго медвѣдя и мамонта, предшествовавшей потопной катастрофѣ.

---

[1] Nouvelles recherches sur la coexcistence de l'homme et des grands mammifères fossiles (Annales de sciences naturelles, Zoologie, t. XV. 3-e cahier.)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Другія пещеры эпохи пещернаго медвѣдя и мамонта.—Типъ человѣческаго рода въ эпоху пещернаго медвѣдя и оленя.—Черепа, найденные въ пещерахъ Энгисъ и Неандерталь.

Мы уже говорили о томъ, что между пещерами, содержащими въ себѣ остатки костей, принесшими наукѣ столько полезныхъ свѣденій о человѣкѣ въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, слѣдуетъ отличать гроты, служившіе логовищемъ дикихъ звѣрей отъ тѣхъ, которые были жилищемъ человѣка, и отъ погребальныхъ гротовъ. Чтобъ вполнѣ познакомить читателей со всѣми научными открытіями по этому любопытному предмету, мы скажемъ нѣсколько словъ о главнѣйшихъ пещерахъ съ костями, принадлежащихъ той же эпохи и находящихся во Франціи, Англіи и Бельгіи.

Скажемъ прежде всего, что всѣ эти пещеры, взятыя вмѣстѣ, обнимаютъ очень большой періодъ времени, множество вѣковъ, поэтому очевидно, что должно быть нѣкоторое различіе въ остаткахъ человѣческихъ издѣлій, находимыхъ въ нихъ. Если одни изъ этихъ остатковъ обнаруживаютъ значительную степень совершенства въ сравненіи съ другими, то это означаетъ, что они принадлежатъ къ эпохѣ менѣе отдаленной отъ насъ, хотя все же не выходя изъ періода пещернаго медвѣдя и мамонта.

Мы раздѣлимъ пещеры, открытыя во Франціи, на три группы: на восточную, южную и западную центральную.

Въ первой группѣ мы укажемъ на *гротъ Сент-Рена и Впадину Источника*, находящіяся въ окрестностяхъ Туля

(депар. Мерты). Въ нихъ найдены кости медвѣдей, гіенъ и носороговъ вмѣстѣ съ предметами первобытныхъ человѣческихъ издѣлій. Первая изъ этихъ пещеръ изслѣдована Гереномъ и особливо Гюсономъ, который не жалѣлъ трудовъ при раскопкахъ въ ней.

Вторая группа заключаетъ въ себѣ гроты Фей, Вержисонъ, Вальеръ и Шезъ.

Гротъ Фей близъ Арси (депар. Іоны) посѣщенъ и описанъ де Вибре, который нашелъ тамъ два опредѣленныхъ слоя; одинъ верхній, принадлежащій къ эпохѣ оленя, другой нижній къ эпохѣ пещернаго медвѣдя. Оба эти слоя отдѣлялись другъ отъ друга массой свода пещеры, обрушившагося на первый слой. Въ древнѣйшемъ слоѣ Вибре нашелъ надломленныя кости пещернаго медвѣдя, гіены, мамонта и сибирскаго носорога, а также кремневыя орудія, между которыми попадались куски горнаго хрусталя. Съ другой стороны его сотрудникъ Франше нашелъ человѣческій *атласъ* (верхняя часть позвоночнаго столба).

Гротъ Вержисонъ (депар. Соны и Лоары) ислѣдованъ Ферри и въ немъ найдены кости тѣхъ же животныхъ, какъ въ предъидущей пещерѣ, и кромѣ того кости зубра, оленя, лошади, волка, лисицъ, смѣшанныя съ кремневыми орудіями и черенками грубой глиняной посуды. Присутствіе этой послѣдней ясно указываетъ, что Вержисонскій гротъ принадлежитъ послѣднимъ временамъ эпохи пещернаго медвѣдя.

Гротъ Вальеръ (депар. Лоары и Шера) изслѣдованъ маркизомъ Вибре и впослѣдствіи абатомъ Буржуа; но въ нихъ не найдено ничего замѣчательнаго.

Гротъ Шезъ близъ Вутона (депар. Шаранты), благодаря изысканіямъ Буржуа и Делоне, далъ богатую поживу. Тутъ найдены кости пещернаго медвѣдя, носорога, оленя, кремневыя лезвія, костяное шило и нѣчто въ родѣ удочнаго крючка, остріе стрѣлы также изъ кости въ формѣ листа плакучей ивы, кость съ пробуравленнымъ отверстіемъ для вѣшанья и, что всего замѣчательнѣе, двѣ палочки изъ оленьяго рога, заостренныя съ одного конца и сплюснутыя съ другаго, на которыхъ виднѣются изображенія животныхъ. Эти остатки обнаруживаютъ значительное ху-

дожественное пониманіе въ людяхъ, слѣды которыхъ остались въ пещерѣ Шезъ.

Между пещерами юга Франціи надо различать пещеры Перигора, нижняго Лангедока и страны Фуа (депар. Арьежа).

Пещеры Перигора всѣ изслѣдованы Ларте и Кристи, которые описали ихъ въ своихъ замѣчательныхъ ученыхъ трудахъ. Укажемъ въ числѣ этихъ пещеръ на *Адское Ущелье* (Gorge d'Enfer) и *Мустье* въ долинѣ Визеры, а также *Пей-де-Лазé* (Pey-de-L'Azé); всѣ три находятся въ департаментѣ Дордоньи.

Два грота *Адскаго Ущелья* по несчастію очищены въ 1793 г. для эксплуатаціи находящейся въ нихъ селитры. Однако все же въ нихъ найдены кремневыя орудія въ формѣ скребца, бурава и т. д., кусокъ бѣлаго кварца выдолбленный съ одной стороны и по всей вѣроятности служившій пестикомъ, инструменты изъ кости и оленьяго рога, между которыми на трехъ замѣтны многочисленныя зарубки. Кости пещернаго медвѣдя ясно обозначаютъ эпоху, къ которой принадлежали эти пещеры.

Гротъ Мустье, находящійся на 24 метрахъ выше Везеры, знаменитъ большимъ количествомъ и оригинальностью найденныхъ въ немъ желѣзныхъ орудій. Особенно многочисленны были топоры формы миндалины, какими изобилуетъ наносная почва Абевиля и Сент-Ашеля. Также найдены острія пикъ чрезвычайно тонко выработанныхъ и различные инструменты, въ томъ числѣ нѣкоторые очень большаго размѣра; но не найдено ни костей, ни оленьяго рога, выработанныхъ для какого нибудь назначенія. Находившіяся въ гротѣ кости принадлежали пещерному медвѣдю и пещерной гіенѣ, кромѣ того были разбросаны осколки коренныхъ зубовъ, неизвѣстно на что употреблявшихся. Подобные осколки встрѣчаются и въ другихъ пещерахъ Перигора, а Ларте нашелъ ихъ большое количество и въ Ориньякѣ.

Послѣ грота Pey-de-l'Azé, на которомъ мы не остановимся, слѣдуютъ пещеры нижняго Лангедока, но мы ихъ только перечислимъ. Это пещеры Пондръ и Сувинаргъ (депар. Геро), изслѣдованныя 1829 г. Кристолемъ, доказывавшемъ еще въ то время современное существованіе человѣка и исчезнувшихъ млекопитаю-

щихъ, и пещеры Понтиля и Рока (въ томъ же депар.); первая изслѣдована Полемъ Жерве, а вторая Бутеномъ.

Теперь перейдемъ къ пещерамъ департамента Арьежа; нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ большой интересъ, именно пещеры *Масса*, *Лерма* и *Буишеты*.

Два грота чрезвычайно замѣчательные по своей величинѣ были изслѣдованы Фонтаномъ въ долинѣ Масса, гдѣ находятся еще нѣсколько пещеръ менѣе значительныхъ. Одна изъ вышеназванныхъ пещеръ находится у подошвы известняковаго холма въ 20 метрахъ надъ поверхностью долины, а другая гораздо выше; эта послѣдняя только принадлежитъ къ эпохѣ пещернаго медвѣдя.

Основываясь на результатахъ своихъ раскопокъ, Фонтанъ полагаетъ, что почва была изрыта сильнымъ наводненіемъ, которое смѣшало остатки различныхъ геологическихъ эпохъ. Онъ нашелъ въ гротѣ Масса кости пещерныхъ медвѣдя, гіены и тигра, лисицы, оленя, косули и пр., два человѣческіе зуба и остріе костяной стрѣлы. Кромѣ того онъ замѣтилъ два слоя пепла и угля на различной высотѣ.

Въ верхнемъ гротѣ Масса находится знаменитый камень, на которомъ изображенъ довольно правильно пещерный медвѣдь (рис. 31-й). Этотъ замѣчательный памятникъ указываетъ первый слѣдъ искуства живописи, которое положительно возникло у первобытныхъ людей въ историческую эпоху, слѣдующую за той, которую мы теперь изучаемъ.

Пещеры Лерма и Буишеты изслѣдованы Фильолемъ и Гаригу, которые нашли тамъ кости большей части млекопитающихъ исчезнувшихъ видовъ и особливо кости пещернаго медвѣдя, многія изъ которыхъ расколоты и сохранили слѣды орудій, которыми сдирали съ нихъ мясо. Нѣкоторыя изъ этихъ костей были обглоданы гіенами, что доказывается глубокими слѣдами ихъ зубовъ. Тутъ же найдены нижнія челюсти пещернаго медвѣдя и пещернаго тигра обдѣланныя въ видѣ орудій, которыя по мнѣнію Гаригу и Фильоля служили для защиты отъ дикихъ звѣрей.

Пещера Лерма заключала въ себѣ человѣческія кости, а именно: три зуба, остатокъ лопатки, локтевую кость, надломленную лучевую и суставъ большаго пальца на ногѣ. Всѣ эти кости находи-

лись въ томъ же самомъ положенiи какъ и кости пещернаго медвѣдя: слѣдовательно относятся къ одной и той же эпохѣ.

Мы уже говорили, что въ Англiи, Бельгiи и другихъ странахъ изслѣдовано много пещеръ. Мы не станемъ описывать подробно каждую изъ нихъ, ибо это было бы только повторенiе уже сказаннаго о другихъ пещерахъ. Мы ограничимся только указанiемъ на самыя знаменитыя изъ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ эпохѣ пещернаго медвѣдя и мамонта.

Въ Англiи въ этомъ отношенiи замѣчательны пещеры Кента и Бриксгама близъ Торкэ (въ Девонширѣ); послѣдняя имѣетъ нѣсколько сотенъ метровъ;—пещеры полуострова Гауера (въ южномъ Валлисѣ) тщательно изслѣдованныя Фальконеромъ и Вудомъ, которые нашли тамъ кремневыя орудiя и кости elephas antiquus и rhinoceros hemitaechus, виды животныхъ еще древнѣе мамонта и сибирскаго носорога;—пещеры Киркдель (въ граф. Iоркъ) изслѣдованныя геологомъ Букландомъ;—пещеры Вельсъ (въ Сомеретширѣ), Вокэ-Голь, Минчин-Голь и др.

Въ Италiи укажемъ на гроты Чiампо и Лалiо на берегахъ Камо, въ которыхъ найдены какъ въ Вержисонѣ остатки грубой глиняной посуды. Также замѣчательны пещеры въ окрестностяхъ Палермо и особливо Сан-Сиро и Маконьона.

Въ послѣднемъ гротѣ въ слоѣ, содержавшемъ въ себѣ древнiе остатки, Фальконеръ нашелъ кремневыя орудiя, обломки костей, куски пережженной глины, древесный уголь, большiя раковины, Helix Vermiculata, лошадиные зубы и копролиты гiены, все это соединенное въ одну массу углекислою известью. Въ гораздо низшемъ слоѣ находились кости различныхъ видовъ бегемота, elephas antiquus и другихъ большихъ млекопитающихъ.

Наконецъ въ Испанiи, Алжирѣ, Египтѣ и Сирiи также находятся пещеры, относящiяся къ каменному вѣку.

Въ новомъ свѣтѣ одинаково изслѣдованы пещеры, содержащiя въ себѣ кости исчезнувшихъ животныхъ. Особливо замѣчательна въ этомъ отношенiи Бразилiя, гдѣ Лундъ посѣтилъ около восьми сотъ пещеръ, принадлежащихъ къ различнымъ эпохамъ и въ которыхъ онъ нашелъ большое количество костей неизвѣстныхъ животныхъ. Въ одной изъ такихъ пещеръ близъ озера Сумидуро

Лундъ нашелъ человѣческія кости отъ тридцати индивидуумовъ различныхъ возрастовъ и въ томъ же состояніи разложенія, въ которомъ находились кости животныхъ исчезнувшихъ видовъ.

Мы нарочно пропустили и не назвали до сихъ поръ пещеръ Бельгіи. Онѣ представили слишкомъ важные остатки далекаго прошлаго, чтобы мы ограничились относительно ихъ однимъ перечнемъ. Пещеры окрестностей Литиха, изслѣдованныя въ 1833 г. Шмерлингомъ, заслуживаютъ подробнаго разсмотрѣнія.

Шмерлингъ посѣтилъ болѣе сорока пещеръ въ долинахъ Мааса и его притоковъ. Входъ въ нѣкоторыя изъ нихъ былъ до того труденъ, что приходилось опускаться по веревкѣ и ползти по низкимъ коридорамъ прежде чѣмъ очутиться въ большихъ подземныхъ галереяхъ. А однажды попавъ туда приходилось оставаться цѣлые дни и часы по колѣни въ тинѣ, тогда какъ сверху вода капала на голову; въ такомъ-то положеніи надо было надзирать надъ работою землекоповъ, которые заступами отламывали слой сталагмитовъ, подъ которымъ находился пластъ, заключавшій въ себѣ кости, свидѣтелей громадной древности человѣка. Особливо опасна была одисея Шмерлинга въ пещерѣ Энгиса, знаменитой найденными въ ней двумя человѣческими черепами.

Большая часть Литихскихъ пещеръ кишила отдѣльными костями пещерныхъ медвѣдя и гіены, мамонта, носорога, а также существующихъ до нынѣ животныхъ, волка, кабана, косуля, бобра, ежа, и т. д. Въ нѣкоторыхъ найдены были человѣческія кости также чрезвычайно разбросанныя повсюду и подъ костями животныхъ и надъ ними, почему можно заключить, что въ эти пещеры потоки заносили всевозможные остатки. Нигдѣ Шмерлингъ не нашелъ обглоданныхъ костей и копролитовъ ископаемыхъ животныхъ, что уничтожаетъ ипотезу о томъ, что эти пещеры служили логовищемъ для звѣрей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчались кости одного и того же скелета, совершенно сохранившіяся и въ своемъ естественномъ расположеніи; вѣроятно онѣ занесены были въ пещеры еще покрытыя мясомъ во время наводненія и никакой подземный переворотъ ихъ съ тѣхъ поръ не раздѣлилъ. Но нигдѣ не найдено ни одного цѣльнаго скелета даже неболь-

шихъ млекопитающихъ, кости которыхъ обыкновенно наименѣе повреждены.

Почти во всѣхъ пещерахъ Шмерлингъ нашелъ кремневыя орудія формы топоровъ и ножей и онъ замѣчаетъ, что ни одно изъ нихъ не могло попасть туда въ позднѣйшую эпоху, „потому что всѣ они находятся въ такомъ же положеніи какъ остатки сопровождающихъ ихъ животныхъ.“ Въ гротѣ Клокье, въ четырехъ километрахъ отъ Литиха, Шмерлингъ нашелъ полированную кость въ видѣ иглы съ отверстіемъ на одной сторонѣ; въ пещерѣ Энгисъ онъ также нашелъ кость, обработанную рукою человѣка, вмѣстѣ съ кремневыми орудіями.

Здѣсь оканчивается перечень различныхъ источниковъ тѣхъ археологическихъ памятниковъ, которые служили для созданія исторіи первобытнаго человѣка въ тотъ періодъ каменнаго вѣка, который мы назвали эпохой пещернаго медвѣдя и мамонта. Прежде чѣмъ покончить съ этой эпохой, намъ предстоитъ разрѣшить еще одинъ вопросъ, хотя положительныхъ данныхъ въ этомъ отношеніи не существуетъ. Каковъ былъ органическій типъ человѣка въ эту эпоху? Можно ли напримѣръ опредѣлить на какой степени развитія находился разумъ человѣка въ этотъ первый и древнѣйшій періодъ его исторіи? Отвѣтъ на предложенный вопросъ, хотя и не очень опредѣленный, найденъ въ пещерахъ Энгисъ и Энгибуль изслѣдованныхъ Шмерлингомъ.

Первая заключала въ себѣ остатки трехъ человѣческихъ существъ, изъ которыхъ судя по черепу одинъ былъ несовершеннолѣтній, а другой взрослый. Только послѣдній черепъ могъ быть сохраненъ, первый же разсыпался при выкапываніи. Въ Энгибулѣ найдены также два небольшіе остатка человѣческаго черепа и большое количество костей ручныхъ и ножныхъ отъ трехъ индивидуумовъ.

Энгійскій черепъ послужилъ предметомъ изученія всѣхъ современныхъ анатомовъ и палеонтологовъ. Пролиты цѣлые потоки чернилъ въ нескончаемыхъ спорахъ объ опредѣленіи по этому черепу степени умственнаго развитія обитателей Бельгіи въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта. Дѣйствительно нѣкоторая степень развитія мозга можетъ зависить отъ формы костяной коробки и

извѣстно, что существуетъ замѣчательная паралельность между мозговой емкостью и умственнымъ развитіемъ всѣхъ млекопитающихъ. Но въ подобномъ вопросѣ надо очень остерегаться подводнаго камня, на которомъ часто терпятъ крушеніе антропологи; эта опасность именно заключается въ постройкѣ теоріи на слишкомъ малочисленныхъ элементахъ и въ стремленіи обобщать заключенія, которыя быть можетъ результаты особенныхъ случаевъ. Найдя часть черепа, даже не цѣлый черепъ человѣка, современнаго пещерному медвѣдю, хотятъ опредѣлить степень умственнаго развитія человѣческаго рода въ эту эпоху. Но кто докажетъ, что этотъ черепъ не черепъ идіота или напротивъ необыкновенно умнаго человѣка, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ людей? Какое логическое заключеніе можно вывести изъ разсмотрѣнія одного черепа? Никакого. Testis unus testis nullus, говоритъ законоведеніе, которое въ юридическомъ отношеніи ничто иное, какъ здравый смыслъ подобно тому, какъ наука здравый смыслъ въ серьезныхъ занятіяхъ. Еслибъ найдено было десять или двѣнадцать череповъ одинакого устроенія, то можно было бы предположить, что передъ вами типъ человѣка въ данную эпоху; но мы еще разъ спрашиваемъ: какое заключеніе можно вывести изъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ частей одного черепа?

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія перейдемъ теперь къ мнѣніямъ великихъ мыслителей-анатомовъ объ энгійскомъ черепѣ.

Энгійскій черепъ, сохраняющійся въ Сен-Жерменскомъ музеѣ, ясно показываетъ, что онъ не полный; все основаніе черепа не достаетъ и не найдена ни одной изъ личныхъ костей. По этому невозможно измѣрить личной уголъ и опредѣлить развитіе нижней челюсти.

Вслѣдствіе этого читатели конечно ни мало не удивятся, если мы скажемъ, что мнѣніе ученыхъ по этому предмету самое противуположное. Для Гукслея этотъ черепъ не представляетъ никакихъ слѣдовъ низшаго развитія; онъ считаетъ его *среднимъ*, могущимъ принадлежать какъ философу, такъ и дикарю. Напротивъ по словамъ Карла Фохта черепъ этотъ доказываетъ самое первобытное умственное развитіе въ человѣкѣ, которому онъ при-

надлежалъ. Лайель не высказывается въ пользу ни того, ни другаго мнѣнія.

Такимъ образомъ Гипократъ-Гукслей говоритъ да, Гольенъ-Фохтъ говоритъ нѣтъ, а Цельзій-Лайель не говоритъ ни да, ни нѣтъ. Это насъ ни мало не удивляетъ и потому мы не будемъ долѣе останавливаться надъ такимъ неполнымъ предметомъ.

Перейдемъ теперь къ другому столь же знаменитому черепу, найденному въ 1857 году докторомъ Фульротомъ близъ Дюссельдорфа въ Неандертальскомъ ущельѣ. Этотъ черепъ былъ найденъ въ небольшомъ гротѣ подъ слоемъ ила въ полтора метра вышины. Безъ сомнѣнія весь скелетъ находился въ томъ же мѣстѣ, но работники очищая гротъ вѣроятно по неосторожности разсѣяли большую часть костей, такъ какъ только большія кости сохранились.

Здѣсь надо замѣтить, что рядомъ съ этими костями не найдено остатковъ животныхъ и потому нѣтъ положительныхъ доказательствъ, что онѣ не относятся къ эпохѣ пещернаго медвѣдя. Однако большая часть геологовъ полагаетъ, что ихъ слѣдуетъ отнести къ этой эпохѣ.

Неандертальскій черепъ, который сохранился въ еще меньшемъ остаткѣ, чѣмъ энгійской, во многомъ разнится отъ него. Онъ отличается необыкновеннымъ развитіемъ надбровныхъ дугъ, вслѣдствіе чего лобъ кажется еще болѣе низкимъ и покатымъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ; при этомъ черепной сводъ очень объемистъ и длинноватой элептической формы.

Эти замѣчанія сдѣланы професоромъ Шафгаузеномъ, который кромѣ того убѣдился въ тождествѣ найденныхъ костей бедряной, плечевой, лучевой и локтевой съ таковыми же костями современнаго европейца средняго роста. Только прусскій ученый былъ изумленъ дѣйствительно замѣчательному объему этихъ костей и развитію выпуклыхъ и вогнутыхъ частей гдѣ укрѣплены мускулы.

По мнѣнію професора Шафгаузена неандертальскій черепъ доказываетъ, что умственныя способности человѣка, которому онъ принадлежалъ, были самыя ограниченныя, ограниченнѣе чѣмъ у негровъ, одаренныхъ менѣе всѣхъ расъ, однимъ словомъ, что этотъ черепъ изъ всѣхъ человѣческихъ череповъ всего болѣе подходитъ къ

животному. Но Бускъ съ одной стороны, а Бернаръ-Давидъ съ другой, полагаютъ, что этотъ черепъ очень близко подходитъ подъ современный человѣческій черепъ, а професоръ Граціоле представилъ въ Парижское Антропологическое Общество голову современнаго идіота, которая по остеологическому своему характеру совершенно сходна съ неандертальскимъ черепомъ. Наконецъ извѣстный антропологъ, докторъ Прунеръ-Бей доказалъ со всей желаемой очевидностью, что неандертальскій черепъ тождественъ во всѣхъ своихъ частяхъ съ черепомъ кельта.

Такимъ образомъ мнѣніе, высказанное докторомъ Шафгаузеномъ, не выдержало послѣдующей критики и голова человѣка, жившаго въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, которую онъ считалъ одаренной самыми ограниченными умственными способностями, оказывается теперь ни въ чемъ не различествующею отъ головы кельта; а кельты принадлежатъ уже къ историческимъ временамъ, и помня ихъ нравственныя достоинства и мужественную храбрость мы съ гордостью считаемъ себя ихъ потомками.

Намъ нечего теперь прибавлять, что разсмотрѣніе неандертальскаго черепа, относящагося до самыхъ отдаленныхъ временъ человѣчества, служитъ достаточнымъ опорверженіемъ всего, что было писано о предполагаемой аналогіи въ анатомическомъ строѣ первобытнаго человѣка и обезьяны; этого разсмотрѣнія достаточно, чтобъ вычеркнуть навсегда изъ науки жалкій, неприличный терминъ—*ископаемый человѣкъ*, который возбудилъ столько грустныхъ недоразумѣній и такъ долго удержалъ возникновенія развитія науки о положительномъ происхожденіи человѣка.

Послѣ открытія описанныхъ череповъ найдены были еще въ различныхъ странахъ остатки человѣческихъ череповъ, относящихся по видимому до очень отдаленныхъ эпохъ. Укажемъ на челюсть, найденную Эдуардомъ Дюпономъ въ гротѣ Нолетъ, близъ Динана (въ Бельгіи);—на лобную и темяную кости, найденныя докторомъ Фоделемъ въ Рейнской долинѣ, въ Эгисгеймѣ близъ Кольмара; на черепъ открытый професоромъ Бокки въ ущельѣ Ольмо, близъ Арецо; наконецъ на знаменитую челюсть, добытую Буше-де-Пертомъ изъ наноса Мулена-Киньона. По мнѣнію всѣхъ антрополо-

говъ эта челюсть изъ Мулена-Киньона совершенно сходна съ челюстью современнаго человѣка небольшаго роста.

Въ заключеніе скажемъ, что невозможно опредѣлить по малому количеству сохранившихся череповъ о дѣйствительной степени развитія умственныхъ способностей человѣка въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта. Конечно ни мало не удивительно, если человѣческій черепъ въ тѣ отдаленныя времена не представлялъ признака большаго умственнаго развитія. Человѣкъ по своей природѣ постоянно совершенствуется и потому очень просто, что въ первыя времена его появленія на землѣ умственныя его способности были очень ограничены. Время и самоусовершенствованіе должны были ихъ развить; пламя этого свѣта, называемаго человѣческимъ разумомъ, должно было разгорѣться не вдругъ, а вѣками!

ЭПОХА СѢВЕРНАГО ОЛЕНЯ

или

ВЫСЕЛИВШИХСЯ ПОРОДЪ.

ГЛАВА I.

Человѣческое населеніе этого періода. — Нравы и обычаи. — Пища.— Одежда.—Оружіе и утварь.—Горшечныя издѣлія.—Украшенія.—Первобытныя искуства. — Главнѣйшія пещеры этого періода. — Типъ человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя.

Мы вступаемъ во второй періодъ каменнаго вѣка, который мы назвали періодомъ *Сѣвернаго оленя* или *Выселившихся животныхъ*. Много столѣтій отдѣляетъ насъ отъ начала четвертичной геологической эпохи. Могучія животныя, характеризовавшія начало этой эпохи, уже исчезли или начинаютъ исчезать. Гигантскій медвѣдь (ursus spelaeus) и пещерная гіэна (hyaena spelaea) уже не попадаются болѣе въ нашихъ странахъ, скоро пробьетъ послѣдній часъ громадному тигру (felis spelaea) и носорогу (rhinoceros tichorhinus). Природа мельчаетъ, но въ то же время совершенствуется.

Въ замѣнъ исчезнувшихъ породъ, безчисленныя стада сѣвернаго оленя населяютъ лѣса западной Европы. Въ той части Европы, которая впослѣдствіи будетъ называться Франціей, они распространились до самыхъ Пиренеевъ. Вмѣстѣ съ этимъ драгоцѣннымъ для человѣка жвачущимъ, появилась лошадь (equus ca-

8

ballus), ничѣмъ не отличающаяся отъ современной намъ лошади, зубръ (biso coropaeus), буйволъ (bos primigenius), мускусный быкъ (bos moschatus), европейскій олень, лань, альпійская коза, кабанъ и нѣсколько породъ грызуновъ, между прочимъ бобръ, леммингъ, землеройка и пр.

Со времени страшныхъ холодовъ ледянаго періода, климатъ немного смягчился, но онъ все еще суровѣе современнаго, потому что сѣверный олень, обитатель гиперборейскихъ странъ, уживается въ немъ и кишитъ въ несмѣтномъ числѣ.

Общій составъ фауны представляетъ несомнѣнное доказательство суровости климата центральной Европы того времени. Населявшіе ее животныя встрѣчаются теперь только въ крайнихъ сѣверныхъ предѣлахъ обоихъ континентовъ, на границѣ снѣговъ и льдовъ, или на вершинахъ высочайшихъ горныхъ кряжей. Туда удалились въ современную намъ эпоху сѣверный олень, мускусный быкъ, альпійская коза, горный козелъ, леммингъ и землеройка. Даже бобръ ограничивается въ настоящее время почти одной Канадой.

Англійскій натуралистъ Кристи, съ замѣчательною проницательностью указалъ, что скопленіе костей и прочихъ органическихъ остатковъ въ пещерахъ заставляетъ предполагать суровый климатъ. Заразительный смрадъ разлагающихся труповъ, даже подъ вліяніемъ умѣренной температуры, сдѣлалъ бы невозможнымъ существованіе человѣка въ сосѣдствѣ этихъ громадныхъ скоповъ костей и прочихъ животныхъ остатковъ. Эскимосы въ этомъ отношеніи находятся въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыя былъ поставленъ первобытный человѣкъ; они живутъ бокъ о бокъ съ грудами зловонныхъ, разлагающихся животныхъ остатковъ, но подобное существованіе только и возможно въ суровомъ климатѣ крайняго сѣвера.

Подвинулся ли человѣкъ этого періода на пути развитія? Въ чемъ заключаются его успѣхи передъ его предками? Мы постараемся по возможности отвѣчать на эти вопросы. Но намъ придется ограничиться только двумя странами, для которыхъ мы имѣемъ достаточныя данныя касательно этой эпохи. Мы будемъ имѣть въ виду только ту часть Европы, которая составляетъ теперь Францію и Бельгію.

Въ періодъ сѣвернаго оленя человѣкъ обработываетъ кремни

съ большимъ искуствомъ, чѣмъ въ предшествовавшемъ періодѣ. Онъ изготовляетъ себѣ весьма замѣчательныя орудія изъ костей, слоновой кости и оленьяго рога. Между тѣмъ, какъ въ пещерахъ предшествовавшаго періода человѣческіе остовы попадались въ перемежку съ костями животныхъ, въ настоящемъ періодѣ этого болѣе не встрѣчается.

Мы начнемъ изученіе человѣка этого періода съ его жилища и пищи. Затѣмъ мы перейдемъ къ его издѣліямъ и къ первымъ проблескамъ зарождающагося искуства. Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о его физическомъ складѣ, о его типѣ.

Жилищемъ человѣку этого періода продолжаютъ служить пещеры. Онъ поселяется или во всей пещерѣ или располагается только у ея входа, смотря по ея глубинѣ и степени освѣщенія. Въ срединѣ ея плиты изъ твердой породы, песчанника или глинистаго сланца, образуютъ очагъ, на которомъ изготовляется пища. Вокругъ этого очага семейство проводитъ длинные зимніе вечера.

Иногда, чтобъ оградить себя отъ случайностей, которымъ онъ подверженъ, человѣкъ этой эпохи выбираетъ для жилища пещеру съ узкимъ входомъ, въ который онъ можетъ проникать только ползкомъ.

Гротъ, образованный выступомъ скалъ, былъ во всѣхъ климатахъ первымъ убѣжищемъ человѣка. Потребность укрыться отъ зимняго холода и лѣтняго зноя вынуждала человѣка отыскивать подобныя убѣжища. Но подобныя, естественныя убѣжища встрѣчались только въ мѣстностяхъ гористыхъ, въ которыхъ скалы представляли трещины и разсѣлины. Поселившись въ равнинѣ, человѣкъ былъ принужденъ самъ создать себѣ кровъ. Онъ стаскивалъ въ кучу попадавшіеся ему каменья и громоздилъ изъ нихъ настоящія искуственныя пещеры. Воспользовавшись естественнымъ выступомъ или впадиной почвы, онъ совершенствовалъ по возможности этотъ кровъ и, такимъ образомъ, довершая искуствомъ дѣло природы, созидалъ себѣ удобныя убѣжища.

Добавимъ, что онъ руководился въ выборѣ мѣстности сосѣдствомъ проточной воды.

Таковы были жилища обитателей равнинъ въ разсматриваемую нами эпоху.

*

Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что представители этого періода не ограничивались исключительно естественными пещерами, но умѣли устроивать себѣ подъ навѣсомъ скалъ болѣе удобныя жилища. Въ различныхъ мѣстахъ Франціи, въ Перигорѣ, найдены цѣлыя поселенія первобытнаго человѣка, построенныя подъ открытымъ небомъ, не имѣвшія естественнаго крова, а только пріютившіяся отъ непогоды у подошвы болѣе или менѣе нависшихъ утесовъ, служащихъ для нихъ какъ бы навѣсомъ. Подобныя жилища первобытнаго человѣка извѣстны подъ названіемъ *убѣжищъ подъ утесами.*

Подобныя жилища встрѣчаются всего чаще на днѣ долинъ, по близости потоковъ. Здѣсь, какъ и въ пещерахъ, встрѣчаются груды костей млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, а также орудія изъ кремня, кости и рога. Попадаются также слѣды очаговъ.

Самое замѣчательное изъ подобныхъ убѣжищъ, характеризующихъ періодъ сѣвернаго оленя, найдено около Бруникель въ департаментѣ Тарнъ и Гароны, неподалеку отъ Монтобанъ.

На лѣвомъ берегу Авейрона, подъ навѣсомъ одного изъ самыхъ высокихъ утесовъ Бруникеля, по сосѣдству замка, вѣнчающаго своими живописными развалинами крутой гребень этихъ утесовъ, открытъ въ 1866 году одинъ изъ этихъ доисторическихъ очаговъ, дающій самое полное представленіе о *кровахъ подъ утесами,* въ которыхъ селился первобытный человѣкъ періода сѣвернаго оленя.

Высота этого утеса, извѣстнаго подъ именемъ *Монтастрюкъ,* 30 метровъ, длина отъ 14 до 15 метровъ. Онъ покрываетъ поверхность въ 250 квадратныхъ метровъ. Въ этой-то мѣстности В. Бренъ, директоръ естественно-историческаго музея въ Монтобанъ, нашелъ массу разнообразныхъ предметовъ, изученіе которыхъ много способствовали разъясненію исторіи первобытнаго человѣчества въ эту эпоху.

Человѣкъ въ періодъ сѣвернаго оленя не имѣлъ никакого понятія о земледѣліи. Онъ не поработилъ еще ни одного животнаго, чтобы воспользоваться его работой или обезпечить себѣ пропитаніе. Подобно своимъ предкамъ, онъ былъ по преимуществу охотникъ. Онъ преслѣдовалъ дикаго звѣря и убивалъ его копьемъ

или стрѣлою. Главнымъ предметомъ его охоты былъ сѣверный олень. Это млекопитающее, удалившееся теперь на дальный сѣверъ, но въ то время обитавшее всю Европу, какъ среднюю, такъ и южную, было для первобытнаго человѣка той эпохи, какъ теперь для лапландца, самымъ драгоцѣннымъ даромъ природы. Онъ питался его мясомъ, укрывался подъ его шкурой отъ ненастія, употреблялъ его сухожилія при изготовленіи своей одежды, наконецъ, выдѣлывалъ изъ его кости и рога всевозможныя орудія и оружье. Оленій рогъ составлялъ почти единственный сырой матеріалъ промышленности того времени. Для человѣка этой отдаленной эпохи онъ замѣнялъ желѣзо.

Лошадь, буйволъ, зубръ, благородный олень, горный козелъ, альпійская коза также доставляли пищу человѣку. Онъ разбивалъ кости и черепа убитыхъ животныхъ и высасывалъ еще теплый мозгъ, какъ это дѣлаютъ и теперь обитатели полярныхъ странъ. Мясо же онъ всегда ѣлъ жаренное или испеченное на тѣхъ грубыхъ очагахъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить, а никогда не сырое, какъ утверждали нѣкоторые натуралисты. Кости животныхъ, найденныя вмѣстѣ съ остатками человѣка въ пещерахъ этого періода, нерѣдко представляютъ ясные слѣды огня.

Въ перемежку съ этими четвероногими, онъ отъ времени до времени ѣлъ и птицъ, напр., глухаря, тетерева, сову и пр. Но когда и этой дичи не доставало, онъ накидывался на крысъ. Дюпонъ нашелъ около очага въ пещерѣ Шале болѣе десяти килограммовъ полусожженныхъ костей водяной крысы.

Во всѣ времена человѣкъ особенно цѣнилъ рыбную пищу. Простѣйшаго навѣденія было бы достаточно, чтобы заключить, что и въ эту эпоху вмѣстѣ съ мясомъ четвероногихъ онъ питался и рыбой, но эта догадка подтверждается еще несомнѣнными свидѣтельствами. Это свидѣтельство заключается въ рыбныхъ остатахъ, встрѣчающихся вмѣстѣ съ костями млекопитающихъ, а также въ изображеніяхъ различныхъ частей тѣла рыбъ, выцарапанныхъ на обломкахъ орудія изъ кости и рога.

Очевидно, что искуство рыболовства существовало уже въ эпоху сѣвернаго оленя. Нельзя утверждать, что оно было извѣстно въ

эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта, но существованіе его въ занимающую насъ эпоху не подлежитъ сомнѣнію.

Въ своемъ мемуарѣ: „*О началѣ навигаціи и рыболовства*" Мортилье высказываетъ свое мнѣніе по этому поводу въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Эпоха сѣвернаго оленя завѣщала намъ нѣсколько рыболовныхъ снарядовъ. Самый простѣйшій ни что иное, какъ заостренная съ обоихъ концовъ, прямая, тоненькая игла изъ кости, длиною въ 3—4 сантиметра. Это первобытная, элементарная уда. На эту иглу изъ кости или рога, привязанную за средину, насаживалась приманка. Проглоченная прожорливымъ животнымъ, рыбой или водяной птицей, она вонзалась однимъ изъ остріевъ въ его внутренность, и животное было поймано. Въ сенъ-жерменскомъ музеѣ находится нѣсколько подобныхъ косточекъ изъ богатаго мѣстонахожденія въ Бруникелѣ, близъ Монтобана (Тарнъ-и-Гаронна).

„Гроты и убѣжища Дордоньи, такъ тщательно изслѣдованныя Ларте и Кристи, также доставили нѣсколько образцовъ рыболовныхъ крючковъ періода сѣвернаго оленя. Рядомъ съ только что описанною простѣйшею формой найдены и болѣе усовершенствованныя формы. Онѣ состоятъ также изъ небольшихъ обломковъ кости или оленьяго рога съ широкой и глубокой насѣчкой, образующей острыя зазубрины или бородки. Два изъ нихъ изображены на таблицѣ В VI, изданія Reliquiae Aquitanicae. Ларте обладаетъ нѣсколькими образцами, но самый замѣчательный экземпляръ находится въ превосходной коллекціи Пекадо-де-Лиль „въ Парижѣ" (1).

Многое заставляетъ предполагать, что человѣкъ не ограничивался въ эту эпоху одной животной пищей, такъ какъ организація человѣка вполнѣ приспособлена и къ растительной пищѣ. Дикіе плоды, желуди и каштаны вносили нѣкоторое разнообразіе въ его обыденный столъ.

Здѣсь естественно возникаетъ крайне любопытный вопросъ: былъ

---

(1) Origine de la navigation et de la pêche, p. 25, Paris, 1867, chez Reinwald.

ли человѣкъ этого періода людоѣдъ? Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя позволили бы разрѣшить такъ или иначе этотъ вопросъ. Слѣдующіе факты склоняютъ насъ скорѣе въ пользу положительнаго отвѣта.

Въ Шотландіи найдены человѣческіе черепа въ перемежку съ кремневымъ оружіемъ, остатками горшечныхъ издѣлій и дѣтскими костями. Оуенъ утверждаетъ, что на этихъ послѣднихъ видны несомнѣнные слѣды человѣческихъ зубовъ.

Въ Солютре, около Маконъ, Де-Ферри нашелъ человѣческіе пальцы въ кухонныхъ остаткахъ эпохи пещернаго медвѣдя, мамонта и сѣвернаго оленя.

Наружный видъ костей въ пещерахъ Аріежа, изслѣдованныхъ Гаригу и Фильолемъ, привелъ этихъ ученыхъ къ заключенію, что „можетъ быть, доисторическій человѣкъ былъ людоѣдъ."

Къ тому же заключенію приводятъ изслѣдованія гротовъ и пещеръ южной Италіи, предпринятыя Коста-де Борегаромъ. Этотъ изслѣдователь нашелъ локтевую кость ребенка, высосанную и тщательно обчищенную, что заставляетъ предполагать, что она служила пищей.

Иссель нашелъ близъ Финале, по пути между Генуей и Ниццой, въ обширной пещерѣ, вѣроятно долго служившей убѣжищемъ первобытному человѣку, — человѣческія кости, очевидно сожженныя. Ихъ бѣлизна, легкость, хрупкость не оставляли никакихъ сомнѣній. Сверхъ того на ихъ поверхности можно было найдти слѣды угля. Многія изъ этихъ костей имѣли слѣды, произведенные очевидно острымъ орудіемъ.

И такъ весьма вѣроятно, что человѣкъ въ эту эпоху предавался людоѣдству, что, впрочемъ, нисколько не должно насъ удивлять, когда мы знаемъ, что и въ наше время нѣкоторыя дикія племена придерживаются этого обычая.

Ни въ одномъ человѣческомъ поселеніи этой эпохи не найдено костей, обглоданныхъ собаками. Очевидно, что человѣкъ еще не приручилъ этого животнаго.

Какъ одѣвался человѣкъ въ эпоху сѣвернаго оленя? Одежда его состояла изъ шкуръ крупныхъ четвероногихъ, убитыхъ на охотѣ, преимущественно же изъ оленьей шкуры. На этотъ счетъ

не можетъ существовать ни малѣйшаго сомнѣнія. Значительное число оленьихъ роговъ, найденныхъ въ Перигорѣ, представляютъ при корнѣ зарубки, очевидно сдѣланныя при сдираніи шкуры съ животнаго.

Также мало подлежитъ сомнѣнію, что человѣкъ этой эпохи умѣлъ обработывать шкуры, соскабливать волосъ и не былъ вынужденъ носить тяжелыя мохнатыя медвѣжьи шкуры. Для чего въ самомъ дѣлѣ могли служить эти скребки изъ кремня, встрѣчающіяся въ такомъ изобиліи, какъ не для того, чтобы соскабливать волосъ съ шкуръ дикихъ животныхъ? Очистивъ ихъ отъ волоса, онъ смазывалъ ихъ мозгомъ изъ длинныхъ костей оленя для сообщенія имъ нѣкоторой мягкости и затѣмъ выкраивалъ себѣ одежду по весьма простымъ, къ сожалѣнію, не дошедшимъ до насъ образцамъ. Наконецъ они соединяли отдѣльные куски посредствомъ грубыхъ швовъ.

Доказательствомъ, что человѣкъ этого періода умѣлъ сшивать вмѣстѣ шкуры при изготовленіи своей одежды, служатъ многочисленные образцы орудій, служившихъ ему для этой цѣли и, что достойно замѣчанія, вполнѣ схожихъ съ тѣми, которыя теперь употребляются лапландцами для тѣхъ же цѣлей. А именно шила изъ кремня или кости, посредствомъ которыхъ они пробивали дыры въ шкурахъ, и тщательно выдѣланныя иглы изъ кости или рога.

Внимательное изслѣдованіе костей оленя позволило убѣдиться, что человѣкъ этой эпохи употреблялъ вмѣсто нитокъ сухожилія этого животнаго. Эти кости представляютъ поперечныя насѣчки именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прикрѣпляются къ нимъ сухожилія, очевидно слѣды орудія, которымъ сухожиліе было отдѣлено отъ кости.

Ни одинъ металлъ еще не былъ извѣстенъ, и потому человѣкъ ограничивался каменными издѣліями, служившими ему и орудіемъ труда, и оружіемъ какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ. Топоръ какъ оружіе не былъ въ большомъ употребленіи. Самымъ распространеннымъ оружіемъ былъ кремневой ножъ. Къ нему слѣдуетъ еще присоединить другое естественное оружіе—нижнюю челюсть медвѣдя, вооруженную его острымъ колючимъ клыкомъ.

Этимъ оружіемъ, продолговатая могучая кость которой служила удобной рукояткой, человѣкъ могъ разить животныхъ, съ которыми вступалъ въ рукопашный бой.

Страсть къ украшеніямъ, по видимому, присуща человѣческой природѣ, потому что мы встрѣчаемъ ея проявленія въ самой глубокой древности и во всѣхъ странахъ. Мужчина и женщина эпохи сѣвернаго оленя по своему служили граціямъ. Среди превратностей своей судьбы они находили время изготовлять себѣ ожерелья, запястья, серьги изъ просверленныхъ раковинъ или зубовъ, которые они нанизывали на подобіе четокъ.

Ушной хрящъ лошади или быка имѣлъ то же назначеніе, т. е. какъ предметъ украшенія.

Имѣлъ ли человѣкъ этой эпохи какое либо представленіе о загробной жизни, какіе либо обряды и вѣрованія? Слѣдуетъ предполагать, что имѣлъ, судя по громаднымъ оставамъ ископаемаго слона (мамонта), найденнымъ вокругъ очаговъ въ погребальныхъ пещерахъ Бельгіи и описаннымъ Эдуардомъ Дюпонъ. Этотъ обычай окружать погребальныя пещеры оставами животныхъ, по наблюденіямъ Марло, еще существуетъ у индѣйцевъ и имѣетъ религіозное значеніе. И такъ, на этотъ фактъ можно ссылаться въ подтвержденіе существованія религіознаго чувства въ человѣкѣ этого періода.

Въ гробницахъ этой эпохи находятъ оружіе, которое человѣкъ носилъ при жизни, и нерѣдко запасы пищи. Этотъ обычай снабжать мертвецовъ пищей для загробныхъ странствій свидѣтельствуетъ, какъ мы указали выше, о вѣрованіи въ иную жизнь.

Извѣстнаго рода религіозныя вѣрованія или предразсудки, по всей вѣроятности, были связаны съ тѣми блестящими каменьями или осколками рудъ, которыя были найдены въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ этихъ первобытныхъ племенъ. Де-Вибре нашелъ въ Бурделѣ (деп. Шаранты) двѣ массы почковидной желѣзной руды, вмѣстѣ со всевозможными другими осколками, а въ Нижней-Ложери—(деп. Дордоньи), въ срединѣ очага, небольшую массу мѣди, покрытую слоемъ зеленой углекислой мѣди. Въ другихъ мѣстахъ находили куски гагата, фіолетоваго плавиковаго шпата и пр., просверленные вѣроятно для того, чтобы носить ихъ

на шеѣ или въ ушахъ. Большая часть этихъ предметовъ принимается учеными за амулеты, т. е. символы религіозныхъ вѣрованій, существовавшихъ у человѣка въ періодъ сѣвернаго оленя.

Инстинктъ общежитія, побуждающій человѣка искать общества себѣ подобныхъ, уже высказался въ эту эпоху. Завязались сношенія между мѣстностями относительно отдаленными. Такъ, напр., обитатели береговъ Лессы, въ Бельгіи, добывали себѣ изъ современной Шампаньи кремень, необходимый для изготовленія оружія и не встрѣчающійся въ ихъ мѣстности. Оттуда же вынесли они нѣкоторыя ископаемыя раковины, изъ которыхъ выдѣлывали причудливыя ожерелья. Существованіе этихъ сношеній не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію, оно подтверждается очевидными доказательствами. Эдуардъ Дюпонъ нашелъ въ пещерѣ Шале (въ Бельгіи) пятьдесятъ четыре раковины, не встрѣчающіяся нигдѣ, кромѣ Шампаньи. Значитъ въ эту эпоху уже существовало нѣчто въ родѣ торговли, такъ какъ добываніе изъ другихъ странъ и обмѣнъ предметовъ составляетъ уже первое проявленіе торговли.

Можно даже утверждать, что существовали настоящія фабрики оружія и необходимыхъ орудій, произведенія которыхъ распространялись въ околодкѣ. Пещеры въ Шале, по видимому, составляли одинъ изъ подобныхъ промышленныхъ центровъ, такъ какъ въ промежутокъ времени отъ 8 до 30 мая 1865 года, значитъ всего въ двадцать два дня, тамъ найдено было около двадцати тысячъ кремней, высѣченныхъ на подобіе топоровъ, ножей, кинжаловъ, скребковъ и другихъ орудій.

Подобныя же мастерскія для обработки кремня существовали въ поселеніяхъ верхней и нижней *Ложери*, въ Перигорѣ. Въ первомъ изъ нихъ, по видимому, занимались исключительно изготовленіемъ наконечниковъ для копій; Ларте и Кристи собрали нѣсколько весьма замѣчательныхъ образчиковъ этого оружія.

Во второй, по видимому, изготовлялось оружіе и различные предметы изъ оленьяго рога, судя по многочисленнымъ осколкамъ роговъ, найденныхъ въ этой мѣстности и носящихъ несомнѣнные слѣды пилы.

Однако, область распространенія этихъ издѣлій вѣроятно была болѣе ограничена, чѣмъ впослѣдствіи, въ эпоху шлифованнаго

камня. Да и возможно ли было въ то время, когда не существовало никакихъ средствъ сообщенія, переправляться черезъ широкія рѣки, пробиваться чрезъ непроницаемыя чащи лѣсовъ, чтобы сбывать свои произведенія? Тѣмъ не менѣе любопытно засвидѣтельствовать, что торговля, хотя въ самой элементарной формѣ, уже существовала въ ту отдаленную эпоху.

Оружіе, утварь и различные предметы, бывшіе въ употребленіи въ эту эпоху, обнаруживаютъ успѣхи, которые человѣкъ сдѣлалъ надъ своими предшественниками. Всѣ эти предметы сдѣланы изъ кремня, кости и оленьяго рога, но послѣдній матеріалъ преобладаетъ, особенно въ поселеніяхъ южной и центральной Франціи. Перигорскія поселенія отличаются обиліемъ издѣлій изъ оленьей кости.

Разнообразіе формъ кремневыхъ орудій можетъ служить доказательствомъ продолжительности той исторической эпохи, которая насъ въ настоящую минуту занимаетъ. Въ длинномъ рядѣ этихъ орудій можно наглядно прослѣдить всѣ фазисы усовершенствованія, начиная съ грубыхъ топоровъ абевильскаго дилювіума и кончая изящными наконечниками копій, ни въ чемъ не уступающимъ произведеніямъ позднѣйшихъ эпохъ.

Мелкія орудія, именно: ножи, шила, скребки, и проч. составляютъ большинство, топоры сравнительно рѣдки. Нѣкотрыя орудія служили очевидно для двоякаго назначенія, напр., шила и долота. Встрѣчаются также круглые камни, служившіе молотомъ, судя по тому, что на нихъ остались несомнѣнные слѣды ударовъ.

Луббокъ полагаетъ, что эти камни могли имѣть и другое назначеніе, они могли служить для согрѣванія воды; для этого ихъ накаливали и бросали въ воду. По свидѣтельству Луббока нѣкоторыя дикія племена, не знакомыя съ горшечнымъ искуствомъ, не имѣютъ до сихъ поръ инаго способа для нагрѣванія воды, такъ какъ деревянная посуда, въ которой они держатъ воду, не можетъ служить для нагрѣванія на огнѣ.

Упомянемъ еще объ орудіяхъ для шлифованія, изъ песчанника или изъ другаго матеріала, представлявшаго шероховатую поверхность. Они могли служить только для шлифованія кости и рога,

такъ какъ эпоха сѣвернаго оленя не представляетъ орудій изъ шлифованнаго камня.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ найдены также гальки изъ гранита или кварцита, болѣе или менѣе закругленныя на окраинѣ и съ небольшой выдолбиной въ рединѣ. Высказывали мнѣніе, что это ступки, но ихъ незначительная емкость противорѣчитъ этому предположенію. Трудно допустить, чтобы онѣ служили для дробленія зеренъ, какъ полагаетъ Вибре. Эдуардъ Ларте полагаетъ, что человѣкъ описываемой эпохи добывалъ себѣ огонь, вставляя деревянную палочку въ отверстія этихъ камней и быстро вращая ее. Теплота, развивающаяся отъ тренія о неровную поверхность камня, воспламеняла дерево.

Въ числѣ наиболѣе любопытныхъ предметовъ громаднаго собранія кремневыхъ орудій эпохи сѣвернаго оленя, найденныхъ во Франціи и въ Бельгіи, слѣдуетъ упомянуть о крошечныхъ пилахъ съ мелкими рубчиками на обѣихъ сторонахъ. Та, которую изображаетъ нашъ рисунокъ 32, находится въ археологическомъ музеѣ въ Сен-Жерменѣ. Длина ея всего два сантиметра, ширина три или четыре милиметра. В. Бренъ нашелъ ее въ одномъ изъ „убѣжищъ подъ утесомъ“ въ Бруникелѣ. Эти пилочки вѣроятно употреблялись для выдѣлки роговъ оленя или другихъ животныхъ, мѣняющихъ рога. Подпиливъ стволъ съ обѣихъ сторонъ, его отламывали рукой.

Предметы изъ кости и оленьяго рога, найденные въ пещерахъ Перигора, представляютъ еще болѣе разнообразія формъ и не менѣе изумительное искуство въ исполненіи.

Обратимъ вниманіе, напр., на наконечники стрѣлъ и дротиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ узки и заострены съ обоихъ концовъ, другіе оканчиваются при основаніи простымъ или двойнымъ клиномъ. Послѣдніе по большей части расщеплены для прикрѣпленія древка; иные украшены бороздками, продольными или въ клѣтку. Нѣкоторые имѣютъ насѣчки, довольно схожія съ бородками, но представляющія менѣе глубокія зарубки.

За ними слѣдуютъ наконечники для стрѣлъ съ бородками, такъ называемые „гарпуны.“ Тщательно заостренные на вершинѣ, они отличаются длинными, крючковатыми бородками съ одной или съ

обѣихъ сторонъ (рис. 33 и 34). Въ послѣднемъ случаѣ зубчики бородокъ расположены по-парно и на каждомъ замѣтка, проходящая по срединѣ, выемка или желобокъ, служившій, по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, помѣщеніемъ для яда. Должны ли мы заключить, что первобытный человѣкъ, подобно современнымъ индѣйцамъ, отравливалъ свои стрѣлы и что срединный желобокъ, встрѣчающійся на многихъ стрѣлахъ изъ рога, служилъ вмѣстилищемъ этого яда?

Спѣшимъ замѣтить, что это мнѣніе покинуто съ тѣхъ поръ, какъ доказано, что сѣверо-американскіе индѣйцы употребляли въ охотѣ на тюленя деревянныя стрѣлы съ совершенно подобными желобками. Желобки эти служили для стока крови, причиняя животному смерть отъ кровотеченія. Таково же должно быть назначеніе срединнаго желобка на каменныхъ стрѣлахъ эпохи сѣвернаго оленя. Догадки о ихъ отравленіи должны быть покинуты.

Эти стрѣлы съ бородкой, или такъ называемые гарпуны, еще и теперь употребляются эскимосами въ охотѣ на моржа. Ихъ гарпуны, подобно изображаемому выше (рис. 33) и относящемуся къ эпохѣ сѣвернаго оленя, очень заострены на концѣ и снабжены крючками. Они привязываютъ ихъ на длинной веревкѣ и метаютъ изъ лука. Иногда они привязываютъ къ нимъ пузырь для того, чтобы охотникъ могъ знать, попалъ ли въ цѣль, или куда долженъ направлять свои удары.

Сюда же, т. е. къ орудіямъ, мы опишемъ найденныя въ Перигорѣ костяныя шила различной величины съ рукоятками и безъ рукоятокъ, равно какъ и множество иголъ, иногда весьма тонкой, изящной работы, изъ кости, рога и даже слоновой кости. Въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ найдены кости, отъ которыхъ отбиты продолговатые осколки, вѣроятно послужившіе для изготовленія иголъ. Найдены такія острія изъ кремня, служившія для пробиванія ушка, равно какъ и обломки песчаника, на которыхъ производилась шлифовка этихъ костяныхъ осколковъ.

Слѣдуетъ также упомянуть о зубкахъ, служившихъ для сглаживанія швовъ, которыми сшивались шкуры.

Одно изъ замѣчательнѣйшихъ орудій, сохранившихся отъ этой эпохи, настоящій буравъ съ весьма острымъ концемъ и однимъ

заостреннымъ ребромъ. Быстро вращая это кремневое остріе, можно было просверливать отверстія въ какихъ угодно тѣлахъ, въ кости, зубахъ, деревѣ, раковинахъ и проч. Этотъ буравъ, по словамъ натуралистовъ, испробовавшихъ его дѣйствіе, ничѣмъ не уступаетъ нашимъ стальнымъ буравамъ.

Поселеніе Нижней-Ложери доставило еще нѣсколько орудій, для которыхъ до сихъ поръ не могутъ пріискать назначенія. Это продолговатыя тѣла, заостренныя съ одного конца, а съ другаго выдолблены на подобіе ложки. Эдуардъ Ларте высказалъ мнѣніе, что они дѣйствительно служили, на подобіе ложекъ, для извлеченія мозга изъ длинныхъ костей животныхъ. Ларте, однако, не рѣшается утверждать, что таково было дѣйствительно назначеніе этого орудія, „потому что,“ замѣчаетъ онъ, „первобытные обитатели нашихъ странъ вѣроятно не были особенно разборчивы относительно способовъ пріема пищи.“ Какъ бы то ни было, но одинъ изъ этихъ инструментовъ крайне замѣчателенъ по тѣмъ выпуклымъ линіямъ и орнаментамъ, которыми онъ украшенъ и которые обличаютъ въ художникѣ извѣстное стремленіе къ симметріи (рис. 35).

Во многихъ пещерахъ, въ Эйзи, въ Ложери, въ Шаффанѣ, въ приходѣ Савинье (деп. Віенны) найдены весьма оригинальные свистки (рис. 36). Они сдѣланы изъ бабокъ сѣвернаго оленя или какой другой породы оленя. Отверстіе сдѣлано при основаніи кости немного впереди сочлененія плюсны. Приложивъ нижнюю губу къ впадинѣ, образуемой этимъ сочлененіемъ, и вдувая воздухъ въ отверстіе, можно произвести острый, пронзительный звукъ, на подобіе звука, издаваемаго полымъ ключемъ. Мы имѣли удовольствіе лично убѣдиться въ Сен-Жерменскомъ музеѣ, что эти древніе свистки дѣйствовали очень исправно.

Перигорскія поселенія доставили также нѣсколько палокъ изъ оленьяго рога (рис. 37 и 38), назначеніе которыхъ до сихъ поръ еще не разъяснено. Всѣ онѣ имѣютъ одно или нѣсколько отверстій при основаніи и украшены изображеніями, къ которымъ мы будемъ имѣть случай вернуться, говоря о первобытномъ искуствѣ. Ларте предполагалъ, что это *жезлы* или знаки достоинства.

Это объясненіе довольно вѣроятно, если принять во вниманіе

съ какимъ стараніемъ они изукрашены. Допустивъ эту ипотезу, мы могли бы предположить, что число дыръ соотвѣтствовало положенію въ первобытной іерархіи: чѣмъ болѣе было дыръ, тѣмъ выше было званіе обладателя. Такъ напримѣръ, въ китайской имперіи значеніе мандарина опредѣляютъ числомъ шариковъ на шапкѣ. Подобно тому, какъ въ мусульманской іерархіи существуютъ паши объ одномъ или о нѣсколькихъ хвостахъ (бунчукахъ), такъ у человѣка, въ эпоху сѣвернаго оленя, существовали власти объ одной и о нѣсколькихъ дырахъ!

Мы видѣли выше, что уже въ эпоху пещернаго медвѣдя и мамонта въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европы было извѣстно искуство выдѣлывать грубыя горшечныя издѣлія. Въ этомъ отношеніи человѣкъ періода сѣвернаго оленя сдѣлалъ мало успѣховъ. Онъ изготовлялъ грубые сосуды изъ глины пополамъ съ пескомъ и для сообщенія имъ твердости подвергалъ ихъ дѣйствію огня. Къ тому же это искуство, даже въ такой грубой первобытной формѣ, было мало распространено, потому что обломки горшечныхъ издѣлій весьма рѣдко встрѣчаются между прочими остатками этой эпохи.

Въ Археологическомъ музеѣ въ Сенъ-Жерменѣ находятся сосуды изъ красноватой массы, значительныхъ размѣровъ и съ очень толстыми стѣнками (рис. 39).

Это естественная жеода, найденная въ гротѣ Модленъ (деп. Дордоньи). Съ одной стороны она носитъ несомнѣнные слѣды дѣйствія огня, откуда должно заключить, что она вѣроятно служила кухонной посудой.

Въ одномъ гротѣ, въ Бельгіи, о которомъ впослѣдствіи мы будемъ имѣть случай говорить, именно въ Фурфозѣ, близъ Динана, Эдуардъ Дюпонъ нашелъ между человѣческими костями урну или вазу, грубо выдѣланную изъ глины. Это, быть можетъ, древнѣйшій образецъ горшечнаго искуства нашихъ предковъ. Эта урна найдена въ осколкахъ и реставрирована въ томъ видѣ, въ какомъ она изображена на нашемъ рис. 40, стараніями Гозера по рисункамъ Легонъ (¹).

(¹) Lehon, l'Homme fossile, стр. 71, Брюссель, 1868.

Въ эпоху сѣвернаго оленя впервые проявилось въ человѣкѣ чувство изящнаго.

Достойно замѣчанія, что это эстетическое чутье было присуще только обитателямъ юго-запада современной Франціи. Только въ департаментахъ Дордоньи, Віенны, Шаранты, Тарнъ-и-Гаронны и Аріежа найдены предметы съ изображеніями органическихъ существъ.

Ни наши восточные департаменты, ни Бельгія, такъ тщательно не изслѣдованныя въ этомъ отношеніи Эдуардомъ Дюпонъ, ни Вюртембергъ, гдѣ Фраазъ въ послѣднее время нашелъ слѣды поселеній эпохи сѣвернаго оленя, не представляютъ ничего подобнаго.

Это обстоятельство нельзя объяснить, даже допустивъ, что поселенія южной Франціи относятся къ концу эпохи, между тѣмъ какъ другія поселенія выходятъ къ ея началу. Не говоря уже о бездоказательности подобнаго предположенія, оно устраняется тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что въ послѣднихъ мѣстностяхъ не найдено ни одного изображенія животнаго или растенья на предметахъ, относящихся къ позднѣйшимъ эпохамъ, напр., къ эпохѣ шлифованнаго камня или даже къ вѣку бронзы. Ничего подобнаго не найдено ни въ кухонныхъ остаткахъ Даніи, ни въ озерныхъ поселеніяхъ каменнаго и даже бронзоваго вѣка.

И такъ, должно допустить, что населеніе, обитавшее на юго-западѣ современной Франціи, было одарено спеціальною способностью къ рисованію. Подобное предположеніе не представляетъ ничего невѣроятнаго. Чувство изящнаго не всегда является продуктомъ цивилизаціи; оно даръ природы. Оно можетъ проявляться въ самомъ варварскомъ обществѣ и высказываться гораздо рѣзче въ извѣстномъ племени, уступающемъ сосѣднимъ племенамъ въ общемъ развитіи.

Какъ бы то ни было, но первобытные зачатки ваянія, которые мы теперь разсмотримъ въ подробности, обличаютъ несомнѣнныя художественныя способности. Формы такъ поразительно вѣрно переданы, движенія такъ удачно схвачены, что почти всегда можно угадать мысль первобытнаго художника, не смотря на то, что онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только самыя грубыя, несовершенныя орудія. Острый осколокъ кремня служитъ ему рѣз-

цемъ, кусокъ оленьяго рога, аспида или слоновой кости матеріаломъ, на которомъ онъ воспроизводилъ впечатлѣнія, произведенныя на него живою природой.

Быть можетъ, въ то время уже рисовали карандашами изъ кровавика или охры, такъ какъ обломки этихъ веществъ найдены въ пещерахъ. Быть можетъ, охра и кровавикъ служили также для татуированія, какъ у современныхъ намъ дикарей. Намѣтивъ рисунокъ охрой или кровавикомъ, художникъ приступалъ къ рѣзьбѣ посредствомъ заостреннаго кремня.

Внимательный посѣтитель всемірной выставки 1867 года долженъ былъ замѣтить, въ любопытной галлереѣ „Исторіи Труда", превосходное собраніе этихъ произведеній искуства отдаленныхъ вѣковъ. Въ немъ находилось не менѣе ста пятидесяти по большей части крайне любопытныхъ образцевъ, присланныхъ различными любителями. Габріель де Мортильѐ въ своемъ интересномъ сочиненіи „Доисторическая прогулка по всемірной выставкѣ" приводитъ тщательное описаніе этихъ предметовъ. Чтобы въ свою очередь познакомиться съ ними, мы возьмемъ въ руководители ученаго хранителя Сенъ-Жерменскаго археологическаго музея.

Начнемъ съ различныхъ изображеній мамонта, еще существовавшаго въ началѣ эпохи сѣвернаго оленя.

Первое изъ нихъ (рис. 41) представляетъ эскизъ мамонта, выцарапанный на пластинкѣ изъ слоновой кости, найденный въ гротѣ Мадлены. Ларте и Кристи нашли эту пластинку въ пяти кускахъ и очень искусно собрали ихъ. На этомъ изображеніи можно превосходно разобрать маленькій глазъ, длинные, завороченные назадъ бивки, могучій хоботъ и даже обильную гриву, доказывающую, что это именно мамонтъ, т. е. ископаемый, а не современный намъ слонъ.

Второе изображеніе, представляющее цѣлаго мамонта, выточеннаго изъ оленьяго рога. Изображеніе это, найденное въ Бруникельскомъ „*убѣжищѣ надъ утесомъ*" и принадлежащее Пекадо-де-Лиль, составляло рукоятку кинжала, лезвіе котораго выходило изъ лба животнаго. Можно безъ труда узнать мамонта по его хоботу, бивнямъ, плоскимъ, массивнымъ ступнямъ и въ особенности по закинутому хвосту съ пучкомъ волосъ на концѣ. Современный слонъ

никогда не несетъ такъ своего хвоста и не имѣетъ этого пучка волосъ.

Третій образецъ, происходящій изъ доисторическаго поселенія Нижней-Ложери (собраніе де Вибре), представляетъ оконечность жезла, выточенную наподобіе мамонтовой головы. Можно разобрать выпуклый лобъ животнаго и хоботъ, извивающійся вдоль основанія жезла.

На другомъ жезлѣ, найденномъ въ Бруникелѣ, видѣнъ гигантскій тигръ (felis spelaea), весьма отчетливо исполненный. Въ особенности удачно передана голова животнаго.

Изображенія оленя, выцарапанныя или вырѣзанныя, попадаются очень часто; упомянемъ слѣдующія:

Во первыхъ, рукоятка кинжала изъ оленьяго рога такого же образца, какъ только что описанная, выдѣланная на подобіе головы мамонта.

Это произведеніе замѣчательно потому, что художникъ придалъ животному положеніе наиболѣе удобное для назначенія предмета. Положеніе это весьма оригинально: заднія ноги вытянуты вдоль лезвія, переднія поджаты подъ брюхо, чтобъ не представлять помѣхи для руки; наконецъ голова запрокинута, рыломъ къ верху, такъ что рога ложатся на спину и не мѣшаютъ удобно схватить всю рукоятку.

Но это изображеніе можно считать только попыткой, въ сравненіи съ двумя кинжалами изъ слоновой кости, найденными Пекадо-де-Лилемъ въ Бруникелѣ. Эти два предмета исполнены съ замѣчательнымъ искуствомъ и представляютъ самые совершенные изо всѣхъ до сихъ поръ найденныхъ образцевъ искуства того времени. Оба представляютъ оленя съ запрокинутою головой, какъ на предшествовавшей фигурѣ, но у перваго лезвіе выходитъ между задними ногами; у втораго — между головой и передними ногами. Заднія ноги, откинутыя назадъ, соединяются, оставляя между собою отверстіе, служившее вѣроятно для подвѣшиванія кинжала.

Мы не можемъ пройти молчаніемъ аспидную доску, на которой выцарапанъ бой оленей. Она найдена Вибре въ Нижней-Ложери. Художникъ хотѣлъ воспроизвесть одну изъ тѣхъ ожесточенныхъ

дракъ, которыя случаются между самцами за обладаніе самкой, и исполнилъ задачу съ талантомъ, не лишеннымъ нѣкоторой наивности. Онъ изобразилъ гордаго побѣдителя, нѣжно ласкающагося къ своей взятой съ бою самкѣ.

Существуетъ еще множество остатковъ съ изображеніями сѣвернаго оленя, но мы на нихъ не остановимся, а скажемъ только нѣсколько словъ объ изображеніяхъ европейскаго оленя, лошади, зубра, горнаго козла и проч.

Изображеніе европейскаго оленя (рис. 42), вырѣзанное на рогѣ этого животнаго, найдено Ларте и Кристи въ гротѣ Мадлены.

Форма развѣтвленія роговъ, совершенно отличная отъ развѣтвленія роговъ сѣвернаго оленя, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно природы этого животнаго.

Буйволъ и зубръ изображены весьма различнымъ образомъ. Мы упомянемъ только изваянную голову, найденную Вибре въ Нижней-Ложери и составлявшую основаніе жезла.

Къ той же категоріи должно отнести осколокъ оленьяго рога, найденный въ Ложери и на которомъ твердой, навыкшей рукой начертана задняя половина тѣла крупнаго травояднаго (рис. 43). Нѣкоторыя указанія убѣждаютъ Ларте, что художникъ хотѣлъ изобразить не лошадь, какъ можно было съ начала подумать, а зубра, хотя съ нѣсколько легкими формами. По несчастію, кусокъ обломанъ какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна начинаться густая грива, характеризующая это животное.

Въ томъ же населеніи найденъ обломокъ рога сѣвернаго оленя, на которомъ вырѣзано какое-то рогатое животное (рис. 44), по видимому, горный козелъ, судя по нѣсколькимъ чертамъ, напоминающимъ бороду.

Въ гротѣ Эйзи, Ларте и Кристи нашли двѣ плиты изъ глинистаго сланца съ зернами кварца и на этихъ плитахъ изображенія животныхъ, которыхъ трудно опредѣлить. Одно (рис. 45) изъ нихъ изображаетъ, по видимому, лань, что же касается до втораго, то рѣшительно нѣтъ никакой возможности опредѣлить какое млекопитающее оно должно изображать, такъ какъ сохрани-

лась одна только передняя часть. Судя по слѣдамъ роговъ, животное это должно быть изъ жвачущихъ.

На жезлѣ изъ оленьяго рога, найденномъ въ гротѣ Мадлены, изображены съ каждой стороны въ полу-рельефѣ три лошади, которыхъ очень легко узнать.

На одной кости, которую Де-Ластикъ нашелъ въ Брюникелѣ, выцарапаны одна подлѣ другой головы лошади и оленя, весьма удачно исполненныя.

Наконецъ Ларте и Кристи нашли въ Нижней Ложери закругленную палку изъ оленьяго рога (рис. 46), на которой вырѣзана голова лошади съ прижатыми и очень длинными ушами. Значеніе этой палки не вполнѣ понятно, на одномъ концѣ она заострена крючкомъ. Можетъ быть, это былъ гарпунъ.

Изображенія птицъ попадаются гораздо рѣже, чѣмъ изображенія млекопитающихъ.

Зато изображенія рыбъ очень многочисленны, въ особенности на жезлахъ, гдѣ они встрѣчаются иногда цѣлыми рядами. Весьма отчетливо исполненное изображеніе рыбы видно такъ же на нижней челюсти сѣвернаго оленя, найденной въ Нижней-Ложери.

Въ гротѣ Коровы (въ Арьежѣ) Гаригу также нашелъ осколокъ кости съ очень яснымъ изображеніемъ рыбы.

Изображенія пресмыкающихся и земноводныхъ рѣдки и дурно выполнены. Исключеніе составляетъ, однако, изображеніе головастика на наконечникѣ копья, найденномъ въ гротѣ Мадлены.

Изображенія цвѣтовъ крайне рѣдки, на выставкѣ 1867 года было всего три образца изъ Мадлены и Ложери, всѣ три на наконечникахъ копій.

Не воспроизводилъ человѣкъ этой эпохи свои собственныя изображенія? Не обнаружили ли раскопки въ Перигорѣ какихъ нибудь слѣдовъ человѣческихъ изображеній? Ничто не могло бы быть любопытнѣе подобнаго открытія: сдѣланныя розысканія не вполнѣ безплодны въ этомъ отношеніи; они обнаружили слѣды статуэтнаго искуства у этихъ первобытныхъ племенъ. Де Вибре нашелъ въ гротѣ Нижней-Ложери маленькую статуэтку изъ слоновой кости; это былъ, по его мнѣнію, идолъ не совсѣмъ скромнаго свойства. Голова, руки и ноги обломаны.

Другое человѣческое изображеніе (рис. 47), весьма худощавое и вытянутое, вырѣзано на жезлѣ, обломокъ котораго Ларте и Кристи нашли въ гротѣ Мадлены. Человѣкъ изображенъ между двумя лошадиными головами и рядомъ съ нимъ длинная змѣя или рыба, наподобіе угря. На другой сторонѣ того же жезла, здѣсь не изображеннаго, вырѣзаны двѣ головы зубра.

На обломкахъ наконечника копья, найденныхъ въ томъ же поселеніи Нижней-Ложери, изображены, въ полу-рельефѣ, подъ рядъ одна за другой нѣсколько рукъ о четырехъ пальцахъ. Ларте замѣчаетъ, что нѣкоторыя дикія племена и до сихъ поръ изображаютъ руки безъ персти.

На основаніи всѣхъ имѣющихся въ настоящее время данныхъ мужчину эпохи сѣвернаго оленя изображаемъ себѣ въ одеждѣ, сшитой иглою, и вооруженаго челюстью медвѣдя съ ея острымъ клыкомъ, и топоромъ или ножемъ изъ кремня; женщина украшена ожерельями, существованіе которыхъ доказано для этой эпохи.

Посмотримъ теперь каковъ былъ физическій складъ человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя.

Мы можемъ представить себѣ, въ общихъ чертахъ, его сложеніе и физіономію. Эти данныя пріобрѣтены путемъ тщательнаго изученія нѣкоторыхъ предметовъ, найденныхъ въ бельгійскихъ пещерахъ, о которыхъ мы имѣли случай говорить въ введеніи и которыя были такъ тщательно изучены Эдуардомъ Дюпономъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ бельгійскимъ анатомомъ и палеонтологомъ Ванъ-Бенеденомъ. Раскопки эти были предприняты по иниціативѣ правительства короля Леопольда, доставившаго средства для доведенія розысканій до конца. Вотъ названія этихъ гротовъ, всѣ они находятся въ долинѣ рѣки Лессы: первые два *Дыра-Нутонъ* и *Дыра Лобной-Кости*, въ Фурфузѣ, близъ *Динана*, и послѣдній *Пещера Шале*, близъ города того же имени.

Первые два, очевидно, подверглись сильному наводненію. Вторгшіяся массы воды перемѣшали уцѣлѣвшіе остатки съ принесеннымъ иломъ и обломками известняка.

Въ дырѣ *Нутонъ*, возвышающейся, по крайней мѣрѣ, на 50 метровъ надъ уровнемъ Лессы, Ванъ-Бенеденъ нашелъ много костей оленя, уруса и значительнаго числа другихъ, еще живущихъ

породъ, между которыми попадались разбросанные въ безпорядкѣ предметы изъ кремня, преимущественно ножи, кости, рога оленя, различнымъ образомъ выдѣланные, косточки козы, полированныя съ обѣихъ сторонъ, свистокъ изъ берцевой кости козы, до сихъ поръ еще могущій служить для своего назначенія, обломки весьма грубыхъ горшечныхъ издѣлій, слѣды очаговъ и проч. и проч.

Дыра *Лобной-Кости* такъ названа Эдуардомъ Дюпономъ, потому что въ первый же день раскопокъ въ ней найдена человѣческая лобная кость. Впрочемъ, это отверстіе не осталось одинокимъ. Вскорѣ напали на груды человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ костями оленя и другихъ животныхъ и всевозможными орудіями. Ванъ-Бенеденъ опредѣлилъ, что кости принадлежали, по крайней мѣрѣ, тринадцати недѣлимымъ различнаго возраста, нѣкоторыя принадлежали дѣтямъ едва только одного года. Въ томъ числѣ найдены два полные черепа, превосходно сохранившіеся и драгоцѣнные въ томъ отношеніи, что они дозволили намъ составить себѣ понятіе о формѣ головы первобытныхъ обитателей береговъ Лессы.

Эдуардъ Дюпонъ предполагаетъ, что пещеры служили мѣстомъ погребенія. Весьма вѣроятно, что таково было дѣйствительно ея назначеніе, такъ какъ въ ней нашли большой камень, служившій, вѣроятно, для того, чтобы заваливать имъ отверстіе пещеры и оградить трупы отъ святотатственныхъ вторженій. Въ такомъ случаѣ разбросанныя тамъ и сямъ кости животныхъ представляютъ остатки погребальныхъ пиршествъ, подобныхъ тѣмъ, которыя существовали въ эпоху гигантскаго медвѣдя и мамонта.

Весьма любопытно встрѣтить подобное сходство въ обычаяхъ у людей, раздѣленныхъ значительнымъ пространствомъ и длиннымъ рядомъ вѣковъ. Непосредственно подъ *Дырой Лобной-Кости* находится гротъ, называемый *Дыра Розетта*, въ которой также найдены три кости, принадлежавшія недѣлимымъ различнаго возраста, вмѣстѣ съ костями оленя, бобра и осколками черноватой, дурно обожженной глиняной посуды съ грубыми бородавками въ качествѣ украшенія. По мнѣнію Дюпона, эти люди были раздавлены обломками скалъ, увлеченные бурнымъ потокомъ наводненія, оставившаго такіе несомнѣнные слѣды въ долинѣ Лессы.

Пещеры Шале избѣжали тѣхъ переворотовъ, которымъ подверглись первыя двѣ, благодаря слѣдующему обстоятельству. Ея потолокъ обрушился и погребъ подъ своими развалинами всѣ предметы, находившіеся въ ней въ минуту этой катастрофы. Тамъ найдены кости млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, издѣлія изъ оленьей кости и рога, ископаемыя раковины, происхожденіемъ изъ Шампани и служившія украшеніемъ, и наконецъ, главнымъ образомъ, обработанные кремни, въ числѣ, по крайней мѣрѣ, тридцати тысячъ. На очагѣ, помѣщавшемся въ средней пещерѣ найденъ камень съ знаками, до сихъ поръ еще не разъясненными, и вокругъ очага до десяти килограммовъ поджаренныхъ или сожженныхъ костей водяной крысы, доказывающихъ, что, за неимѣніемъ болѣе существенной и благородной пищи, древніе обитатели этой страны не пренебрегали и этими мелкими грызунами.

Оба черепа, найденные въ Фурфузѣ, были изслѣдованы Ванъ-Бенеденомъ и Прунеръ-Беемъ, пользующимся большимъ авторитетомъ въ антропологіи. Они представляютъ довольно значительныя различія, но Прунеръ-Бей полагаетъ, что эти черепа мужчины и женщины одной и той же расы. Нерѣдко, замѣчаетъ въ защиту своего мнѣнія ученый антропологъ, между черепами, принадлежащими мужчинѣ и женщинѣ одной расы, существуетъ болѣе глубокое различіе, чѣмъ между черепами представителей различныхъ расъ.

Одинъ изъ этихъ череповъ представляетъ *прогнатическій* типъ, т. е. съ выдающимися челюстями; другой, *ортогнатическій* или съ прямыми челюстями. Прогнатизмъ перваго признакъ низшей расы (какъ, напр., у негровъ) не мѣшаетъ ему, однако, имѣть болѣе высокій лобъ и болѣе объемистую полость черепа. Такимъ образомъ, въ немъ смѣшаны признаки, свойственные низшимъ расамъ и расѣ кавказской, этому высшему выраженію человѣческаго типа.

По мнѣнію Прунеръ-Бея, племя, населявшее Бельгію въ эпоху сѣвернаго оленя было малоросло, но могучаго склада, окладъ лица имѣлъ форму ромба, а вся голова была пирамидальна. Это племя, происхожденіемъ туранское или монгольское, вѣроятно одно и тоже, что лигурійское или иберійское племя, еще существующее

въ Сѣверной Италіи (у Генуезскаго залива) и въ Пиренеяхъ (племя басковъ).

Эти заключенія должны быть приняты съ большой осторожностью, потому что они раздѣляются далеко не всѣми антропологами. Такъ Брока полагаетъ, что баски происходятъ отъ какого нибудь сѣверо-африканскаго племени, распространившагося въ Европѣ, когда на мѣстѣ Гибралтара существовалъ еще перешеекъ. Это мнѣніе вполнѣ разумно, такъ какъ существуютъ несомнѣнныя доказательства въ подтвержденіи того, что Европа и Африка соединялись длинной полосой земли, которую впослѣдствіи поглотило море, образовавъ Гибралтарскій проливъ и расторгнувъ такимъ образомъ Европу и Африку. Достаточно указать на аналогію ископаемой формы и на существованіе въ настоящее время на безплодныхъ скалахъ Гибралтара породы обезьянъ, туземной на противоположномъ берегу Африки.

Бренъ, дѣлая любопытныя розысканія въ Бруникельскомъ *убѣжищѣ подъ утесомъ*, нашелъ значительное число человѣческихъ костей, въ томъ числѣ два черепа, старика и молодаго человѣка.

Еслибъ измѣрить лицевой уголъ этого черепа, то вѣроятно онъ не представилъ бы значительнаго уклоненія отъ лицеваго угла человѣка, теперь обитающаго эти страны. Изъ этого можно заключить, какъ ошибочны, какъ неосновательны всѣ догадки, дѣлающія изъ человѣка каменнаго вѣка какое-то особое существо, совершенно отличное отъ современнаго намъ человѣка. Выраженіе *ископаемый человѣкъ*, повторяемъ здѣсь кстати, должно быть вычеркнуто изъ лѣтописей науки, какъ для того, чтобы не быть въ разладѣ съ достовѣрными фактами, такъ и для того, чтобы положить предѣлъ вреднымъ недоразумѣніямъ, тормозящимъ успѣхи нашихъ знаній, касательно происхожденія человѣка.

Въ заключеніе этого описанія нравовъ и обычаевъ въ эпоху сѣвернаго оленя приведемъ описаніе погребальныхъ обрядовъ, или вѣрнѣе, способа погребенія въ ту отдаленную эпоху существованія первобытнаго человѣка.

Человѣкъ, обитавшій пещеры, погребалъ своихъ мертвецовъ въ

пещерахъ же. Замѣтимъ мимоходомъ, что человѣкъ часто даетъ гробницамъ форму своего жилища.

„Гробница казанскихъ татаръ, замѣчаетъ Нильсонъ, вполнѣ напоминаетъ ихъ жилища, въ маломъ масштабѣ. Тѣ и другія состоятъ изъ бревенчатаго сруба. Гробницы кавказскихъ горцовъ походятъ на ихъ сакли. Гробницы евреевъ караимовъ, въ Іосафатовой долинѣ представляютъ подобіе ихъ домовъ и храмовъ. Гробницы крымскихъ грековъ подражаютъ архитектурѣ церквей" (¹).

Послѣ этого не удивительно, что человѣкъ эпохи сѣвернаго оленя, какъ и его предшественникъ, жившій въ эпоху гигантскаго медвѣдя и мамонта, погребалъ своихъ мертвыхъ въ тѣхъ же пещерахъ, которыя служили ему жилищемъ.

Представимъ себѣ картину погребальной церемоніи того времени: Покойника несутъ на носилкахъ изъ вѣтвей, какъ это и теперь дѣлается у дикарей. Впереди идутъ люди съ факелами, т. е. зажженными вѣтвями смолистаго дерева для того, чтобы освѣтить пещеру. Пещеры открыты, чтобы принять трупъ и закроются за нимъ. Вслѣдъ за покойникомъ несутъ его оружіе, утварь и украшенія, которыми онъ дорожилъ при жизни, все это погребутъ вмѣстѣ съ нимъ.

Чтобы представить, въ общей картинѣ, всѣ отдѣльныя подробности, относящіяся къ быту человѣка въ разсматриваемую эпоху и разсѣянныя на предшествовавшихъ страницахъ, приведемъ слѣдующую краснорѣчивую страницу изъ отчета, представленнаго Эдуардомъ Дюпономъ бельгійскому министру внутреннихъ дѣлъ, касательно раскопокъ, произведенныхъ знаменитымъ бельгійскимъ геологомъ въ пещерахъ близъ Фурфуза.

„Данныя, пріобрѣтенныя благодаря изученію ископаемыхъ остатковъ въ Шале, въ связи съ тѣми, которыя найдены въ Фурфузѣ, представляютъ намъ, говоритъ Дюпонъ, разительную картину быта первобытнаго человѣка въ Бельгіи.

„Первобытныя племена, послѣ долгихъ вѣковъ забвенія, возни-

(¹) Свенъ Нильсонъ «les habitants primitifs de la Scandinavie, Paris, 1869.

каютъ передъ нами, со всѣми своими обычаями и нравами, и подобно баснословной птицѣ, находившей въ своей золѣ источникъ новой жизни, сѣдая древность воскресаетъ изъ своего праха.

„Мы видимъ ихъ, этихъ первобытныхъ обитателей нашихъ стѣнъ, въ ихъ темныхъ логовищахъ, вокругъ грубыхъ очаговъ; съ необычайнымъ терпѣніемъ и ловкостью выдѣлываютъ они свои орудія и утварь изъ кремня и рога, не обращая вниманія на заразительный смрадъ гніющихъ животныхъ остатковъ, благодаря ихъ безпечности, накопившихся въ ихъ жилищахъ. Выскабленныя шкуры хищныхъ животныхъ вскорѣ превратятся подъ ихъ острымъ кремнемъ и иглой въ одежду. Мы видимъ ихъ и на охотѣ; острый кремень ихъ стрѣлъ и копій наноситъ смерть преслѣдуемой жертвѣ.

„Мы присутствуемъ и на ихъ пиршествахъ, гдѣ лошадь, медвѣдь или олень, послѣ удачной охоты, замѣняютъ отвратительное мясо крысы, ихъ единственное спасеніе въ дни голода. Они уже завели сношенія съ племенами, обитающими современную Францію, и получаютъ оттуда драгоцѣнный для нихъ кремень, гагатъ и раковины, которыми они такъ любятъ украшать себя. Здѣсь они подбираютъ плавиковый шпатъ, прельщающій ихъ взоры своими пестрыми красками, тамъ они стаскиваютъ плиты изъ песчаника, чтобы обдѣлать ими свои очаги.

„Но вотъ наступаютъ черные дни; конечно, не мало невзгодъ отравляетъ ихъ существованіе. Обвалъ выгоняетъ ихъ изъ ихъ жилища. Утварь, орудія, предметы обожанія, все погребено подъ обрушившимся сводомъ и они вынуждены искать себѣ новаго убѣжища.

Не щадитъ ихъ и смерть, и какими только работами не окружаютъ они дорогіе смертные останки! Они переносятъ трупъ въ погребальную пещеру. Урна, оружія, амулеты составляютъ украшенія этого жилища смерти. Камень, приваленный къ входу, охраняетъ его отъ вторженія хищныхъ животныхъ. Затѣмъ, у преддверія смерти начинается пиршество, зажигается костеръ, закалываются и раздираются на части крупныя животныя и ихъ еще дымящееся мясо распредѣляется между гостями. Какими странными церемоніями не сопровождались эти пиршества! То, что теперь совершается у индѣйскихъ и африканскихъ дикарей, можетъ дать

намъ понятіе. Воображеніе рисуетъ передъ нами пляски, пѣсни, возванія къ божествамъ, но наука безсильна призвать ихъ снова къ жизни.

„Тринадцать разъ разверзаются эти гробницы, чтобы поглотить новыя жертвы, дѣти и взрослые, каждый въ свою очередь, сопровождаемые тѣми же церемоніями, находятъ свое послѣднее убѣжище въ этомъ мрачномъ жилищѣ смерти; тринадцать разъ тяжелый камень отваливается отъ входа, чтобы пропустить тѣла этихъ несчастныхъ.

„Но вотъ пришелъ конецъ этому вѣку. Стремительный потокъ воды разрушаетъ все на своемъ пути. Выгнанные изъ своихъ жилищъ, несчастные обитатели этихъ странъ тщетно ищутъ себѣ убѣжища на вершинахъ горъ. Смерть настигаетъ ихъ и тамъ и мрачная пещера послужитъ могилой несчастныхъ, бывшихъ свидѣтелями въ Фурфузѣ этой громадной катастрофы.

„Разсвирѣпѣвшая стихія ничего не щадитъ. Эта гробница, предметъ трогательныхъ заботъ бѣднаго населенія, разверзнетъ своимъ черную утробу передъ грязнымъ потокомъ, и скелеты погребенныхъ, разбитые водой, будутъ перемѣшаны съ обломками скалъ и землею и разсѣяны по всей пещерѣ. Только жилище избѣгаетъ общей участи, оно сохранится въ прежнемъ видѣ, благодаря предшествовавшей наводненію катастрофѣ, обрушившей потолокъ пещеръ.“

Мы представили очеркъ человѣческаго типа въ эту эпоху, описали предметы его промышленности и остановились съ особеннымъ вниманіемъ на произведеніяхъ его художественнаго творчества. Чтобы пополнить нашъ очеркъ, съ научной точки зрѣнія, намъ остается только разсмотрѣть источники, доставившіе эти любопытныя свѣденія. На этотъ разъ главнымъ источникомъ служатъ намъ пещеры, потому не безполезно указать, вкратцѣ, какія именно пещеры доставили эти указанія.

Первое мѣсто въ ряду принадлежитъ перигорскимъ поселеніямъ, доставившимъ столько любопытныхъ свѣденій о первобытномъ человѣкѣ. Вотъ четыре изъ самыхъ примѣчательныхъ: *гротъ Эйзи* и убѣжище подъ утесами или пещеры *Мадлены* и верхней и нижней *Ложери*. Всѣ онѣ изслѣдованы Ларте и Кристи; эти ученые, руководившіе раскопками, произвели ихъ съ замѣчатель-

нымъ искуствомъ и съ не менѣе замѣчательнымъ искуствомъ изложили ихъ результаты.

Поселеніе Нижней Ложери посѣтилъ также Де-Вибре, нашедшій въ ней много очень интересныхъ остатковъ.

Мы не имѣемъ намѣренія повторять уже сказанное выше и снова описывать предметы, найденные въ этихъ различныхъ мѣстностяхъ. Упомянемъ столько о поясничномъ позвонкѣ сѣвернаго оленя съ засѣвшей въ немъ стрѣлой, найденномъ въ Эйзи. Еслибъ возникло малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что человѣкъ и сѣверный олень существовали когда либо одновременно во Франціи, то этого предмета было бы достаточно, чтобы ихъ окончательно разсѣять.

Слѣдующія затѣмъ, по своему значенію, пещеры *убѣжища подъ утесомъ* Бруникеля (деп. Тарнъ-и-Гаррherоны). Онѣ были изучены многими изслѣдователями, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть Гаригу, де-Ластикъ, владѣльца пещеры, В. Бренъ, просвященнаго директора Монтобанскаго естественно-историческаго музея, и Пекадо-де-Лиль.

Достойно сожалѣнія, что де-Ластикъ продалъ Оуену для британскаго музея около полуторы тысячи различныхъ предметовъ, найденныхъ въ его имѣніи. Безъ сомнѣнія, въ числѣ этихъ предметовъ были и единственные въ своемъ родѣ, которые, съ какой точки зрѣнія ни взглянуть на дѣло, должны были бы остаться во Фрннціи.

Въ пещерахъ Бруникеля найдены человѣческія кости, въ томъ числѣ два хорошо сохранившихся черепа и двѣ половины челюстей, весьма сходныхъ съ челюстью Муленъ Киньона. В. Бренъ, въ своемъ интересномъ мемуарѣ приводитъ рисунки этихъ различныхъ человѣческихъ остатковъ ([1]).

Упомянемъ далѣе *пещеру Бизъ*, близъ Нарбона: пещера эта была раскопана еще въ 1826 году Турналемъ, однимъ изъ первыхъ защитниковъ глубокой древности человѣка; — *пещеру ко-*

([1]) Notice sur les fouilles paléontologiques de l'age de la pierre exécutées à Bruniquel et Saint Antonin par V. Brun Montauban. 1867.

ровы, въ долинѣ Тораскопъ (деп. Аріежи), гдѣ Гаригу нашелъ громадное множество костей и на одной изъ нихъ какіе то непонятные знаки, быть можетъ, первые зачатки письменности:—*гротъ Масса* въ томъ же департаментѣ, описанный Фонтаномъ и, по мнѣнію Ларте, составлявшій лѣтнее жилище, обитатели котораго питались сырымъ мясомъ и слизняками, такъ какъ въ немъ не найдено слѣдовъ очага;—*гротъ Лурдъ*, близъ Тарба (деп. Верхнихъ Пиренеевъ), въ которой Мильнъ-Эдвардсъ нашелъ осколокъ человѣческаго черепа, принадлежавшій взрослому человѣку;—пещеру *Эспалунгъ*, также извѣстную подъ названіемъ *грота Изесты* (деп. Нижнихъ Пиренеевъ), гдѣ Гаригу и Мартенъ также нашли человѣческую кость;—*пещеру Савинье* (деп. Віены), лежащую на берегу Шаранты и открытую Жоли-Летермомъ, архитекторомъ въ Сомюрѣ, нашедшимъ въ ней осколокъ кости сѣвернаго оленя съ изображеніями животныхъ, замѣчательными на попыткѣ артиста изобразить тѣни;—*гроты Бальмъ* и *Бетенасъ* въ Дофине, изслѣдованныя Шантромъ;—и наконецъ поселеніе *Солютре*, въ окрестностяхъ Макона, гдѣ Ферри и Арселенъ нашли два человѣческихъ черепа вмѣстѣ съ превосходными образцами кремневыхъ орудій типа Верхней Ложери.

Всѣ эти поселенія не относятся къ одному времени, хотя принадлежатъ одной продолжительной эпохѣ, названной нами эпохой сѣвернаго оленя. Не всегда возможно опредѣлить относительную древность этихъ поселеній. Однако, можно полагать, на основаніи состоянія, въ какомъ найдены остатки, что гроты Лурдъ и Эспалунгъ относятся къ самому отдаленному періоду этой эпохи, между тѣмъ какъ поселенія въ Перигорѣ, Тарнъ-и-Гароннѣ, и близъ Маконе были позднѣйшаго происхожденія. Что же касается до грота *Масса*, то его, по всей вѣроятности, слѣдуетъ отнести къ эпохѣ шлифованнаго камня, такъ какъ въ ней не найдено остатковъ лошади и сѣвернаго оленя; единственнымъ представителемъ исчезнувшихъ породъ является зубръ.

Къ этому списку пещеръ, открытыхъ во Франціи и пролившихъ столько свѣта на условія быта человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя, слѣдуетъ присоединить бельгійскія пещеры, изслѣдованныя съ такою неутомимостью и талантомъ Эдуардомъ Дюпономъ и послу-

жившія, какъ мы видѣли на предшествовавшихъ страницахъ, къ разъясненію физическаго склада человѣка, жившаго въ эту эпоху.

Но не только Франція и Бельгія доставили данныя для исторіи человѣка въ эпоху сѣвернаго оленя. Въ Германіи и Швейцаріи найдены поселенія, относящіяся къ той же эпохѣ.

Въ 1866 г., въ окрестностяхъ Рабенсбурга, неподалеку отъ Констанскаго озера, на днѣ *морены* древняго ледника, найдена масса костей и осколковъ орудій. Кости сѣвернаго оленя составляли 98 процентовъ. Остальныя кости принадлежали лошади, волку, бурому медвѣдю, бѣлой лисицѣ и быку.

Въ 1868 году, въ горѣ, неподалеку отъ Женевы, въ гротѣ, глубиной въ двѣнадцать, шириной въ шесть футовъ, подъ слоемъ углекислой извести, нашли большое скопленіе костей и кремней. Кости сѣвернаго оленя составляли главную массу, такъ какъ могли насчитать до восемнадцати скелетовъ этого животнаго. Прочіе остатки состояли изъ пяти лошадей, шести горныхъ козловъ, нѣсколькихъ сурковъ, альпійскихъ козъ, рябчиковъ, т. е. животнаго населенія, покинувшаго въ настоящее время долины Швейцаріи и удалившагося въ Альпійскія погорія.

ЭПОХА ШЛИФОВАННАГО КАМНЯ

или

ПРИРУЧЕННЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

ГЛАВА I.

Европейскій потопъ.—Жилище человѣка въ эпоху шлифованнаго камня. — Пещеры и убѣжища подъ утесами продолжаютъ служить жилищемъ.—Главнѣйшія пещеры этого періода, до сихъ поръ изученныя.— Пища человѣка въъ эту эпоху.

Благодаря свидѣтельствамъ, исторгнутымъ изъ нѣдръ земли, мы могли мысленно пробѣжать длинный рядъ допотопныхъ вѣковъ, начиная съ перваго появленія человѣка на землѣ, и даже были въ состояніи начертать, правда, въ очень не совершенной формѣ, исторію нашихъ первыхъ предковъ. Разставшись съ этой эпохой, въ отдаленный мракъ которой едва только проникаетъ лучъ науки, мы вступаемъ въ эпоху, которую, благодаря болѣе обильнымъ и яснымъ свидѣтельствамъ, намъ удастся охарактеризовать съ большею точностью.

Громадный, разрушительный переворотъ, воспоминаніе о которомъ сохранилось въ преданіяхъ всѣхъ народовъ, отмѣтилъ въ Европѣ конецъ четвертичной эпохи. Не легко добраться до дѣйствительныхъ причинъ этого громаднаго переворота въ исторіи земли, но каковы бы ни были объясненія, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, на основаніи очевидныхъ и повсемѣстныхъ слѣ-

довъ, что въ концѣ четвертичной эпохи произошелъ грозный переворотъ, вызванный громадными потоками воды. Слѣды эти состоятъ изъ отложенія красноватой глины, перемѣшанной съ пескомъ и мелкими гальками. Пластъ этотъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ называется *краснымъ*, въ другихъ *сѣрымъ диллювіемъ*. Въ долинахъ Рейна и Роны пластъ этотъ скрытъ подъ слоемъ ила или кирпичной глины, носящимъ названіе *лёсъ* или *лёмъ*, на счетъ происхожденія котораго геологи еще не согласны. Лайель полагаетъ, что этотъ наилокъ произошелъ вслѣдствіе измельченія горныхъ породъ, служившихъ основаніемъ для древнихъ альпійскихъ ледниковъ и увлеченныхъ потокомъ, низвергшимся съ этихъ горъ. Этотъ наилокъ покрываетъ большую часть Бельгіи, толщина его отъ трехъ до девяти метровъ; онъ доставляетъ матеріалъ для многочисленныхъ кирпичныхъ заводовъ.

Этотъ пластъ, т. е. *диллювіальная почва* представляетъ самое позднѣйшее осадочное образованіе, входящее въ составъ земной коры; во многихъ странахъ онъ составляетъ почву, попираемую современнымъ населеніемъ.

Всеобщее наводненіе, которому приписываютъ образованія *диллювія*, замыкаетъ собою четвертичную формацію. Отсюда начинается современная геологическая эпоха, характеризуемая почти совершеннымъ постоянствомъ рельефа земной коры и образованіемъ торфяниковъ.

Первыя свидѣтельства исторіи далеко не простираются до начала этой эпохи. Такимъ образомъ начало даже современной геологической эпохи не захватываетъ еще историческія времена.

Продолжая наше повѣствованіе о послѣдовательномъ развитіи первобытнаго человѣка, мы займемся теперь эпохой *шлифованнаго камня* или прирученныхъ животныхъ, предшествовавшей вѣку металловъ.

Такъ хакъ относящіеся сюда факты довольно обильны, то мы прежде разсмотримъ бытъ человѣка въ нашихъ странахъ, т. е. въ современной Франціи и Бельгіи, а затѣмъ займемся Даніей и Швейцаріей, гдѣ намъ придется указать на совершенно своеобразные нравы и обычаи.

Мы разсмотримъ послѣдовательно:

1. Жилище человѣка въ эпоху шлифованнаго камня;
2. Его пищу;
3. Промышленность;
4. Оружіе, которое онъ выдѣлывалъ, и его употребленія;
5. Свѣденія въ земледѣліи, рыболовствѣ и навигаціи;
6. Погребальные обычаи;
7. Физическій складъ.

Жилище. Въ той части европейскаго материка, которую мы называемъ Франціей, человѣкъ, въ эпоху шлифованнаго камня, продолжалъ жить въ пещерахъ и убѣжищахъ подъ утесами, доставлявшихъ ему самое надежное огражденіе отъ нападеній хищныхъ звѣрей.

Фактъ этотъ наиболѣе достовѣрно установленъ для южныхъ предѣловъ нашей страны, особенно благодаря изслѣдованіямъ Гаригу и Фильоля въ Аріежскихъ Пиренеяхъ. Эти ученые изслѣдовали гроты Прадіеръ, Бедельякъ, Лабаръ, Нью, Исса и Фонтанель ([1]).

Въ одной изъ этихъ пещеръ, упомянутой нами въ предшествовавшей главѣ, потому что она въ одно и то же время относится и къ періоду шлифованнаго камня, и къ періоду сѣвернаго оленя, Гаригу и Фильоль нашли кости большаго быка,—bos primigenius, болѣе мелкой породы быка, благороднаго оленя, овцы, козы, антилопы, альпійской козы, кабана, волка, собаки, лисицы, зайца и, быть можетъ, лошади. Ни сѣверный олень, ни зубръ не попадаются въ этомъ числѣ. Эти два вида, вѣроятно вслѣдствіе смягченія климата, удалились на сѣверъ и на востокъ въ поискахъ за болѣе суровымъ климатомъ.

Остатки очаговъ, расколотыхъ по длинѣ костей, разбитыхъ череповъ, свидѣтельствуютъ, что жильцы этихъ пещеръ питались почти такимъ же образомъ, какъ ихъ предки. Также вѣроятно, что они употребляли въ пищу сырыхъ слизняковъ, такъ какъ въ

([1]) L'homme fossile des cavernes de Lombrive et de Lherm. Toulouse, 1862. L'âge de pierre dans les vallées du Tarascon (Ariège). Tarascon, 1863.

этой пещерѣ равно, какъ и въ пещерѣ Масса ([1]), найдено значительное число этихъ раковинъ, присутствіе которыхъ нельзя себѣ иначе объяснить.

Между этими остатками попадались шила, наконечники копій и стрѣлъ изъ кости, топоры, ножи, скребки изъ кремня и иныхъ, болѣе распространенныхъ въ странѣ матеріаловъ, каковы: кремнистый сланецъ, кварцитъ, лаптинитъ, серпентинъ. Эти орудія тщательно высѣчены и нѣкоторые на одномъ концѣ отшлифованы на плитѣ изъ песчанника.

Упомянемъ еще пещеры Мазъ-д'Азиль (деп. Аріежи) и д'Арси-сюръ-Кюръ (деп. Іонны), представляющія замѣчательные примѣры многоэтажныхъ гротовъ. Въ нихъ нашли на различныхъ уровняхъ остатки эпохи мамонта, сѣвернаго оленя и шлифованнаго камня.

Въ гротѣ Лурдъ (деп. Верхнихъ Пиренеевъ), изслѣдованномъ Мильнъ-Эдвардсомъ, также замѣчаютъ два слоя; одинъ изъ нихъ принадлежитъ эпохѣ сѣвернаго оленя, другой—эпохѣ шлифованнаго камня ([2]). Пещера Понтиль (деп. Геро), изслѣдованная профессоромъ Жерве ([3]), заключаетъ въ себѣ слѣды всѣхъ эпохъ, включая и эпоху бронзы; слѣдуетъ только сдѣлать исключеніе для эпохи сѣвернаго оленя, которая въ ней вовсе не представлена.

Упомянемъ, наконецъ, пещеру Сенъ-Жанъ-д'Алказъ (деп. Авейрона), изслѣдованную въ нѣсколько пріемовъ Казалисъ-де-Фондусомъ. Это погребальный гротъ, подобный Ориньякскому. Лѣтъ двадцать тому назадъ, производя въ ней раскопки, нашли пять хорошо сохранившихся череповъ, но такъ какъ въ то время имъ не знали цѣну, то они потеряны безвозвратно для науки. Орудія

([1]) Sur deux cavernes à ossements, découvertes dans la montagne du Kaer, à Massat (Ariège). — Упоминается Лайелемъ въ дополненіи къ «Древности Человѣка», стр. 247.

([2]) De l'existence de l'homme pendant la période quaternaire dans la grotte de Lourdes (Hautes Pyrénées). Annals des sciences naturelles 4 s. t. XVII.

([3]) Mémoires de l'Académie de Montpellier (section des sciences) 1857, t. III, p. 509.

изъ кремня и серпентина, выдѣланныя кости, остатки грубыхъ горшечныхъ издѣлій, амулетки изъ камней, ожерлья и запястья изъ раковинъ, попадались тамъ въ перемежку съ человѣческими костями.

Казалисъ-де-Фондусъ не замѣтилъ въ Сенъ-Жанъ-д'Алказъ никакихъ слѣдовъ погребальной тризны, подобныхъ тѣмъ, которыя найдены въ Ориньякѣ и Фурфузѣ, онъ замѣтилъ только двѣ большія плиты, поставленныя на крестъ при входѣ въ пещеру и значительно съуживавшія его отверстія.

Гротъ этотъ, судя по послѣднимъ описаніямъ Казалиса, относится не къ такой глубокой древности, какъ прежде предполагали; въ немъ найдены обломки металлическихъ издѣлій, значитъ, онъ относится къ концу эпохи шлифованнаго камня (1).

Пища человѣка въ эпоху шлифованнаго камня. Для того, чтобы получить болѣе полныя свѣденія по этому вопросу, мы обратимся къ превосходнымъ изслѣдованіямъ, театромъ которыхъ была Данія и которыя по своему глубокому интересу заслуживаютъ подробнаго описанія.

---

(1) Sur une caverne de l'âge de la pierre, située près de Saint-Jean-d'Alcas (Aveyron) 1864. Dernier temps de l'âge de la pierre polie dans l'Aveyron. Montpeiller, 1867.

---

*

ГЛАВА II.

Kjoekken-moeddings или кухонные остатки въ Даніи. — Образъ жизни человѣка въ Даніи въ эпоху шлифованнаго камня.—Прирученія собаки.—Искуство рыболовства въ эпоху сѣвернаго оленя.—Сѣти.—Оружіе и военныя орудія.—Физическій складъ: черепъ Борреби.

Затѣмъ послѣднее мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, по пространству и численности своего населенія, Данія тѣмъ не менѣе съумѣла пріобрѣсть себѣ видное положеніе въ области искуствъ и науки. Этотъ доблестный миленькій народецъ обладаетъ знаменитыми людьми, которыми справедливо гордится европейская наука. Настойчивыя изслѣдованія ея археологовъ и антикваріевъ оживили прахъ давно минувшихъ вѣковъ и воскресили цѣлый исчезнувшій міръ. Ихъ труды, провѣренные наблюденіями натуралистовъ, пролили яркій свѣтъ на первые этапы человѣчества.

Правда, ни одна страна въ мірѣ не представляетъ болѣе благопріятныхъ условій для подобныхъ изслѣдованій. Древности попадаются въ ней на каждомъ шагу; требуется только умѣніе, чтобы извлечь изъ нихъ данныя относительно нравовъ, обычаевъ и промышленности ея доисторическаго населенія. Копенгагенскій музей скандинавскихъ древностей не имѣетъ себѣ подобнаго въ мірѣ. Въ числѣ тщательно классифицированныхъ предметовъ этого музея встрѣчается множество предметовъ, найденныхъ въ Kjoekken-moeddings.

Но прежде всего, что значитъ это слово Kjoekken-moeddings, которое такъ трудно выговорить и такъ дико звучитъ для непривычнаго слуха?

Во многихъ мѣстахъ датскаго прибрежія, въ особенности же въ сѣверной части, изрытой узкими, глубокими заливами, извѣст-

ными подъ именемъ фіордовъ, попадаются громадные скопы раковинъ. По большей части они лежатъ не выше одного метра надъ уровнемъ моря, но на нѣкоторыхъ крутыхъ прибрежіяхъ они подымаются иногда на значительную высоту. Толщина слоя отъ полутора до трехъ метровъ, длина ихъ простирается иногда до 300 метровъ при ширинѣ отъ 50 до 70 метровъ. Въ низменныхъ мѣстностяхъ они образуютъ настоящіе холмы, на которыхъ въ иныхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ Гавелзе, построили вѣтряныя мельницы.

Что же находятъ въ этихъ кучахъ? Громадное количество раковинъ, въ особенности устрицъ, расколотыя кости млекопитающихъ, остатки птицъ, рыбъ, наконецъ грубо обдѣланные кремни.

Сначала думали, что это ни что иное, какъ устричныя банки, вышедшія на свѣтъ вслѣдствіе поднятія почвы. Но датскій ученый Стенструпъ возсталъ противъ этого мнѣнія, опираясь на тотъ фактъ, что раковины принадлежали четыремъ различнымъ видамъ, не селящимся вмѣстѣ, и что, слѣдовательно, они собраны человѣкомъ. Стенструпъ указалъ далѣе, что почти всѣ раковины принадлежали взрослымъ недѣлимымъ, что между ними почти не попадалось молодыхъ. Подобная особенность, очевидно, указывала на сознательный, преднамѣренный выборъ, на участье человѣческой воли.

Когда въ этихъ Kjoekken-moeddings были найдены всѣ указанные выше остатки, когда наткнулись на слѣды очаговъ, въ видѣ маленькихъ платформъ, сохранившихъ еще слѣды огня, то уже не мудрено было отгадать происхожденіе этихъ громадныхъ скоповъ раковинъ. Въ былыя времена тутъ существовали племена, жившія охотой и рыбной ловлей и оставлявшія около своихъ жилищъ остатки отъ своихъ убогихъ трапезъ, состоявшихъ преимущественно изъ устрицъ. Мало по малу, эти остатки накопились въ такихъ размѣрахъ, что составили цѣлыя банки. Отсюда названіе Kjoekken-moedding, составленное изъ двухъ словъ: Kjoekken кухня и moedding—сорная куча. И такъ Kjoekken-moeddings—кухонные остатки первобытныхъ обитателей Даніи.

Представьте себѣ кучи устричныхъ раковинъ и другаго сора, накопляющихся въ различныхъ странахъ по сосѣдству кабачковъ

и харчевенъ, и вы поймете, восходя отъ малаго къ большему, какъ образовались эти сорныя кучи на Датскомъ прибрежьѣ. Я, по крайней мѣрѣ, очень хорошо помню въ Монпелье подобные маленькіе холмы, образованные раковинами устрицъ и ракушекъ.

Убѣдившись однажды, что эти Kjoekken-moeddings слѣды первобытныхъ обитателей, было крайне любопытно подвергнуть ихъ тщательному изслѣдованію. Можно было надѣяться найдти любопытныя данныя относительно нравовъ и промысловъ этого первобытнаго населенія. Датское правительство назначило комиссію, которой было поручено произвести раскопки и обнародовать результаты.

Комиссія эта, составленная изъ трехъ ученыхъ, пользующихся заслуженной славой по различнымъ отраслямъ знанія, натуралиста Стенструпа, геолога Форхгаммера и археолога Ворзе, выполнила возложенное на нее порученіе съ одинаковымъ рвеніемъ и талантомъ. Ея наблюденія обнародованы въ шести отчетахъ, представленныхъ копенгагенской академіи наукъ. Изъ этихъ документовъ почерпнута большая часть фактовъ, которыми мы теперь подѣлимся съ читателемъ.

Но прежде, чѣмъ перейдти къ изложенію данныхъ, пріобрѣтенныхъ датской комиссіей, замѣтимъ, что эти раковинныя кучи не составляютъ исключительной особенности Даніи. Подобныя же кучи найдены въ Англіи, въ Корнвалисѣ и Девонширѣ, въ Шотландіи и даже во Франціи, близъ Гіеръ (деп. Устій-Ронье ([1]).

Соважъ и Гами указали Мортилье на существованіе подобныхъ кучъ въ Па-де-Кале. По словамъ этихъ натуралистовъ, подобныя кучи можно видѣть въ Саль (приходъ Утро), въ нѣсколькихъ мѣстахъ на берегу Портель, особенно же большая куча находится въ Кронкле (приходъ Етаплъ). Господствующія раковины въ кухонныхъ остаткахъ Па-де-Кале — Cardium edule.

Эвансъ, Пресвичъ и Луббокъ замѣтили подобное же скоп-

([1]) Note sur un amas de Coquilles mêlées à des silix taillée, signalé sur les côtes de Provenc par Gory (Revue Archéologique). Упоминается въ Matériaux pour l'histoire positive de l'homme, par Martillet, t. I, p. 535.

леніе въ Сенъ-Валери, близъ устья Соммы. Сверхъ того, различные путешественники упоминаютъ о подобныхъ скопленіяхъ во многихъ мѣстахъ земнаго шара. Дампье изучалъ ихъ въ Австріи, Дарвинъ на Огненной Землѣ, гдѣ они продолжаютъ накопляться и въ настоящее время. Перейра-де-Коста упоминаетъ объ одной такой кучѣ на берегу Португаліи; Лайель нашелъ нѣсколько на берегу Масачусета и Георгіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Стробель на берегу Бразиліи. Но только датскіе кухонные остатки подверглись серьезному, обдуманному изслѣдованію.

Большая часть Kjoekken-moeddings расположена на берегу фіордовъ, гдѣ дѣйствіе морскаго прибоя наименѣе сильно. Впрочемъ, нѣкоторые найдены и на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ берега, что̀ объясняется тѣмъ, что море съ тѣхъ поръ отступило. Если же они не встрѣчаются на западномъ берегу Даніи, то потому именно, что они снесены моремъ, которое съ этой стороны, напротивъ, завладѣваетъ материкомъ. Это явленіе объясняется можетъ быть и тѣмъ, что западный берегъ не такъ хорошо огражденъ, какъ другія части полуострова. На большей части сосѣднихъ острововъ они попадаются очень часто.

Kjoekken-moeddings образуютъ обыкновенно волнистые холмы съ очень покатымъ склономъ отъ средины къ краямъ; самая значительная толщина пласта соотвѣтствуетъ жилищамъ. Иногда замѣчаютъ главный холмикъ, окруженный нѣсколькими меньшими, или же наоборотъ, среди кучи замѣчаютъ свободное пространство, служившее вѣроятно мѣстомъ стоянки.

Раковины, составляющія главную массу Kjoekken-moeddings, принадлежатъ преимущественно слѣдующимъ видамъ: устрицѣ, Cardium, Mytilus, Littorina. Попадаются также: Venus, Helix, Nassa и Trigomeeclla, но сравнительно рѣдко.

Рыбныя кости попадаются въ большомъ числѣ. Онѣ принадлежатъ селедкѣ, угрю, судаку. Изъ того можно заключить, что первобытные обитатели Даніи не страшились пускаться въ море въ своихъ утлыхъ челнокахъ, такъ какъ селедки и судаки попадаются только на значительномъ разстояніи отъ берега.

Кости млекопитающихъ также не рѣдки въ Kjoeckken-moeddings. Самое большое число принадлежитъ благородному оленю, бѣлкѣ и

кабану, они составляютъ, по свидѣтельству Стенструпа, 97 процентовъ. Остальные принадлежатъ урусу, бурому медвѣдю, волку, лисицѣ, собакѣ, дикой кошкѣ, рыси, хорьку, выдрѣ, тюленю, моржу, водяной крысѣ, бобру и ежу.

Зубръ, сѣверный олень, лань, лошадь, быкъ, овца, свинья не оставили по себѣ никакихъ слѣдовъ, которые бы могли оправдать предположеніе о ихъ существованіи въ эту эпоху.

Мы упомянули собаку. Нѣкоторые факты склоняютъ къ предположенію, что это умное животное сдѣлалось уже домашнимъ въ эпоху шлифованнаго камня. Было замѣчено, что нѣкоторыя кости попадаются въ описанныхъ кучахъ всегда неполными, т. е. что у нихъ постоянно не достаетъ извѣстныхъ частей, а что другія кости вовсе не попадаются. Стенструпъ сдѣлалъ предположеніе, что эти недостающія кости и части костей были изглоданы или съѣдены собаками. Это предположеніе подтвердилось прямымъ наблюденіемъ, что кости, недостающія въ Kjoekken-moeddings, тѣ самыя, которыя всего охотнѣе истребляются собаками, а что сохранившіяся части обыкновенно остаются цѣлыми вслѣдствіе своей твердости или отсутствія питательныхъ веществъ.

Хотя человѣкъ и возвысилъ собаку на степень друга и спутника жизни, тѣмъ не менѣе онъ иногда употреблялъ ее въ пищу. Конечно, онъ прибѣгалъ къ этому только въ крайности, когда всѣ другіе источники ему измѣняли. Собачьи кости, расколотыя разумною рукой, носящія ясные слѣды ножа, служатъ несомнѣннымъ тому доказательствомъ.

Мы встрѣчаемъ здѣсь тѣ же вкусы, которые имѣли случай замѣтить въ другой мѣстности и въ другую эпоху. Всѣ длинныя кости расколоты для извлеченія мозга, этого лакомаго блюда человѣка эпохи оленя и мамонта.

Остатки птицъ немногочисленны, большая часть принадлежитъ водянымъ птицамъ, что вполнѣ объясняется приморскимъ положеніемъ.

Изъ этого обзора предметовъ, составлявшихъ его пищу, видно, что человѣкъ въ эпоху полированнаго камня былъ звѣроловъ и рыболовъ.

Охота производилась посредствомъ лука и стрѣлъ на бѣгучаго

звѣря, посредствомъ острыхъ орудій изъ кремня на болѣе опаснаго врага.

Рыбная ловля производилась, какъ и теперь, сѣтями и на уду.

Мы видѣли, что уже въ предшествовавшую эпоху, человѣкъ употреблялъ уду. Вмѣсто крючка онъ употреблялъ заостренныя съ обоихъ концовъ иглы изъ кости или рога. Въ разсматриваемую эпоху это орудіе было усовершенствовано и получило форму настоящаго крючка. Этотъ крючекъ былъ найденъ докторомъ Ульманомъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ озерныхъ жилищъ Швейцаріи. Но загнутый крючекъ не легко сдѣлать и къ тому же онъ не проченъ. Онъ былъ замѣненъ другимъ, болѣе простымъ, прямымъ. Это просто осколокъ кости, длиною въ 40 милиметровъ, плоскій и заостренный на обоихъ концахъ. Иногда онъ съ перехватомъ на срединѣ или просверленъ для прикрѣпленія.

Эта косточка, закрытая приманкой и привязанная на веревкѣ, будучи проглочена, вонзалась однимъ изъ концовъ во внутренности рыбы.

Быть можетъ мы возбудимъ изумленіе, сказавъ, что въ эпоху полированнаго камня человѣкъ ловилъ рыбу сѣтями. Но фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ найдены слѣды этихъ сѣтей.

Но, спрашивается, какимъ образомъ рыболовныя сѣти періода шлифованнаго камня могли достигнуть до насъ? Мы сейчасъ это объяснимъ.

На швейцарскихъ и другихъ озерахъ существовали жилища. Это такъ называемыя „*Озерныя жилища*“, о которыхъ намъ придется много сообщить, говоря о вѣкѣ бронзы. Люди, жившіе на этихъ озерахъ, были естественно рыболовы. Остатки ихъ рыболовныхъ снастей сохранились благодаря условіямъ, которыя намъ объясняетъ химія. Нѣкоторыя изъ этихъ жилищъ подверглись пожарамъ. Эта участь постигла, напримѣръ, озерныя поселенія Робенгаузена и Верагена въ Швейцаріи. Хижины, построенныя изъ дерева, обгорѣли снаружи, по предметы, находившіеся внутри и состоявшіе почти исключительно изъ рыболовныхъ снастей, единственнаго богатства ихъ обитателей, не могли горѣть, по недостатку кислорода. Отъ дѣйствія жара онѣ только обуглились и покры-

лись съ поверхности пригорѣлымъ смолистымъ веществомъ, превосходно предохраняющимъ органическія тѣла отъ разложенія. Эти сѣти, побурѣвшія отъ дѣйствія огня, но не пришедшія въ непосредственное съ нимъ прикосновеніе, были увлечены паденіемъ обгорѣлой хижины и сохранились на днѣ озера; по нимъ-то мы въ состояніи составить себѣ ясное понятіе о рыболовствѣ въ эту отдаленную эпоху.

Въ мемуарахъ доктора Келлера объ „озерныхъ жилищахъ", о которыхъ мы будемъ имѣть случай говорить, находится описаніе и изображеніе рыболовныхъ сѣтей, найденныхъ въ Робенгаузенскомъ озерѣ. Мы видѣли въ Сен-Жерменскомъ музеѣ нѣсколько образцевъ этихъ сѣтей. По этимъ образцамъ исполнены прилагаемыя фигуры.

Нѣкоторыя изъ нихъ съ крупными петлями, другія съ мелкими. Форма петлей квадратная. Онѣ, по видимому, вязались на рамахъ и на каждомъ перекресткѣ веревки завязывались узломъ. Веревки сдѣланы изъ льна, такъ какъ пеньки въ то время еще не воздѣлывалось.

Разставлялись сѣти посредствомъ поплавковъ, не изъ пробки, а изъ толстой сосновой коры, которая удерживалась на мѣстахъ посредствомъ груза изъ камня.

Эти грузы, попадающіеся въ большомъ количествѣ во всѣхъ музеяхъ, особенно же въ Сенъ-Жерменскомъ, по большей части ни что иное, какъ просверленныя гальки. Иногда же это плоскіе, закругленные куски болѣе мягкой породы, также просверленные по срединѣ. Чрезъ эту дыру пропускались веревки и затѣмъ затягивались узломъ. Благодаря поплавкамъ и грузамъ, можно было сообщать сѣтямъ любое положеніе въ водѣ.

Величина петлей свидѣтельствуетъ о крупныхъ размѣрахъ рыбъ, населявшихъ воды того времени. Къ этому же, гигантскіе крючья, найденные въ Сенѣ и относящіеся къ той же эпохѣ, подтверждаютъ это предположеніе.

Такимъ образомъ, рыболовное искуство достигло въ эпоху шлифованнаго камня значительнаго совершенства.

Но возвратимся къ нашимъ древнимъ датчанамъ. На счетъ ихъ одежды намъ извѣстно, что они одѣвались въ звѣриныя шкуры,

обработанныя моржевымъ жиромъ или жиромъ изъ костей млекопитающихъ; жилищемъ имъ служили шатры изъ такихъ же шкуръ.

Промышленность. До какой степени совершенства достигъ человѣкъ въ отношеніи своей промышленности въ разсматриваемую нами эпоху? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны порыться въ тѣхъ же самыхъ Kjoekken-moeddings, которыя доставили намъ свѣденія о пищѣ человѣка того времени. Мы обратимъ вниманіе и на остатки, найденные въ главнѣйшихъ пещерахъ этого періода.

Изслѣдованіе орудій, найденныхъ въ Kjoekken-moeddings, обнаруживаетъ, что они принадлежатъ весьма несовершенному типу, за исключеніемъ длинныхъ осколковъ или ножей, изготовленіе которыхъ требовало извѣстнаго искуства.

Въ кучахъ Даніи найдены кремневые ножи, топоры и скребки.

Кромѣ этихъ инструментовъ, въ кухонныхъ кучахъ Даніи найдены шила, наконечники копій, камни для пращи, не считая множества осколковъ, не имѣющихъ, по видимому, опредѣленнаго назначенія и составляющихъ, вѣроятно, отбросъ или только грубо оболваненные предметы.

Тамъ же находятъ въ значительномъ числѣ булыжники, служившіе, по общему мнѣнію, для загруженія сѣтей. На нѣкоторыхъ встрѣчается круговая поперечная выемка, другіе просверлены по срединѣ. Очевидно, что этотъ желобокъ или отверстіе служили для подвязыванія камня къ сѣтямъ.

Оружіе и орудія. Займемся теперь оружіемъ и орудіями, бывшими въ употребленіи у народовъ, населявшихъ сѣверъ Европы въ эту эпоху. Въ концѣ этого періода обработки камня достигли необычайнаго совершенства.

Трудно себѣ представить какимъ образомъ человѣкъ умѣлъ выдѣлывать безъ содѣйствія металловъ тѣ изящныя и правильныя формы, которыя обнаружили раскопки, относящіяся къ этой эпохѣ. Правда, что датскій кремень обработывается безъ значительнаго труда, но тѣмъ не менѣе требовалась необычайная ловкость и искуство, чтобы достигнуть той правильности линій и

богатства формъ, которыя мы встрѣчаемъ въ датскихъ образцахъ этого искуства, и которыя не будутъ даже превзойдены въ періодъ бронзы.

Топоры, найденные на сѣверѣ Европы и относящіеся къ періоду шлифованнаго камня, рѣзко отличаются отъ топоровъ, найденныхъ во Франціи и въ Бельгіи. Между тѣмъ какъ эти послѣдніе имѣютъ выпуклыя, закругленныя формы, топоры сѣверныхъ племенъ (рис. 48) плоски и въ общемъ очертаніи представляютъ прямоугольникъ съ притупленными углами. Они нерѣдко достигаютъ значительныхъ размѣровъ.

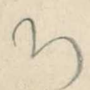
Сверхъ топоровъ этого типа, наиболѣе многочисленныхъ, сѣверные народы приготовляли топоры съ ушками, которые сочетались различнымъ образомъ съ молоткомъ. Эти именно топоры представляютъ наиболѣе изящныя формы и высокую отдѣлку. Рисунки 49, 50 и 51, снятые съ подлинниковъ, присланныхъ изъ Копенгагенскаго музея въ Сенъ-Жерменскій, изображаютъ топоры о двухъ лезвіяхъ и топоры-молоты. Всѣ они представляютъ правильныя круглыя отверстія для насадки на обухъ. Лезвіе выведено дугой, противоположный конецъ обтесанъ острыми ребрами.

Всѣ эти топоры носятъ на себѣ особый характеръ, который дозволилъ бы всегда отличать ихъ отъ подобныхъ же орудій эпохи сѣвернаго оленя, даже еслибъ они не были шлифованы. Топоры эпохи сѣвернаго оленя рубятъ узкимъ, топоры эпохи шлифованнаго камня широкимъ концемъ. Это замѣчаніе вѣрно не для одной Даніи, оно одинаково примѣнимо и къ топорамъ другихъ странъ Европы.

Наконечники копій могутъ служить образцомъ вкуса, искуства и терпѣнія. Они представляютъ двѣ формы. Самые изящные (рис. 52 и 53) имѣютъ очертаніе лавроваго листа, они плоски и высѣчены съ неподражаемымъ искуствомъ. Длина ихъ достигаетъ 38 сантиметровъ.

Другіе не такъ плоски и оканчиваются при основаніи, почти цилиндрической рукоятью. Иногда они зазубрены на окрайнѣ (рис. 54). Эти копья были очевидно насажены на древки, какъ средневѣковыя алебарды и современныя пики.

Скульпторы и живописцы въ эпоху оленей.

Кинжалы (рис. 55) замѣчательны не менѣе копій и отличаются отъ нихъ только рукояткой, плоской, широкой, масивной и немного закругленной на вершинѣ. Сверхъ того эти рукоятки всегда болѣе или менѣе изукрашены, а иногда покрыты тонкой рѣзьбой. Для выдѣлки подобныхъ предметовъ нужна была столь же искусная, сколько навыкшая рука.

Вслѣдъ за этимъ предметомъ, выходящимъ изъ ряда вонъ, слѣдуетъ упомянуть наконечники стрѣлъ, формы которыхъ довольно разнообразны. Наичаще встрѣчающаяся форма, трехгранная призма, оканчивающаяся ножкой, которая всаживалась въ древко. Другіе, напротивъ, совершенно плоски и съ глубокой высѣчкой при основаніи. Многіе зазубрены на окраинѣ, иногда даже въ высѣчкѣ.

Рисунки 56, 57, и 58 изображаютъ различные типы наконечниковъ стрѣлъ, находящихся въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ, гдѣ они и срисованы.

Рѣзцы и долота также заслуживаютъ вниманія. Рѣзцы имѣютъ форму четырехстороннихъ призмъ, заостренныхъ съ обоихъ концевъ. Долота отличаются отъ топоровъ тѣмъ, что они выдолблены съ одной стороны, чѣмъ и напоминаютъ этотъ инструментъ.

Затѣмъ слѣдуютъ любопытные инструменты, срисованные намъ въ Сенъ-Жерменскомъ музеѣ и назначеніе которыхъ до сихъ поръ загадочно. Они имѣютъ форму луковидныхъ пластинокъ. Внутренній край, прямой или закругленный, снабженъ зубчиками. Рукоятки прикрѣплялись съ противоположнаго края, такъ какъ слѣды ея сохранились на нѣкоторыхъ экземплярахъ.

Эти орудія вѣроятно служили для скобленія шкуръ и также, быть можетъ, служили ножомъ или пилой.

Перейдемъ теперь къ издѣліямъ изъ кости и оленьяго рога. Они гораздо малочисленнѣе, чѣмъ каменныя орудія и не представляютъ ничего замѣчательнаго. Единственное орудіе, достойное вниманія — гарпунъ (рис. 59). Это ничто иное, какъ выточенная кость, съ бородкой на одной сторонѣ и гладкая съ другой. Гарпунъ вѣка сѣвернаго оленя былъ очевидно совершенный.

Слѣдуетъ еще упомянуть, ради оригинальности, предметъ изъ кости (рис. 60), состоящій изъ расширенной части съ осьмью

длинными и очень тѣсными зубцами и другой болѣе узкой части, оканчивающейся набалдашникомъ.

Это вѣроятно первый гребень, коснувшійся косматой головы первобытнаго человѣка.

Извѣстно, что янтарь изобилуетъ по берегамъ Балтійскаго моря. Въ эпоху шлифованнаго камня онъ уже очень цѣнился обитателями сѣверной Европы. Они дѣлали себѣ ожерелье, или просто нанизывали просверленные куски самороднаго янтаря, или вытачивали изъ нихъ сферическія или элиптическія зерна точно такъ же, какъ это дѣлается теперь (рис. 61).

Если сѣверные народы въ эпоху шлифованнаго камня искусно обработывали кремень, они были за то весьма плохіе горшечники. Обломки сосудовъ, найденные въ грудахъ раковинъ, въ Даніи, а равно въ торфяникахъ и могилахъ, очень грубой работы и свидѣтельствуютъ о весьма ограниченныхъ понятіяхъ въ мастерствѣ обработки глины. Въ нихъ видны первыя усилія пробуждающейся промышленности, безуспѣшно ищущей своей тропы. Горшечное (гончарное) мастерство было ознаменовано большими успѣхами у древнѣйшихъ народовъ, т. е. въ эпоху сѣвернаго оленя.

При обзорѣ этой эпохи мы уже доказали о существованіи оружейныхъ и инструментальныхъ заводовъ, произведенія которыхъ расходились по окрестности, но въ весьма ограниченномъ районѣ. Въ эпоху, до которой мы дошли теперь, нѣкоторыя *мастерскія* — это слово самое подходящее, — пріобрѣли важное значеніе и кругъ дѣятельности ихъ былъ весьма обширенъ. Во многихъ бельгійскихъ пещерахъ найдены издѣлія изъ кремня знаменитой мастерской Гран-Прессиньи, находившейся въ той части нынѣшней Франціи, которая образуетъ департаментъ Эндры-и-Луары; издѣлія, отличающіяся совершенно особой отдѣлкой. Слѣдовательно, тогда торговля и промышленность сошли съ ученической тропы, чтобы вступить въ періодъ дѣятельности, запечатлѣнной извѣстной степенью умственнаго развитія.

Великій принципъ раздѣленія труда уже былъ примѣненъ къ дѣлу, такъ какъ находимъ особыя мастерскія для рубки и для шлифовки кремня.

Важнѣйшею изъ мастерскихъ Франціи, безъ сомнѣнія, была

мастерская Гран-Прессиньи, о которой мы упоминали. Она была открыта окружнымъ докторомъ Левейе. Сказать по правдѣ, это не столько центръ фабричной дѣятельности, а скорѣе рядъ отдѣльныхъ мастерскихъ, разсѣянныхъ по округу Прессиньи.

Въ годъ этого открытія, т. е. въ 1864 г. кремни находились въ огромномъ множествѣ на поверхности земли, во всей толщинѣ растительнаго слоя на пространствѣ пяти или шести гектаровъ. Абатъ Шевалье, въ своемъ отчетѣ Парижской академіи наукъ объ этой счастливой находкѣ, писалъ: „нельзя сдѣлать ни шагу, чтобы не наступить на который нибудь изъ этихъ предметовъ.“

Въ мастерскихъ Гран-Прессиньи найдены довольно разнообразныя орудія. Были тутъ топоры во всѣхъ степеняхъ отдѣлки, отъ самой грубой отески до отлично отполированнаго топора. Найдены также длинные осколки или кремни—*ножи*, вырубленные однимъ ударомъ и съ поразительной ловкостью.

Всѣ эти вещи, даже красивѣйшія, имѣютъ однако же нѣкоторые недостатки, по которымъ можно заключить, что это издѣлія забракованныя. Этимъ можно объяснить скопленіе ихъ въ одномъ мѣстѣ.

Находятъ здѣсь узкія и длинныя остроконечія, въ родѣ шилъ, превосходной работы, скребницы и пилы особеннаго фасона, изготовленныя, по видимому, въ отдѣльной мастерской. Они коротки, широки и на каждой оконечности съ прорѣзкою для вставки въ рукоятку.

Изъ всѣхъ вещей, особенно изобильныхъ и несомнѣнно доказывающихъ, что Прессиньи было въ древности важнымъ средоточіемъ издѣлій изъ кремня—назовемъ осколки или *нуклеусы*, изъ которыхъ вырубали большія полосы, извѣстныя подъ именемъ ножей. Изъ этихъ осколковъ, видѣнныхъ нами въ сен-жерменскомъ музеѣ, нѣкоторые достигаютъ длиною отъ тридцати до тридцати пяти сантиметровъ, большею частью же осколки бываютъ не длиннѣе двадцати. Туренскіе земледѣльцы, часто отрывающіе эти куски кремня плугами, во время полевыхъ работъ, называютъ ихъ масляными караваями по наружному сход-

ству съ послѣдними. Нуклеусы нынѣ встрѣчаются во всѣхъ кабинетахъ естественной исторіи и геологіи.

О древности топоровъ, ножей и орудій Прессиньи было выражено странное сомнѣніе. Г. Эженъ Роберъ утверждалъ, что эти кремни ничто иное, какъ осколки кремнистыхъ глыбъ, изъ которыхъ въ концѣ прошедшаго, особенно же въ началѣ нынѣшняго столѣтія вырубали кремни для ружейныхъ замковъ!

Абатъ Буржуа, г. Пангій л'Аридонъ и г. Джонъ Эвансъ безъ особеннаго труда доказали всю неосновательность подобной критики. Въ департаментѣ Луары-и-Шеры, гдѣ до нынѣ существуетъ торговля кремнями, остатки отъ рубки нисколько не походятъ на *нуклеусы*, находимые въ Прессиньи: они гораздо менѣе объемомъ и не представляютъ постоянно такого правильнаго очертанія. Кромѣ того, они никогда не бываютъ отточены по краямъ, какъ большая часть осколковъ въ туренскихъ мастерскихъ.

Доводомъ неопровержимымъ служитъ въ особенности то обстоятельство, что кремень изъ Прессиньи-ле-Гранъ по своему свойству вовсе не годится для ружейныхъ курковъ. Вотъ почему документы архива артиллерійскаго депо, по замѣчанію г. Панкій л'Аридонъ, библіотекаря артилерійскаго музеума, вовсе и не упоминаютъ о добычѣ кремня въ округахъ Прессиньи. Наконецъ старожилы тамошней общины не видывали и не слыхивали, чтобы у нихъ когда либо производились работы вырубки ружейныхъ кремней. И такъ предположеніе г. Эжена Робера, взятое подъ защиту г. Декэномъ и Эли-де-Бомонъ, противорѣчитъ и фактамъ, и всякому правдоподобію.

Шлифованныхъ кремней мало попадается въ мастерскихъ Прессиньи-ле-Гранъ, а потому и думаютъ, что мастерскія существовали тамъ до эпохи шлифованнаго камня. На основаніи этой догадки, *нуклеусы* слѣдуетъ отнести къ эпохѣ переходной, отъ періода каменнаго къ періоду шлифованнаго камня. Одна эпоха окончилась, другая еще не начиналась. Другими словами, большая часть кремней Прессиньи имѣютъ очертаніе рубки, свойственное эпохѣ шлифованнаго камня, но шлифовки имъ не достаетъ.

Долгое время спустя, по основаніи мастерскихъ въ Прессиньи, когда онѣ были уже въ цвѣтущемъ состояніи, тогда только поя-

вилась въ нихъ эта новая отрасль мастерства. Въ окрестностяхъ Прессиньи найдено было нѣсколько гладилъ, очень замѣчательныхъ. Это большіе куски мелкозернистаго песчаника, изборожденные сплошь или частію болѣе или менѣе глубокими полосами, въ которыхъ шлифовали каменныя издѣлія посредствомъ сильнаго тренія.

Гладила, найденныя въ прочихъ департаментахъ, отличны отъ предыдущихъ. Такъ, напримѣръ, на гладилѣ, найденномъ г. Легэ около Парижа, въ катакомбахъ Вареннъ-Сентъ-Илеръ, есть не только полосы, но и чашкообразныя впадины, довольно глубокія.

Шлифовка кремня производилась посредствомъ тренія его о дно этихъ впадинъ, увлаженныхъ водою и, безъ сомнѣнія, содержавшихъ кремнистыя зерна, тверже шлифуемаго камня.

Здѣсь мы немного остановимся, чтобы замѣтить, что работы предковъ нашихъ при шлифовкѣ кремня были сопряжены съ нѣкоторыми трудностями, къ преодолѣнію которыхъ требовалось отъ рабочихъ извѣстная смышленость и снаровка.

Обработка кремня, по видимому, вещь простая—въ сущности же сложная по причинѣ свойства и мѣстъ нахожденія этого ископаемаго.

Въ необработанномъ состояніи кремень попадается въ видѣ кругловатыхъ глыбъ, ломкихъ, но однако же очень твердыхъ, которыя при обрубкѣ колятся подобно стеклу, отдѣляя иверни или осколки съ острыми краями. Вслѣдствіе этого обстоятельства для добычи острыхъ кусковъ, т. е. осколковъ, въ видѣ ножей или кинжаловъ, достаточно было бить по одному куску кремня, державшаго въ лѣвой рукѣ, другимъ, болѣе твердымъ кускомъ. Вмѣсто того, чтобы держать обиваемый кремень въ рукѣ, его могли класть и на подставку и, придерживая лѣвою рукою, ударять по немъ съ сообразною силою правой рукой, вооруженной другимъ камнемъ.

Спѣшимъ однако же оговориться, что для легкой разбивки кремня на острые иверни и для того, чтобы онъ кололся по опредѣленному направленію, камень долженъ быть свѣжій, т. е. недавно вырытый изъ земли; въ немъ должна быть ему свойственная влажность, которою онъ проницается на мѣстѣ своей залежи. Кремни, оставленные на воздухѣ, не могутъ колоться легко и

правильно; они даютъ тогда осколки безобразные, неправильные и совсѣмъ не такіе, какіе желаютъ получить, обивая камни.

Эта влажность, очень хорошо знакомая рабочимъ, въ былые годы обсѣкавшимъ кремни для ружей — называется *водою каменоломенною* (eau de carrière).

Необходимость обивать кремень, только что добытый изъ земли, эта обязательная обработка камней по мѣрѣ надобности имѣла послѣдствіемъ разработку рудниковъ, копей и каменоломень - искуство, современное первымъ вѣкамъ бытія человѣчества. По невозможности употреблять въ дѣло кремни засохшіе, отвердѣвшіе на воздухѣ, а потому и негодные, работники принуждены были прорывать въ землѣ углубленія, подземные (крытые) ходы или открытыя галереи, употребляя для первыхъ деревянныя крыши, подпорки, подставки—словомъ, дѣлая всѣ сооруженія, необходимыя для устройства каменоломни. Во избѣжаніе обваловъ и для безопасности рудокоповъ пришли къ убѣжденію рыть подкопы систематически, придавать достаточную толщину потолку галерей, копать колодцы, выводить прочныя стѣны и легчайшимъ путемъ очищать рудокопню отъ щебня и мусора. Нерѣдко вода мѣшала рудокопамъ; воду эту, во избѣжаніе потопленія, нужно было выкачивать... Иногда необходимо было провѣтривать подземныя галереи во всю ихъ длину.

И такъ, обработка кремня должна была привести предковъ нашихъ къ созданію искуства рудокопнаго. Такимъ образомъ, безъ всякой игры словами, говоря о человѣкѣ древняго и благороднаго происхожденія, что онъ—*древней скалы* (de l'ancienne roche), мы напоминаемъ, сами того не зная и слѣдуя единственно поговоркѣ, что родъ этого человѣка восходитъ къ временамъ чуть-ли не потопа, когда люди занимались пробивкою скалъ и добычею изъ нихъ камня (1). Такъ, родословіе Рогановъ и Монморанси восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ.

---

(1) Совершенно произвольная этимологія, не безъ претензіи и не безъ натяжки. Roche vive, по французски означаетъ закоренѣлаго въ своихъ привычкахъ человѣка; vieille roche или ancienne roche: маститый дво-

Раждается вопросъ: какимъ образомъ племена каменнаго вѣка могли пробивать скважины, замѣчаемые въ кремняхъ, не имѣя желѣзныхъ орудій; чѣмъ же они пробуравливали кремни для вставки рукоятей топоровъ, ножей, кинжаловъ? Наши каменщики, дѣйствительно, не могутъ пробуравить ружейнаго кремня безъ шлифовальнаго (алмазнаго) порошка. Мы думаемъ, что *смычекъ*, которымъ первые люди добывали огонь, потирая посредствомъ его дерево объ дерево, служилъ въ мастерскихъ, гдѣ выдѣлывали каменныя орудія — для верченія кременнаго бурава, который могъ просверлить простой валунъ. Опыты, сдѣланные въ наше время надъ весьма острыми наконечниками стрѣлъ, принадлежавшихъ первобытному человѣку, доказали, что ими весьма легко можно просверлить свѣжіе кремни, если къ дѣйствію бурава присоединить порошокъ изъ твердаго камня, способствующій проницанію кремня въ камень. Порошокъ этотъ изъ смѣси кориндона и циркона не трудно было составить людямъ каменнаго вѣка. Онъ попадается по берегамъ рѣкъ, гдѣ присутствіе его замѣтно по золотымъ крупинкамъ, блестящимъ на прибережномъ пескѣ.

И такъ, для просверленія кремня достаточно было кременнаго бурава и порошка изъ циркона или кориндона. Это объясненіе не можетъ подлежать и сомнѣнію, такъ какъ извѣстно, что этимъ самымъ способомъ сверлятъ богемскіе гранаты въ Шварцвальдѣ.

Необходимо обратить вниманіе на прогресъ шлифовки, такъ какъ онъ характеризуетъ описываемую нами эпоху исторіи человѣчества, т. е. эпоху *шлифованнаго камня*. Достойно замѣчанія, что въ эпоху большаго медвѣдя и мамонта, а также и въ эпоху сѣвернаго оленя, орудія были не шлифованныя; они просто на просто состояли изъ каменныхъ осколковъ. Въ описываемую нами эпоху, эти издѣлія были усовершенствованы и каменныя орудія уже шлифовали. Потому и необходимо обратить вниманіе на это производство.

рянскій корень, твердо вросшій въ землю, какъ скала. У насъ это выраженіе передается словами: «старый закалъ»,—«стараго вѣка кочерга».

Прим. Переводч.

Здѣсь кстати мы приведемъ краткое описаніе гладила, составленное г. Легэ. Въ своей *Замѣткѣ о камнѣ для шлифовки кремней, найденномъ въ сентябрѣ 1860 года въ Варенн̂ѣ-Сент-Илерѣ (департ. Сены)*, г. Легэ говоритъ слѣдующее:

„Между множествомъ памятниковъ археологическаго каменнаго вѣка, собранныхъ мною въ Вареннѣ-Сент-Илерѣ, на мѣстѣ древняго, существовавшаго здѣсь города, есть одинъ, всегда удивлявшій меня не только тѣмъ, что онъ отлично сохранился, но еще того болѣе, какъ проливающій свѣтъ на одну изъ главнѣйшихъ отраслей промышленности древнихъ племенъ: говорю о выдѣлкѣ оружія и разныхъ орудій изъ кремня.

„Это камень для шлифовки и для выдѣлки отличныхъ топоровъ. Я нашелъ его въ сентябрѣ 1860 года на мѣстѣ, называемомъ *Поповымъ камнемъ* (Pierre-au-prêtre) близъ *Болота* (Marais) вмѣстѣ съ другими памятниками, о которыхъ сообщу въ непродолжительномъ времени. Камень этотъ—грубый песчаникъ, кубической формы, безъ всякихъ слѣдовъ отески. При 34 сантиметрахъ толщины, онъ имѣетъ 96 сантиметровъ длины и 55 ширины и, подобно многимъ наноснымъ камнямъ, на одной изъ сторонъ представляетъ всѣ данныя для употребленія при работахъ, для которыхъ его предназначили.

„Эта сторона, въ теченіе многихъ лѣтъ, служила для обточки и для шлифовки всякаго рода оружія, изготовляемаго въ окрестности, оружія, находимаго до сихъ поръ въ небольшомъ количествѣ, а въ гробницахъ, въ которыя его складывали по обѣщанію—въ изобиліи.

„Почти вся поверхность камня покрыта искуственными углубленьями. По срединѣ чашеобразная впадина, представляющая овальную поверхность въ 65 сантиметровъ большой оси и 32 сантиметра малой. Камень, сильно потертый вслѣдствіе долгаго употребленія, имѣетъ выемку съ центральною глубиною въ 30 миллиметровъ. Эта часть служила для обточки крупныхъ частей оружія послѣ ихъ предварительной отески. Длина выемки давала возможность камню, во время работъ, имѣть довольно продолжительное движеніе и тѣмъ сберегать силы работнику. Кромѣ того, это

углубленіе позволяло придавать издѣліямъ ту миндалевидную форму, которой они почти всѣ отличаются.

„Спереди или справа, судя по положенію камня, по окраинѣ впадины, почти прикасаясь къ ней, находится желобокъ, глубоко высѣченный въ камнѣ. При 77 сантиметрахъ длины, желобокъ простирается почти вдоль всего камня, при наибольшей ширинѣ около 30 милиметровъ, и имѣетъ видъ весьма удлиненнаго веретена при углубленіи по срединѣ въ 12 милиметровъ, на обѣихъ оконечностяхъ сравнивающагося съ поверхностью.

„Потертая поверхность камня и форма этого желобка ясно доказываютъ его назначеніе. Желобокъ служилъ для отточки краевъ или зазубринъ на топорѣ, всегда остававшихся послѣ шлифовки. Проводя топоръ по желобу, острію его придавали правильное очертаніе.

„Что же касается до отточки самаго лезвія—она производилась посредствомъ проведенія топора плашмя взадъ и впередъ по поверхности камня. Для шлифовки малыхъ топоровъ, рядомъ съ большими углубленіями и желобкомъ, выдолблены другія, поменьше. Эти оба малыя углубленія паралельны большимъ, что̀ представляло работнику то удобство, что ему не было надобности перемѣнять мѣсто. Очертаніе малыхъ углубленій въ видѣ миндалинъ, съ утонченными краями.“

Шлифовка каменнаго оружія совершалась посредствомъ тренія шлифуемаго предмета, положеннаго во впадину, выдолбленную по срединѣ гладильной доски и увлаженную водою съ примѣсью порошковъ циркона, кориндона, а можетъ быть и просто желѣзной окиси, извѣстной нынѣ подъ именемъ англійской красной охры (или краснаго карандаша) и употребляемой при полировкѣ ювелирныхъ издѣлій.

По истинѣ удивленія достойно то огромное количество издѣлій изъ кремня, которое могъ выдѣлать одинъ работникъ, снабженный всѣми, къ тому необходимыми снарядами. Для точнѣйшихъ свѣденій объ этомъ нужно знать, сколько выработывали въ старину наши *кременьщики* департаментовъ Эндры и Луары—и Шеры—потомки работниковъ каменнаго вѣка. Французскій естествоиспытатель Доломье, въ началѣ текущаго столѣтія, нашелъ

возможность узнать какъ точное количество издѣлій, выработываемыхъ кременщиками на продажу, такъ и способы ихъ для выдѣлки ружейныхъ кремней.

Посѣщая мастерскія, Доломье нашелъ, что работники первоначально придаютъ глыбѣ кремня видъ многогранной призмы. Пяти или шести ударовъ молоткомъ въ одну минуту было достаточно для отдѣленія отъ этой глыбы правильныхъ осколковъ, гладкихъ, остроугольныхъ, ровныхъ до такой степени, что можно было бы предполагать отдѣлку на станкѣ гранильщика, на что потребовалось бы никакъ не менѣе часовой работы. Для успѣха въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Доломье, достаточно, чтобы камни были свѣжіе, т. е. безъ пороковъ и инородныхъ примѣсей. Обдѣлывая глыбу кремня свѣжую, недавно вырытую изъ земли, одинъ работникъ въ день могъ наколоть тысячу кусковъ, отдѣлять на чисто до пятисотъ ружейныхъ кремней, а въ три дня до 1000. Въ 1789 году русскія войска получали кремни изъ Польши; главный складъ находился — въ Кисніевѣ (Кіевѣ? или Кишиневѣ?). Въ это время, по словамъ Доломье, въ два мѣсяца выдѣлывали до 90,000 кремней.

Кромѣ мастерскихъ въ Гран-Прессиньи существовали во Франціи многія другія для выдѣлки каменнаго оружія. Назовемъ мастерскія Шаранты, открытыя г. де-Рошбрюномъ, — въ Пуату и на полѣ Діорьеръ, въ Шовиньи (департ. Луары-и-Шеры). Послѣдняя, по видимому, занималась исключительно шлифовкой кремня. Дѣйствительно, въ томъ же департаментѣ, неподалеку отъ Шовиньи есть скала, съ двадцатью пятью бороздами, похожими на борозды гладильныхъ досокъ—а потому и называемая мѣстными жителями: рубленнымъ камнемъ (Pierre cochée). Легко можетъ быть, что объ эту скалу шлифовали каменное оружіе, добытое въ Діорьерѣ.

Подобныя же мастерскія для шлифовки камня на открытомъ воздухѣ найдены и въ Бельгіи.

Въ этомъ отношеніи замѣчательны окрестности Монса, особенно же Спіеннь, гдѣ, несомнѣнно, въ эпоху шлифованнаго камня находилась важная гранильня. Здѣсь отыскано значительное ко-

личество топоровъ и другихъ каменныхъ орудій, большею частью не отдѣланныхъ, попорченныхъ или только вырубленныхъ.

Иногда мастерскія устраивались и не на открытомъ воздухѣ, а въ пещерахъ. Такъ говоритъ ліонскій естествоиспытатель г. Фурне въ своемъ сочиненіи *о вліяніи руднаго дѣла на цивилизацію*:

„Съ давнихъ временъ пещеры Ментона были извѣстны туземцамъ по множеству находящихся въ нихъ каменныхъ осколковъ. Въ 1848 году князь Монако послалъ въ Парижъ цѣлый ящикъ этихъ осколковъ, но никто не занялся ихъ изслѣдованіемъ. Въ недавнее время г. Гранъ изъ Ліона, обязательно снабдившій меня нѣсколькими экземплярами, прилежно занялся раскопками на мѣстѣ, давшими ему возможность убѣдиться, что особенно замѣчательные предметы въ этомъ родѣ находятся въ извѣстной глубинѣ, въ глинистомъ слоѣ почвы пещерной.

Всѣ орудія первобытной, грубой работы и относятся, слѣдовательно, къ эпохѣ начала мастерства. Между кремнями, однакоже, попалось нѣсколько агатовъ, добытыхъ, по моему мнѣнію, близъ Фрежюса, а также и куски гіаническаго кварца въ видѣ призматическихъ столбиковъ съ пирамидальными вершинами. Можно предполагать, что кристаллы эти, изъ породы *мейланскихъ алмазовъ*, встрѣчающихся близъ Гренобля, попали въ пещеру не случайно, но служили для сверленія камней вмѣсто буравовъ ([1])."

Кремень въ эту эпоху былъ не единственнымъ матеріаломъ для выдѣлки каменныхъ топоровъ, оружія и всякихъ орудій. Въ пещерахъ Франціи, Бельгіи и Даніи найдено было много топоровъ изъ гнейса, діорита, офита, фибролита, почечнаго камня и другихъ твердыхъ минераловъ.

Достойны замѣчанія топоры изъ почечнаго камня, найденные въ департаментѣ Жеръ и украшенные по краямъ лезвія маленькими крючками. На одномъ изъ топоровъ, находящихся въ сенжерменскомъ музеумѣ, по краямъ лезвія два большіе зубца.

([1]) In 8° Lyon, 1861, p. 42.

Кремень, гнейсъ, дориты находятся не повсемѣстно; камни эти, по необходимости, приходилось замѣнять другими, менѣе твердыми минералами. Въ Швейцаріи оружіе и разныя орудія выдѣлывались вообще изъ рѣчныхъ валуновъ. Ихъ обдѣлывали обивая другими камнями, потирая ихъ о песчаникъ, распиливая зубчатыми, кремневыми пилами—смотря по твердости этихъ камней.

Есть мѣстности, въ которыхъ каменное оружіе выдѣлывалось изъ змѣевиковъ, горшечныхъ камней, базальта, лавы, нефрита и прочихъ горныхъ породъ, выбираемыхъ судя по твердости. Впрочемъ работники того времени были такъ ловки, вслѣдствіе навыка, что твердость камня для нихъ ничего не значила и ни мало ни затрудняла ихъ. Молоткомъ—орудіемъ мало знакомымъ нынѣшнимъ работникамъ—древніе совершали такія чудесныя работы, которыя едва подъ силу точильному камню и напилкамъ современныхъ гранильщиковъ.

Да не удивится читатель, если мы прибавимъ, что нѣкоторые виды волканическихъ лавъ (особенно обсидіанъ), имѣющіе способность ломаться на правильные осколки, употреблялись американскими индѣйцами для выдѣлки острыхъ орудій. Древнія каменоломни, изъ которыхъ они извлекали обсидіанъ для приготовленія оружія, находились въ горахъ *Сіерра-де-ласъ Набайясъ* (ножевыя горы) въ Мексико. Г. де Соссюръ, потомокъ великаго геолога, нашелъ въ этихъ горахъ куски камня, вырубленные въ видѣ длинныхъ полосъ, изъ которыхъ отбивали лезвія посредствомъ искусно направленныхъ ударовъ камнемъ. По отзывамъ г. Соссюра первоначально полосу камня придавали форму шестигранной призмы; изъ нея вырубали шесть трехгранныхъ призмъ, а этимъ послѣднимъ, утончая ихъ, посредствомъ шлифовки, уже придавали видъ лезвія съ широкимъ обухомъ.

Испанскій историкъ Гернандецъ говоритъ, что подобныхъ лезвій въ часъ выдѣлывали до сотни. Впрочемъ, древніе жители Перу и гванчосы на Тенериффѣ точно также обтачивали и обтачиваютъ обсидіаномъ свои стрѣлы и кинжалы. Прибавимъ, наконецъ, что г. Пласъ, изыскатель древностей Нинивіи, нашелъ

на развалинахъ этого древняго города ножи для обрѣзанія, изъ обсидіана ([1]).

Послѣ кремневыхъ орудій эпохи шлифованнаго камня сдѣлаемъ обзоръ орудій изъ оленьяго рога.

Долина Соммы—въ которой найдены убѣдительныя доказательства одновременнаго бытія человѣка и большихъ млекопитающихся выморскихъ породъ—не менѣе богатый рудникъ орудій роговыхъ, принадлежащихъ эпохѣ шлифованнаго камня. Эти памятники древности найдены въ обширныхъ торфяникахъ этой области. Буше-де-Пертъ собралъ изъ нихъ значительнуюко лекцію въ окрестностяхъ Абевиля.

Торфяники, какъ извѣстно, древнія болота, постепенно загруженныя попадавшими въ нихъ прибережными деревьями. Органическія вещества (корни, древесина, листья) медленно сгнили въ окружающей ихъ водѣ и въ извѣстный періодъ времени образовали вещество горючее, называемое *торфомъ*. Залежи Сомской долины въ иныхъ мѣстахъ достигаютъ до 10 метровъ толщины. Въ нижнихъ слояхъ находятъ оружія, утварь и украшенія эпохи шлифованнаго камня.

Между этими обломками старины замѣтимъ остатки орудій, представляющихъ соединеніе двухъ разнородныхъ матеріаловъ: камня и оленьяго рога, или камня и кости.

Особенно замѣчательны топоры подобной конструкціи. Они состоятъ изъ куска шлифованнаго кремня, до половины всаженнаго въ рукоятку изъ оленьяго рога, также отполированную, или, судя по обстоятельствамъ, оставленную въ натуральномъ видѣ.

Эта рукоятка по срединѣ обыкновенно имѣетъ просверленную, круглую скважину для укрѣпленія другой рукояти изъ дубоваго, березоваго дерева или инаго, къ тому приличествующаго матеріала.

Что касается до рукоятокъ — онѣ не могли быть прочны по

([1]) Еслибъ г. Фигье взялъ трудъ придать своему сочиненію болѣе широкія рамки, онъ бы могъ сказать нѣсколько словъ о каменныхъ жертвенныхъ ножахъ китайцевъ, индусовъ, іудеевъ и древнихъ народовъ сѣверной Азіи. *Прим. переводч.*

свойству самаго матеріала, и вотъ причина, по которой онѣ никогда не встрѣчаются въ неповрежденномъ видѣ.

Попадались рукоятки съ твердыми зубцами на той части, которая была противуположна каменному топору. Зубцы эти—кабаньи клыки, крѣпко вбитые въ оленій рогъ. Слѣдовательно, орудія эти имѣли двоякое назначеніе: одной стороной они рубили, другою — кололи. Попадаются топорища не только вооруженныя такими клыками, но и снабженныя гнѣздами съ обѣихъ сторонъ для вставки двухъ каменныхъ топоровъ.

Оленій рогъ нерѣдко употреблялся и самъ по себѣ для выдѣлки изъ него орудій, не требующихъ особеннаго напряженія силы работника; напримѣръ, при садоводствѣ. Замѣчательно, что рукояти изъ оленьяго рога не всегда просверлены для насадки топоровъ; случается, что рукоятью служитъ вѣтвь самаго рога.

При своихъ изысканіяхъ въ абевильскихъ торфяникахъ, Буше де Пертъ находилъ осколки кремня неправильной формы, назначеніе которыхъ было ему неизвѣстно. Однако же, найдя въ тѣхъ же пластахъ торфа длинныя кости млекопитающихся: берцовыя, лучевыя, локтевыя и т. п., обточенныя по одному образцу, онъ пришелъ къ догадкамъ, что кости эти служили рукоятями для вставки кремневыхъ лезвій. Желая удостовѣриться въ справедливости этого предположенія, онъ взялъ кость и кремень, вырытые изъ торфяника, и, приложивъ одно къ другому, составилъ родъ косаря, пригоднаго для обрѣзки вѣтвей, струганья, скобленья и лощенья дерева. Нѣсколько разъ онъ повторялъ свой опытъ и постоянно съ совершеннымъ успѣхомъ. Въ случаѣ если кремень не твердо сидѣлъ въ гнѣздѣ рукояти, достаточно было закрѣпить его двумя вбитыми въ рукоять клиньями.

Съ того времени Буше де Пертъ не сомнѣвался болѣе въ назначеніи костей для рукоятокъ орудіямъ. Одна и та же кость служила для вставокъ многихъ камней, смотря по снаровкѣ работника, закрѣплявшаго лезвіе посредствомъ клиньевъ. Вотъ почему кусковъ отточеннаго кремня въ торфяникахъ попадается болѣе, нежели костей. Замѣтимъ также, что затупившіяся кремневыя лезвія рѣдко оттачивали, такъ какъ онѣ легко могли быть замѣ-

нены новыми. Негодные кремни обыкновенно бросали, и вотъ почему они находятся въ такомъ множествѣ въ торфяныхъ пластахъ.

Рукоятки сдѣланы изъ костей чрезвычайно крѣпкихъ, изъ чего можно заключить, что онѣ предназначались для вставки орудій, требовавшихъ при употребленіи значительныхъ усилій. Каменныя лезвія большею частью вставлялись съ одного конца кости; но иногда и съ обоихъ для двухъ орудій одновременно.

Вообще изготовленіе подобныхъ инструментовъ не стоило большихъ трудовъ ихъ мастерамъ: кость раскалывали пополамъ, не заравнивая даже зазубринъ; отверстіе по мѣрѣ надобности расширяли, придавая ему, смотря по вставляемому орудію, круглую или четырехгранную форму.

Въ эпоху шлифованнаго камня, точно также какъ и въ теченіе предыдущей эпохи, зубы животныхъ употреблялись для украшеній. Но теперь уже не довольствовались, какъ прежде, нанизывать ихъ въ ожерелье; въ эпоху шлифованнаго камня ихъ стали тщательно обдѣлывать. Для этого предпочтительно употребляли зубы кабана. Ихъ разрубали пополамъ, для уменьшенія на половину ихъ толщины, потомъ ихъ шлифовали и пробуравливали скважину, чтобы нанизывать.

Нѣкоторое число оправленныхъ кабаньихъ клыковъ было найдено въ торфяникахъ Соммы. Любопытнѣйшая въ этомъ родѣ находка состояла изъ ожерелья. Оно было найдено близъ Пекиньи въ 1834 году и состоитъ изъ девятнадцати клыковъ, распиленныхъ пополамъ, какъ мы уже говорили, превосходно отполированныхъ съ прободенными скважинами по обоимъ концамъ. Сквозь эти скважины были пропущены засушенныя жилы животнаго, остатки которыхъ, какъ говорятъ, были найдены вмѣстѣ съ клыками. Подобное ожерелье было вѣроятно высокой цѣны, такъ какъ за нимъ было много работы, продолжительной и копотливой.

Въ брюссельскихъ торфяникахъ были также найдены шлифованные кремни, вставленные въ животныя кости и между прочимъ въ двѣ плечевыя человѣческія, отъ двухъ разныхъ индивидуумовъ.

Ни на одномъ изъ роговыхъ или деревянныхъ орудій не было найдено тѣхъ рисунковъ, о которыхъ мы говорили при обзорѣ эпохи сѣвернаго оленя. Художественныя склонности, какъ видно,

притупились. Можетъ быть великая катастрофа потопа, погубившая столько жертвъ, изгладила въ людяхъ чувства изящнаго, побуждая ихъ сосредоточивать всѣ помышленія надъ работами о ихъ существованіи или самосохраненіи.

Множество найденныхъ обломковъ глиняной посуды свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ распространеніи гончарнаго мастерства въ эпоху шлифованнаго камня. Обломки эти большею частію хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ первобытной грубости, но въ нихъ уже замѣтны нѣкоторые успѣхи: украшенія нѣжнѣе и затѣйливѣе. Встрѣчаются остатки сосудовъ со сквозными ушками и выпуклостями для прицѣпленія. Словомъ, замѣтны шаги къ художественному творчеству.

Въ пещерахъ департамента Арьежа гг. Гаригу и Фильоль нашли остатки грубой, глиняной посуды, снабженной ручками и совершенно первобытнаго рисунка. Между обломками гончарныхъ работъ, найденными изыскателями, есть одинъ въ двадцать восемь сантиметровъ высоты и какъ видно принадлежавшій сосуду въ полметра вышиною. Сосудъ этотъ, безъ сомнѣнія, очень тяжелый, навѣшивали на ремни, что доказываетъ другой обломокъ съ тремя скважинами.

Земледѣліе. Есть несомнѣнныя доказательства тому, что человѣкъ въ эпоху шлифованнаго камня занимался земледѣліемъ или, по крайней мѣрѣ, сѣялъ жита. Въ пещерахъ Арьежа гг. Гаригу и Фильоль нашли до двадцати жернововъ, которыми растирали зерна въ муку. Эти жернова имѣютъ отъ двадцати до шестидесяти сантиметровъ въ поперечникѣ.

И такъ, племена, въ эпоху шлифованнаго камня заселявшія Арьежъ, имѣли понятіе о сѣяніи житъ.

Докторъ Фулонъ-Менаръ, издалъ въ 1869 г. описаніе камня, найденнаго въ Паншато, близъ Нанта, въ гробницѣ, относящейся къ каменному вѣку ([1]). Камень этотъ, въ шестьдесятъ сантиметровъ шириною, имѣетъ углубленіе, выдолбленное въ верхней своей части. Назначеніе его, очевидно, служить къ растиранію въ муку

([1]) Les moulins primitifs. Nantes. 1869.

хлѣбныхъ зеренъ, посредствомъ каменнаго валька или просто круглаго булыжника. Мука, добываемая такимъ образомъ, ссыпалась по желобу, выдолбленному въ камнѣ, на подостланную циновку.

Устройство каменной мукомольной мельницы не покажется намъ страннымъ и необыкновеннымъ, такъ какъ до нынѣ у многихъ дикихъ народовъ употребляютъ каменные ручные жернова. По свидѣтельству г. Мольгаузена въ его *Путешествіи по Мисисипи и Океану*—главная пища индѣйцевъ состоитъ изъ кукурузныхъ или ржаныхъ лепешекъ, выпекаемыхъ изъ муки отъ зеренъ, растираемыхъ на камняхъ. Въ книгѣ Ливингстона: *Замбезе и его притоки* (въ центральной Африкѣ) находимъ слѣдующее:

Мельницы у мангажасовъ, макалолосовъ, ландиновъ и прочихъ племенъ состоятъ изъ куска гранита или сіенита, иногда даже микасшиста въ 15—18 квадратныхъ дюймовъ и 5—6 толщины — и куска кварца или другаго твердаго минерала величиною въ половину кирпича. Одна сторона этого жернова выпуклая на столько, чтобы плотно входить въ углубленіе, изсѣченное въ камнѣ.

Когда женщинѣ нужно молоть, она становится на колѣни, беретъ въ обѣ руки выпуклый камень и водитъ имъ въ углубленіи жернова, движеніями своими напоминая булочника, раскатывающаго тѣсто. Проводя камнемъ взадъ и впередъ, работница налегаетъ на него всей тяжестью своего тѣла и по временамъ присыпаетъ къ смолотому зерну свѣжее. Жернову даютъ наклонное положеніе, такъ что готовая мука высыпается изъ него на подостланную рогожу.

Такова была и первобытная мельница. Впослѣдствіи она измѣнила свой видъ и состояла изъ двухъ жернововъ, положенныхъ одинъ на другой, изъ которыхъ верхній приводился въ движеніе деревянною рукояткою. Подобная мельница принадлежитъ къ бронзовому вѣку и этотъ видъ ея сохранялся неизмѣнно до временъ историческихъ, такъ какъ первыя мельницы у римлянъ имѣли совершенно подобное же устройство. Для приготовленія лепешекъ изъ муки раскаляли камни на огнѣ, а на нихъ бросали куски тѣста, которое и выпекалось такимъ образомъ. Спѣшимъ огово-

риться, что это даже не предположеніе: въ наше время въ бѣднѣйшихъ округахъ Тосканы точно такъ же жители приготовляютъ себѣ *поленту*. Тѣсто, изъ толченыхъ каштановъ, мѣсятъ на водѣ, потомъ изъ него пекутъ лепешки на раскаленныхъ камняхъ (¹).

Слѣды земледѣльческихъ свѣднеій первобытныхъ людей, кромѣ Арьежа находятся еще и въ другихъ областяхъ Франціи. Гг. Поммероль открыли въ пещерахъ Пюи-де-Дома обуглившіяся зерна ржи вмѣстѣ съ осколками глиняной утвари и временными орудіями. Люди описываемой нами эпохи, слѣдовательно, исключительно занимались звѣриною и рыбною ловлею; они уже начинали знакомиться съ благороднымъ ремесломъ землепашества, бывшаго впослѣдствіи источникомъ благосостоянія народовъ.

Плаваніе. Начало рѣчнаго плаванія относится тоже къ эпохѣ шлифованнаго камня. Послушаемъ отзывъ объ этомъ одного изъ свѣдущихъ людей въ наукахъ, относящихся до изученія древности рода человѣческаго—именно г. Мортійе, смотрителя археологическаго и до-историческаго музеума въ Сенъ-Жерменѣ. По мнѣнію г. Мортійе плаванія, какъ морское, такъ и озерное, были правильно организованы въ эпоху шлифованнаго камня. Первыя лодки или суда дѣлались изъ толстыхъ древесныхъ стволовъ, снаружи отесанныхъ, а внутри выдолбленныхъ. У нихъ не было уключинъ ни для руля, ни для веселъ, замѣняемыхъ тогда просто руками. Для выдолбленія древесныхъ стволовъ при постройкѣ лодокъ употребляли одновременно каменные инструменты и огонь. У первыхъ лодокъ, древесный стволъ, обрубленный по краямъ, на сколько позволяли каменныя орудія, сохранялъ свою природную форму. Лодка была ничѣмъ инымъ, какъ древеснымъ стволомъ съ выжженной срединой, а потомъ выдолбленнымъ посредствомъ каменнаго топора.

Впослѣдствіи судостроеніе улучшилось; при наружной отескѣ

(¹) Г. Фигье, кромѣ Италіи, могъ бы указать на жителей дунайскихъ княжествъ и Закавказья. У послѣднихъ, ячменныя лепешки, испеченныя на раскаленыхъ камняхъ, называются *чурекъ*.

Примѣч. переводч.

ствола начали заострять его концы. Для придачи ему большей ходкости и во избѣжаніе опрокидыванія стали обтесывать и заострять дно судна. Внутри, для прочности вставляли въ видѣ реберъ подпорки, служившія вмѣстѣ съ тѣмъ для сидѣнья и для опоры ногъ гребцамъ. Вскорѣ къ этимъ усовершенствованіямъ присоединился и парусъ. Трудно, однако же, съ точностью опредѣлить время этого важнаго открытія, бывшаго переходомъ отъ плаванія первобытнаго къ совершеннѣйшему мореплаванію. Дальнѣйшія усовершенствованія могли быть только при ознакомленіи людей съ металлами.

Въ сочиненіи своемъ *о происхожденіи мореплаванія и рыбной ловли* г. Мортійе дѣлаетъ обзоръ всѣхъ археологическихъ находокъ, сдѣланныхъ въ разныхъ странахъ и относящихся до судостроенія первобытныхъ людей.

Упомянувъ, что въ копенгагенскомъ музеумѣ есть рисунокъ трехъ древнихъ пирогъ, онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Первая пирога состоитъ изъ половины древеснаго ствола въ сорокъ пять сантиметровъ шириною, прямо обрубленной по концамъ, длиною около двухъ метровъ и выдолбленной въ видѣ корыта. Пирога эта очень похожа на пирогу, найденную въ Швейцаріи.

Вторая пирога длиною около трехъ метровъ; на одномъ концѣ заострена и болѣе округленна на другомъ. Стволъ, изъ котораго она выдолблена, на округленной части имѣетъ возвышеніе, служившее скамьею для пловца.

Третья пирога № 295 (каталога) — тоже изъ цѣльнаго ствола, длиною не менѣе четырехъ метровъ, остроконечна по обоимъ концамъ. На самомъ узкомъ концѣ выдолблено четырехъ-угольное углубленіе и вставлена трехъ-угольная скамейка. Внутри замѣтны слѣды двухъ скрѣпъ.

Эти три пироги причислены къ предметамъ бронзоваго вѣка; двѣ послѣднія помѣчены, однако же, знаками вопросительными, выражающими въ данномъ случаѣ и сомнѣніе.

Ирландія подобно Скандинавіи имѣетъ свою исторію, не уходящую особенно далеко въ глубину вѣковъ подобно Скандинавіи, и Ирландія была одною изъ первыхъ странъ, тщательно собирав-

шихъ памятники и малѣйшіе обломки глубочайшей древности, т. е. временъ до-историческихъ. Ирландская королевская академія собрала въ Дублинѣ богатѣйшія коллекціи и возъимѣла счастливую мысль издать каталогъ, иллюстрированный 626 рисунками.

Между прочими вещами находятся три древнія лодки. Первая — около семи метровъ длиною, въ восемьдесятъ сантиметровъ шириною и тридцать глубиною, выдолблена изъ цѣльнаго дубоваго ствола, имѣвшаго никакъ не менѣе одного метра 35 сантиметровъ въ поперечникѣ. Эта лодка, вырытая изъ болотъ Кэліонъ, на берегахъ Уэксфорда, широко отесена въ нижней части (т. е. она плоскодонная). Одна изъ оконечностей закруглена и возвышена немного; другая срѣзана подъ прямымъ угломъ и замкнута кускомъ дерева, вставленнымъ въ желоба, законопаченные древесною корою. Внутри лодки три скрѣпы изъ дубоваго же дерева.

Внутри лодки, кромѣ того, въ моментъ ея обрѣтенія, найденъ деревянный сосудъ (черпакъ) для отливки воды и два валька, безъ сомнѣнія для спуска лодки съ берега на воду.

Вторая лодка — пирога изъ цѣльнаго дубоваго ствола, длиною слишкомъ въ семь метровъ, шириною въ тридцать, а глубиною въ двадцать сантиметровъ. Обѣ оконечности лодки заострены, а во внутренности ея три скрѣпы и трехъ-угольная скамья.

Третья лодка, выдолбленная также изъ цѣльнаго куска, имѣетъ около шести метровъ длины и пятьдесятъ пять сантиметровъ ширины; внутри ея, по бокамъ, замѣтны надрѣзы для вставки доски для сидѣнья гребцамъ.

Первыя двѣ лодки гораздо древнѣе послѣдней, хотя и онѣ сами по себѣ не относятся къ весьма отдаленнымъ временамъ. Дѣйствительно, Уэръ говоритъ, что, на его памяти, въ рѣкахъ Ирландіи плавали на пирогахъ, выдолбленныхъ изъ цѣльнаго дубоваго ствола (1).

Извѣстно также, что надводныя жилища, построенныя на иску-

---

(1) Уэръ, знаменитый антикварій, родился въ 1594 г., умеръ въ 1666. *Древніе* челноки, загрязнувшіе въ приморскомъ илѣ, не принадлежатъ-ли къ его времени?

Примѣч. перевод.

ственныхъ островкахъ, называемыхъ Кренноджъ, существовали въ Ирландіи очень долгое время. Лодки, найденныя на Кренноджахъ— пироги, выдолбленныя изъ цѣльнаго куска. Пироги въ видѣ корыта, срѣзаннаго прямо на концахъ безъ всякой внутренней отески, существуютъ донынѣ въ Ирландіи. Въ графствѣ Монеганъ ([1]) находятся пироги очень странной конструкціи—съ ушками или ручками по концамъ, вѣроятно для переноски лодки (*волокомъ*, какъ выражались у насъ въ старину) съ мѣста на мѣсто, или для втаскиванія ея на берегъ.

По отзывамъ г. Джона Буканана, на котораго ссылается серъ Чарльзъ Лейель ([2])—съ 1775 года по 1855 изъ самаго низменнаго слоя земли, образованнаго осадкомъ морскаго ила по берегамъ Клайда въ Гласго — открыто было по крайней мѣрѣ семнадцать древнихъ челноковъ. Г. Букананъ видѣлъ многіе изъ нихъ на мѣстѣ находки до отрытія изъ земли. Пять челноковъ были погружены въ илъ подъ мостовою улицъ города Гласго; одинъ изъ нихъ стоялъ вертикально носовою частью вверхъ, будто опрокинутый бурею, и содержалъ внутри много морскихъ раковинъ. Двѣнадцать другихъ челноковъ найдены въ девятидесяти метрахъ отъ рѣки на средней глубинѣ пяти метровъ пятидесяти сантиметровъ ниже уровня почвы и на два метра десять сактиметровъ выше воднаго уровня. Немногіе изъ нихъ лежали въ глубинѣ одного метра пятидесяти сантиметровъ, слѣдовательно, выше нынѣшняго морскаго уровня на шесть метровъ. Одинъ челнокъ врѣзался въ песчаную мѣль подъ угломъ сорока пяти градусовъ, другой лежалъ опрокинутый вверхъ дномъ, прочіе сохраняли положеніе горизонтальное, будто погрузившіеся на дно, вслѣдствіе течи, при совершенно тихой водѣ.

Почти всѣ эти древніе челноки выдолблены изъ цѣльныхъ дубовыхъ чурбановъ, посредствомъ каменныхъ топоровъ, при содѣйствіи огня. Весьма немногіе носили на себѣ слѣды болѣе чистой

([1]) Shirley's: Account of the territory of Farnay.

([2]) J. Buchanan British Association Reports 1855 p. 80. Charles Lyell: о древности человѣка, стр. 49.

работы, очевидно орудіями металлическими. Два челнока были сколочены изъ досокъ. На челнокѣ, отличавшемся отъ прочихъ особенно тщательной отдѣлкой, замѣтны слѣды металлическихъ четырехугольныхъ гвоздей совершенно исчезнувшихъ (вѣроятно съѣденныхъ ржавчиной). Въ одной пирогѣ найденъ топоръ изъ діорита, а въ другой найдена затычка пробковаго дерева, что заставляетъ предполагать существованіе сношеній Ирландіи съ южной Франціей, Испаніей или Италіей.

Въ озерахъ Швейцаріи, съ ихъ подводными жилищами находятся богатые образцы древнихъ пирогъ. Докторъ Келлеръ въ пятомъ своемъ рапортѣ о палафитахъ, на чертежѣ десятомъ рис. 23, изобразилъ древній челнокъ изъ Робенгаузена: это половина древеснаго ствола въ три метра шестьдесятъ сантиметровъ длины, семьдесятъ пять сантиметровъ ширины, выдолбленная въ глубину не болѣе 15—18 сантиметровъ. Отъ центра къ закругленнымъ краямъ челнокъ съуживается и утончается. Очень вѣроятно, что вся работа выполнена каменными орудіями, такъ какъ станція Робенгаузенъ, лежащая на торфяникѣ, близъ небольшаго озера Пфеффикона въ кантонѣ Цюрихъ, хотя и весьма богатая древностями, донынѣ не представила ни одного металлическаго орудія.

Въ первомъ своемъ рапортѣ (чертежъ IV, рис. 21) г. Келлеръ представилъ изображеніе другой пироги изъ озера Бріенцскаго. Подобно первому рисунку, снятому г. Ворсааэ, пирога представляетъ половину древеснаго ствола, почти прямо срѣзанную по концамъ, выдолбленную посрединѣ, въ видѣ корыта, снаружи неотесанную.

Професоръ Дезоръ упоминаетъ о многихъ пирогахъ Бріенскаго озера. Одна изъ нихъ, найденная близъ острова св. Петра, была наполнена булыжникомъ. По мнѣнію професора, въ эпоху шлифованнаго камня, строители надводныхъ жилищъ для укрѣпленія свай употребляли на бутовую работу прибережные булыжники, такъ какъ на днѣ озеръ таковыхъ не было.

Пирога острова св. Петра вѣроятно затонула съ подобнымъ грузомъ булыжника, а потому ее и можно отнести къ эпохѣ шлифованнаго камня. Г. Тройонъ описалъ эту пирогу еще подроб-

нѣе (1). Она была найдена въ илистомъ слоѣ на сѣверной части острова, выдолблена изъ огромнаго, цѣльнаго ствола и имѣетъ не менѣе пятнадцати метровъ длины при ширинѣ отъ одного метра пяти дециметровъ до одного метра тридцати сантиметровъ.

Г. Дезоръ въ сочиненіи своемъ *о Палафиттахъ* говоритъ, что въ невшательскій музеумъ въ недавнее время была доставлена древняя пирога, вытащенная изъ озера, къ сожалѣнію, сильно пострадавшая при обсушкѣ.

Г. Тройонъ въ своей книгѣ *Надводныя жилища* упоминаетъ о разныхъ пирôгахъ Эставайера и Моржа.

Эставайеръ находится на Невшательскомъ озерѣ. Здѣсь два пункта раскопокъ: одинъ принадлежитъ каменному вѣку, другой— бронзовому. На днѣ озера близъ этихъ обоихъ пунктовъ лежитъ затонувшая пирога. Рыбаки вытащили другую нѣсколько лѣтъ тому назадъ, имѣвшую три метра длины и шестьдесятъ сантиметровъ ширины. Уцѣлѣвшій конецъ слегка возвышенъ и заостренъ.

Моржъ находится на Женевскомъ озерѣ въ Ватландскомъ кантонѣ. Гг. Форель, отецъ и сынъ, сдѣлали здѣсь находки памятниковъ бронзоваго вѣка. Открыты двѣ пирôги. По мнѣнію г. Тройона, одна изъ нихъ, перенесенная лѣтъ сорокъ пять тому назадъ на берегъ, вскорѣ развалилась. Она состояла изъ дубоваго ствола, выдолбленнаго въ видѣ чашки; другая еще лежитъ въ водѣ около свай, на глубинѣ отъ четырехъ метровъ тридцати сантиметровъ до четырехъ метровъ съ половиною. Одинъ ея конецъ увязъ въ пескѣ, оканчивается остріемъ, съ сидѣньемъ для гребца.

Во Франціи тоже были найдены пирôги эпохи доисторической.

6 января 1860 года, рабочіе при инженерныхъ постройкахъ въ Абевилѣ, въ участкѣ Сэнъ-Жанъ-дэ-Пре, на правомъ берегу торговаго канала, въ слоѣ торфа нашли пирогу изъ цѣльнаго дубоваго ствола съ четырехугольными зубчатыми оконечностями. Наибольшая ея ширина посрединѣ—90 сантиметровъ; отъ среди-

---

(1) Fred. Troyon: Habitations lacustres des temps anciens et modernes, pp. 119, 159 et 166.

ны къ концамъ пирога съуживалась до 50 сантиметровъ. Это съуженіе свидѣтельствуетъ объ искуственной обработкѣ древеснаго ствола, такъ какъ въ природѣ нѣтъ деревьевъ, съуживающихся и къ вершинѣ и къ корню.

Другая пирога найдена была въ 1834 году близъ Этребежа; она была плоскодонная и по срединѣ ея замѣтно было выдолбленное гнѣздо для вставки мачты. Перенесенная въ абевильскій музеумъ, она попортилась и совершенно обезобразилась.

Абатъ Коше разсказываетъ, что съ 1788 по 1800 годъ во время раскопки бассейна Гарръ, въ Гаврѣ, на глубинѣ трехъ метровъ тридцати сантиметровъ нашли пирогу въ тридцать метровъ длины, выдолбленную изъ цѣльнаго древеснаго ствола съ заостренными концами. Глубина этой пироги, выдолбленной изъ вяза—1 метръ и тридцать сантиметровъ. Она такъ хорошо сохранилась, что перенесена была безъ всякаго поврежденія на южную оконечность бассейна къ дому инженеровъ, но здѣсь разрушилась, лежа на дождѣ и солнечномъ припекѣ. Тотъ же археологъ упоминаетъ еще объ одной пирогѣ, найденной въ 1780 году въ Монтевилье.

Въ дижонскомъ археологическомъ музеумѣ сохраняется пирога, найденная въ слоѣ гравія на днѣ рѣки Лу, между Долемъ и Салиномъ, на границѣ департамента Юры. Пирога эта изъ дубоваго дерева, изъ цѣльнаго громаднаго куска, съ выжженной срединой. Длина 5 метровъ 50 сантиметровъ, ширина 72 сантиметра, хотя въ моментъ находки она была и длиннѣе и шире, но укоротилась и съузилась при обсушкѣ. Убыль, судя по перемѣщенію желѣзныхъ скрѣпъ, можно приблизительно опредѣлить въ 14 сантиметровъ. Внутри замѣтны слѣды двухъ скамеекъ, отдаленныхъ отъ оконечностей: первая на 1 метръ, а вторая на 1 метръ 65 сантиметровъ. Носовая и кормовая части заострены, первая болѣе послѣдней.

Пирога ліонскаго музеума найдена на днѣ Роны, въ слояхъ гравія, близъ моста Кордона, въ Энскомъ департаментѣ. Матеріалъ—цѣльный дубъ, длина 12 метровъ 50 сантиметровъ, носъ и корма утонченныя. Внутренность отесана и въ ней двѣ деревянныя скрѣпы.

Упомянемъ наконецъ о пирогѣ, найденной на днѣ Сены въ Парижѣ и поднесенной г. Форже императору. Нынѣ она сохраняется въ сенъ-жерменскомъ музеумѣ. Она дубовая съ заостренными кормою и носомъ. Ее отрыли въ слояхъ ила и гравія на оконечности Сите близъ собора Богоматери (Notre-Dame). Близъ нея найденъ кусокъ кремня, бронзовое оружіе и между прочимъ шлемъ и нѣсколько мечей. На днѣ рѣкъ весьма часто перемѣшиваются памятники разныхъ эпохъ. Кусокъ кремня попалъ сюда случайно; но по бронзовому оружію можно опредѣлить эпоху построенія пироги."

До сихъ поръ мы говорили о мирныхъ занятіяхъ первобытныхъ людей; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о способахъ нападенія и обороны, слѣды которыхъ свидѣтельствуютъ о существованіи войнъ между древнѣйшими обитателями земли. Война, конечно, родилась одновременно съ человѣкомъ. Вражда и совмѣстничество двухъ лицъ, переходя къ ихъ семьямъ, постепенно охватывали цѣлыя племена, отъ племенъ сообщались народамъ и разрѣшались набѣгами, грабежемъ и убійствами. Эти насилія были приведены въ систему, послужившею основою такъ называемаго военнаго искуства или ратнаго дѣла, отъ котораго не могутъ еще отрѣшиться и нынѣшніе народы.

Слѣды войнъ между людьми каменнаго вѣка сохраняются въ Бельгіи. Да, въ каменномъ вѣкѣ, задолго до изобрѣтенія письменъ, тамошніе жители уже вели войны междоусобныя или со внѣшними врагами, вторгавшимися въ ихъ предѣлы. Эти слѣды—*укрѣпленные лагери*, найденные гг. Ганнуръ и Гимелеттъ. Подобные лагери находятся въ Фюрфоозѣ, въ Понъ-де-Боннъ, Симонъ, Жемелль, Гастедонъ и Поливашъ.

Устройство этихъ укрѣпленныхъ лагерей вездѣ одинаково. Они расположены надъ долинами, на скалистыхъ утесахъ въ видѣ мысовъ, выдающихся въ долину и примыкающихъ къ погорью узкими перешейками. Здѣсь вырывали широкій ровъ, а весь лагерь обносили толстой стѣною, сложенной изъ камней, несвязанныхъ никакимъ цементомъ, ни смазкой.

Въ лагерѣ Гастедонъ, близъ Намюра, подобная стѣна, уцѣлѣвшая до дня обрѣтенія, имѣла до трехъ метровъ ширины и почти

столько же высоты. При нападеніи, воины, находившіеся за окопами, опрокидывали на осаждающихъ камни, изъ которыхъ были сложены стѣны, и такимъ образомъ имѣли подъ рукою и оборонительное, и наступательное оружіе.

Выборъ мѣстъ для устройства лагерей былъ всегда такъ удаченъ, что на нихъ же большею частью располагались войска и въ послѣдующія столѣтія. Примѣромъ тому можетъ служить лагерь въ Поливашѣ. Онъ былъ крѣпостью во времена римлянъ; укрѣпленнымъ замкомъ въ средніе вѣка. Замокъ этотъ былъ разрушенъ только въ пятнадцатомъ столѣтіи. Римляне пользовались также точно древними укрѣпленными лагерями Гастедонъ и Фюрфоозъ.

Внутри окоповъ находятъ куски обточенныхъ кремней и обломки гончарной посуды—свидѣтельствующіе о присутствіи первобытнаго человѣка. Огромныя стѣны этихъ лагерей въ тоже время доказываютъ, что первобытные люди заселяли мѣстности каменистыя.

Если бы намъ вздумалось подробно изучить слѣды эпохи шлифованнаго камня въ прочихъ странахъ Европы, намъ бы пришлось повторить все, что сказано уже нами о памятникахъ Бельгіи и Франціи. Повсюду одни и тѣже условія быта, тѣже обычаи, таже степень умственнаго развитія. Вотъ почему мы и не распространяемся о памятникахъ древности каждой страны особо.

Скажемъ только, что въ Испаніи, въ пещерахъ старой Кастиліи, изучаемыхъ г. Эд. Ларте, найдено много памятниковъ эпохи сѣвернаго оленя и шлифованнаго камня. Въ областяхъ Севильи и Бадахоза отыскано много шлифованныхъ топоровъ, большею частью изъ діорита. Много подобнаго рода открытій сдѣлано и въ Италіи. На островѣ Эльбѣ, при посѣщеніи ея г. Раффаэло Форези, найдено великое множество стрѣлъ, ножей, пилъ, скребницъ и т. п., выточенныхъ изъ кремня, яшмы, обсидіана и даже горнаго хрусталя. Каменными орудіями точно также изобилуютъ Великобританія, Виртембергъ, Венгрія, Польша, Россія, но мы не распространяемся о нихъ, по вышесказанной причинѣ.

Перейдемъ къ изслѣдованію типа человѣчьей породы у сѣверныхъ народовъ въ эпоху шлифованнаго камня.

Арьежская пещера, изслѣдуемая гг. Гарригу и Фильолемъ, отно-

сится къ эпохѣ шлифованнаго камня. Ее называютъ пещерою *Ломбривъ* или *Лѣствичною пещерою*, вслѣдствіе ея дѣленія на двѣ части, лежащія подъ уровнями, до того не одинаковыми, что для перехода изъ одной въ другую потребно не менѣе пяти длинныхъ лѣстницъ. Пещера эта любопытна въ томъ отношеніи, что въ ней найдено много человѣческихъ костей отъ труповъ индивидуумовъ обоего пола и всякаго возраста и двѣ цѣльные черепа, представленные г. Гарригу въ парижское антропологическое общество.

Эти черепы, по видимому, принадлежавшіе ребенку 8 или 10 лѣтъ и женщинѣ, отличаются особенной характеристичной формой. Лобъ, высокій въ передней части, низокъ въ боковыхъ частяхъ; глазныя и ланитныя впадины особенно глубоки.

Не приводимъ здѣсь многообразныхъ и противурѣчивыхъ ипотезъ гг. Фогта, Брока, Прунеръ-Бея, Гарригу и Фильоля, старавшихся отыскать сходственное соотношеніе между черепами арьежской пещеры и черепами современной породы людей. Этотъ этнологическій вопросъ еще не рѣшенъ окончательно, и покуда ученые будутъ основываться на незначительномъ количествѣ древнихъ череповъ—каждый воленъ оставаться въ этомъ случаѣ при своемъ мнѣніи.

Въ грудахъ раковинъ въ Даніи, а равно и въ торфяникахъ, человѣческихъ костей найдено не было; но въ могилахъ, относящихся къ эпохѣ шлифованнаго камня, отысканы были человѣческіе черепа, по которымъ до извѣстной степени можно судить объ умственномъ развитіи тогдашней человѣческой породы и о ея сродствахъ съ нынѣшней. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи черепъ, найденный въ могилѣ Борреби, въ Даніи, и изслѣдованный г. Бускомъ съ великимъ тщаніемъ.

Черепъ этотъ по своему окладу очень похожъ на черепъ, найденный въ Неандерталѣ, о которомъ мы говорили въ предыдущей главѣ. Дуги бровей весьма выпуклы, либо закатистый, затылочная кость коротка и выдается далеко впередъ. Весьма возможно допустить сходство между черепами Неандерталя и Борреби, признавая одинъ потомкомъ другаго.

Предоставимъ антропологамъ спорить о томъ, къ какой тепере-

ней породѣ можно причислить черепъ Борреби. Подобные споры всегда лишены прочнаго основанія, а потому неумѣстно было бы и распространяться о нихъ. Мы сличаемъ окладъ черепа Борреби и черепа каменнаго вѣка, единственно ради доказательства, что первобытный сѣверный житель,—красотою, правильностью очертанія черепныхъ костей, имѣлъ большое сходство съ современнымъ человѣкомъ. Другая причина этому сопоставленію—желаніе доказать лживость и необдуманность мнѣнія тѣхъ близорукихъ ученыхъ, которые хотятъ сплести какую-то родственную связь между человѣкомъ и обезьяною.

Мы уже говорили въ вступленіи къ нашему труду, что единаго взгляда на черепъ до-историческаго человѣка достаточно, чтобы обратить въ ничто всѣ устныя и письменныя мудрствованія о мнимомъ органическомъ родствѣ между человѣкомъ и обезьяною. Мы уже не говоримъ о произведеніяхъ ума и понятливости первобытнаго человѣка, изучаемыхъ нами во всѣхъ подробностяхъ. Это изученіе, дѣйствительно, самое лучшее доказательство той истины, что человѣкъ отъ животнаго отдѣленъ цѣлой пропастью... Это изученіе наилучшій доводъ противъ шаткихъ доказательствъ въ пользу *обезьяньей* породы человѣка, какъ выражаются охотники маскировать нелѣпости громкими, учеными выраженіями.

Рис. 32. Крошечная пила изъ кремня.

Рис. 33 и 34. Гарпуны изъ оленьяго рога.

Рис. 35. Ложка изъ оленьяго рога.

Рис. 36. Свистокъ.

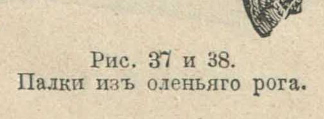

Рис. 37 и 38. Палки изъ оленьяго рога.

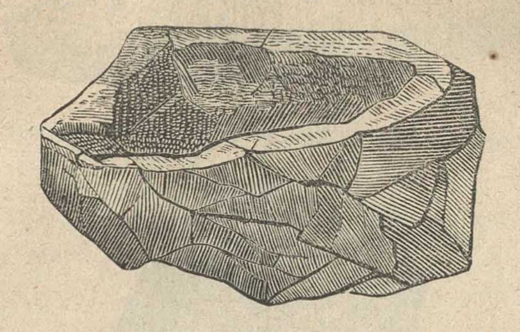

Рис. 39. Сосудъ кухонный.

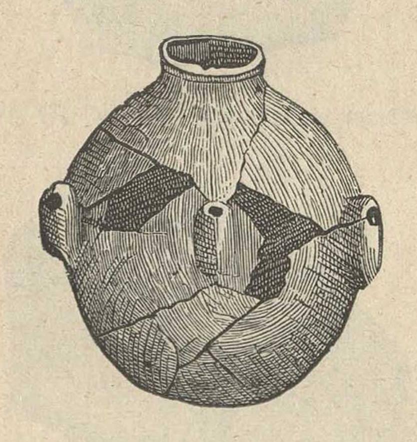

Рис. 40. Урна.

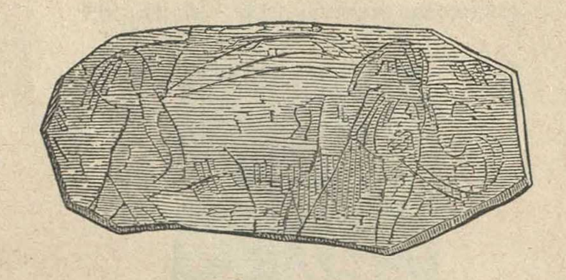

Рис. 41. Эскисъ мамонта.

Рис. 42. Олень, вырѣзанный на оленьемъ рогѣ.

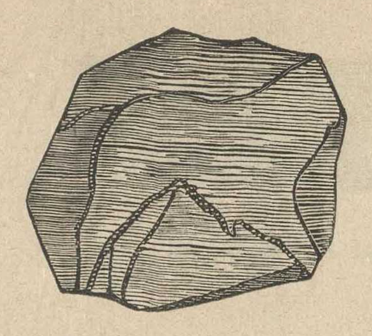

Рис. 43. Рисунокъ травояднаго животнаго.

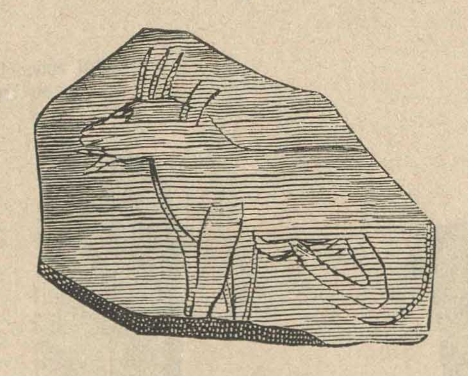

Рис. 44. Рисунокъ рогатаго животнаго.

Рис. 45. Рисунокъ лани.

Рис. 46. Палка изъ оленьяго рога.

Рис. 47. Жезлъ съ рисункомъ.

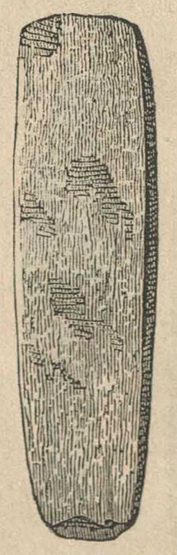

Рис. 48. Топоръ.

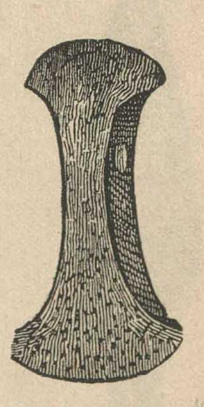

Рис. 49. Топоръ съ двумя лезвіями.

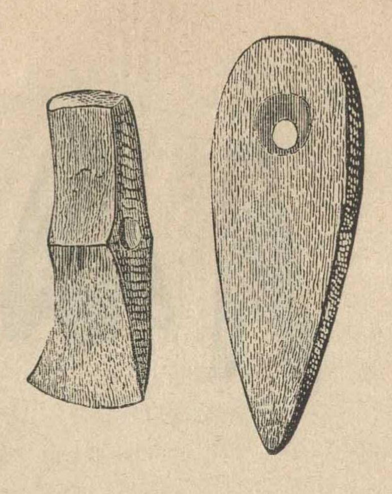

Рис. 50 и 51. Топоры-молоты.

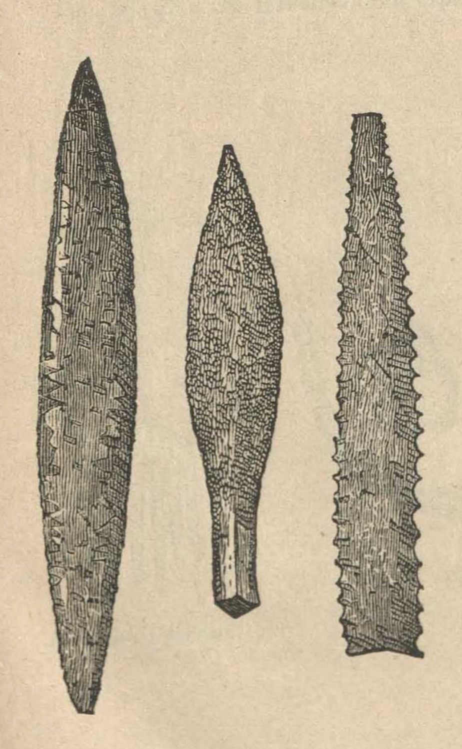
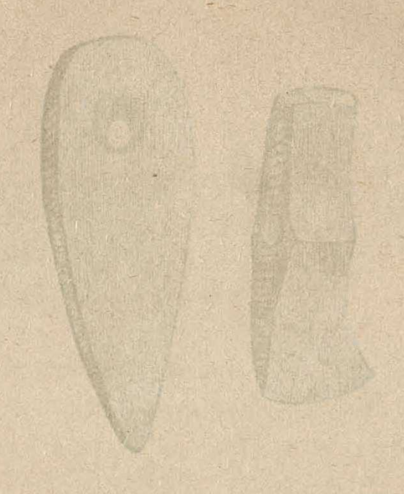
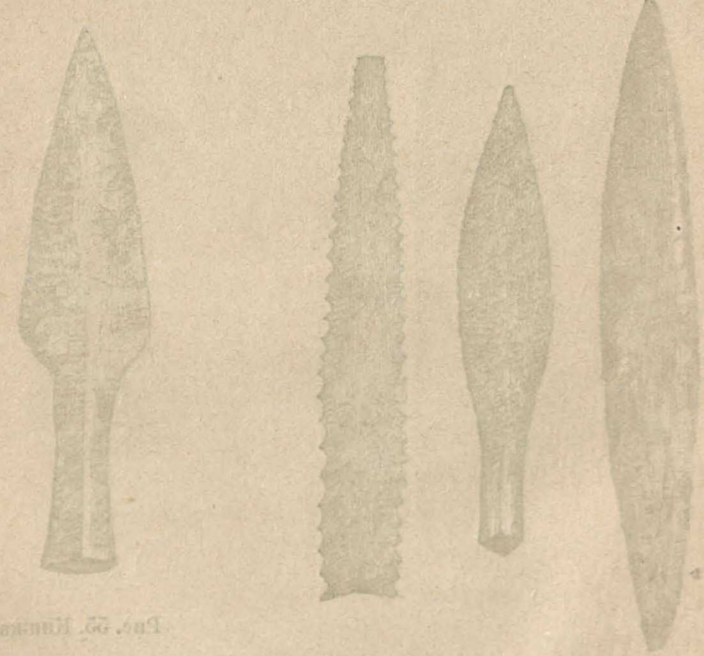

Рис. 55. Кинжалъ.

Рис. 52, 53 и 54. Копья.

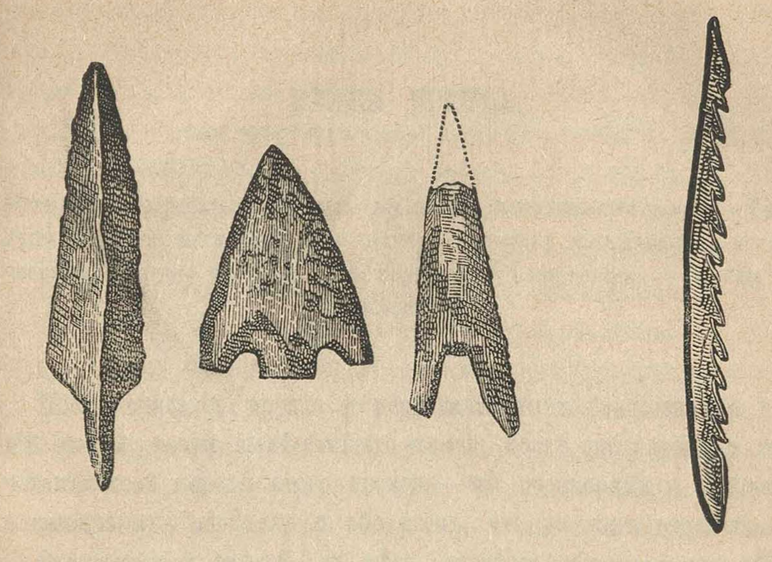

Рис. 56, 57 и 58. Наконечники стрѣлъ.

Рис. 59. Гарпунъ.

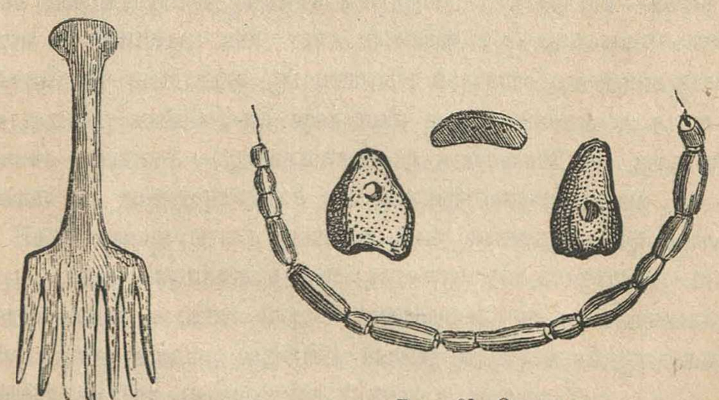

Рис. 60. Гребень.

Рис. 61. Ожерелье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Могилы и погребальные обряды въ эпоху шлифованнаго камня.—Тумулусы и другіе могильные памятники, въ старину называвшіеся кельтическими.—Труды гг. Александра Бертрана и Бонштеттена.—Обряды погребальные.

Послѣ описанія оружія и первоначальныхъ ремесленныхъ орудій людей эпохи шлифованнаго камня; послѣ разсказовъ о типѣ человѣческой породы этого времени—мы поговоримъ о могилахъ, погребальныхъ обрядахъ и обо всемъ, что до нихъ относится.

Счастливое и вмѣстѣ съ тѣмъ странное обстоятельство облегчило наши изысканія, придавъ имъ въ то же время несомнѣнную правдивость. Эти могилы людей эпохи шлифованнаго камня, эти надгробные памятники уже были изучены, описаны и изслѣдованы археологами и антикваріями—издавшими о нихъ великое множество разсужденій и ученыхъ мемуаровъ. Эти могилы—ничто иное, какъ *дольмены*, или такъ называемые — *кельтическіе* или *друидскіе* памятники, не имѣющіе никакого отношенія (вопреки всегдашнему мнѣнію) къ временамъ историческимъ, т. е. ко временамъ кельтовъ—принадлежатъ къ отдаленнѣйшей древности, а именно къ до-исторической эпохѣ шлифованнаго камня

На основаніи этихъ данныхъ, мы разсмотримъ *дольмены* и другіе такъ называемые *мегалитическіе* памятники—эти величественные останки эпохи, погребенной во тьмѣ временъ; эти исполинскія загадки, заданныя нашему разуму и возбуждающія въ высшей степени любопытство ученаго и мыслителя.

Дольменами называются памятники, состоящіе изъ громадной глыбы камня, болѣе или менѣе плоской, смотря по странѣ, и горизонтально положенной на извѣстное число другихъ камней, поставленныхъ вертикально, въ видѣ подпорокъ.

Земля, прикрывая эти погребальныя камеры, образовывала изъ

нихъ пригорки. Когда земля осыпалась впослѣдствіи времени— камни обнажились. Эти обнаженные камни приняты за *каменные алтари* и ихъ отнесли къ принадлежностямъ религіозныхъ обрядовъ галловъ. Мнимые друидскіе алтари—ничто иное, какъ развалившіеся дольмены. Слѣдовательно, вопреки общему мнѣнію, они были сооружены вовсе не для ужаснаго, кровопролитнаго идолослуженія. Нынѣ вполнѣ доказано, что дольмены были гробницами въ до-историческую эпоху.

Въ эти гробницы или могилы клали по нѣсколько труповъ. Тѣла помѣщали въ камеру, ограничивавшуюся верхней каменной крышей и подставками. Иногда камеры эти были двухъ-этажныя и служили для погребенія многихъ усопшихъ.

Рис. 64 и 65 изображаютъ дольмены, донынѣ существующіе во Франціи. Изъ нихъ нѣкоторые открытые, какъ на рис. 64, другіе прикрыты земляною насыпью, которой высота измѣняется, судя по высотѣ памятника.

Этимъ послѣднимъ дольменамъ особенно приличествуетъ названіе *тумулусовъ*—такъ какъ это слово означаетъ именно земляную, намогильную насыпь.

Рисунки 66 и 67 изображаютъ *тумулусы-дольмены*, существующіе въ Гавр'инисъ (дубовый островъ) въ Бретани или, точнѣе въ департаментѣ Морбиганскомъ. Это въ маломъ видѣ подобіе огромной модели сен-жерменскаго музеума. Часть этой рельефной модели можетъ посредствомъ веревки или ворота опускаться или приподыматься и тѣмъ давать возможность осматривать внутренность дольмена. Она состоитъ изъ одной камеры, къ которой примыкаетъ длинный коридоръ.

Всѣ ли дольмены первоначально были прикрыты землею? Вопросъ этотъ еще не рѣшенъ. Г. Александръ Бертранъ, директоръ сен-жерменскаго археологическаго музеума, оказавшій такъ много услугъ наукѣ своими изысканіями о галльскихъ древностяхъ— отвѣчаетъ утвердительно; между тѣмъ заслуженный швейцарскій археологъ, г. Бонштеттенъ, придерживается противнаго мнѣнія. Дѣло, впрочемъ, само по себѣ не весьма важно. Неоспоримо то, что нѣкоторые дольмены нынѣ открытые, въ древности засыпаны землею, такъ какъ возвышаются на небольшихъ пригоркахъ, въ которые

врыты подпорки. Какъ мы уже говорили выше, время уничтожило эти покровы, которыми доисторическіе народы одѣвали свои могилы, для предохраненія ихъ отъ непогоды и разоренія людьми. Такимъ образомъ нынѣ мы находимъ только обнаженные камни погребальныхъ камеръ, мнимыхъ алтарей, столь долгое время приписываемыхъ религіи галловъ.

И такъ, слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ мысли, будто бретанскіе дольмены—столько разъ описанные антикваріями и причисленные къ памятникамъ нашей исторіи—символы религіи нашихъ праотцевъ. Они ничто иное, какъ погребальные склепы.

Во Франціи дольмены весьма многочисленны, въ количествѣ гораздо большемъ, чѣмъ вообще полагаютъ. Думаютъ вообще, что они существуютъ только въ Бретани и любопытные восхищаются такъ называемыми друидскими алтарями, которыми изобилуютъ западныя области Франціи. Но не за одной Бретанью неотъемлемое преимущество быть обладательницей мегалитическихъ построекъ; онѣ найдены кромѣ ея, въ 58 департаментахъ западной и юго-западной Франціи. Въ департаментѣ Финистеръ до 500; въ депарламентѣ Ло—столько же; въ Морбиганѣ—250, въ Ардешѣ—155; въ Авейронѣ—125; въ Дордоньи—100 и т. д. ([1]).

Ученые, изслѣдовавшіе вопросъ, насъ занимающій—въ особенности г. Люббокъ въ своемъ сочиненіи: *До-историческій человѣкъ* и шведскій археологъ г. Нильсонъ—до чрезвычайности усложнили описаніе могилъ до-историческихъ временъ дробнымъ дѣленіемъ на разряды. Прослѣдить эти разряды значило бы сбить читателя съ толку. Ограничимся немногими словами.

Г. Люббокъ называетъ *крытою аллеею* тотъ родъ построекъ, который у сѣверныхъ археологовъ извѣстенъ подъ именемъ *Ganggraben* (могилъ съ проходами). Представляемъ четыре образца въ этомъ родѣ, выбранные нами изъ памятниковъ французскихъ (Рис. 68, 69, 70, 71). *Крытою аллеею* называютъ галлерею, примыкающую къ болѣе просторной камерѣ, вокругъ которой укладывались трупы. Галлерея, сложенная изъ огромныхъ

([1]) Alexandre Bertrand, Les monuments primitifs de la Gaule.

каменныхъ плитъ, расположенныхъ въ рядъ, одна подлѣ другой, имѣетъ постоянно одно и тоже направленіе: въ странахъ скандинавскихъ отверстіе ея обыкновенно обращено на югъ или на востокъ, но никогда на сѣверъ.

Этотъ же авторъ называетъ *тумулусами съ залами* или *настоящими тумулусами* (рис. 72) могилы, состоящія изъ одной залы или изъ соединенія нѣсколькихъ большихъ залъ, на сводахъ, выведенныхъ изъ громадныхъ камней, прикрытыхъ значительнымъ слоемъ земли. Подобные памятники чаще всего встрѣчаются въ сѣверныхъ странахъ. Рис. 72, изображающій *датскій тумулусъ*, заимствованъ нами изъ сочиненія г. Люббока.

Въ заключеніе описанія мегалитическихъ памятниковъ, упомянемъ о *менгирахъ* и *кромлехахъ*.

Менгиры (рисунокъ 73) состояли изъ огромныхъ каменныхъ глыбъ, сооруженныхъ стоймя близъ могилъ. Они стояли отдѣльно, какъ изображено на прилагаемомъ рисункѣ, или въ рядъ, т. е. кругомъ или въ видѣ аллеи.

Послѣднее расположеніе существуетъ въ Бретани и извѣстно подъ именемъ *гряды карнакскихъ менгировъ* (рис. 74). Стоячіе камни образуютъ одиннадцать параллельныхъ рядовъ на пространствѣ 1000 метровъ и вдоль бретанскаго поморья они представляютъ весьма странный видъ.

Менгиры, разставленные кругомъ одиночныхъ или состоящихъ изъ нѣсколькихъ круговъ, называются *кромлехами*. Это обмазанныя каменныя изгороди, обыкновенно окружающія одинъ дольменъ. Благоговѣніе къ памяти усопшихъ, кажется, превращало эти изгороди въ богомолья и въ извѣстные дни — въ мѣста для общественныхъ сходокъ. Изгороди эти бываютъ круглыя, какъ въ Англіи, или прямоугольныя, какъ въ Германіи; состоятъ изъ одного или многихъ рядовъ.

На рис. 75 изображенъ дольменъ съ каменною изгородью, т. е. *кромлехъ*, открытый въ провинціи Константины; на рис. 76 группа датскихъ кромлеховъ.

Изъ этихъ различныхъ памятниковъ *крытыя аллеи* и *тумулусы*—суть единственные, имѣющіе отношеніе къ нашему тру-

ду, такъ какъ это единственные памятники временъ доисторическихъ, могущіе дать объясненія о первобытныхъ племенахъ, заселявшихъ большую часть Европы.

Каменные эти памятники, какъ мы уже говорили — ни кельтическіе, ни друидскіе. Кельты, племена, заселявшія часть Галліи за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова, не причастны дѣлу построекъ мегалитическихъ. При своемъ переселеніи въ Галлію они уже застали тамъ эти памятники и удивлялись имъ, также какъ и мы. Кельты извлекали изъ нихъ пользу при удобномъ случаѣ. Что же касается до *друидовъ*, т. е. жрецовъ этихъ древнихъ народовъ, собиравшихъ священную омелу на дубахъ — они совершали свои обряды въ лѣсныхъ чащахъ. Дольменовъ никогда не сооружали въ лѣсахъ; всѣ донынѣ существующіе каменные памятники находятся на мѣстахъ открытыхъ. И такъ древній и поэтическій взглядъ на дольмены какъ на друидскіе алтари лишенъ всякаго основанія.

Встрѣчаются *тумулусы* размѣровъ, по истинѣ, колосальныхъ. Таковъ, напримѣръ, тумулусъ въ Сильбюри-Гиль, величайшій изъ находящихся въ Великобританіи и имѣющій до шестидесяти метровъ высоты. Огромные труды, затраченные на постройки подобнаго рода, заставляютъ предполагать, что эти памятники сооружали единственно въ честь предводителей или другихъ важныхъ лицъ.

Справляясь съ лѣтописями древнѣйшихъ временъ, находимъ, что обычай украшать огромными памятниками могилы великихъ людей существовалъ въ глубочайшей древности на востокѣ. Слѣды такихъ сооруженій находимъ у іудеевъ, ассиріянъ, египтянъ, грековъ и т. д.

Такимъ образомъ Семирамида, царица нинивійская, воздвигла холмъ надъ могилою Нина, своего супруга. Груды камней были сложены надъ прахомъ Лаія, отца Эдипа. Гомеръ въ *Иліадѣ* упоминаетъ о холмахъ, воздвигнутыхъ въ память Гектора и Патрокла. Послѣдній холмъ — дѣло Ахиллеса — имѣлъ въ поперечникѣ свыше ста футовъ. Гомеръ, говоря о *тумулусахъ* — древнихъ въ Греціи уже въ его время, называетъ ихъ могилами героевъ. Тумулусъ былъ сооруженъ Александромъ Великимъ надъ прахомъ друга его Эфестіона, и размѣры памятника были такъ громадны,

что онъ, по преданіямъ, обошелся въ 1200 талантовъ, т. е. на наши деньги до шести милліоновъ франковъ. Въ римской исторіи находимъ много подобныхъ примѣровъ. Наконецъ пирамиды Египта—гордые исполинскіе намогильные памятники—служатъ доказательствами почета и благоговѣнія, воздаваемыхъ древними народами памяти великихъ или могучихъ людей.

Однако же, не всегда эта мысль руководила людьми каменнаго вѣка, при сооруженіи ими *тумулусовъ*. Значительное число труповъ, найденныхъ во внутренности нѣкоторыхъ памятниковъ, заставляетъ отрицать мысль, что они воздвигнуты были въ честь одного лица или одного семейства. Нерѣдко *тумулусы* были общими кладбищами или некрополисами. Къ этой категоріи принадлежатъ *тумулусы* Аксеваллы и Луттры, лежащіе неподалеку другъ отъ друга въ Швеціи. Первый раскопанный въ 1805 году, заключалъ до двадцати гробовъ, почти кубической формы, съ лежащими въ нихъ скелетами въ согнутомъ положеніи. Во второмъ найдено до сотни скелетовъ, сложенныхъ въ четыре ряда другъ на друга и согнутыхъ подобно скелетамъ, найденнымъ въ Аксеваллѣ. Вмѣстѣ съ этими костями найдены обломки орудій каменнаго вѣка.

На рис. 77 изображены положенія, въ которыхъ найдены были скелеты.

Г. Нильсонъ выразилъ мнѣніе, будто *крытыя аллеи*—древнія жилища, обращенныя въ гробницы послѣ смерти ихъ обитателей. По кончинѣ хозяина, особенно если это былъ человѣкъ знатный, подлѣ его трупа клали запасы пищи на долгое путешествіе, оружіе и драгоцѣнности; потомъ жилище оставляли, входъ закладывали, отрывая его впослѣдствіи только для погребенія жены и дѣтей покойнаго.

Г. Люббокъ поддерживаетъ и отстаиваетъ это мнѣніе. Онъ ссылается на разсказы многихъ путешественниковъ, нашедшихъ большое сходство между зимними жилищами племенъ отдаленнѣйшаго сѣвера и *крытыми аллеями* каменнаго вѣка. Эскимосы и сибиряки живутъ въ круглыхъ или овальныхъ землянкахъ, сверху обложенныхъ землею же. Вслѣдствіе этого г. Люббокъ предполагаетъ, что подобныя жилища нерѣдко принимали за *тулу-*

лусы и тѣмъ болѣе, прибавляетъ онъ, что въ этихъ землянкахъ — при нахожденіи въ нихъ золы, посуды и орудій, не замѣчали ни малѣйшихъ слѣдовъ костей человѣческихъ.

Г. Легэ въ сочиненіи своемъ: *о мѣстахъ погребенія въ каменномъ вѣкѣ у паризійцевъ* замѣчаетъ, что по строенію дольменовъ, мы можемъ судить о значительной степени архитектурныхъ познаній людскихъ въ эту эпоху.

„Мѣстами для погребенія, говоритъ г. Легэ, въ эпоху шлифованнаго камня служили склепы или гробницы, сложенныя на мѣстѣ изъ камней различной толщины, большею частью плоскихъ, невысокихъ и положенныхъ другъ на друга безъ всякой связки. Эти склепы, сначала безъ особенныхъ отдѣленій, были впослѣдствіи разгораживаемы каменными стѣнами, а погребаемымъ тѣламъ придавали различныя положенія. Земля или плоскіе камни служили имъ покрышкою, и нерѣдко случается находить надъ ними круглую насыпь изъ камней, какъ говоритъ г. Бруйе, встрѣтившій подобный холмъ въ 1862 году въ могилѣ Бріу (въ Віеннѣ).

Этотъ родъ погребенія доказываетъ важный шагъ къ улучшенію. Шлифованные кремни попадаются здѣсь съ другими обдѣланными камнями, принесенными издалека. Значительныхъ размѣровъ гончарныя издѣлія близки къ эпохѣ, когда ихъ начали украшать. Въ гробницѣ Бріу найдено два сосуда съ ручками лѣпной работы съ прорѣзью, похожіе формою и видомъ на сосуды, найденные въ гробницахъ Вилльневъ Сенъ-Жоржъ, которыя, какъ я говорилъ выше, принадлежатъ позднѣйшей эпохѣ.

Основное правило строительнаго искуства, именно постановка камня, уже замѣтно въ постройкѣ этихъ гробницъ.

Имъ еще далеко до дольменовъ и позднѣйшихъ сооруженій, но замѣтно, что строителями уже найдено правило кладки камня. Плиту, служащую кровлею, можно назвать первою попыткою установки косяка. Размѣры памятника увеличивались непримѣтно, измѣнялись строительные матеріалы и отъ малыхъ гробницъ до постановки дольмена остается одинъ только шагъ, правда—шагъ гигантскій, надъ которымъ, однако же, разумъ человѣческій не призадумается.

Само собою разумѣется, что переходъ къ усовершенствованію

не могъ совершиться мгновенно. Превосходная гробница, найденная въ 1863 году въ Шаманѣ, близъ Сэнлиса (департ. Уазы), въ имѣніи графа Лаво, можетъ служить образцомъ постройки эпохи переходной.

Плоскіе камни, размѣрами превосходящіе тѣ, изъ которыхъ построены первоначальные склепы, сложены такъ, что образуютъ четырехугольную залу. Стѣна изъ подобныхъ же камней, съ отверстіемъ для прохода, перегораживаетъ залу на двѣ неравныя части. Это расположеніе общее всѣмъ дольменамъ, замѣченное также и въ крытой аллеѣ въ Карнельскомъ лѣсу, близъ Шамана, извѣстной подъ именемъ бирюзовыхъ или турецкихъ камней (Pierres turquoises?) (¹).

Зала гробницы въ Шаманѣ, высотою отъ одного метра до одного метра съ четвертью, съ потолкомъ изъ плитняка и достаточно пространная для помѣщенія нѣсколькихъ человѣкъ въ лежачемъ или сидячемъ положеніи. Около труповъ были разложены обточенные кремни тонкой работы, а равно и шлифованные топоры, одинъ изъ змѣевика, другой побольше, фасономъ похожій на топоры эпохи потопа, какъ мнѣ казалось, только еще подготовленный для шлифовки.

Тщательныя изысканія привели къ обрѣтенію остатковъ работъ гончарныхъ, судя по которымъ нельзя отнести памятника къ эпохѣ слишкомъ отдаленной. Впрочемъ, розыски въ немъ, съ иной цѣлію, кромѣ изученія самого памятника, дѣлаемы не были, а потому и не дали особенно важныхъ результатовъ.

Сличая гробницу въ Шаманѣ съ дольменами, наибольшее вниманіе невольно обращается на вопросъ архитектурный, преимущественно предъ вопросомъ археологическимъ. Дольмены сложены изъ огромныхъ камней, при видѣ которыхъ невольно приходишь въ смущеніе, задавая себѣ вопросъ: какимъ образомъ они могли быть воздвигнуты и воображеніе постигнуть не можетъ тѣ средства къ переноскѣ и постановкѣ этихъ громадъ, требующихъ въ наше время полнаго содѣйствія искуства и науки.“

(¹) Des sepulcres à l'âge de pierre. Meaux 8, 1865, pp. 15, 16.

Не всѣ мегалитическія строенія принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ. Одни относятся къ каменному, другія къ бронзовому вѣку. Въ архитектурномъ стилѣ не возможно найдти признаковъ, на основаніи которыхъ можно было-бы судить о степени ихъ древности; въ этомъ случаѣ останки, находимые въ гробницахъ, служатъ самыми правдивыми данными. Французскіе дольмены и *дольмены-тумулусы*, по мнѣнію г. Александра Бертрана, содержатъ въ себѣ каменныя издѣлія и кости; бронза и золото находятся въ нихъ весьма рѣдко; желѣзо—никогда. Въ *тумулусахъ* же, напротивъ, количество находимой бронзы незначительно, а желѣзо преобладаетъ, что служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что дольмены ихъ древнѣе. На основаніи этихъ данныхъ убѣдились, что датскіе дольмены и скандинавскія погребальныя залы принадлежатъ къ эпохѣ шлифованнаго камня. Причисляя къ ней всѣ вообще дольмены, мы не противорѣчимъ общему выводу изъ существующихъ фактовъ.

Для большей точности можно сказать, что дольмены и тумулусы относятся къ послѣднимъ годамъ эпохи шлифованнаго камня и первымъ—бронзоваго вѣка. Но, прибавимъ, мы не придаемъ особенной важности этому раздѣленію, безполезно утруждающему вниманіе читателя.

Изученіе датскихъ дольменовъ привело составителя *каталога доисторическихъ предметовъ, отправленныхъ Даніею на всемірную выставку 1867 года*—къ нижеслѣдующимъ, общимъ выводамъ:

— Въ датскихъ дольменахъ говоритъ онъ, число находимыхъ скелетовъ различно: въ большихъ бываетъ до двадцати; въ малыхъ—отъ пяти до шести; иногда оставы лежатъ слоями.

Кости никогда не лежатъ въ порядкѣ; нерѣдко черепъ лежитъ у колѣнъ, и ни одинъ изъ членовъ не сохраняетъ своего естественнаго положенія. Изъ этого явствуетъ, что при погребеніи мертвыхъ тѣлъ имъ придавали положеніе сидячее на корточкахъ.

Полъ погребальной камеры въ дольменахъ всего чаще бываетъ покрытъ слоемъ кремней, прокаленныхъ на огнѣ; на эту подстилку клали тѣла; потомъ ихъ прикрывали тонкимъ слоемъ земли, и

могила была готова. Однако же, какъ мы говорили, одиночные скелеты въ дольменахъ встрѣчаются очень рѣдко; стало быть при погребеніи новыхъ покойниковъ входъ въ дольменъ каждый разъ открывали. Тогда-то для уничтоженія гнилостныхъ испареній въ погребальной камерѣ разводили огонь, слѣды котораго очевидны и многочисленны. Такъ продолжались погребенія въ дольменахъ, до тѣхъ поръ, покуда они не переполнялись трупами, но и тогда ихъ не совсѣмъ оставляли. Нерѣдко истлѣвшіе и разрушившіеся трупы замѣнялись новыми. Такъ вѣроятно было въ дольменѣ близъ Копенгагена, раскопаннаго въ 1862 году въ присутствіи покойнаго короля Фредерика VII.

Дольменъ близъ деревни Гаммерѣ, раскопанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ г. Бойе, представляетъ весьма любопытныя особенности. Кромѣ кремневыхъ орудій, въ немъ найдены были человѣческія кости, судя по которымъ можно предполагать, что на похоронной тризнѣ, близъ гробницы, вмѣстѣ съ жаренымъ оленьимъ мясомъ, присутствовавшіе пожирали и человѣческое. Впрочемъ это единственная въ своемъ родѣ находка, и, основываясь на ней, еще нельзя предполагать, чтобы жители Даніи въ эту эпоху были людоѣдами.

Мертвыхъ хоронили съ оружіемъ, утварью и сосудами, наполненными яствами, которыя слѣдовало оставить близъ трупа согласно требованіямъ религіи. Долгое время существовало убѣжденіе, что при трупахъ мужскихъ въ могилы клали только оружіе, но въ дольменѣ въ Гіеруенѣ нашли топоръ подлѣ остава, по всѣмъ признакамъ женскаго.

Вотъ списокъ находокъ въ дольменѣ Гіельма, на островѣ Менѣ, въ 1853 году. Длина погребальной камеры — 5 метровъ, ширина 3½ метра, высота 1½ метра. Найдено 22 наконечника отъ копій, длиннѣйшій — въ 0,28 метра, кратчайшій 0,14 м., болѣе сорока осколковъ кремней или каменныхъ ножей длиною отъ 0,05 метра до 0,13 метра; три плоскія топора, одинъ толстый, три столярныя долота (изъ нихъ длиннѣйшее въ 0,21 метра, молотокъ въ 0,13 м., три шишковатые куска кремня, по ви-

димому, изъ кухонныхъ принадлежностей — наконецъ нѣсколько янтарныхъ бусъ и сорокъ глиняныхъ сосудовъ (¹).

Какіе были погребальные обряды у людей эпохи шлифованнаго камня? Какими церемоніями сопровождалось тогда погребеніе усопшихъ? отвѣчать на эти вопросы не трудно послѣ находокъ въ дольменахъ и тумулусахъ.

Въ большей части тумулусовъ найдены были кости животныхъ, расколотыя или поцарапанныя острыми орудіями. Ясно, что погребенія сопровождались пиршествами, какъ и въ предыдущія эпохи.

Тѣло несли въ тумулусъ на носилкахъ изъ древесныхъ вѣтвей, подобно тому, какъ это до нынѣ дѣлается у дикарей. Мужчины и женщины были одѣты въ лучшія платья съ ожерельями изъ янтаря или раковинъ. Мужчины несли факелы и предшествовали процессіи, озаряя путь въ глубину и сумракъ погребальныхъ камеръ.

Судя по обожженнымъ человѣческимъ костямъ, находимымъ въ древнихъ могилахъ, можно думать, что иногда надъ трупомъ хоронимаго приносились въ жертву рабы или, можетъ быть, его вдова, какъ это дѣлается въ Индіи.

По мнѣнію г. Люббока, если женщина умирала во время родовъ или во время кормленія грудью своего ребенка, его живаго хоронили вмѣстѣ съ нею. Это догадка, говоритъ англійскій авторъ, приходитъ на умъ сама собою, при видѣ множества дѣтскихъ скелетовъ, находимыхъ вмѣстѣ съ женскими.

Г. Легэ въ мемуарѣ: *о мѣстахъ погребенія Паризійцевъ*, о которыхъ мы упоминали выше, полагаетъ, что послѣ каждаго погребенія, независимо отъ надгробнаго пиршества, на могильной насыпи зажигали огни, въ которые каждый присутствовавшій бросалъ какую нибудь дорогую вещь. Дорогими вещами въ эпоху шлифованнаго камня были кремни, обточенные въ видѣ топоровъ, кинжаловъ или ножей.

(¹) Le Danemark à l'Exposition universelle de 1867, par Valdemar Smidt. Paris in 8° 1868, chez Reinwald.

— Въ костры эти, говоритъ г. Легэ, присутствовавшіе бросали камни или, чаще того, обточенные кремни, утварь, орудія — каменныя или костяныя, обломки посуды и множество другихъ предметовъ, истребленныхъ огнемъ.

Многіе изъ нихъ не пострадали отъ огня; иные кремни до того свѣжи, такъ мало измѣнились отъ времени, что можно подумать, будто они недавно отдѣланы. Эти кремни въ гробницу положены не были, а примѣшались къ землѣ, которою окопали костры, или брошены въ нихъ впослѣдствіи времени, когда костры погасли.

При археологическихъ розыскахъ случается иногда находить цѣлый слой шлифованныхъ кремней или, вѣрнѣе, осколковъ, оставшихся послѣ шлифовки. Ихъ положеніе показываетъ, что съ теченіемъ вѣковъ на почвѣ образовывались различные слои — вслѣдствіе шлифовки кремня тутъ, на мѣстѣ, или принесенія осколковъ изъ другихъ мѣстностей.

Всѣ эти камни, находимые во всѣхъ трехъ родахъ гробницъ, имѣютъ значеніе обѣтныхъ приношеній, т. е. въ эту эпоху они замѣняли вѣнки изъ сухоцвѣтовъ или другія надгробныя украшенія, приносимыя нами на могилы родныхъ и друзей, согласно обычаю, начало котораго теряется во му́ракѣ временъ.

Да не смѣются надъ этой загадкой, которая мнѣ кажется весьма справедливою. Людскія поколѣнія могутъ измѣняться, исчезать, но они всегда завѣщаютъ слѣдующимъ за ними обычаи своей эпохи, которые измѣняются не иначе, какъ съ исчезновеніемъ причинъ, ихъ произведшихъ. Не таковы обычаи, сопровождающіе конецъ человѣка, который неизмѣненъ и всегда сопровождается горестью и сожалѣніемъ. Въ какую-бы то ни было эпоху, и въ какой-бы то ни было степени образованія — человѣкъ всегда ощущаетъ потребность выражать свое сожалѣніе объ усопшемъ собратѣ и если въ наше время для этого достаточно небольшой суммы денегъ, то въ эти отдаленныя времена всякій собственноручно выдѣлывалъ изъ кремня свои приношенія на могилы.

Этимъ объясняется разнообразіе формъ кусковъ кремня, находимыхъ въ гробницахъ и около гробницъ, особенно грубость кусковъ, обдѣланныхъ по одному фасону. Впрочемъ, весьма понятно,

что въ эпоху, когда камень былъ единственнымъ матеріаломъ для выдѣлки полезныхъ орудій, всякій ошлифованный кремень изображалъ собою извѣстную монетную единицу. Жертвовать имъ памяти усопшаго было дѣломъ похвальнымъ, какъ то было впослѣдствіи съ предметами болѣе цѣнными. Этотъ обычай выражался между прочимъ у многихъ древнихъ народовъ бросаніемъ камней на могилу. Такъ образовались каменные холмы *гальгаль*, изъ которыхъ нѣкоторые существуютъ и по нынѣ.

Этой религіозной идеѣ слѣдуетъ приписать находимое въ гробницахъ большое количество каменныхъ украшеній, обогащающихъ археологическія коллекціи. Только въ ближайшую эпоху грубые каменные топоры и ножи замѣнялись шлифованными болѣе изящной формы.

Въ подтвержденіе моей мысли привожу любопытный фактъ, замѣченный мною при изысканіяхъ въ гробницахъ обоихъ разрядовъ; фактъ, который каждый можетъ быть легко себѣ объяснитъ.

Въ каждой гробницѣ найденъ длинный, шлифованный топоръ, переломленный пополамъ, но другой половины въ гробницахъ не находилось.

Одинъ подобный топоръ находится въ музеумѣ Клюни, другой у меня; безспорно, что какъ тотъ, такъ и другой были сломаны нарочно, на мѣстѣ и во время погребенія.

Множество подобныхъ сломанныхъ топоровъ было найдено М. А. Форжэ въ Парижѣ, на днѣ Сены, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Всѣ они по срединѣ сломаны, и я полагаю, что всѣ они попали въ рѣку изъ гробницъ, стоявшихъ на береговыхъ крутизнахъ: ихъ выбило оттуда волнами, втеченіе многихъ вѣковъ подмывавшими берега.

Впослѣдствіи, т. е. въ бронзовую эпоху, тѣла были нерѣдко сожигаемы въ пепелъ въ цѣломъ своемъ видѣ или частію, и пепелъ этотъ собирали въ урны.

[illegible] марокъ, которые существуютъ и до нынѣ.

[illegible]

[illegible] ской формѣ.

[illegible] нальности.

[illegible]

[illegible]

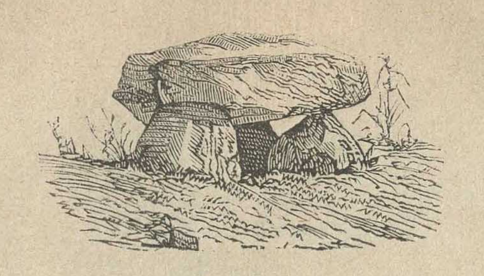

Рис. 62. Датскій дольменъ.

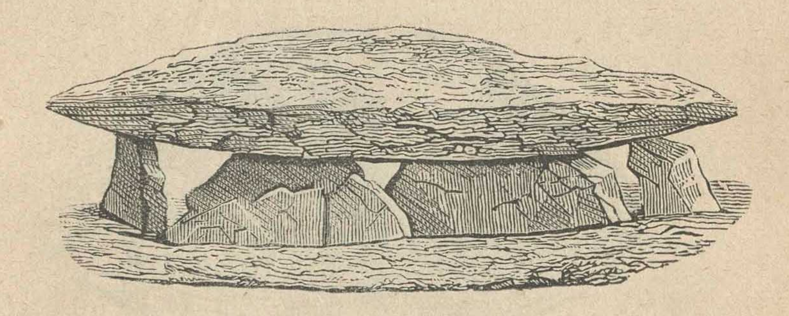

Рис. 63. Асизскій дольменъ.

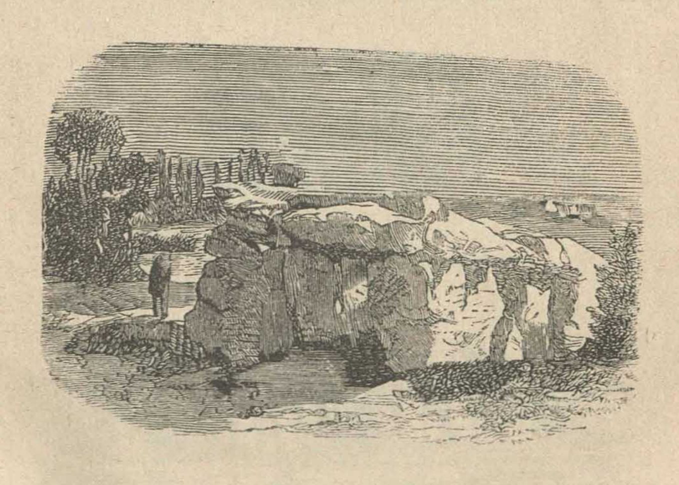

Рис. 64. Конерескій дольменъ.

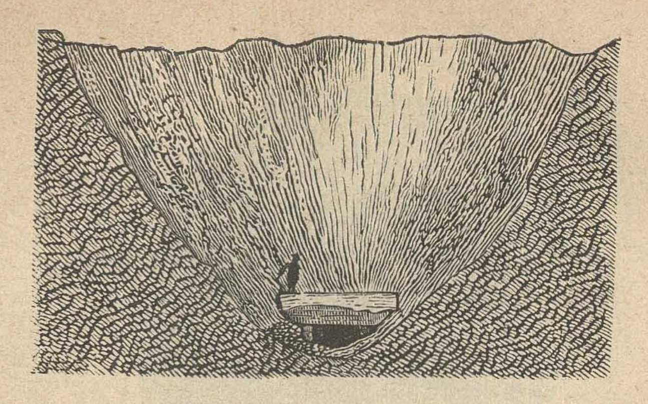

Рис. 65 Локмаерскій дольменъ.

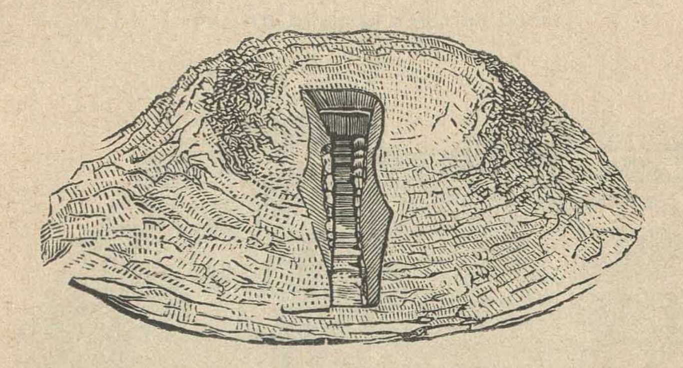

Рис. 66. Тумулусъ—дольменъ.

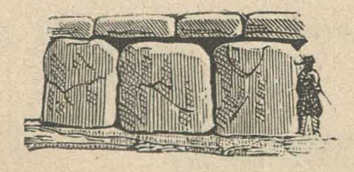

Рис. 67. Часть Тумулуса—дольмена.

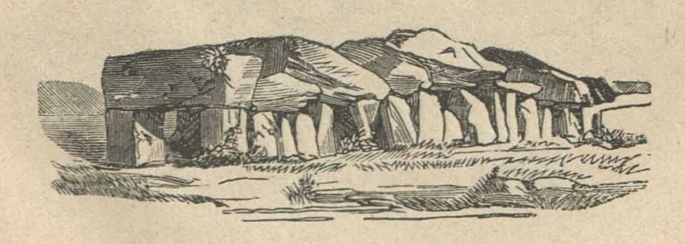

Рис. 68. Покрытая аллея.

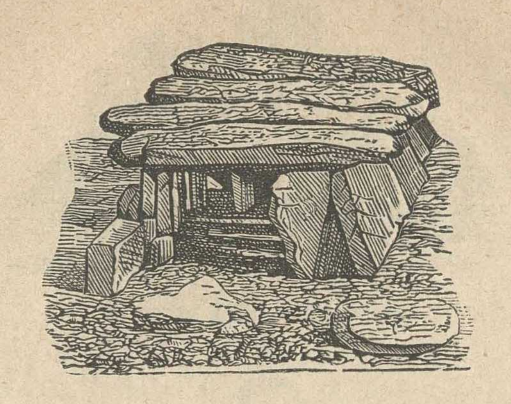

Рис. 69. Крытая аллея въ Банье.

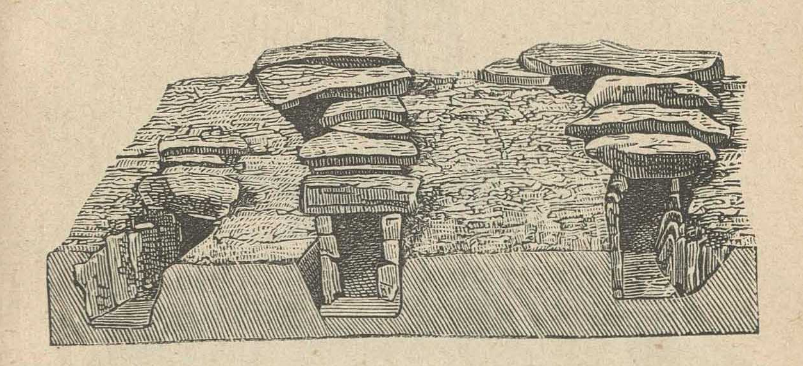

Рис. 70. Крытая аллея въ Плагаргелѣ.

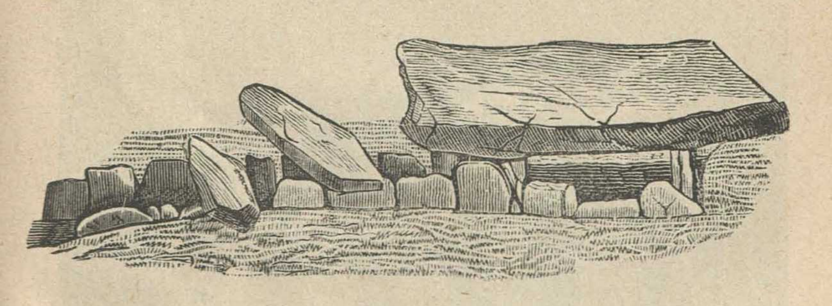

Рис. 71. Крытая аллея въ Локмайерѣ.

Рис, 72. Датскій тумулусъ.

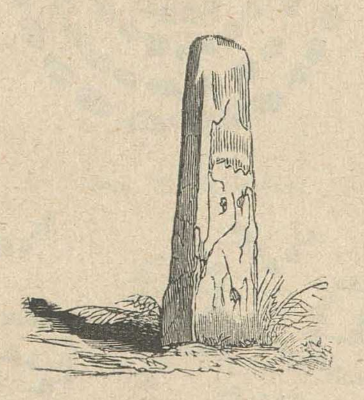

Рис. 73. Менгиръ.

Рис. 74. Гряды карнакскихъ Менгировъ,

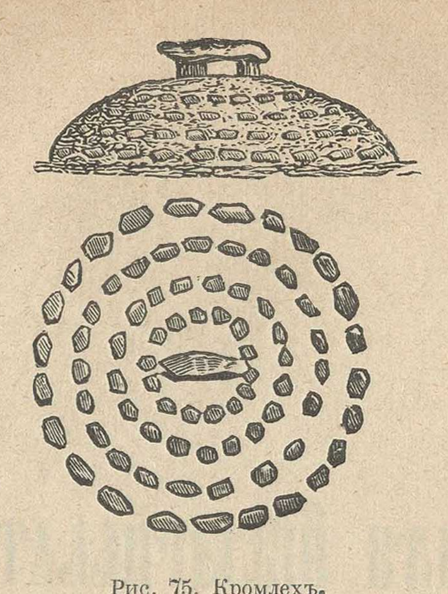

Рис. 75. Кромлехъ.

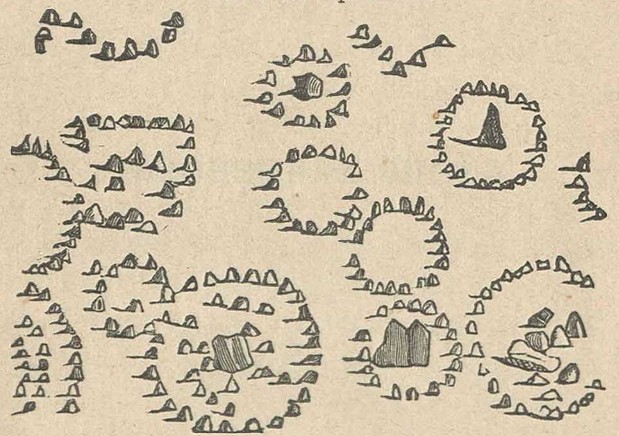

Рис. 76. Группа датскихъ кромлеховъ.

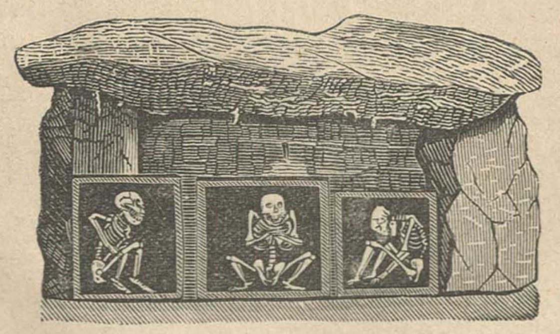

Рис. 77. Положенія въ которыхъ найдены скелеты,

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ВѢКЪ.

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Обрѣтеніе металловъ.—Различныя предположенія о началѣ бронзы на западѣ.—Изобрѣтеніе бронзы.—Литейная въ бронзовую эпоху.—Литейныя постоянныя и переносныя въ бронзовую эпоху.—Познаніе металловъ въ Европѣ вытекло ли изъ успѣховъ умственнаго развитія или занесено изъ чужихъ странъ?

Обрѣтеніе металловъ величайшій изъ всѣхъ подвиговъ нашей исторіи общества человѣческаго. Химикъ Тенаръ сказалъ, что о степени образованія народа можно судить по степени совершенства въ выдѣлкѣ имъ желѣза ([1]). Можно сказать вообще, что если бы человѣкъ не ознакомился съ металлами, онъ вѣчно оставался бы въ состояніи дикости.

Для народовъ изобиліе или недостатокъ металловъ есть вопросъ о жизни или смерти. При той важной роли, которую играютъ металлы въ быту современныхъ обществъ, нельзя не убѣдиться, что безъ нихъ цивилизація была бы немыслима. Изумительное умственное и промышленное движеніе, которое являетъ собою девятнадцатый вѣкъ, благоденствіе нынѣшнихъ поколѣній, наши механическія орудія, промышленность всякаго рода, науки, художества были бы невозможны при отсутствіи металловъ. Безъ металла человѣкъ былъ бы принужденъ всю жизнь свою бѣдственно пресмыкаться; съ этимъ же непреодолимымъ рычагомъ могущество его усиливается сторицею и власть его постепенно распространяется на всю природу.

По всѣмъ вѣроятностямъ, съ золотомъ—первымъ изъ всѣхъ ме-

([1]) Дамасская сталь—первая въ мірѣ, слѣдовательно, турки самый образованный народъ?

Примѣч. переводч.

галловъ, познакомился человѣкъ. Золото въ древности попадалось во многихъ рѣкахъ и его живой блескъ естественнымъ образомъ не могъ не привлечь вниманія первобытныхъ людей. Дикари,—тѣ же дѣти: они любятъ все блестящее. И такъ золото, прежде всякихъ другихъ металловъ уже явилось въ рукахъ первыхъ обитателей земнаго шара.

Золотомъ изобилуютъ Уральскія горы; легко можетъ быть, что съ этого пункта оно распространилось по сѣверной Европѣ. Съ другой стороны, его могли добывать изъ нѣкоторыхъ большихъ и малыхъ рѣкъ Швейцаріи, Галліи и Германіи. Послѣ золота—мѣдь привлекла вниманіе людей; во первыхъ, какъ металлъ, попадающійся въ самородномъ состояніи, во вторыхъ, вслѣдствіе изобилія мѣдныхъ рудъ и въ особенности колчедановъ. Однако же, отдѣленіе мѣди отъ руды—работа весьма сложная и, конечно, бывшая еще недоступною понятіямъ людей изучаемаго нами историческаго періода.

Ознакомленіе съ оловомъ относится также къ глубочайшей древности, только замѣтка наша о мѣди должна точно также и къ нему относиться. Если людямъ и были извѣстны оловянныя руды, они во всякомъ случаѣ еще не скоро достигли возможности выплавлять изъ нихъ металлъ.

Серебро стало извѣстно гораздо позже, такъ какъ въ *тумулусахъ* бронзовой эпохи оно почти не встрѣчается. Въ естественномъ состояніи серебро почти всегда находится въ соединеніи со свинцовою рудою, а свинецъ, до обрѣтенія желѣза, извѣстенъ не былъ.

Бронза, какъ извѣстно всѣмъ и каждому, есть сплавъ изъ мѣди и олова (девять частей мѣди на одну олова). Этотъ самый сплавъ, т. е. бронза, была первымъ металлическимъ веществомъ употреблявшимся въ Европѣ до выдѣлки оружія изъ одной мѣди. Намъ предстоитъ выяснить это странное обстоятельство, почему искуственный сплавъ былъ извѣстенъ въ Европѣ прежде чистаго металла и какимъ образомъ могли выдѣлывать бронзу племена, наслѣдовавшія землю послѣ племенъ эпохи шлифованнаго камня.

Съ перваго взгляда покажется страннымъ, какъ могъ металлическій сплавъ, подобный бронзѣ, быть употребляемъ прежде желѣза, рудники котораго находятся въ Европѣ въ такомъ изобиліи. Но

должно принять въ соображеніе, что желѣзныя руды привлекаютъ на себя менѣе вниманія, нежели мѣдныя и оловянныя. Кромѣ того, выплавка желѣза изъ руды работа весьма трудная. Послѣ первой операціи получаютъ вещество грубое—чугунъ, почти необладающій свойствами металла, до того вещество это хрупко; оно немногимъ отличается отъ камня. Для извлеченія изъ чугуна чистаго желѣза надобно пользоваться всѣми усовершенствованіями, изобрѣтенными наукою металлургическою. Сплавляя же мѣдную и оловянную руды съ примѣсью небольшаго количества угля, можно сразу получить бронзу безъ всякой предварительной обработки металловъ.

Вотъ причина, по которой первые металлурги выдѣлывали бронзу, не зная даже металловъ, входящихъ въ ея составъ. Бронза, сплавъ твердый, плавкій и вслѣдствіе этого весьма удобный для отливки въ формы топоровъ, кинжаловъ, мечей и земледѣльческихъ орудій; но какъ изъ нея отливались эти вещи первобытными людьми, объ этомъ можно только догадываться болѣе или менѣе вѣрно. Бронза обладала качествами, драгоцѣнными для рождавшейся человѣческой промышленности. Она плавится легче мѣди; она тверже ея и въ этомъ отношеніи можетъ соперничать съ желѣзомъ. Замѣчательно, что бронза имѣетъ свойство твердѣть отъ медленнаго охлажденія. Если ее до красна раскалить на огнѣ и потомъ быстро остудить, погрузивъ въ холодную воду, она дѣлается ковкою и легко обработывается молоткомъ. Кованная бронза пріобрѣтаетъ первобытную твердость, если ей снова до красна раскаленой на огнѣ даютъ медленно остынуть. Эти свойства, какъ видитъ читатель, совершенно противоположныя свойствамъ стали.

Пользуясь этими качествами бронзы, ее ковали, а потомъ, послѣ постепеннаго охлажденія придавали ей желанную твердость. Въ наше время такимъ образомъ выдѣлываютъ кимвалы (музыкальныя тарелки) и тамтамы.

Эти соображенія достаточно поясняютъ читателю, что употребленіе бронзы предшествовало употребленію желѣза какъ у древнихъ европейскихъ, такъ и у азіатскихъ народовъ. Основываясь на мнимомъ отсутствіи мѣдныхъ издѣлій въ до-историческихъ памятникахъ Европы, нѣкоторые археологи сложили разсказы о томъ, будто бронза была вывезена съ востока народомъ болѣе образо-

ваннымъ, пережившимъ мѣдный вѣкъ, т. е. знавшимъ выдѣлку и употребленіе чистой мѣди. Этотъ народъ, прибывшій изъ Азіи, насильно вторгнулся въ Европу и почти отовсюду вытѣснилъ первобытныхъ жителей, такъ что въ нашихъ краяхъ бронзовый вѣкъ внезапно смѣнилъ каменный въ выдѣлкѣ оружія и утвари.

Рядомъ съ этими учеными, такъ искусно соединяющими вопросы этнологическіе съ вопросами о геологическихъ переворотахъ земнаго шара — являются другіе, пытающіеся объяснить появленіе бронзы въ Европѣ расширеніемъ торговыхъ международныхъ сношеній. Они отрицаютъ всякую мысль о возможности вторженія завоевателей, измѣнившаго совершенно нравы, обычаи и внутреннюю промышленность. Они полагали, что торговля востока ознакомила съ бронзою жителей запада. Таково мнѣніе англійскаго археолога Корнюаля Люиса и г. Нильсона, приписывающаго финикіянамъ ввозъ бронзы въ Европу.

Г. Нильсонъ потратилъ не мало безплодныхъ трудовъ на изысканія достовѣрныхъ доказательствъ справедливости своего предположенія. Вмѣстѣ съ этимъ датскимъ археологамъ пришлось бы дѣйствительно допустить, что финикіяне, т. е. жители Тира и Сидона, *на своихъ корабляхъ* ѣздили въ Великобританію за оловомъ, изъ котораго, съ примѣсью мѣди, выдѣлывали бронзу у себя дома, а ее опять привозили въ Европу ([1]).

Это уже выходитъ историческая фантазія. Этому археологическому роману мы противопоставимъ простое объясненіе, даваемое химіею. Мы полагаемъ, что бронзу на мѣстѣ выдѣлывали всѣ тѣ народы, которые употребляли ее на приготовленіе оружія. Для полученія бронзы достаточно смѣшать и сплавить руды мѣдной окиси или мѣдный колчеданъ съ рудою оловянной окиси и небольшою примѣсью угля. Мѣдныхъ рудъ въ Европѣ великое множество; оловянныя, правда, рѣже, и именно, ссылаясь на эту рѣдкость олова, наши антагонисты основываютъ свои несправедливыя догадки. Но если нынѣ, кромѣ Англіи и Саксоніи, оловянныя руды рѣдки, встрѣчаются же онѣ въ средней и южной Европѣ, и ихъ на первыхъ

---

(1) Lubbock, l'homme avant l'histoire, pp. 37—49.

порахъ было достаточно для ограниченныхъ нуждъ промышленности въ ея младенчествѣ. Можно даже допустить, что оловянные рудники центральной и южной Европы скудны теперь именно вслѣдствіе ихъ истощенія нашими праотцами. Такъ залежи мѣди, серебра и свинца были истощены римлянами и нынѣ представляются остатки рудниковъ, нѣкогда весьма изобильныхъ.

Изъ этого явствуетъ, что для объясненія существованія бронзы въ Европѣ первыхъ вѣковъ бытія, нѣтъ надобности громоздиться на тѣ подмостки, которыя съ такимъ трудомъ городитъ г. Нильсонъ.

Въ концѣ концовъ употребленіе бронзы предшествовало употребленію желѣза въ первобытной промышленности Европы и Азіи; народамъ нашего полушарія бронза была извѣстна прежде мѣди и олова въ ихъ чистомъ состояніи: вотъ все, что можно утверждать.

Могло случиться, что мѣдь и олово употреблялись отдѣльно и что впослѣдствіи людямъ пришло въ голову смѣшивать ихъ, съ цѣлію улучшить однимъ металломъ другой. Но въ отношеніи Европы факты доказываютъ, что дѣло было не такъ, и что бронза была извѣстна до отдѣльнаго употребленія и олова, и мѣди.

Въ новомъ свѣтѣ было наоборотъ: индѣйцы сѣверной Америки, гораздо прежде выдѣлки бронзы, выковывали мѣдь изъ рудниковъ Верхняго озера и дѣлали изъ нея оружія, украшенія и утварь.

Послѣ этихъ общихъ теоретическихъ соображеній, перейдемъ собственно къ исторіи употребленія бронзы первыми людьми и къ описанію ихъ металлургическихъ заводовъ. Факты, основанные на преданіяхъ, ясно доказываютъ, что какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи употребленіе бронзы предшествовало употребленію мѣди.

Гомеръ говоритъ, что у греческихъ и троянскихъ воиновъ оружіе было желѣзное; бронзовое было достояніемъ героевъ. Бронза, будучи древнѣе, считалась благороднѣе, и потому оружіе изъ нея было принадлежностью военначальникамъ и великимъ бойцамъ. У всѣхъ народовъ благороднымъ и священнымъ почиталось все, что было древнѣе.

Въ книгѣ Бытія часто упоминается о бронзѣ. Тувалкаинъ, первый кузнецъ по сказаніямъ Священнаго Писанія, ковавшій разныя

орудія изъ желѣза, занимался также и выдѣлкою бронзы. Изъ этого сплава дѣлали украшенія.

Въ *книгѣ Царей* находимъ: Саломонъ призвалъ изъ Тира Гирама, сына вдовы изъ племени Нафтали, коего отецъ былъ житель тирскій, обработывавшій мѣдь. Человѣкъ этотъ былъ весьма свѣдущъ, смышленъ и искусенъ во всякаго рода мѣдныхъ издѣліяхъ.

Здѣсь подъ словомъ *мѣдь* слѣдуетъ подразумѣвать бронзу, и еврейское названіе металла имѣло, конечно, это значеніе.

Какъ на замѣчательный образчикъ бронзовыхъ издѣлій древности можно указать на *мѣдяное море* евреевъ—чашу, вмѣщавшую въ себѣ сто корзинокъ (кошницъ) съѣстныхъ припасовъ.

Геродотъ [1] говоритъ о другой колоссальной бронзовой чашѣ, въ шестьдесятъ разъ болѣе. Павзаній, сынъ Клеобронта, принесъ ее въ даръ храму Юпитера Оріоса, построенному близъ Понта Эвксинскаго на границахъ Скиѳіи. Емкость чаши была въ шестьсотъ амфоръ, толщиною въ шесть пальцевъ. Греки употребляли эти огромныя чаши при религіозныхъ обрядахъ.

Въ Швеціи и въ Норвегіи подобные пріемники употреблялись въ древности при жертвоприношеніяхъ: въ нихъ собирали кровь зарѣзываемыхъ жертвъ.

Для выдѣлки сосудовъ такихъ размѣровъ необходимо было имѣть большія бронзовыя литейныя. Этимъ литейнымъ, существовавшимъ въ историческія времена, предшествовали во времена доисторическія, т. е. въ бронзовую эпоху, малыя литейныя.

Слѣды этихъ первобытныхъ литейныхъ были найдены въ Швейцаріи, въ Давэнѣ, близъ Тонона, въ Вальфлингерѣ, близъ Винтертура, и особенно въ Эшалланѣ, гдѣ найдены орудія, очевидно служившія литейщикамъ до историческаго времени. Въ Моржѣ, въ Швейцаріи, нашли каменную форму для отливки топоровъ съ двумя остріями. Отливъ бронзу въ эту древнюю форму, получили топоръ, совершенно похожій на находящіеся въ нашихъ музеумахъ.

Отливку производили и въ песчаныя формы и это былъ самый обыкновенный и самый легкій способъ.

---

(1) Книга IV § 81.

На этихъ данныхъ легко составить себѣ понятіе о состояніи литейныхъ въ бронзовую эпоху.

Для приготовленія бронзы брали руду окисленнаго олова, смѣшивали ее въ пропорціи, указанной опытомъ, съ рудою мѣдной окиси или мѣднымъ колчеданомъ и къ этой смѣси прибавляли извѣстное количество угля. Всю смѣсь въ каменномъ сосудѣ ставили на огонь разожженнаго горна. Уголь обращалъ обѣ окиси въ металлическое состояніе; мѣдь и олово, очищенныя отъ постороннихъ примѣсей, смѣшивались во едино и образовывали бронзу. Получивъ сплавъ достаточно было черпать его изъ сосуда металлическими черпалами и лить въ заранѣе приготовленныя каменныя или песчаныя формы.

У первобытныхъ народовъ бронзо-литейное мастерство должно было играть весьма важную роль. Нѣтъ орудія, котораго нельзя было бы отлить изъ бронзы. Такимъ образомъ отливали даже клинки для мечей. Для закалки лезвія его раскаляли, потомъ быстро охлаждали и тогда выковывали каменнымъ молотомъ.

Такъ какъ бронза была дорога въ эти древнія времена, то понятно что выдѣланныя изъ нея оружіе и утварь употреблялись лицами богатыми и знатными; каменное же оружіе было достояніемъ черни. По мѣрѣ успѣховъ промышленности бронза входила во всеобщее употребленіе. Дороговизна быстро заставляла людей беречь этотъ металлъ. Доисторическій музей въ Копенгагенѣ сохраняетъ доказательства этой скудости и средства помочь ей. Между бронзовыми топорами музея есть каменные, сверху обложенные бронзовою пластинкою, толщиною въ листокъ писчей бумаги.

Прибавимъ, что старыя бронзовыя вещи и негодная въ употребленіе утварь бережно сохранялись, а потомъ шли въ переплавку, чтобы возродиться изъ стараго матеріала въ новомъ видѣ.

Кромѣ литейныхъ постоянныхъ, о которыхъ мы только что говорили, въ древности существовали литейщики странствующіе, которые, нося весь свой скарбъ за плечами, скитались изъ страны въ страну, предлагая свои услуги, гдѣ въ нихъ была надобность.

Извѣстно, что въ наше время существуютъ подобные странствующіе мѣдники, выходцы съ горъ Оверня, Альпъ, Севеннъ, Шварцвальда — называемые въ южной Франціи péirerous и estama-brazaïres, а въ прочихъ мѣстахъ épingliers (булавочниками). Они ра-

ботаютъ по деревнямъ и даже въ городскихъ предмѣстьяхъ. Путешествуя только съ необходимыми снарядами, они, однако же, мастерятъ что угодно. Яма, вырытая въ землѣ, служитъ имъ печью, въ которой они раздуваютъ огонь ручнымъ мѣхомъ; желѣзо куютъ на маленькой наковальнѣ, воткнутой въ землю.

Съ этими малыми средствами они производятъ работы размѣровъ поразительныхъ. Они дѣлаютъ гвозди и шпильки, нарѣзываютъ винты, чинятъ замки, чистятъ стѣнные часы, дѣлаютъ ножи, выправляютъ шумовки, дѣлаютъ основы подъ зонтики. Изъ старой мѣдной монеты умѣютъ изготовить перстеньки и продаютъ эти украшенія деревенскимъ красавицамъ.

Мѣдники неподражаемые, они не имѣютъ соперниковъ въ дѣлѣ починки и луженья посуды жестяной и желѣзно-кованной. Починка фаянса входитъ тоже въ кругъ ихъ многосторонней дѣятельности и связать разбитое блюдо желѣзной проволокой для нихъ ничего не значитъ. Отливка въ форму—ихъ настоящее торжество. Къ нимъ сельская хозяйка несетъ свою старую оловянную посуду, чтобы вскорѣ увидѣть ее блестящей за-ново. Лампы, оловянныя миски, столовые приборы, тарелки и блюда подъ ихъ руками получаютъ новый видъ и блескъ.

Плавка и формованіе бронзы также мало затрудняютъ ихъ, какъ и отливка олова. Изъ бронзы они льютъ подсвѣчники, колокольчики, крючки и т. п. Плавильнымъ горномъ служитъ имъ ямка, вырытая въ землѣ и наполненная горячими угольями. Они поддерживаютъ горѣніе раздувальнымъ мѣхомъ съ длиннымъ noскомъ. На этотъ горнъ они ставятъ ручной тигель—родъ глинянаго черпала съ ручкою.

Система формованія у нихъ очень проста. Мятый песокъ, служащій имъ формою, они берутъ съ дороги; бронзу они отливаютъ въ нее прямо изъ тигеля.

Эти странствующіе металлурги, знакомые намъ издѣтства, работающіе по деревнямъ нижняго Лангдока—никто иные, какъ потомки каменьщиковъ-скитальцевъ доисторической эпохи, называемой бронзовою. Кромѣ постоянныхъ литейныхъ, слѣды которыхъ отысканы въ Швейцаріи, на французской Юрѣ, въ Германіи и въ Даніи — въ тѣ времена были вѣроятно работники, ходившіе на

промыселъ съ мѣста на мѣсто. Снаряды ихъ были столь же просты, сколько и предметы изготовленія или починки. Для формованія они брали дорожный песокъ, на топливо — лѣсныя деревья.

Доказательствомъ существованія странствующихъ мѣдниковъ во времена глубочайшей древности служатъ два сказанія книгъ Исхода. Моисей въ пустынѣ имѣлъ возможность отлить мѣднаго змѣя, при взглядѣ на котораго уязвленные живыми змѣями исцѣлялись; во время отсутствія пророка и его пребыванія на горѣ Синаѣ, Ааронъ безъ затрудненія отлилъ золотаго тельца для успокоенія возмутившихся іудеевъ. Слѣдовательно, въ средѣ израильтянъ-переселенцевъ находились литейщики.

Въ общихъ чертахъ мы должны были ознакомить читателя съ подробностями введенія бронзы въ Европу, населенную потомками людей каменнаго вѣка. Въ слѣдующихъ главахъ мы представимъ полную картину этого періода исторіи человѣчества, называемаго нами *бронзовою эпохою*, которою начинается *вѣкъ металлическій*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Научныя средства для основанія исторіи бронзовой эпохи. — Озерныя училища Швейцаріи.—Ихъ исчисленіе и распредѣленіе.—Постройка.—Обдѣлка и постановка свай.—Видъ и размѣры хижинъ.—Населеніе.—Орудія каменныя, костяныя и изъ оленьяго рога.—Гончарныя издѣлія.—Одежда.—Пища.—Фауна.—Домашнія животныя.

Для основанія первобытной исторіи рода человѣческаго, надобно было, само собою, обратиться ко всевозможнымъ изслѣдованіямъ какія только могли быть сдѣланы съ помощію науки и благодаря случайности. Пещеры, *убѣжища подъ скалами*, древніе лагери, мастерскія для обработки кремня, остатки желѣза древнихъ скандинавовъ (*kjoekken-moeddings*), дольмены и тумулусы—вотъ элементы для основанія первыхъ эпохъ исторіи первобытнаго человѣка, пройденныхъ нами до сихъ поръ. Основныя начала эпохи бронзовой будутъ уже совсѣмъ иныя.

Изъ всѣхъ источниковъ для изученія нравовъ и обычаевъ первобытнаго человѣка, ни одинъ конечно такъ не любопытенъ, какъ разработанный только еще въ недавніе годы и названный *озерными жилищами*.

Что такое *озерное жилище* и какимъ образомъ оно можетъ пролить свѣтъ на исторію бронзовой эпохи? Это покажетъ послѣдующее наше изложеніе.

Великія открытія нерѣдко бываютъ слѣдствіями самыхъ маловажныхъ причинъ. Это изрѣченіе, опошленное отъ частаго употребленія, тѣмъ не менѣе совершенно справедливо. Чему мы обязаны массой любопытныхъ подробностей о племенахъ доисторическихъ? Случайному и необыкновенному пониженію температуры въ Швейцаріи. Объяснимся.

Зима 1853—54 годовъ была до того холодна и суха въ Швейцаріи, что воды въ озерахъ упали ниже обыкновеннаго уровня. Жители Мейлена, на берегахъ Цюрихскаго озера, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы отнять у озера частицу материка, которую они вздумали укрѣпить насыпью и обнести стѣною.

При исполненіи этихъ работъ, въ подводной грязи нашли сваи опрокинутыя и стоячія; грубую посуду; каменныя, костяныя орудія и множество другихъ останковъ подобныхъ найденнымъ въ датскихъ торфяникахъ.

Это необыкновенное скопленіе разнородныхъ предметовъ на днѣ обмелѣлаго озера казалось необъяснимымъ и находчики терялись въ догадкахъ, когда цюрихскій докторъ Келлеръ, осмотрѣвъ вещи тотчасъ же понялъ ихъ значеніе. Ему было очевидно, что предметы эти принадлежатъ ко временамъ доисторическимъ. Посредствомъ сличенія предметовъ и послѣ многихъ соображеній онъ удостовѣрился, что между ними и сваями существуетъ соотношеніе и что тѣ и другія относятся къ одной эпохѣ. Онъ такимъ образомъ убѣдился, что древніе обитатели Цюрихскаго озера строили свои жилища надъ водою и что этотъ обычай вѣроятно существовалъ и у жителей другихъ швейцарскихъ озеръ.

Докторъ Келлеръ развилъ эту мысль въ пяти замѣчательныхъ мемуарахъ, изданныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ (1).

Отъ этой искры возгорѣлся свѣточь, разсѣявшій сумракъ долгаго и мало извѣстнаго періода исторіи рода человѣческаго.

До находокъ, сдѣланныхъ на днѣ обмелѣвшаго Цюрихскаго озера, случилось находить въ швейцарскихъ озерахъ странныя орудія и утварь, и встрѣчались колья вбитыя въ дно; однако же никогда не умѣли изслѣдовать этихъ останковъ другихъ вѣковъ и никогда не приписывали имъ такой маститой древности, какую признали въ нихъ въ недавнее время. Доктору Келлеру принадлежитъ честь вѣрнаго ихъ изученія, и этотъ ученый безспорно основатель *археогеологической* науки въ Швейцаріи.

Послѣ появленія въ свѣтъ перваго мемуара доктора Келлера

---

(1) Pfahlbauten, in 4°, Zurich 1854—1856.

въ 1854 г., принялись съ жаромъ за ученыя изысканія по швейцарскимъ озерамъ и за изысканіями не замедлило открытіе многочисленныхъ слѣдовъ жилищъ и селеній человѣческихъ. Нынѣ ихъ насчитываютъ до 200 и ежегодно находятъ новыя ([1]).

Благодаря дѣятельности изыскателей, была возможность составить превосходныя колекціи этихъ археологическихъ сокровищъ. Рыбаки съ давнихъ временъ знали мѣста нахожденій этихъ жилищъ, весьма часто порывая свои мережи о сваи, погрязнувшія въ тинѣ. Ихъ разспросили, взяли ихъ въ проводники и вскорѣ цѣлый періодъ умственнаго развитія первобытныхъ людей явился на свѣтъ со дна швейцарскихъ озеръ.

Изъ таковыхъ озеръ, давшихъ наибольшее количество остатковъ временъ доисторическихъ, назовемъ: Невшательское, въ которомъ въ 1867 году, найдено 46 жилищъ, Констанцское (32 жилища), Женевское (24), Біеннское въ Бернскомъ кантонѣ (20), Моратское—въ Фрейбургскомъ (8 жилищъ). За ними слѣдуютъ озера, менѣе значительныя: Цюрихское (3 жилища), Пфеффиконское того же кантона (4), Земпахское,—кантона Люцернъ (4), Мосле-дорфское—кантона Бернъ (2), Инквильское—близъ Солеры (1), Нуссбауменское—въ кантонѣ Торгау (1), Цугское и нѣкоторыя другія.

Ряды вбитыхъ свай найдены были еще и въ старинныхъ, изсякшихъ озерахъ, превратившихся въ торфяники. Къ этому разряду можно причислить Вовильскій торфяникъ въ кантонѣ Люцернъ (3 жилища). Назовемъ, наконецъ, жилище моста Тіэль на протокѣ, соединяющемъ озера Біенское и Невшательское. Это жилище составляетъ часть находившагося въ Біенскомъ озерѣ въ тѣ времена, когда оно достигало моста Тіэльскаго.

([1]) Изъ сочиненій, касающихся до этого любопытнаго предмета, не можемъ не указать на тѣ, которыя особенно цѣлесообразны, таковы: Habitations lacustres des temps anciens et modernes par Troyon; Etudes géologico-archéologiques en Danemark et en Suisse par Morlot; Palafittes ou constructions lacustres du lac de Neufchâtel par M. Desor. Эти сочиненія переведены на многіе иностранные языки и они содержатъ въ себѣ самыя подробныя свѣденія въ геологико-археологическихъ находкахъ въ Швейцаріи.

Всѣ эти озерныя жилища Швейцаріи относятся не къ одному и тому же періоду. По свойству остатковъ несомнѣнно, что одни древнѣе, другія новѣе. Тутъ находятся слѣды трехъ послѣдовательныхъ эпохъ: эпохи шлифованнаго камня, бронзовой и желѣзной.

Озерныя жилища Швейцаріи, по ихъ отношенію къ историческимъ эпохамъ, можно раздѣлить слѣдующимъ образомъ:

Вѣкъ каменный. Озеро Констанцское (до 30 жилищъ), Невшательское (12), Женевское (2), Моратское (1); озера: Біенское, Цюрихское, Пфеффиконъ, Инквиль, Мосдорфъ, Нуссбауменъ, Вангеръ и др. жилища въ Сент-Обенѣ и Консизѣ, Вовильскій торфяникъ и жилище моста Тіэльскаго.

Бронзовая эпоха. Озера: Женевское (20 жилищъ), Нефшательское (25), Біенское (10), Моратское и Земпахское.

Желѣзная эпоха. Озера: Нефшательское и Біенское.

Можетъ показаться страннымъ, что первобытные жители Швейцаріи предпочли жилища озерныя жилищамъ твердой земли, которыя было гораздо легче строить. Далѣе мы скажемъ о тѣхъ выгодахъ, которыя извлекали люди изъ подобнаго расположенія своихъ жилищъ; но теперь замѣтимъ, что привычка эта была довольно распространена между первобытными обитателями Европы. Древняя исторія представляетъ тому довольно многочисленные примѣры. Вотъ что говоритъ Геродотъ въ повѣствованіяхъ своихъ о Пеонійцахъ озера Празіасскаго во Ѳракіи.

„Домы ихъ устроены слѣдующимъ образомъ: на весьма высокихъ сваяхъ, вбитыхъ въ одно озеро, кладутъ настилку изъ плотно связанныхъ досокъ; къ ней ведутъ только узенькіе мостки. Въ старину жители вбивали сваи общими силами, но впослѣдствіи уговорено было каждому женившемуся приносить женѣ три сваи съ горы Орбелура. Многоженство на этой странѣ допускается. На этихъ подмосткахъ строятъ хижины, снабжая ихъ сходнями къ озеру, а въ избѣжаніе паденія дѣтей въ воду чрезъ отверстіе, ихъ привязываютъ веревкою за ноги. Вмѣсто сѣна они кормятъ рыбою лошадей и домашнюю скотину; рыбы же въ этомъ озерѣ водится такое множество, что опуская корзину чрезъ подполье, ее вскорѣ вытаскиваютъ полною рыбы.“

Г. Люббокъ утверждаетъ, по словамъ одного изъ его друзей живущаго въ Салоникахъ, что рыбаки озера Празіасскаго донынѣ живутъ въ хижинахъ, построенныхъ надъ водою, какъ во времена Геродота. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ въ Россіи городъ Черкасскъ точно такимъ же образомъ построенъ на Дону, и Венеція ничто иное какъ городъ водяныхъ жилищъ, построенныхъ въ древности на одной изъ лагунъ моря Адріатическаго ([1]).

Прибавимъ къ этому, что въ новѣйшія времена обыкновеніе строить деревни на сваяхъ существуетъ въ нѣкоторыхъ частяхъ свѣта. По свидѣтельствамъ Дампіера и Дюмонъ д'Юрвиля жилища на сваяхъ встрѣчаются въ Новой Гвинеѣ, на Целебесѣ, въ Серамѣ, Минданао, на Каролинскихъ островахъ и т. д. Весь городъ Борнео построенъ такимъ образомъ. На нѣкоторыхъ островахъ Тихаго океана многія дикія племена живутъ надъ водою. Индѣйцы въ Венецуэлѣ переняли также этотъ обычай единственно для предохраненія себя отъ москитовъ.

Можно предполагать, что необходимость самосохраненія была причиною, побудившею древнихъ жителей Швейцаріи и другихъ странъ строиться и жить на озерахъ. Окруженные обширными болотами и непроходимыми лѣсами, они опасались нападенія многочисленныхъ звѣрей. Желая предохраниться сколь возможно лучше, они признали самымъ дѣйствительнымъ—окружить себя водою. Впослѣдствіи когда люди начали вести войны, польза водяныхъ жилищъ была еще ощутительнѣе. Онѣ представляли рядъ лагерей или укрѣпленій несокрушимыхъ, въ которыхъ жители страны не боялись усилій своихъ непріятелей.

Прибавимъ, что въ послѣднее время эти жилища на сваяхъ были вовсе оставлены и служили, по словамъ г. Дезора, мѣстами склада снарядовъ, провизіи; самыя же жилища были перенесены на сушу.

([1]) Въ подтвержденіе своихъ догадокъ Фигье могъ-бы указать на наши *заколы* или *тони*. Рыбачьи озерныя жилища въ Швейцаріи были ничѣмъ инымъ какъ тонями.

Прим. перевод.

Озерная швейцарская деревня.

Писатели называютъ озерныя жилища различными именами. Названіе ихъ общепотребительное во Франціи: *жилище* или *озерное поселеніе* (habitation, cité lacustre). Докторъ Келлеръ, впервые описавшій ихъ, называетъ ихъ по нѣмецки: pfahlbauten (постройками на сваяхъ); итальянцы передѣлали это слово на — palafitta, у г. Дезора принятое за *палафиттъ*. Наконецъ *теневьерами* или *штейнбергами* (каменными горами) называютъ особенныя постройки, у которыхъ сваи придерживаются грудами камней (забутованы). Г. Келлеръ называетъ ихъ packwerkbauten.

При общемъ обзорѣ озерныхъ жилищъ нынѣ открытыхъ, дѣйствительно можно замѣтить, что строители ихъ придерживались двухъ системъ: или вбивали сваи въ озерное дно, покрывая ихъ мостками, или искуственно поднимали озерное дно, бросая на него камни, въ которые и водружали сваи нестолько для постройки на нихъ жилищъ, сколько для поддержанія бутовой работы, чтобы камни не разсыпались.

Тотъ или другой способъ построекъ употреблялся смотря по грунту озернаго дна. На озерахъ съ иловатымъ и вязкимъ дномъ употреблялся первый способъ; на озерахъ съ дномъ каменистымъ — второй. Вотъ почему у сѣверныхъ береговъ Невшательскаго озера, гдѣ находятся очень близкія къ поверхности кремневыя груды, находятъ множество теневьеръ.

Вотъ что чаще всего замѣчаютъ, особенно въ озерахъ обширныхъ и глубокихъ; однако же не всегда постройки были одинаковыя. Въ болотахъ и малыхъ озерахъ, нынѣ образующихъ торфяники, чаще всего употребляли систему, образчикомъ которой можетъ служить Вовильскій торфяникъ. Находили четырехъ-угольныя площадки, весьма отчетливо огороженныя частоколомъ, на которомъ возвышались другъ надъ другомъ до пяти платформъ. Сваи, образующія частоколъ, очень длинны и нѣкоторыя углублены въ дно на десять футовъ, на что потребна была громадная работа. Промежутки между настилками наполнены древесными вѣтвями, глиной и самыя доски настланы по вышеупомянутымъ образцамъ. Самая нижняя платформа лежитъ на самомъ днѣ озера; хижины были построены на верхней.

Случается иногда, что бутовая работа превышаетъ водный уровень и тогда уже превращается въ искуственные островки, и жилища, на нихъ построенныя, уже не могутъ быть названы жилищами на сваяхъ. Таково жилище озера Инквиль въ Швейцаріи, таковы *краннoги* ирландскіе, о которыхъ мы особо поговоримъ. Нѣкоторые изъ этихъ острововъ выдержали разрушительное дѣйствіе столѣтій и донынѣ заселены. Г. Дезоръ указываетъ на Розовый островъ озера Штарнбергъ (въ Баваріи), который не запомнятъ ненаселеннымъ и на которомъ нынѣ находится королевская резиденція.

Возвратимся къ системѣ построекъ озерныхъ жилищъ въ Швейцаріи.

По всѣмъ вѣроятностямъ, перевозка камней съ берега къ назначенному мѣсту на озерѣ производилась на челнокахъ (пирогахъ), выдолбленныхъ изъ древесныхъ стволовъ. Множество подобныхъ пирогъ попадается на днѣ Біенскаго озера; одна еще донынѣ наполнена булыжникомъ, что̀ заставляетъ полагать, что она затонула до своей разгрузки. Вытащить ихъ со дна очень трудно и впрочемъ весьма вѣроятно, что эти пироги на воздухѣ разсыпятся въ прахъ. Одна изъ нихъ однако же находится въ Невшательскомъ музеумѣ.

Совершенно подобный же челнокъ или пирога находится въ музеумѣ Сен-Жерменскомъ. Она сдѣлана изъ древеснаго дупла. Другой экземпляръ, совершенно подобный, но покрытый корою и въ весьма дурномъ состояніи, находится въ сѣняхъ музеума. Его вытащили изъ Сены, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ объ открытіи памятниковъ мореплаванья въ каменномъ вѣкѣ.

Очень легко можно объяснить себѣ какимъ образомъ первобытные строители рубили деревья и отесывали ихъ въ сваи. Г. Дезоръ замѣтилъ, что бревна, образовывавшія сваи, ровно подрѣзаны кругомъ только съ наружной стороны, внутренняя же ихъ часть представляетъ неровности, подобныя тѣмъ, которыя бываютъ во внутренности палки, надрѣзанной кругомъ и потомъ переломленной. Точно также дѣйствовали строители при рубкѣ деревьевъ. Сдѣлавъ на немъ вокругъ надрѣзы въ глубину отъ 8—12 сантиметровъ, они закидывали веревку на вершину дерева и, пригибая ее

къ низу, переламывали дерево. Потомъ его окончательно отдѣляли отъ корня каменными или бронзовыми топорами и одну часть бревна заостряли для удобнѣйшаго углубленія въ вязкое озерное дно. Иногда огонь, приложенный къ нижней части, облегчалъ работу острыми орудіями. На большей части нынѣ найденныхъ свай замѣтны слѣды огня и порубокъ каменными топорами. При постройкѣ теневьеръ заострять сваи не было надобности, такъ какъ ихъ придерживали камни, о чемъ мы упоминали выше.

По приготовленіи свай, ихъ надобно было перевезти на челнокахъ до мѣста постройки и стоймя утвердить въ дно озера. Принимая во вниманіе, что во многихъ случаяхъ длина бревенъ достигала 5 или 6 метровъ, легко понять трудности подобной работы. При постройкахъ теневьеръ употреблялись бревна еще длиннѣе и толще, а потому и работа была легче. Въ древнѣйшихъ теневьерахъ Нефшательскаго озера находятъ сваи цѣльныхъ древесныхъ стволовъ въ 25—30 сантиметровъ въ поперечникѣ.

Умъ приходитъ въ смущеніе при мысли о той энергіи и силѣ воли, которыя должны были затрачивать первобытные жители Швейцаріи для постройки, безъ содѣйствія металла, первыхъ озерныхъ жилищъ, изъ которыхъ иныя весьма обширны. Поселеніе Моржъ, величайшее изъ находящихся въ Женевскомъ озерѣ, занимаетъ пространство въ 60,000 квадратныхъ метровъ; поселеніе Шабрэ въ озерѣ Нефшательскомъ—до 50,000; другое, тамъ же, 40,000; наконецъ третье—Тэнъ 3,000 квадратныхъ метровъ. Другія, хотя и меньшія, представляютъ однако почтенные размѣры.

Поразительно количество бревенъ, употребленныхъ на эти постройки. Г. Лоль вычислилъ, что въ одной деревнѣ Вангенъ на Констанцскомъ озерѣ выгружено до 40,000 свай и что потребны были труды нѣсколькихъ поколѣній для окончанія этой работы. Для поясненія этого факта надобно сказать, что Вангенъ, мало заселенная въ началѣ—расширялась по мѣрѣ своего позднѣйшаго населенія. Тоже можно сказать и о прочихъ озерныхъ жилищахъ.

Вотъ какъ дѣйствовали при постройкѣ обыкновеннаго жилья. Систематически работали при возведеніи на озерѣ цѣлой деревни.

Прежде всего, паралельно берегу ставили рядъ бревенъ, потомъ клали мостки, соединявшія деревню съ твердою землею и значительно облегчавшія переноску матеріаловъ.

Послѣ настилки мостковъ, до утвержденія свай, начинали сколачивать настилку, служившую фундаментомъ будущей постройкѣ. Настилка эта, возвышаясь отъ трехъ до четырехъ футовъ надъ поверхностью воды, не боялась волнъ во время бури. Она состояла обыкновенно изъ древесныхъ вѣтвей и стволовъ, плотно другъ на друга сложенныхъ горизонтально и смазанныхъ глиною, иногда и изъ грубыхъ и неотесанныхъ кусковъ дерева, отщепленныхъ посредствомъ клина. Настилку прикрѣпляли къ сваямъ веревками, а иногда между ними и настилкою для пущей прочности забивали клинья. По утвержденіи верхнихъ мостковъ строили хижину.

Изъ хижинъ на мостки вели двери; но бывали ли у хижинъ окна? Неизвѣстно. На крышѣ вѣроятно было отверстіе для выпуска дыму отъ огня, разведеннаго на очагѣ. Во избѣжаніе пожара очагомъ служилъ камень, положенный посрединѣ хижины. Дымовое отверстіе вѣроятно пропускало достаточно свѣта, вознаграждая жильцевъ за отсутствіе оконъ.

Въ каждомъ жилищѣ въ полу былъ прорѣзанъ люкъ для схода въ озеро, какъ то разсказываетъ Геродотъ про пеонійцевъ. Подъ люкомъ находилась сплетенная изъ ивовыхъ вѣтвей корзина, служившая садкомъ для пойманной рыбы.

Если жители озерныхъ деревень жили на водѣ для личной безопасности, то весьма понятно, что они не соединяли своихъ жилищъ многими мостами съ берегомъ. Для всей деревни служилъ одинъ большой мостъ.

Какъ были строены хижины? Каковъ былъ ихъ наружный видъ, какъ велики были размѣры строеній? Вопросы эти тѣмъ труднѣе рѣшить, что до насъ не дошло ни одного образчика этихъ древнихъ строеній. Однако же, по нѣкоторымъ слѣдамъ, по видимому незначительнымъ, можно отвѣтить на эти вопросы болѣе или менѣе удовлетворительно.

По всѣмъ признакамъ, хижины были строены изъ неотесанныхъ бревенъ, поставленныхъ стоймя другъ подлѣ друга и связанныхъ между собою тонкими и гибкими вѣтвями. Потомъ эту деревян-

ную стѣну смазывали глиною. По слѣдамъ построекъ можно было заключить, что зданія были круглыя, подобно строеніямъ древнихъ галловъ, какъ говорятъ о нихъ историки. Такъ полагаетъ г. Тройонъ, а также и докторъ Келлеръ. Послѣдній даже нарисовалъ крупную хижину на рисункѣ реставрированныхъ озерныхъ жилищъ, приложенномъ къ его мемуару. Г. Лайэлль перепечаталъ этотъ же самый рисунокъ на фронтисписѣ своей книги *о древности человѣка*. Съ тѣхъ поръ г. Келлеръ отказался отъ своего предположенія и въ другомъ мемуарѣ былъ новый рисунокъ хижинъ съ плоскими или отлогими кровлями.

При сочиненіи своего рисунка г. Келлеръ руководился не только научными соображеніями, но и снимками съ подобныхъ жилищъ у ново-гвинейскихъ папусовъ, сдѣланными Дюмон-д'Юрвиллемъ. По словамъ г. Келлера, еще въ послѣднемъ столѣтіи на берегахъ рѣки Лимата, близъ Цюриха, встрѣчались рыбачьи хижины совершенно такой же постройки.

Какъ велико было населеніе озерныхъ деревень? И на этотъ вопросъ пытался отвѣтить г. Тройонъ весьма любопытными изысканіями. Основаніемъ для своихъ вычисленій онъ взялъ деревню Моржъ (на Женевскомъ озерѣ), занимающую, какъ намъ уже извѣстно, пространство въ 60,000 квадратныхъ метровъ. Допуская, что хижинами занята была только половина, другая же оставлена была для прохода; полагая, что средняя обширность каждой хижины простиралась на 5 метровъ, г. Тройонъ дошелъ до цифры 311, опредѣляющей число жилищъ доисторической деревни въ Моржѣ. Затѣмъ, предполагая среднимъ числомъ по четыре жильца на каждую хижину, онъ опредѣлилъ всю сумму населенія въ 1244 человѣка.

По справедливости можно было бы удивляться, если бы человѣкъ бронзовой эпохи, снабженный металическими орудіями, а слѣдовательно и бывшій въ состояніи противостоять нападеніямъ, продолжалъ жить исключительно посреди воды и не заселялъ земли нашей природной почвы. Весьма естественно было доискиваться на твердой землѣ слѣдовъ бронзовой эпохи. Слѣды эти дѣйствительно были найдены и привели къ тому убѣжденію, что не только озера, но и долины Швейцаріи въ эту эпоху

были населены народомъ промышленнымъ и занимавшимся земледѣліемъ.

Въ Эберсбергѣ, кантона Цюрихъ, открыли весьма любопытные остатки свай неподалеку отъ твердой земли, а съ ними вмѣстѣ и снаряды, обыкновенно находимые въ рѣчныхъ жилищахъ. Въ 1864 году докторъ Клеманъ отрылъ въ окрестностяхъ Горжье (нефшательскаго кантона) нѣсколько насыпей булыжника, носящихъ слѣды огня. Въ одной изъ этихъ насыпей, перемѣшанныхъ съ угольями, онъ нашелъ разныя бронзовыя издѣлія, особенно же одинъ браслетъ и серпы, замѣчательные по возвышенности или выпуклости на лезвеѣ.

На равнинѣ Гранжъ (кантона Солерскаго) докторь Шильдъ изслѣдовалъ мѣстность, на которой находилась древняя бронзовая литейня, такъ какъ кромѣ камней и перегорѣлой земли онъ нашелъ нѣсколько серповъ съ толстыми обухами, обломокъ меча и четыре превосходные рѣзака.

Въ Сейонскихъ горныхъ ущельяхъ близъ Нефшателя найденъ былъ также косарь-браслетъ — близъ Моржа въ женевскомъ кантонѣ, прочіе браслеты, вмѣстѣ съ обугленными человѣческими костями, найдены въ Сіонѣ, въ Валэскомъ кантонѣ.

Наконецъ, г. Тіоли отрылъ въ пещерѣ горы Салевъ, близъ Женевы, горшечныхъ черепковъ бронзовой эпохи, множество въ гротѣ Нефшательскаго кантона на берегу Резы, г. Отзъ нашелъ остатки гончарной работы болѣе нѣжной глины и съ ними множество костей.

И такъ люди этой эпохи населяли не исключительно надводныя жилища, они строились и на твердой землѣ и жилища ихъ были снабжены всѣмъ, что потребно въ домашнемъ быту.

Замѣченное въ Швейцаріи можетъ конечно относиться и къ прочимъ мѣстностямъ и можно сказать, что въ бронзовую эпоху мѣстопребываніе человѣка было окончательно опредѣлено. За пещерами эпохи большаго медвѣдя и маммута, за *убѣжищами подъ скалами* эпохъ сѣвернаго оленя и шлифованнаго камня, слѣдовали жилища, мало отличавшіяся отъ жилищъ народовъ цивилизованныхъ, начинающихъ эру временъ историческихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Озерныя жилища верхней Италіи, Баваріи, Каринтіи и Карніоліи, Помераніи, Франціи, Англіи.—*Кранноги* Ирландіи.

Трудно повѣрить, чтобы озерныя жилища на сваяхъ были исключительнымъ достояніемъ Швейцаріи. Слѣдовало предполагать, что южный склонъ Альповъ, покрытый большими и прекрасными озерами, долженъ былъ изобиловать подобными же жилищами. Такъ полагалъ г. Дезоръ. Послѣ многихъ открытій памятниковъ доисторической эпохи, сдѣланныхъ въ Швейцаріи, цюрихскій професоръ отправился въ 1860 году на розыски къ озерамъ Ломбардіи въ полной увѣренности найдти тамъ слѣды водяныхъ жилищъ.

Онъ не обманулся въ своихъ надеждахъ. Вскорѣ дѣйствительно г. Дезоръ извлекъ изъ торфяниковъ озера Маджіоре бревна и другіе предметы, подобные найденнымъ въ швейцарскихъ озерахъ. Поисками этими успѣшно занялись гг. Гастольди и Моро, открывшіе въ торфяникахъ этого озера многія древнія деревни на сваяхъ.

Въ озерѣ Варезе, находящемся также въ Ломбардіи и изслѣдованномъ г. Дезоромъ, Ж. де Мортійе и абатомъ Стопани, найдено пять деревень, изъ которыхъ многія принадлежали къ каменному вѣку. Впослѣдствіи г. абатъ Ранше открилъ еще четыре деревни, что въ общей сложности составили девять жилищъ. Въ воздаяніе должной почести заслугамъ гг. Келлера и Дезора, способствовавшимъ ознакомленію съ озерными жилищами, абатъ Стопани назвалъ двѣ деревни ихъ именами.

Одинъ изъ этихъ островов, весьма любопытный, заселенъ и

понынѣ. Его называютъ *Изолеттою* (островкомъ) и тамъ есть замокъ, принадлежащій фамиліи Литта.

Въ торфяникахъ Бріанцы, части Ломбардіи, находящейся на сѣверѣ отъ Милана, найдены были остатки озерныхъ построекъ, вмѣстѣ съ костями, черепками посуды, угольями, обгорѣлой соломой и оружіями бронзовыми и кремневыми.

Розыски на озерѣ Гардъ привели къ открытію многихъ озерныхъ жилищъ. Виновниками этихъ находокъ были: докторъ Альберти изъ Вероны и два австрійскіе офицера гг. Костерлицъ и Зильберъ, передавшіе всѣ обрѣтенные ими предметы въ музеи древностей Вѣны и Цюриха. Первые слѣды свай были замѣчены во время саперныхъ работъ, произведенныхъ въ 1855 году австрійцами вокругъ крѣпости Пескьеры: это служитъ доказательствомъ, что и крѣпости могутъ пригожаться на что нибудь.

Жилище каменнаго вѣка было изслѣдовано г. Паоло Ліои въ небольшомъ венеціанскомъ озерѣ длиною не болѣе километра, а глубиною нѣсколько метровъ: это озеро Фимонъ, близъ Виченцы. Г. Ліои нашелъ въ немъ дубовыя сваи частью обугленныя, что служитъ доказательствомъ тому, что селеніе выгорѣло; плохо отесанныя доски, челнокъ, выдолбленный изъ дубоваго ствола, слои глины отъ стѣнъ, съ оттискомъ тростниковыхъ стебелей, отвалившіеся вѣроятно отъ внутренней смазки стѣнъ, разныя орудія изъ кости, кремня, глины, гранита и оленьяго рога, круглые щитки или чашечки безменовъ изъ терра-котты, обломки грубой горшечной работы, сушеной на солнцѣ, и между этими обломками двѣнадцать цѣльныхъ вазъ.

Тамъ же найдены были запасы желудей, орѣховъ, водяныхъ каштановъ, рябиновыхъ ягодъ, черносливныхъ косточекъ и т. п. Изобиліе животныхъ костей дало возможность убѣдиться въ существованіи зубра, оленя, кабана, лисицы и нѣсколькихъ другихъ сомнительныхъ породъ. Всѣ длинныя кости по обыкновенію были расколоты для извлеченія можжечка, но не правильно, а просто разбиты ударами тяжелаго камня.

Розыски озерныхъ древностей, начатые въ Швейцаріи и продолжаемые въ верхней Италіи, не могли остановиться на такомъ

успѣшномъ пути. Стали разыскивать *палафитты* въ другихъ странахъ и розыски увѣнчались успѣхомъ.

Съ легкой руки г. Дезора и благодаря щедротамъ баварскаго правительства, слѣды древнихъ строеній на сваяхъ найдены въ шести озерахъ въ Баваріи. Большая ихъ часть относится къ каменному вѣку, нѣкоторыя къ бронзовой эпохѣ. Между послѣдними назовемъ находящееся на озерѣ Штернбергъ и называемое *Розовымъ островомъ*, который есть островъ искуственный, какъ и *Изолетта* озера Варезе. Мы уже сказали, что этотъ островъ былъ всегда населенъ и что на немъ есть замокъ.

Успѣхи розысковъ возрастали повсемѣстно. Отъ Баваріи не отстала и Австрія, и профессоръ Хохштеттеръ по порученію вѣнской академіи наукъ занимался розысканіемъ палафиттъ въ озерахъ Каринтіи и Карніоліи.

Труды его были не безплодны: въ четырехъ каринтійскихъ озерахъ г. Хохштеттеръ нашелъ сваи, остатки посуды, кости, орѣхи и проч. Въ озерѣ Рейтшахъ, особенно прилежно изслѣдованномъ, онъ открылъ каменистую отмель, подобную швейцарскимъ штейнбергамъ. Лайбахскія болота доставили также орудія изъ оленьяго рога, просверленный камень и челнокъ.

За Австріей пришелъ чередъ Пруссіи. Жилища на сваяхъ были найдены во многихъ провинціяхъ королевства, между прочимъ въ Бранденбургѣ и Помераніи, области, богатой болотами. Въ окрестностяхъ Любтова характеръ озерныхъ построекъ тотъ же, что и въ Робенгаузенѣ на озерѣ Пфиффиконъ (въ Швейцаріи). Здѣсь замѣчательны два археологическіе пласта: въ нижнемъ перемѣшаны каменныя и бронзовыя орудія, черепки посуды, обуглившіеся: пшеница, ячмень и горохъ; верхній пластъ принадлежитъ желѣзному вѣку.

Мы еще не говорили о Франціи, однако же и тамъ найдены слѣды озерныхъ жилищъ въ департаментахъ сопредѣльныхъ Швейцаріи.

Озера Бурже и Аннеси, въ Савойѣ, изобилуютъ ими. На первомъ озерѣ изысканія были дѣланы г. Лаврентіемъ Рабю, авторомъ мемуара *объ озерныхъ жилищахъ въ Савойѣ*, удостоеннаго серебряной медали на конкурсѣ ученыхъ обществъ въ

1863 году. Г. Рабю нашелъ въ озерѣ Бурже пять или шесть жилищъ бронзовой эпохи, изъ которыхъ особенно три: Трессервъ, Грезинь и Шатійонъ доставили множество остатковъ древности.

Озеро Паладрю (изерскаго департамента), изслѣдованное г. Густавомъ Валлье, дало подобные же результаты. Полагаютъ, что жилища на сваяхъ находятся и въ другихъ малыхъ озерахъ этого урочища: Св. Елены на лѣвомъ берегу озера, Сен-Мартенъ де Белльвиль и Сен-Марсель близъ Мутье. Одно жилище найдено на мѣстѣ стараго озера на берегахъ Соны, а въ противоположномъ округѣ у подножія Пиренеевъ найдены таковыхъ до пяти.

Судя по всѣмъ даннымъ, можно предполагать, что раскопки торфяниковъ и прудовъ, которыми изобилуютъ наши департаменты, привели бы къ открытію слѣдовъ разныхъ доисторическихъ эпохъ.

Для полноты перечня озерныхъ построекъ Европы скажемъ, что онѣ были найдены въ Даніи, въ озерѣ Марибо и въ Англіи, въ герцогствѣ Норфолькъ.

Съ послѣдними имѣютъ много общаго *кранноги* или искуственные острова Ирландіи, изъ которыхъ первый въ 1836 году былъ открытъ г. Уильде, членомъ Дублинской королевской академіи. Съ этого времени розыски производились по этому направленію и теперь насчитываютъ не менѣе пятидесяти кранноговъ, разсѣянныхъ по разнымъ графствамъ Ирландіи.

Острова эти большею частью состоятъ изъ каменныхъ грудъ, придерживаемыхъ сваями, почти такъ же какъ и въ швейцарскихъ теневьерахъ; отъ послѣднихъ они отличаются только своимъ возвышеніемъ надъ поверхностью воды. Есть однако жъ и такіе, которые состоятъ изъ сборища толстыхъ досокъ, положенныхъ горизонтально, и кольевъ, вбитыхъ вертикально и образующихъ наружную обшивку бутовой работы, даже со внутренними отдѣленіями, въ которыхъ находятъ разные остатки. Такіе острова называются *огороженными* (stockaded islands). Форма ихъ обыкновенно круглая или овальная, а размѣры по большей части довольно ограничены.

Капитанъ Меджъ, королевско-британскаго флота, описалъ хижину, найденную имъ въ болотѣ Друмкеллинъ на пяти метрахъ глубины. Пространство, ею занимаемое, $1^1/_2$ квадратныхъ метра,

при трехъ метрахъ высоты въ два яруса, въ 1 метръ 30 сантиметровъ каждый. Кровля была плоская и вся хижина была обнесена частоколомъ, вѣроятно для отдѣленія ея отъ сосѣднихъ жилищъ, остатки которыхъ были тутъ же найдены. Вся постройка совершена была посредствомъ каменныхъ орудій, доказательствомъ чего служили надрѣзы, еще замѣтные на нѣкоторыхъ частяхъ дерева. Впрочемъ топоръ, рѣзецъ и кремневый наконечникъ стрѣлы, найденные на полу хижины, не оставляли въ этомъ случаѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. И такъ это было жилище каменнаго вѣка. На полу же валялось нѣсколько цѣлыхъ орѣховъ и множество наколотой скорлупы. Большой плоскій камень съ круглымъ углубленіемъ по срединѣ служилъ вѣроятно для раскалыванія орѣховъ посредствомъ круглыхъ булыжниковъ, лежавшихъ тутъ же.

Изъ нѣкоторыхъ жилищъ выбрано было множество костей, употребленныхъ,—увы!—на удобреніе земли. Г. Люббокъ говоритъ, что въ одномъ кранногѣ Дуншауглинъ собрано костей до ста пятидесяти телегъ ([1]). Кости эти были: бычачьи, свиныя, лошадиныя ослиныя, собачьи, лисьи, дикой козы, лося, большаго ирландскаго оленя нынѣ вымершаго. За отсутствіемъ инаго доказательства, одного присутствія этого животнаго достаточно было бы для отнесенія кладки нѣкоторыхъ кранноговъ къ каменному вѣку, но такъ какъ искуственные острова относятся къ эпохѣ шлифованнаго камня, то находка эта можетъ служить доказательствомъ, что олень съ огромными рогами существовалъ въ Ирландіи гораздо позже, нежели на континентѣ.

Многіе историческіе документы подтверждаютъ, что кранноги были обитаемы до конца шестнадцатаго вѣка. Тогда они служили чѣмъ-то въ родѣ крѣпостей, гдѣ мелкопомѣстные владѣльцы укрывались отъ власти королевской. При окончательномъ умиротвореніи страны островки были покинуты.

---

(1) L'homme avant l'histoire, in 8, p. 125. Paris, 1867.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилища болотныя или поселенія на болотахъ.—Изысканія гг. Стробеля и Пигорини на *террамарахъ* Тосканы.—Террамары и болотныя жилища въ Бразиліи.

Послѣ жилищъ озерныхъ, найденныхъ въ разныхъ странахъ Европы, слѣдуетъ заявить о жилищахъ *болотныхъ*, какъ о принадлежащихъ бронзовой эпохѣ. Подъ этимъ именемъ разумѣютъ поселенія, слѣды которыхъ находимъ вокругъ болотъ и стоячихъ водъ. Ихъ особенно много въ верхней Италіи, гдѣ они впервые были найдены.

Болотными жилищами или *марьерами* (marières) называютъ мѣста нахожденія древнихъ поселеній, строенныхъ посредствомъ свай на болотахъ или незначительныхъ стоячихъ водахъ, постепенно занесенныхъ иломъ, заключающимъ остатки веществъ органическихъ и разныхъ другихъ.

Обрѣтеніемъ болотныхъ жилищъ обязаны гг. Стробелю и Пигорини, назвавшимъ ихъ *террамарами*.

Гг. Стробель и Пигорини называютъ *террамарами* скопленія золы, углей, животныхъ костей и всякаго рода обломковъ, разбросанныхъ человѣкомъ около своихъ жилищъ и образовавшихъ огромныя груды въ теченіе вѣковъ (1). Имя ихъ происходитъ отъ доставляемаго ими землянистаго, аммоніакальнаго удобренія, извѣстнаго у жителей подъ именемъ terra mara.

Въ Италіи террамары тоже самое, что Kjoeckken-moeddings въ Даніи, съ той разницей, что онѣ относятся не къ каменной, но къ бронзовой эпохѣ.

---

(1) Составныя части террамаръ тѣже самыя, что и нашихъ мусорныхъ или помойныхъ ямъ. *Примѣч. переводч.*

Террамарами изобилуютъ округа Пармы и Модены; онѣ почти всѣ находятся на равнинѣ, находящейся между По, Апенинами, Ардою и Рено на пространствѣ до 100 километровъ длины и 50—ширины. Вообще они образуютъ маленькіе холмы, на два или на четыре метра возвышающіеся надъ поверхностью земли. Такъ какъ террамары углубляются въ почву, то и толща ихъ достигаетъ иногда до 6 метровъ. Поверхность же ихъ рѣдко превосходитъ 4 гектара.

Раскопки нѣкоторыхъ марьеръ дали понять съ точностью способъ постройки болотныхъ жилищъ. Марьера въ Кастіоне особенно дала драгоцѣнныя свѣденія, и мы опишемъ ее какъ образецъ всѣхъ прочихъ.

Колья отъ 2 до 3 метровъ длиною, въ 12—18 сантиметровъ въ поперечникѣ вытесанные изъ цѣльныхъ или наколотыхъ деревьевъ и грубымъ орудіемъ заостренные на одномъ концѣ—вбивались на нѣсколько дециметровъ въ дно болота или воднаго басейна. На ихъ вершинахъ еще замѣтны слѣды ударовъ при ихъ постановкѣ и удалены они одинъ отъ другаго на разстояніе отъ 50 сантиметровъ до 2 метровъ. Балки поперечныя и горизонтальныя въ 2—3 или болѣе метровъ соединяли колья и придавали прочность всей постройкѣ. На этихъ балкахъ настилали полъ изъ толстыхъ досокъ въ 3—8 сантиметровъ толщиною, 16—33 сантиметра шириною и отъ 1½ до 2 метровъ длиною, ничѣмъ не скрѣплялись, по крайней мѣрѣ слѣдовъ скрѣпъ незамѣтно. Выдѣлывали ихъ, какъ видно, посредствомъ раскалыванья деревьевъ клиньями по корню, такъ какъ многіе изъ этихъ клиньевъ найдены въ вязкомъ илѣ. Ни пила, ни буравъ употребляемы не были, но четырехъугольныя скважины пробивались рѣзакомъ. Деревья, употребленныя для построекъ, преимущественно ясень и дубъ.

Полъ былъ покрытъ утамбованной землею, толщиной отъ двадцати пяти до тридцати сантиметровъ. Остатки этой мостовой были найдены въ двухъ песчаныхъ кучахъ, въ которыхъ ничего другаго не найдено, тогда какъ въ близлежащемъ слоѣ чернозема найдены были всякаго рода остатки. На этихъ песчаныхъ насыпяхъ вѣроятно стояли хижины жителей марьеры, и черная земля есть

окончательный продуктъ разложившихся нечистотъ, скученныхъ въ одномъ мѣстѣ.

Неизвѣстно, занималъ ли пластъ утамбованной земли всю поверхность пола, или пространство ея было ограничено. Въ первомъ случаѣ, при наружной постилкѣ ее утамбовывали менѣе старательно, нежели при внутренней, какъ это доказано при открытіи запасной житницы, въ которой полъ состоялъ изъ слоя песчанистой земли. Житница эта, самое расположеніе которой доказываетъ, что она не служила никому жильемъ, имѣетъ четыре метра длины и три—ширины. Въ ней найдены обуглившіеся бобы и пшеница, разсыпанные по полу слоемъ около десяти сантиметровъ.

Гг. Стробель и Пигорини не нашли въ марьерѣ Кастіоне никакихъ остатковъ хижинъ вѣроятно потому, что построенныя изъ дерева онѣ до тла сгорѣли во время пожара, слѣды котораго многочисленны. Кромѣ обугленныхъ зеренъ и ягодъ, о которыхъ мы говорили, въ Кастіоне найдено много предметовъ съ очевидными слѣдами огня. Между прочимъ, доски, стропила и сваи часто до половины пожжены.

Но если въ Кастіонской марьерѣ нѣтъ слѣдовъ хижинъ, они за то встрѣчаются въ другихъ мѣстахъ. Гг. Стробель и Пигорини доказали, что жилища на марьерахъ имѣли большое сходство съ жилищами швейцарскихъ озеръ. Они были сплетаемы изъ вѣтвей и внутреннія ихъ стѣны были обмазаны глиною. Въ Италіи, точно также какъ и въ Швейцаріи, обломки глиняной смазки, отвердѣлой на огнѣ, дали возможность придти къ этому заключенію.

Груды золы и углей, находимыя въ пластахъ сору въ Кастіоне, означали мѣста домашнихъ очаговъ, вокругъ которыхъ собирались безъ сомнѣнія для домашней трапезы. Другой пластъ угля, перемѣшаннаго съ соломою, пшеницею и черепками обгорѣлой посуды, былъ найденъ въ отдѣльномъ мѣстоположеніи; онъ лежалъ подъ слоемъ известковыхъ камней, снаружи подернутыхъ стекловиднымъ накипомъ и слой этотъ былъ въ $1^1/_2$ метра ширины и 20 сантиметровъ высоты. По мнѣнію изыскателей, тутъ была, можетъ быть, мастерская для плавки металловъ.

На берегу болотнаго басейна открыли слѣды вала или оборо-

нительнаго окопа, состоящаго изъ брусьевъ, длиною до пяти метровъ, положенныхъ горизонтально одинъ на другой. Брусья эти были скрѣплены кольями, вбитыми наискось и также другъ на друга положенныхъ съ верхушками, ущемленными между сваями.

Послѣдняя находка и другіе признаки привели гг. Стробеля и Пигорини къ предположенію, что работа на сваяхъ въ Кастіоне, какъ и всѣ прочія постройки на марьерахъ, были сначала возведены для временной обороны, а впослѣдствіи уже были обращены въ постоянныя жилища. Болотный басейнъ постепенно завалили кухонными остатками и всякимъ соромъ, отдѣляющимся около человѣческаго жилища и тогда постройки можно было возводить на твердомъ грунтѣ, а не имѣя надобности въ настилкѣ—ее уничтожили; вотъ почему ея такъ мало осталось.

Предметы, найденные въ террамарахъ и марьерахъ, существенно не отличаются отъ найденныхъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи. Всѣ они большею частью негодны къ употребленію или поломаны, что и слѣдовало ожидать, такъ какъ они брошены были въ кучи мусора. Много черепьевъ глиняной посуды сѣроватой и черной, съ примѣсью кварцевыхъ крупицъ, дурно прокаленной и работанной на гончарномъ станкѣ. Украшенія ея большею частью весьма просты, но формы ручекъ весьма разнообразны. Нѣкоторые сосуды снабжены носиками или скважинами для изліянія жидкости. Въ террамарахъ же находятъ и подставки для сосудовъ съ круглымъ или коническимъ дномъ.

Въ марьерѣ Санъ-Амброджіо нашли глиняный обломокъ элиптической формы въ 14 милиметровъ толщины, выпуклый съ одной стороны, впалый съ другой и проткнутый семнадцатью крупными скважинами въ 9 милиметровъ въ поперечникѣ каждая. Полагаютъ, что это рѣшетка съ очага, такъ какъ на ней замѣтны слѣды продолжительнаго пребыванія на огнѣ.

Другіе и самые обыкновенные предметы: привѣсныя гирьки ткацкаго станка изъ терра-котты, потертыя въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходила веревка, къ которой гирьки были привязаны; *фузайолы*, или пуговицы отъ одежды, разнообразныхъ видовъ и размѣровъ, точно также изъ терра-котты; большіе жернова съ изгладившимися стѣнками. Затѣмъ слѣдуютъ нѣсколько кинжаловъ или

наконечниковъ отъ копій, топоры, головныя шпильки и все это изъ бронзы. Въ той же марьерѣ Санъ-Амброджіо найдена форма для металическихъ отливокъ, доказывающая, что въ этой мѣстности плавили и отливали бронзу.

Прилежное изученіе животныхъ костей, найденныхъ въ кучахъ сору, привело къ слѣдующимъ свѣденіямъ о фаунѣ бронзовой эпохи въ верхней Италіи.

Изъ млекопитающихся дикихъ несомнѣнно присутствіе оленя, гораздо крупнѣйшей противъ нынѣшней породы и почти такого же роста, какъ и оленя озерныхъ жилищъ Швейцаріи кабана, силою и ростомъ превосходящаго сардинскаго и даже алжирскаго; медвѣдя, дикой козы, крысы и ежа. Въ разныхъ мѣстахъ найдены кости, рога оленя и кости глазныхъ орбитъ со слѣдами зубовъ грызуна мелкой породы. Медвѣдь, кабанъ, олень и дикая коза нынѣ не существуютъ въ странѣ. Что касается до ежа, онъ перебрался въ болѣе южныя части: изъ чего можно заключить, что температура Пармы и Модены нѣсколько понизилась со временъ бронзовой эпохи.

Замѣтимъ, что вопреки сказанному нами о швейцарскихъ озерныхъ жилищахъ каменнаго вѣка, остатки дикихъ звѣрей въ террамарахъ попадаются гораздо рѣже, нежели остатки животныхъ домашнихъ: причина этому превосходство и успѣхи цивилизаціи въ Италіи. Изъ животныхъ домашнихъ назовемъ: собаку двухъ породъ разнаго роста; болотнаго борова, кости котораго находятъ и въ Швейцаріи; лошадь—остатки которой, довольно рѣдкіе, доказываютъ существованіе двухъ породъ: крупной и неуклюжей и меньшей съ болѣе изящнымъ сложеніемъ; осла—по недостатку находокъ костей мало извѣстной породы; быка—кости котораго находятся во множествѣ и который былъ точно также двухъ породъ, изъ нихъ крупнѣйшая происходила отъ Bos primogenius или зубра;—наконецъ барана и козу, породы которыхъ трудно отдѣлить одну отъ другой по ихъ анатомическому сродству.

Сравнивая нынѣшнюю фауну съ тою, которую мы теперь составили, можно замѣтить весьма существенныя измѣненія въ породахъ. Такъ напримѣръ болотный боровъ, быки и бараны мелкой породы исчезли совершенно; баранъ обыкновенный, коза, лошадь и оселъ—

нынѣ породы болѣе крупной. Что же касается до дикихъ млекопитающихся, мы уже сказали, что одни измельчали, другія вымерли. Изъ этого вытекаетъ неоспоримый фактъ, хотя для многихъ сомнительный, что разумныя дѣйствія человѣка надъ прирученіемъ дикихъ породъ улучшило ихъ, усовершенствовало и исправило.

Черепа и длинныя кости, находимыя въ террамарахъ, большею частью разбиты для извлеченія мозговъ и мозжечка—обычай древній, сохранившійся и понынѣ. Но вмѣсто того, чтобы быть расколотыми продольно, какъ то было въ предыдущіе вѣка, кости большею частью разбиты поперечно и съ одного конца. Сходство террамаръ и kjockkcen-moeddings въ томъ, что всѣ собачьи черепа разбиты умышленно, чѣмъ и доказывается, что въ Италіи, какъ въ Даніи, вѣрный другъ человѣка бывалъ иногда, по неимѣнію лучшаго и можетъ быть съ сожалѣніемъ, употребляемъ въ пищу.

Остатковъ рыбъ въ марьерахъ не отыскано никакихъ: гг. Стробель и Пигорини справедливо заключаютъ изъ этого, что жители болотныхъ прибрежьевъ не занимались рыболовствомъ и что вообще сосѣднія воды были не обширны и мелки.

По остаткамъ, найденнымъ въ террамарахъ, опредѣлили породы птицъ, черепокожныхъ и насѣкомыхъ. Присутствіе домашней курицы и утки, жившихъ конечно на свободѣ, признано окончательно; однако же появленіе этихъ породъ слѣдуетъ отнести къ позднѣйшимъ временамъ: исходу бронзовой эпохи, а можетъ быть и началу желѣзной.

Изслѣдованія остатковъ насѣкомыхъ дали возможность заключить, что помои и кухонные остатки долгое время лежали у входовъ жилищъ прежде, нежели ихъ сбросили въ воду, такъ какъ мухи и прочія двукрылыя имѣли возможность родиться, совершить рядъ своихъ превращеній, что доказывается опустѣлыми и проточенными оболочками ихъ личинокъ ([1]).

([1]) Деревянные челноки и сваи доисторической эпохи при вынутіи изъ воды *разрушались въ прахъ*; какъ же могли въ теченіе вѣковъ въ болотахъ и среди гніенія *сохраняться* личинки мухъ?!

Примѣчаніе переводчика.

Этотъ послѣднiй выводъ мы предоставляемъ читателю, какъ любопытный примѣръ тому ,что могутъ наука и прилежанiе въ новыхъ и заманчивыхъ изслѣдованiяхъ о происхожденiи человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ грустную мысль наводитъ онъ объ опрятности людей бронзовой эпохи въ Италiи. Чувство достоинства своего тѣла и настоятельно требуемыя имъ попеченiя о немъ должны бы кажется быть у людей болѣе развиты, нежели во времена житья ихъ въ пещерахъ! Ничего подобнаго нѣтъ. Но имѣемъ ли мы право удивляться этому, если въ наше время во многихъ американскихъ городахъ сохраняются привычки омерзительныя и противныя законамъ общественной гигiены? Оскулати, итальянскiй путешественникъ, говорилъ, что во всѣхъ углахъ города Гвайяквиля, въ эквадорской республикѣ, попадаются груды нечистоты, отдѣляющiя невыносимый смрадъ. Подобные же склады нечистоты находятся у самыхъ заставъ Мексики, гдѣ они образуютъ порядочные холмы. Это должно сдѣлать насъ снисходительными къ неряшливости предковъ нашихъ въ бронзовую эпоху ([1]).

Таковы животные остатки, находимые въ террамарахъ. Что касается до остатковъ растительныхъ—это обуглившiяся зерна пшеницы, орѣховая скорлупа, желуди, половинки испекшихся яблоковъ, косточки кизильника, чернослива и винограда.

Чтобы окончить обзоръ болотныхъ жилищъ, скажемъ о недавней ихъ находкѣ въ Моравiи и Мекленбургѣ. Въ моравскомъ городѣ Ольмюцѣ, вѣнскiй ученый г. Жейттелеръ, нашелъ сваи, вбитыя въ торфъ, вмѣстѣ съ каменными и бронзовыми издѣлiями, украшенныя гончарною работаю, угольями, обуглившейся пшеницей, множествомъ животныхъ костей и человѣческимъ оставомъ изъ породы брахикефаловъ. Есть надежда, что это не послѣдняя находка въ этомъ родѣ.

([1]) У насъ въ Петербургѣ за Московской заставой, за Новымъ Арсеналомъ и на Смоленскомъ полѣ тоже есть груды нечистотъ, свозимыхъ туда изъ помойныхъ ямъ, но мы не думаемъ, чтобы онѣ имѣли какую нибудь связь со временами... хоть бы татарскаго нашествiя.

Примѣчанiе переводчика.

Прибавимъ, что террамары или склады кухонныхъ остатковъ на берегахъ болотъ нельзя назвать принадлежностью одной только Европы. Г. Стробель нашелъ на берегахъ Америки (въ Сен. Вицентѣ) совершенно такіе же слѣды, а замѣчательный натуралистъ Ріо-Джанеіро, докторъ Генрихъ Нэгели, убѣдился въ существованіи на берегахъ бразильскихъ рѣкъ подобныхъ же складовъ, которые онъ намѣренъ подвергнуть особенно прилежному изслѣдованію (1).

---

(1) **Matériaux pour l'histoire positive et philosophique de l'homm par G. de Mortillet, in 8. Paris, 1865, t. I, p. 397.**

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Оружіе, орудія и утварь, находимыя въ разныхъ озерныхъ жилищахъ Европы, по которымъ можно узнать обычаи и образъ жизни людей въ бронзовую эпоху.

Мы говорили объ открытіи и разработкѣ озерныхъ жилищъ въ разныхъ мѣстахъ Европы, равно и о болотныхъ деревняхъ Сѣверной Италіи. Эти богатыя залежи значительно поясняютъ первобытную исторію рода человѣческаго. На основаніи этихъ данныхъ есть возможность возстановить домашній бытъ племенъ бронзовой эпохи, то есть описать оружіе, орудіе и утварь, необходимыя въ обыденной жизни этого періода.

Озерныя жилища бронзовой эпохи мы распредѣлили для легкости разсказа или удобства изложенія. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ озерныхъ жилищахъ встрѣчаются предметы не исключительно принадлежащіе бронзовой эпохѣ; попадаются въ нѣкоторомъ количествѣ и предметы періода шлифованнаго камня, т. е. періода предыдущаго.

Были ли озерныя деревни построены въ каменномъ вѣкѣ, какъ полагаютъ, основываясь на обрѣтеніи каменныхъ издѣлій, найденныхъ въ нѣкоторыхъ жилищахъ, или онѣ построены были въ бронзовую эпоху, но съ продолженіемъ употребленія орудій періода предъидущаго — вопросъ этотъ для насъ не важенъ. Вѣрно, что большинство озерныхъ жилищъ относится къ бронзовой эпохѣ, однако же такъ какъ орудія каменныя составляютъ часть домашнихъ принадлежностей многихъ ихъ этихъ древнихъ жилищъ, мы должны начать описаніемъ предметовъ каменнаго періода, впрочемъ значительно сокращая это описаніе, такъ какъ иначе намъ бы пришлось повторять уже сказанное въ предыдущихъ главахъ.

Въ Швейцаріи каменныя орудія и оружіе тѣ же что и въ другихъ мѣстностяхъ: топоры, наконечники отъ копій и стрѣлъ, молотки, ножи, пилы и рѣзаки.

Топоры и молотки выдѣланы изъ различныхъ веществъ: изъ кремня, діорита-кварцита, нефрита, почечнаго камня, змѣевика и др. Прочія же орудія почти всѣ изъ кремня.

Топоръ былъ въ постоянномъ употребленіи не какъ оружіе, но какъ орудіе: образцы его попадаются въ большомъ множествѣ по швейцарскимъ озерамъ.

Топоры эти вообще малыхъ размѣровъ. Длина ихъ измѣняется отъ 5 до 20 сантиметровъ, а ширина лезвея отъ 40 до 60 милиметровъ. Форма ихъ таже, что и датскихъ топоровъ въ эпохи шлифованнаго камня.

Простѣйшій способъ для насаживанія на рукоятку топоровъ малыхъ размѣровъ, т. е. долота, состоялъ во вставкѣ его въ обрѣзокъ оленьяго рога, на одномъ концѣ нарочно для этого выдолбленный. Такимъ образомъ получали долото, весьма удобное для работъ.

Былъ еще другой способъ насаживанія на рукоятку. Обточенный кремень былъ первоначально укрѣпленъ въ рукоятку изъ оленьяго рога, а ее по срединѣ просверливали и въ эту скважину вставляли рукоятку деревянную. Это былъ тогда уже настоящій топоръ.

Былъ и третій способъ насадки топоровъ и рѣзаковъ. Дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: Кремень вставляли въ кусокъ рога, на одномъ концѣ просверленный, а на другомъ обточенный четырехъугольникомъ. Эту часть, которая была уже всей рукоятки, вставляли въ деревянное топорище, снабженною точно такою же четырехъугольною скважиною.

Г. Дезоръ въ своемъ *мемуарѣ о Палафитахъ* даетъ слѣдующій рисунокъ (78 рис.) съ образцомъ подобнаго топора.

Подобные топоры чрезвычайно рѣдко попадаются въ цѣломъ видѣ въ озерныхъ швейцарскихъ жилищахъ; чаще всего они безъ топорищъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ топоровъ находится очень много, у нихъ нѣтъ рукоятокъ. Не выдѣлывали ли тутъ исключительно топоры безъ топорищъ? Дѣйствительно, въ Швейцаріи,

какъ во Франціи и въ Бельгіи, существовали цѣлыя мастерскія для выдѣлки топоровъ. Большая часть топоровъ, не обдѣланныхъ или съ изъяномъ, находимыхъ въ озерныхъ жилищахъ, въ этомъ случаѣ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Орудія особенно красивыя и тщательно отдѣланныя—молотки и топоры—молотки большею частью изъ змѣевика. Одна оконечность ихъ обыкновенно закруглена или плоская, другая же образуетъ острое лезвіе или остроконечность. У нихъ круглая скважина для вставки топорища. Скважина просверлена такъ чисто и правильно, что трудно повѣрить, чтобы она была сдѣлана простымъ кремнемъ. Только металлическимъ орудіемъ возможно было произвести такую мастерскую и законченную работу. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что всѣ озерныя жилища, которыя причисляютъ къ каменному вѣку, принадлежатъ бронзовой эпохѣ.

Ножи и пилы ничѣмъ особенно не замѣчательны. Эти простые осколки кремня, длинные и узкіе съ зубцами на одной сторонѣ. Встрѣчаются подобныя пилы, вставленныя въ роговыя рукоятки, какъ оно изображено на рис. 79, приложенномъ къ мемуару г. Дезора.

Закрѣпка къ рукояти производилась посредствомъ смолы, что доказываютъ нѣкоторые черепки со слѣдами этого вещества. Этимъ же способомъ прикрѣпляли и топоры къ топорищамъ.

Наконечники копій выдѣланы очень хорошо: форма ихъ правильна, обточена превосходно, хотя и уступаетъ наконечникамъ, найденнымъ въ Даніи. Съ одной стороны они плоски, съ другой обточены во всю длину въ видѣ двухгранника.

Наконечники стрѣлъ весьма разнообразны (рис. 80). По тонкости и изяществу выдѣлки они не уступаютъ наконечникамъ копій.

Обточка этихъ маленькихъ кусковъ кремня требовала много труда и большой снаровки. Есть стрѣлы рубчатыя по краямъ, а потому наносившія опаснѣйшія раны. Большая часть этихъ наконечниковъ стрѣлъ изъ кремня, но попадаются костяныя и даже изъ оленьяго рога.

Стрѣловые наконечники прикрѣплялись смолою, какъ оно и показано на рисункахъ 81 и 82 извлеченныхъ изъ книги г. Мортійе:

Promenades préhistoriques à l'Exposition universelle. Иногда же наконечники прикрѣплялись къ древку стрѣлы просто бичевками (рис. 83).

Найдены были обломки луковъ, служившихъ для метанія стрѣлъ. Они изъ грубо обработаннаго тисоваго дерева.

Орудія и оружіе изъ костей были, подобно каменнымъ, въ большомъ употребленіи. Независимо отъ стрѣловыхъ наконечниковъ, о которыхъ мы говорили, нашли шилья разныхъ видовъ, рѣзаки для деревянныхъ работъ, булавки съ чечевицеобразными головками, иглы съ однимъ, а иногда и двумя ушками или же съ зазубринками для привязки нитокъ.

Весьма вѣроятно, что въ эпоху сѣвернаго оленя платья шились посредствомъ иглы и шила, которымъ сперва протыкали скважины, а потомъ сквозь нихъ пропускали иголку.

Любопытно видѣть рыболовные крючья въ видѣ иголъ съ двухсторонними зацѣпками, во множествѣ находимые въ озерныхъ жилищахъ. Когда рыба клевала приманку, оба крючка вонзились ей въ горло и тогда легко было ее вытащить. Иные крючья выточены изъ кабаньихъ клыковъ.

Оленій рогъ употреблялся на многія подѣлки. Изъ него дѣлали кирки безъ приставной рукоятки (рис. 84), остроги (рис. 85), остроги съ двумя рядами зазубринъ (рис. 86) и маленькія конусообразныя плошки со скважиной въ верхней части для привѣшиванія (рис. 87).

Склонность къ туалетнымъ украшеніямъ не была чужда первобытнымъ жительницамъ Швейцаріи. Зубы собачьи и другихъ животныхъ, костяныя дощечки и бусы костяныя же или изъ оленьяго рога, нанизанныя въ ожерелье, служили имъ обыкновеннымъ нарядомъ. Женщины употребляли, кромѣ того, костяныя головныя шпильки и гребенки. Эти шпильки съ круглыми головками, хотя и весьма просты, но не обезобразили бы прически и современной женщины.

Таковы орудія, утварь и украшенія домашняго быта, найденныя въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи каменнаго вѣка.

Перейдемъ теперь къ предметамъ эпохи бронзовой.

Количество бронзовыхъ издѣлій, донынѣ найденныхъ въ швей-

царскихъ озерахъ, весьма значительно. Прекраснѣйшая коллекція есть у полковника Швабе, въ которой, въ 1867 году, по каталогу, составленному докторомъ Келлеромъ, находилось до 4,346 экземпляровъ.

Большая часть этихъ вещей отлиты въ формы, это доказывается пузырчатыми пятнышками на ихъ поверхности.

Между замѣчательнѣйшими останками бронзовой эпохи, найденными въ швейцарскихъ озерахъ, укажемъ на топоры. Длина ихъ отъ 10 до 20 сантиметровъ, вѣсъ – отъ 300 до 750 граммовъ. Формы ихъ различны, но отличительный характеръ въ томъ, что на топорище насаживались они продольно, а не поперечно, какъ то было въ каменномъ вѣкѣ. Рѣдкіе изъ нихъ не снабжены ушкомъ для привѣски къ поясу или на стѣну въ жилищѣ.

Вотъ, во-первыхъ (рис. 88) топоръ съ загнутыми краями или закраинами, служившими для придержанія топорища на одномъ концѣ изогнутаго. Топоры подобнаго образца встрѣчаются всего чаще. Иногда, какъ видно на рисункѣ, въ верхней части было ушко для вставки гвоздя, еще крѣпче утверждавшаго топорище. Подобная форма свойственна преимущественно большимъ топорамъ, работа которыми была особенно утомительна.

Рѣдчайшій образчикъ швейцарскихъ топоровъ, существующій покуда въ одномъ экземплярѣ, въ нефшательскомъ музеумѣ есть тотъ, у котораго закраины вмѣсто заворота внутрь по лезвею совершенно загнуты въ видѣ свертка.

Есть наконецъ топоръ съ обыкновеннымъ сквознымъ обухомъ, цилиндрическимъ, призматическимъ или четырехугольнымъ. Форма эта, во Франціи очень обыкновенная, называется тамъ *кельтскою*.

Г. Морло *ножами-топорами* называетъ орудія съ едва означенными закраинами, къ которымъ никакъ нельзя прикрѣпить топорища. Орудія эти, вѣроятно, брали прямо въ руки и закраины были сдѣланы для предохраненія ея отъ порѣзанія.

Послѣ топоровъ мы должны упомянуть о рѣзцахъ или долотахъ для столярныхъ работъ (рис. 89), превосходно отдѣланныхъ и почти не отличающихся отъ нынѣшнихъ, съ единственною разницею, что рукоятка вставлялась въ гнѣздо, на самомъ лезвеѣ, а не оно насаживалось на рукоятку.

Найденъ былъ также молотокъ въ видѣ шестигранной призмы (90) также съ гнѣздомъ, длиною въ 6 сантиметровъ. Онъ находится въ коллекціи Шваба.

Изъ всѣхъ острыхъ орудій, ножи—многочисленнѣйшіе. Работа ихъ вообще очень тщательна, форма весьма изящна. Черенки у нѣкоторыхъ металлическіе; большая же ихъ часть оканчивается хвостикомъ для вставки въ черенокъ деревянный или изъ оленьяго рога, какъ это изображено на рис. 91 изъ мемуара г. Дезора.

Встрѣчаются ножи и съ гнѣздомъ для насадки рукояти (рис. 92). Длина лезвея отъ 10 до 20 сантиметровъ и оно нерѣдко украшено рисунками, въ иныхъ случаяхъ ножевой обухъ значительно выгнутъ.

Вслѣдъ за ножами упомянемъ о серпахъ, которыхъ весьма довольно найдено было въ жилищахъ Овернье и Кортайодъ (на Нефшательскомъ озерѣ). Серпы очень хорошо выдѣланы и нерѣдко украшены прожилками или желобками. На рис. 93 изображенъ такой серпъ, найденный г. Дезоромъ въ Шевру.

Величайшіе серпы не превышаютъ 15 сантиметровъ въ окружности. Ихъ вставляли въ деревянную рукоятку посредствомъ бронзоваго тычка.

Само собою разумѣется, что мы не можемъ описать всѣхъ бронзовыхъ вещей, найденныхъ въ швейцарскихъ озерахъ. Въ дополненіе ко всему вышесказанному, упомянемъ еще о нѣсколькихъ пилахъ разныхъ формъ, о бритвахъ, настоящихъ бритвахъ, свидѣтельствующихъ о попеченіяхъ жителей о ихъ благообразіи; о рѣзакахъ, объ иголкахъ съ ушками или зарубинками, рыболовныхъ крючьяхъ, простыхъ и двойныхъ съ гладкимъ или зубчатымъ остріемъ, объ острогахъ, о нѣкоторыхъ малыхъ сосудахъ и пр.

Скажемъ слово объ украшеніяхъ бронзовой эпохи, найденныхъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи.

Прежде всего о булавкахъ или головныхъ шпилькахъ, найденныхъ сотнями въ нѣкоторыхъ озерахъ. Любопытно, что изъ нихъ не отыщется двухъ, схожихъ формою и размѣрами. Однѣ съ круглыми головками, другія съ плоскими или цилиндрическими, нѣко-

торыя оканчиваются закруткою, къ которой прицѣплено подвижное кольце.

Шпильки или булавки съ круглыми головками бываютъ гладкія, безъ украшеній, т. е. совершенно подобныя костянымъ каменнаго вѣка, или всего чаще снабжены одною или нѣсколькими круглыми скважинами и украшены рѣзьбою.

Булавки съ плоскими головками отличаются другъ отъ друга поперечникомъ пуговки, иногда довольно значительнымъ. У иныхъ головка представляетъ легкую возвышенность, у другихъ ихъ двѣ и три, раздѣленныя винтообразной закруткой. Размѣры ихъ измѣняются, а въ иныхъ случаяхъ до того преувеличены, что легко понять, что онѣ служили головными шпильками. Въ коллекціи Швабе есть одна шпилька въ 85 сантиметровъ длиною; Тройонъ находилъ въ 50—57 сантиметровъ.

На всемірной выставкѣ 1867 года можно было видѣть, въ коллекціи, присланной г. Дезоромъ, нѣсколько таковыхъ шпилекъ, вновь отполированныхъ ученымъ швейцарскимъ естествоиспытателемъ. Шпильки были очень изящны, и щеголихи нашего времени могли бы употребить ихъ какъ туалетныя украшенія, хотя шпильки эти и выдѣланы нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ.

У всѣхъ дикихъ народовъ уборка волосъ, особенно у мужчинъ, доходитъ до чрезвычайной крайности. Прическа абисинскаго воина образуетъ родъ высокаго кудряваго парика, служащаго ему всю жизнь. Онъ постоянно носитъ съ собою длинную шпильку съ толстой головкой, которою почесываетъ головную кожу, такъ какъ пальцами ему нельзя ее достать сквозь гущину волосъ.

Точно также ново-зеландцы носятъ огромные шиньоны вышиною фута въ два, украшенные лентами.

Китайцы и японцы также весьма тщательно убираютъ свои волосы.

Потому весьма вѣроятно, что жители озерныхъ поселеній, мужчины и женщины, очень прилежно занимались своими прическами. Въ могилахъ бронзовой эпохи находятъ шпильки въ два съ половиною фута длиною, съ толстыми шляпками, совершенно подобныя шпилькамъ абисинскихъ воиновъ. Гребни ихъ, подобные ново-зеландскимъ, снабженные шестью, восемью зубьями, длиною въ

полфута, служили не столько для прически, сколько для скобленья головы.

Браслетовъ въ швейцарскихъ озерахъ найдено очень много. Они разнообразныхъ фасоновъ, превосходной работы и украшены рисунками.

Одни состоятъ изъ цѣльной полосы (рис. 94), болѣе или менѣе широкой, оканчивающейся по краямъ полуцилиндрическими пуговицами; другіе состоятъ изъ сплетеныхъ или перекрученныхъ проволокъ, искусно связанныхъ между собою.

Есть наконецъ кольца цилиндрическія и совершенно спаянныя (рис. 95), надѣвавшіяся вѣроятно на ноги.

Между этими украшеніями нѣкоторыя превосходно сохранились до нашего времени. Въ урнѣ, вырытой въ селеніи Кортайодъ, найдено таковыхъ до шести и рисунки ихъ свѣжи, такъ какъ будто сейчасъ вычеканены.

Достойно примѣчанія то обстоятельство, свидѣтельствующее о ростѣ жителей Швейцаріи въ бронзовую эпоху, что иные браслеты до того узки, что не могли бы быть носимы въ наше время. Стало быть кисти рукъ, ихъ носившихъ, были очень тонки, а соразмѣрно рукамъ были и прочіе члены. Малый объемъ браслетовъ согласуется съ малостью мечевыхъ рукоятей, найденныхъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи.

Серегъ въ озерахъ очень много. Это пластинки или концы проволоки, различно обработанные, но во всякомъ случаѣ свидѣтельствующіе о развитомъ вкусѣ.

Къ разряду украшеній можно причислить особенныя части украшеній, служившія вѣроятно привѣсками къ ожерельямъ. Эти украшенія съ очкомъ въ верхней части, вѣроятно для пропуска нитки, на которую ихъ нанизывали.

Однѣ (рис. 96) состоятъ изъ трехъугольныхъ пластинокъ, нерѣдко украшенныхъ рисунками; другія (рис. 97) сквозныя изъ нѣсколькихъ вѣтвей, оканчивающихся ушками въ верхней и нижнихъ частяхъ. Нѣкоторыя, наконецъ (рис. 98), имѣютъ видъ кольца не сомкнутаго или, пожалуй, полумѣсяца съ широкими и весьма сближенными рожками.

Къ этой же категоріи можно причислить и обручи (рис. 99), поддерживающіе въ видѣ двойной спирали подвижныя украшенія. Всѣ эти четыре рисунка заимствованы нами изъ мемуара г. Дезора.

Нѣсколько украшеній изъ золота были также найдены въ озерныхъ жилищахъ бронзовой эпохи; но подобныя находки весьма рѣдки. Найденныя золотыя серьги находятся въ коллекціи полковника Швабе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Промышленность и земледѣліе въ бронзовую эпоху.—Изобрѣтеніе стекла.—Изобрѣтеніе ткацкаго станка.

Гончарное мастерство, укоренившееся со временъ каменнаго вѣка, получило большое развитіе въ бронзовую эпоху. Глину, предназначенную для выдѣлки посуды, промывали, а выдѣланные сосуды обжигали въ настоящихъ печахъ. Въ эту же эпоху дошли до искуства покрывать глиняную посуду поливою.

Остатки гончарныхъ издѣлій, находимые въ человѣческихъ жилищахъ этого періода, столько же многочисленны, сколько и любопытны; найдены даже цѣлые сосуды. Въ этихъ издѣліяхъ видны замѣтные успѣхи мастерства противъ предыдущаго вѣка. Посуда еще выдѣлана руками безъ пособія станка, но формы разнообразнѣе и изящнѣе. Кромѣ того, если въ большихъ сосудахъ глина грубѣе и перемѣшана съ дресвою, какъ въ каменномъ вѣкѣ, за то въ малыхъ сосудахъ она чище и нерѣдко покрыта поливою изъ свинчака.

Отличительная черта этихъ сосудовъ — ихъ коническое дно, о которомъ мы уже говорили при описаніи утвари изъ оленьяго рога каменнаго вѣка. Нужно было для постановки сосудовъ втыкать ихъ въ землю или вставлять въ особые поддонники.

Эти поддонники были отысканы. Это кольце изъ обожженой глины, называемое археологами torches или torchères.

Рисунки 100 и 101, извлеченные изъ мемуара г. Дезора, изображаютъ глиняный сосудъ, найденный въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи и его поддонникъ или torchère.

Вообще у сосудовъ съ коническимъ дномъ нѣтъ ручекъ; но иные снабжены ими (рис. 102). Они почти всегда украшены ри-

сунками, состоящими изъ простыхъ линій, параллельныхъ краямъ, трехугольниковъ, полосокъ и зубчиковъ, окаймляющихъ горлышко или ручку. Даже грубѣйшая утварь и та снабжена украшеньями, причемъ около горлышка нерѣдко замѣтны слѣды оттиснувшихся пальцевъ горшечника.

Въ этихъ сосудахъ держали напитки и кушанья. Въ одномъ изъ нихъ г. Дезоръ нашелъ яблоки, вишни, дикія сливы и большое количество орѣховъ. Нѣкоторые сосуды, проколотые скважинками, служили при приготовленіи сыра. Найдены были также блюда, плошки и проч.

Черепковъ гончарныхъ издѣлій каменнаго вѣка очень много въ швейцарскихъ озерахъ; но цѣлые сосуды попадаются очень рѣдко. Дознано однакоже, что въ старину было ихъ болѣе, но къ сожалѣнію, значеніе ихъ поздно оцѣнили. Старый рыбакъ Нефшательскаго озера разсказывалъ г. Дезору, что, бывши ребенкомъ, онъ иногда забавлялся, разбивая палкою эти *старыя глиняныя кострюли;* а таковыхъ въ озерѣ были *цѣлыя горы.* Нынѣ старыя кострюли перебиты и находятъ отъ нихъ одни черепки.

Однако же и этихъ черепковъ достаточно, чтобы имѣть понятіе о гончарныхъ работахъ первобытныхъ швейцарцевъ. По нимъ видно, что тогда выдѣлывали сосуды цилиндрическіе, плоскодонные, съ выпуклыми боками и выдѣлывали ихъ просто руками безъ станка.

Глиняное мѣсиво, изъ котораго сосуды вылѣплены, грубо, сѣроватаго или чернаго цвѣта и всегда съ примѣсью зернышекъ кварца; обожжены они весьма плохо.

Что касается до украшеній, они самыя простыя. Они вообще состоятъ изъ простыхъ бороздокъ, проведенныхъ по мокрой еще глинѣ, пальцемъ или заостренною палочкою или веревкой. Нѣтъ ни выгибовъ, никакихъ арабесокъ, однѣ прямыя линіи.

Нѣкоторые сосуды, однако же украшены получше. На иныхъ бугорки съ прободенными скважинками для привѣски сосуда, на другихъ, по всей окружности, у самаго края, рядъ шариковъ, у третьихъ вмѣсто шариковъ—рядъ углубленій. Попадаются и такіе, у которыхъ по стѣнкамъ, на различной вышинѣ, подѣланы

дырочки: полагаютъ, что въ нихъ заквашивали молоко и дырочки были сдѣланы для стока сыворотки. У сосудовъ этой эпохи ручекъ никогда не бываетъ: эти украшенія принадлежность бронзовой эпохи.

Нерѣдко находятъ въ швейцарскихъ озерахъ жернова для измельченія хлѣбныхъ зеренъ.

Изобрѣтеніе стекла слѣдуетъ отнести къ занимаемому насъ періоду. Въ гробницахъ бронзовой эпохи попадаются стеклянныя синія и зеленыя бусы. Откуда онѣ? Химія и металургія говорятъ намъ, что стекло непремѣнно извѣстно тамъ, гдѣ существуютъ бронзовыя литейныя. Дѣйствительно, что такое стекло? Кремнеземъ, сплавленный съ содою или поташемъ и частицами желѣза или мѣди, окрашивающихъ его въ синій или зеленый цвѣтъ. Такъ какъ желѣзистый или мѣдный кремнеземъ ничто иное, какъ окалина, отдѣляющейся при плавкѣ бронзы, то несомнѣнно, что и стекло было изобрѣтено на первыхъ плавильняхъ и состояло изъ окалинъ или шлаковъ.

И такъ класическое преданіе, приписывающее изобрѣтеніе стекла финикійскимъ купцамъ, получившимъ будто бы цѣлый слитокъ послѣ сожженія на пескѣ натрона, т. е. соды, везомой ими изъ Египта, относитъ изобрѣтеніе стекла ко временамъ слишкомъ недавнимъ. Это изобрѣтеніе слѣдуетъ отнести къ бронзовой, доисторической эпохѣ.

Обработка желтой амбры (янтаря) была уже весьма успѣшна у древнихъ племенъ. Янтарныя украшенія во множествѣ встрѣчаются въ швейцарскихъ озерахъ. Вообще сравнивая промышленность эпохи бронзовой и предыдущаго вѣка, мы не можемъ не сознаться, что не далеко двинулись впередъ.

Въ бронзовую же эпоху, по видимому, изобрѣтенъ былъ и ткацкій станокъ. Существуютъ несомнѣнныя доказательства, что люди этой эпохи умѣли выдѣлывать ткани и это даетъ имъ превосходство надъ народами эпохи шлифованнаго камня. Всѣ до сихъ поръ изслѣдованные нами предметы немногимъ отличаются отъ издѣлій смышленыхъ дикарей; но искуство приготовлять пряжу и ткать изъ нея—есть уже первая побѣда человѣка надъ невѣжествомъ.

Въ Сен-Жерменскомъ музеумѣ, всякъ и каждый можетъ видѣть

и осязать куски полотна, вытканнаго изъ пряжи и найденнаго во многихъ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, особенно въ Робенгаузенѣ и Вангенѣ. Это полотно состоитъ изъ льняныхъ прядей, грубо переплетенныхъ, но и оно весьма замѣчательно для своего времени. Благодаря тому, что эта ткань доисторическихъ временъ обуглена и долгое время лежала въ торфѣ, она могла хорошо сохраниться и по сію пору.

Нашли также клубки нитокъ и бичевокъ, концы веревокъ и канатовъ изъ коры, рыболовныя сѣти съ крупными и мелкими клѣтками, сплетенныя изъ бичевокъ, наконецъ остатки корзинки изъ соломы или ивовыхъ вѣтвей.

Ребра животныхъ, расколотыя и заостренныя съ одного конца, были признаны за зубья кардъ или гребней для чески льна. Полный гребень состоялъ изъ нѣсколькихъ реберъ, связанныхъ вмѣстѣ.

Наконецъ, въ швейцарскихъ озерахъ нашли множество плоскихъ тарелокъ (дисковъ) изъ обожженной глины со скважиною по срединѣ, какъ на прилагаемомъ рисункѣ (рис. 103), снятомъ съ образцовъ, хранящихся въ сен-жерменскомъ музеѣ. Эти диски тяжелые, съ дырами по серединѣ, служили привѣсками къ льнянымъ ниткамъ, натянутымъ на ткацкомъ станкѣ. Нитку продергивали сквозь дыру и закрѣпляли узломъ. Кажется, эти доводы неоспоримы.

Нахожденіе въ однихъ и тѣхъ же озерныхъ жилищахъ бронзовой эпохи: тканей, нитокъ, бичевокъ, кардовыхъ гребней для чески льна, наконецъ *грузилъ* ткацкихъ станковъ доказываетъ, что изобрѣтеніе ткацкаго мастерства можно отнести къ этому времени. Слѣдовательно, станокъ принадлежитъ отдаленнѣйшимъ вѣкамъ.

Металлическія орудія и оружія добывались сначала путемъ мѣновой торговли. Вскорѣ, однако, литейное мастерство распространилось въ Швейцаріи и устроились первыя плавильни. И въ этомъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ въ Моржѣ найдена форма для отливки кельтическихъ топоровъ, а въ Эставайэ полоса олова.

Въ эту эпоху формы гончарной посуды облагороживаются и орнаментовка дѣлается правиломъ, а не исключеніемъ. За необходимымъ слѣдуетъ роскошь; является вкусъ къ украшеніямъ и вы-

ражается въ гончарныхъ работахъ изящнаго стиля. Посуда получаетъ пріятныя очертанія и украшается разными рисунками. Успѣхъ очевиденъ, несомнѣненъ!

Слѣдуетъ обратить вниманіе на простоту и однообразіе орнаментовъ въ эту эпоху. Художество ограничивалось только изображеніемъ опредѣленнаго числа линій и фигуръ геометрическихъ. Онѣ похожи на изображенныя на рис. 104 и попадаются на всѣхъ предметахъ: оружіи, сосудахъ, утвари, туалетныхъ принадлежностяхъ. Нигдѣ не копировали съ природы; мысль эта и не возникала въ понятіяхъ людей бронзовой эпохи. Въ этомъ случаѣ они отстали отъ своихъ предковъ, людей перигорской пещеры, современниковъ маммута и сѣвернаго оленя.

Торговыя сношенія въ тотъ періодъ, до котораго мы дошли, имѣли совсѣмъ иную дѣятельность, нежели во времена каменнаго вѣка. Необходимо нужно было добывать олово, незамѣнимое при изготовленіи бронзы. Такъ какъ въ Швейцаріи оловянныхъ рудниковъ нѣтъ, то эти страны, вѣроятно, получали его изъ Саксоніи. Торговля была мѣновая, какъ и вообще у младенчествующихъ народовъ.

Такъ какъ и кремня не обрѣталось въ Швейцаріи, то и его получали изъ сосѣднихъ странъ, особенно имъ изобиловавшихъ. Въ этомъ отношеніи Франція была богаче всѣхъ прочихъ и торговыя сношенія существовали между обѣими землями.

Въ Консизѣ, въ Швейцаріи находятъ куски бѣлаго корала, а въ Мейленѣ, на берегахъ Цюрихскаго озера, куски янтаря; отсюда вытекаетъ заключеніе, что въ бронзовую эпоху Швейцарія вела торговлю съ прибережьями морей Средиземнаго и Балтійскаго.

Между иноземными продуктами назовемъ графитъ, служившій для горшечной поливы, янтарныя бусы и даже стеклянныя издѣлія для женскихъ украшеній.

Теперь перейдемъ къ обзору продовольствія человѣка бронзовой эпохи.

Находки, сдѣланныя въ разныхъ озерныхъ жилищахъ, доставили весьма обстоятельныя свѣденія о способахъ продовольствія первыхъ жителей Швейцаріи. Изъ нихъ мы узнаемъ, что люди эти жили не только произведеніями охоты и рыбной ловли, но имѣли

понятія и о земледѣліи и занимались скотоводствомъ. Мы нѣсколько подробнѣе поговоримъ объ этомъ любопытномъ предметѣ, руководствуясь открытіями професоровъ Геэра и Рютимейера, тщательно изучавшихъ, первый - остатки растительные, второй — животные въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи.

Въ Мейленѣ, въ Моссеэдорфѣ и въ Вангенѣ найдены были обуглившіяся жита, именно ячмень и пшеница, — послѣдняя въ большомъ количествѣ, и особенно въ Вангенѣ ея собрано нѣсколько четвериковъ въ умолоченномъ видѣ или въ колосьяхъ. Зерна эти видомъ и величиною почти такія же, какъ и наши нынѣшнія. Много найдено колосьевъ шестиграннаго ячменя (hordeum hexastichon), отличающагося отъ обыкновеннаго болѣе мелкими зернами, расположенными въ шесть рядовъ. По Кандоли, этотъ самый видъ ячменя воздѣлывали древніе египтяне, греки и римляне.

Хлѣбныя жита сохранялись въ большихъ глиняныхъ сосудахъ, какъ это доказывается обрѣтеніемъ ихъ въ нѣкоторыхъ посудинахъ, сохранившихся въ цѣломъ видѣ.

Какой обработкѣ подвергались хлѣбныя зерна для употребленія ихъ въ пищу? И на этотъ счетъ есть весьма вѣроятныя данныя.

Зерна раздавливались руками или при содѣйствіи двухъ плоскихъ камней или жерновов или посредствомъ толченія закругленнымъ пестомъ въ ступкѣ. Почти во всѣхъ озерныхъ поселеніяхъ найдены были глиняные или гранитные жернова, нѣкоторые до шестидесяти сантиметровъ въ поперечникѣ. Г. Геэръ полагаетъ, что зерна передъ ихъ помолкою поджаривались, а послѣ складывались въ посудины, слегка овлаженными. Въ этомъ видѣ ихъ употребляли въ пищу.

Въ эпоху завоеванія канарскихъ острововъ испанцами, туземцы, кажется, точно также готовили себѣ хлѣбы, и донынѣ большая часть жителей этихъ острововъ питается поджаренными хлѣбными зернами.

Во всякомъ случаѣ первобытные жители западной Швейцаріи пекли также и настоящіе хлѣбы или, вѣрнѣе, пшеничныя лепешки, такъ какъ дрожжи были имъ еще неизвѣстны. Обуглившіеся остатки подобныхъ хлѣбовъ были найдены и, благодаря дурной

помолкѣ зерна, легко можно было узнать изъ какихъ житъ была выдѣлана мука. Куски плоскіе и доказываютъ плоскую форму тогдашнихъ хлѣбныхъ караваевъ. Зерно, смолотое и смоченное водою, было такимъ образомъ превращено въ тѣсто, изъ котораго и пекли хлѣбныя лепешки на раскаленныхъ камняхъ, какъ то было въ каменномъ вѣкѣ.

Для посѣва житъ и хлѣбовъ необходимо было подвергать землю предварительной обработкѣ. Ее слѣдовало, по крайней мѣрѣ, взрыть, разравнять, провести по ней борозды для посѣва зеренъ. Обо всемъ, что касается до земледѣльческихъ работъ, мы можемъ только догадываться, такъ какъ ни одно изъ землепашныхъ орудій не сохранилось въ человѣческихъ жилищахъ бронзовой эпохи. Можетъ быть, какъ думаетъ г. Геэръ, вмѣсто сохи, употребляли просто стволъ дерева съ изогнутыми сучьями.

Плоды и дикія ягоды употреблялись большею частью въ пищу первобытными жителями озерныхъ поселеній, и по нѣкоторымъ признакамъ можно догадываться, что за иными деревьями былъ особенный уходъ; словомъ, что въ тѣ времена существовали фруктовые сады. Въ селеніи Робенгаузенъ, на озерѣ Пфэффиконъ, изслѣдованномъ г. Мессикоммеромъ, найдены драгоцѣннѣйшія данныя по этому предмету. Селенія Вангенъ (на озерѣ Констанцскомъ) и Консизъ (на озерѣ Нефшательскомъ) были также театрами любопытныхъ открытій.

Въ этихъ жилищахъ найдено много обуглившихся яблоковъ, разрѣзанныхъ пополамъ, иногда на четверо, и очевидно заготовленныхъ для зимняго запаса. Яблоки эти не крупнѣе грецкаго орѣха; подобныя имъ донынѣ попадаются въ швейцарскихъ лѣсахъ. Груши найдены только въ одномъ Вангенскомъ селеніи; онѣ были также разрѣзаны и засушены, какъ и яблоки.

Изъ озеръ же извлечены были глиняные сосуды съ косточками дикой сливы, черемхи, шелковицы; зернышками малины, скорлупою буковыхъ желудей, орѣшковъ и многими экземплярами водянаго каштана, нынѣ растущаго только на двухъ пунктахъ швейцарскихъ Альпъ.

Прибавимъ, что г. Гиллiеронъ, въ жилищѣ острова св. Петра, нашелъ овесъ, горохъ, чечевицу и желуди; послѣднія очевидно,

предназначенныя на кормъ поросятъ. Находка эта замѣчательна тѣмъ, что овса нигдѣ болѣе не было отыскано.

Дополнимъ этотъ списокъ перечнемъ прочихъ растеній, найденныхъ въ озерныхъ жилищахъ и служившихъ пищею своими ягодами или зернами. Таковы: земляника, терновникъ, букъ, тисъ, рябина, водяная лилія, кувшинникъ, тростникъ, лиственница лѣсная и болотная. Нигдѣ не замѣтно слѣдовъ ни винограда, ни ржи, ни конопли.

Животныя кости, найденныя въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, даютъ возможность составить себѣ понятіе о фаунѣ этой эпохи и о породахъ дикихъ животныхъ прирученныхъ человѣкомъ.

По мнѣнію профессора Рютимейера, кости принадлежатъ семидесяти животнымъ породамъ, изъ которыхъ: десять — рыбныхъ, три — пресмыкающихся, двадцать — птичьихъ, а прочія млекопитающихся.

Самые обыкновенные остатки — остатки оленя и быка; перваго — дикаго, втораго домашняго. Затѣмъ встрѣчаются довольно изобильно кости свиней; а въ наименьшемъ количествѣ: козъ, дикой и домашней и барана. Послѣдніе попадаются вмѣстѣ съ костями лисицы, которую, не смотря на дурной ея запахъ, употребляли въ пищу, что̀ замѣтно по расколотымъ ея костямъ и слѣдамъ на нихъ отъ ножей. Вѣроятно на эту пищу отваживались по неимѣнію другой болѣе чистой.

Подобно костямъ найденнымъ въ пещерахъ и въ kjoeckkenmoeddings (кухонныхъ остаткахъ), длинныя кости, найденныя въ озерахъ, расколоты для извлеченія мозжечка. Такъ по грудамъ раковинъ, изъ которыхъ нѣжнѣйшія части выглоданы, можно угадать присутствіе собаки.

Фактъ любопытный, доказывающій, какъ трудно искоренить нѣкоторые предразсудки, есть отвращеніе нѣкоторыхъ народовъ отъ употребленія въ пищу заячьяго мяса. Это отвращеніе существовало еще во времена доисторическія. Диллувіальные наносы, пещеры, kjoeckken-moeddings и озерныя жилища не содержатъ въ себѣ ни малѣйшихъ признаковъ присутствія зайца. Нынѣ лапландцы и жители Гренландіи изгнали это животное изъ своего яства.

У готентотовъ зайца ѣдятъ женщины, но не мужчины. Евреи

признаютъ его нечистымъ; жители Бретани еще не такъ давно не могли слышать о немъ.

Это отвращеніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ народовъ отъ заячьяго мяса, какъ видно, наслѣдовано ими отъ первобытныхъ временъ бытія человѣческаго.

Розыски г. Рютимейера привели его къ заключенію, что въ Швейцаріи въ каменномъ вѣкѣ было шесть видовъ домашнихъ животныхъ: быкъ, свинья, коза, баранъ, собака и—очень рѣдко—лошадь. Быки представляли три разности: двѣ древнія дикія породы urus и aurochs и третье—быкъ.

Кости, современныя каменному вѣку, доказываютъ, что дикія животныя были крупнѣе домашнихъ, что весьма естественно. Искусство прирученія животныхъ было еще въ младенчествѣ въ эту эпоху: но оно уже началось и быстро развилось въ слѣдующій вѣкъ.

Дѣйствительно, въ бронзовую эпоху, земледѣліе и скотоводство сдѣлали значительные успѣхи. Видимъ прирученіе новыхъ полезныхъ породъ; зубръ замѣненъ быкомъ; разводятъ барановъ и козъ для употребленія ихъ въ пищу.

Здѣсь на минуту остановимся, и съ гордостью бросимъ взглядъ на это воскрешеніе прошедшаго, похороненнаго во мракѣ вѣковъ.

Благодаря научнымъ изслѣдованіямъ, мы знаемъ, что первобытные обитатели Швейцаріи жили въ деревняхъ, выстроенныхъ изъ дерева на озерахъ;—что они въ одно и тоже время были звѣроловами, рыбаками, пастухами и земледѣльцами; —что они сѣяли пшеницу, ячмень и овесъ;—что они приручили нѣкоторыхъ животныхъ, изъ которыхъ быкъ, баранъ и коза служили имъ подспорьями для земледѣлія;—что первыя правила хлѣбопеченія были имъ извѣстны;—что на зиму они запасали яблоки, груши и прочіе плоды и ягоды или на собственную потребу, или на кормъ животнымъ;—что имъ извѣстно было ткацкое мастерство и что они выдѣлывали полотна;—что изъ древесной коры они плели веревки и рогожи;—что при изготовленіи орудій, они употребляли одновременно: камень, бронзу, кости животныхъ и олеиій рогъ.

Точно также несомнѣнно, что съ сосѣдними странами они поддерживали торговыя сношенія, для получки отъ нихъ кремня, въ

которомъ, какъ мы говорили, въ Швейцаріи былъ недостатокъ, также бѣлаго корала и янтаря, находимыхъ въ большомъ количествѣ—въ жилищахъ Мейлена и Консизы.

Если еще и остаются темныя страницы въ исторіи человѣчества бронзовой эпохи, нельзя не сознаться, что всѣ вопросы о существованіи человѣка этого періода въ областяхъ Швейцаріи озарены въ наше время живѣйшимъ свѣтомъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Военное искуство въ бронзовую эпоху. — Мечи, копья и кинжалы.— Бронзовая эпоха въ Скандинавіи, на великобританскихъ островахъ, во Франціи, въ Швейцаріи и въ Италіи. — Существовали ли у человѣка бронзовой эпохи религіозныя понятія или суевѣріе?

Озера Швейцаріи доставили намъ данныя для ознакомленія съ состояніемъ промышленности человѣка въ бронзовую эпоху, для оцѣнки нравовъ и обычаевъ народовъ этихъ отдаленныхъ временъ. Теперь, за свѣденіями о военномъ искуствѣ и обо всемъ, что до войны относится, мы должны перенестись на сѣверъ Европы, т. е. изслѣдовать бытъ племенъ скандинавскихъ.

Но во всякомъ случаѣ, прежде нежели мы приступимъ къ изученію слѣдовъ доисторической эпохи, найденныхъ въ Даніи, мы скажемъ еще нѣсколько словъ о слѣдахъ военнаго искуства, добытыхъ изысканьями на глубинѣ швейцарскихъ озеръ.

Военное вооруженіе въ бронзовую эпоху состояло, какъ и въ каменный вѣкъ, изъ остроконечныхъ копій и стрѣлъ, кинжаловъ и мечей. Послѣдніе весьма рѣдки въ швейцарскихъ озерахъ. Найденные въ небольшомъ количествѣ коротки, прямы, обоюдо-остры и безъ эфеса. Въ нефшательскомъ музеумѣ есть мечъ, найденный лѣтъ сорокъ тому назадъ въ Консизѣ, когда еще и не подозрѣвали о существованіи озерныхъ жилищъ; г. Дезоръ срисовалъ этотъ мечъ въ своемъ мемуарѣ о налафиттахъ. Длина его 39 сантиметровъ и на немъ острые желобки, соединяющіеся на средней грани лезвея. Рукоятка оканчивается двойнымъ завиткомъ и замѣчательна своею малостью: длина ея 7 сантиметровъ.

Кинжалы (рис. 105) также довольно рѣдко попадаются въ швейцарскихъ озерахъ. Судя по экземпляру, найденному въ Біен-

скомъ озерѣ, можно видѣть, что лезвее прикрѣплялось къ рукояткѣ посредствомъ заклепокъ, расположенныхъ въ одинъ рядъ. Этотъ же кинжалъ, подобно мечу, найденному въ Консизѣ, украшенъ по лезвею двумя желобчатыми впадинами, сливающимися съ средней гранью, раздѣляющей лезвее во всю длину на двѣ половины.

Въ колекціи полковника Швабе находятся два превосходные кинжала съ рукоятками, отдѣланными серебромъ.

Наконечники копій (рисун. 106) по отдѣлкѣ и законченности работы не уступаютъ ни мечамъ, ни кинжаламъ. Лезвее ихъ почти овальное, плотно укрѣпленное проходящей по срединѣ округленной полосой, пустою внутри для насадки на древко. Размѣры кинжала отъ 10 до 17 сантиметровъ.

Наконечники стрѣлъ (рис. 107) похожи на наконечники прежняго вѣка, кромѣ вещества. Они трехгранные, съ болѣе или менѣе заостренными нижними хвостами и снабжены отростками, которыми привязывали къ стрѣловому черенку. Встрѣчались и такіе, у которыхъ было углубленіе въ срединѣ для вставки черенка. Длина ихъ не превышаетъ 3—4 сантиметровъ.

Перейдемъ теперь къ изученію остатковъ, найденныхъ въ могильныхъ курганахъ Скандинавіи, Великобританіи, Ирландіи и Франціи, которые могутъ дать намъ свѣденія о вооруженіяхъ въ бронзовую эпоху.

Государства скандинавскія (Данія, Швеція и Норвегія) весьма богаты оружіемъ бронзовой эпохи. Отдѣлка мечей и другаго оружія тщательнѣе, нежели въ другихъ мѣстностяхъ, по причинѣ поздняго ознакомленія Скандинавіи съ этимъ металломъ. Оружія эти большею частью украшены довольно сложными рисунками, между которыми преобладаютъ кривыя и спиральныя линіи.

Датскіе мечи бронзовой эпохи совершенно особой формы. Ручка очень прочно прикрѣплена къ лезвею двумя, тремя и большимъ количествомъ заклепокъ. Мечи и кинжалы отличаются отъ нынѣшнихъ шпагъ только своими меньшими размѣрами.

Что касается до топоровъ, между ними встрѣчаются такіе, которые скопированы съ топоровъ каменнаго вѣка: это, вѣроятно, древнѣйшіе; украшенія ихъ весьма просты и скромны. Другіе съ

Первый ткачъ.

загибками, съ гнѣздами, найдены даже съ сквозными обухами, подобные нынѣшнимъ топорамъ. Такіе топоры плотно насаживались на топорища. Рѣдчайшіе образцы въ этомъ родѣ очень чистой формы и великолѣпно украшены.

Бронзовые скандинавскіе ножи, подобно швейцарскимъ, съ болѣе или менѣе извивистымъ лезвеемъ, только рукоятка изящнѣе украшена. Два подобные ножа служатъ единственными представителями существованія жителей въ Скандинавіи въ бронзовую эпоху. На одномъ изъ этихъ ножей въ верхней части лезвея замѣтенъ грубо вырѣзанный рисунокъ, изображающій лебедя (рис. 108).

На другомъ (рис. 109) рукоятку составляетъ человѣческая фигура, довольно вѣрно исполненная. Фигура эта стоитъ во весь ростъ и держитъ передъ собою почти цилиндрическій сосудъ; въ ушахъ ея продѣты серьги. По всѣмъ признакамъ мечъ этотъ принадлежитъ къ концу бронзовой эпохи, если не къ переходной отъ послѣдней къ желѣзному вѣку, такъ какъ лезвее прямо, какъ и вообще у оружія вѣка желѣзнаго.

Тоже можно сказать и о нѣсколькихъ бритвахъ (рис. 110) съ прямолинейнымъ лезвеемъ, покрытымъ орнаментами, изъ которыхъ въ иныхъ легко угадать поползновеніе къ изображенію корабля.

Рисунки эти свидѣтельствуютъ о періодѣ весьма близкомъ къ концу бронзовой эпохи. Ножи эти, можетъ быть, принадлежатъ даже и къ желѣзному вѣку.

Какое одѣяніе было у человѣка въ описываемую нами эпоху?

Великое открытіе, сдѣланное въ 1861 году въ одномъ изъ ютландскихъ кургановъ (въ Даніи), доставило намъ самыя точныя свѣденія объ одеждѣ жителей сѣверной Европы въ бронзовую эпоху. Въ этомъ курганѣ гг. Ворсаё и Гербстъ нашли три деревянныхъ гроба, изъ которыхъ одинъ меньшій былъ вѣроятно дѣтскимъ. Одинъ изъ большихъ гробовъ, тщательно изслѣдованный учеными изыскателями, имѣлъ внутри 2 метра 25 сантиметровъ длины и $^{1}/_{2}$ метра ширины. Онъ былъ закрытъ подвижною крышкою. Благодаря чрезвычайно рѣдкому случаю, мягкія части тѣла сохранились и превратились въ черное, жировидное вещество. Разрушенныя кости превратились въ синюю пыль. Мозгъ сохранилъ свое нормальное строеніе. Его нашли въ верхнемъ концѣ гроба, гдѣ

находилось изголовье; его прикрывала еще шерстяная шапочка въ 15 сантиметровъ вышиною, къ которой еще прилипло нѣсколько черныхъ волосъ.

Части шерстяной одежды, въ которой трупъ былъ похороненъ, были также собраны во внутренности гроба. Мы дадимъ описаніе этихъ одеждъ.

Во первыхъ, грубый плащъ (рис. 111) съ длиннымъ ворсомъ на изнанкѣ, съ обшивкою вокругъ шеи. Длина плаща 1 метръ 10 сантиметровъ, ширина соразмѣрная. Во вторыхъ, два платка почти четыреугольныхъ украшенныхъ бахромою въ 1 1/2 метра длины и 1 метръ 15 сантиметровъ ширины. Затѣмъ слѣдуетъ сорочка (рис. 112), тоже съ обшивкою у ворота и стянутая у пояса длинной и узенькой полоской ткани. Наконецъ въ ногахъ гроба два куска шерстяной ткани въ 36 сантиметровъ длины и 9 ширины, по видимому, остатки онучей. Тутъ же слѣды кожаныхъ остатковъ, вѣроятно, отъ обуви.

Все тѣло было завернуто въ бычачью кожу.

Кромѣ того въ гробу находился ящикъ, перевязанный стеблями тростника или древеснымъ лыкомъ, и въ немъ другой, поменьше, изъ котораго вынули двѣ шерстяныя шапки (рис. 113, 114), бронзовые: гребень (рис. 115) и бритву.

Не забываемъ бронзоваго меча, лежавшаго у лѣваго бока трупа, меча въ деревянныхъ ножнахъ, въ 65 сантиметровъ длиною.

Не можетъ быть сомнѣнія, что это трупъ воина бронзовой эпохи, тѣмъ болѣе, что предметы, найденные въ обоихъ гробахъ, принадлежатъ къ этому періоду. Таковы: мечъ, ножъ, рѣзецъ, вертѣлъ, щипцы, двойная пуговица и небольшой бронзовый браслетъ; затѣмъ двойная оловянная пуговица, шарикъ желтаго янтаря и наконечникъ копья изъ кремня.

Форма мечей и ножей доказываетъ, что ютландскій курганъ можно отнести къ послѣднимъ временамъ бронзовой эпохи, когда можетъ быть и желѣзо начинало входить въ употребленіе.

Первое мѣсто послѣ Скандинавіи, въ исторіи цивилизаціи въ бронзовую эпоху, принадлежитъ Великобританіи и Ирландіи, гдѣ попадаются образчики оружія, совершенно подобные датскимъ и швейцарскимъ.

Здѣсь также находятъ формы для отливки топоровъ, доказывающія, что литейное мастерство было извѣстно и имъ занимались.

Въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи тоже найдены предметы, принадлежащіе этому періоду; но въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго.

Существовали ли богослужебные обряды у людей бронзовой эпохи? Ничто не могло бы быть любопытнѣе находки въ этомъ родѣ, но донынѣ еще не найдено никакихъ слѣдовъ идоловъ, основываясь на которыхъ можно было бы утвердительно отвѣчать на этотъ важный вопросъ. Религіозныя чувства можно допустить однако, основываясь на найденныхъ въ озерныхъ жилищахъ грубыхъ изображеніяхъ полумѣсяца изъ грубой обожженной глины или изъ камня.

Размѣры этихъ полумѣсяцевъ весьма разнообразны; встрѣчаются величиною до 40 сантиметровъ отъ оконечности одного рога до другаго. Они украшены рисунками самыми первобытными, какъ видно изъ прилагаемаго образчика (рис. 116), въ числѣ прочихъ находящагося въ сенъ-жерменскомъ музеумѣ.

Многіе археологи видятъ въ этихъ полумѣсяцахъ религіозныя эмблемы или талисманы, которые первобытные люди навѣшивали на наружныя или внутреннія стѣны своихъ жилищъ. Докторъ Келлеръ полагаетъ, что они имѣютъ связь съ обоготвореніемъ луны и тутъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, такъ какъ народы, еще не достигшіе извѣстной степени умственнаго развитія, всего прежде обожаютъ свѣтила небесныя, источники свѣта и тепла.

Г. Карлъ Фогтъ совершенно отрицаетъ эту мысль. Назначеніе этихъ полумѣсяцевъ, по его мнѣнію было совсѣмъ другое и, какъ увидитъ читатель, очень странное.

На своихъ чтеніяхъ въ Антверпенѣ въ 1868 году *о бытіи доисторическаго человѣка*, перепечатанныхъ въ бельгійскихъ журналахъ ([1]), г. Фогтъ, по поводу полумѣсяцевъ бронзовой эпохи высказываетъ слѣдующее:

„По моему мнѣнію, эти полумѣсяцы служили постельными

([1]) Indépendance belge: Novembre et Decembre 1868.

изголовьями. Мы видимъ, что у дикихъ народовъ уходъ за волосами доходитъ до крайняго предѣла, особенно у мужчинъ; женщина стала заниматься своею прическою гораздо позже. Эта заботливость о волосахъ у нѣкоторыхъ народовъ дѣйствительно достойна вниманія. Ради щегольской прически они готовы переносить цѣлыя пытки. Вы (слушатели) всѣ видѣли въ *Живописномъ магазинѣ* и другихъ илюстрированныхъ журналахъ рисунки причесокъ абисинскихъ воиновъ. Это цѣлое руно, въ которомъ, какъ вы замѣтили, каждый абисинскій воинъ носитъ длинную шпильку.

„Все это можетъ послужить намъ поясненіемъ объ употребленіи полумѣсяцевъ. Въ Абисиніи каждая молодая дѣвушка, по выходѣ замужъ, обязана заботиться о прическѣ мужа. Волосамъ его придается форма, которую они должны сохранять во все продолженіе его жизни. Уборка ихъ продолжается три года. Каждый волосокъ наматывается на соломинку и остается на ней, покуда она не истлѣетъ. Тогда у супруга голова покрывается спиралями, концы которыхъ возвышаются на цѣлый футъ отъ поверхности головы. Во все продолженіе жизни раздѣлать эту прическу уже невозможно. Ложась спать, абисинецъ кладетъ голову на трехъугольную подставку, которую всюду носитъ за собою вмѣстѣ съ длинною булавкою, такъ какъ почесать головную кожу пальцемъ рѣшительно не имѣетъ возможности.

„Тоже самое существуетъ и у ново-зеландцевъ, имѣющихъ также снарядъ для подкладки подъ голову во время сна. Они носятъ огромный шиньонъ въ два фута вышины, украшенный лентами и составляющій ихъ гордость. Разница между этимъ шиньономъ и тѣмъ, о которомъ я не хочу говорить, заключается въ томъ, что его снять нельзя когда вздумается. Во время сна шиньонъ покоится на особаго рода стулѣ.

„Китайцы и японцы спятъ такимъ же образомъ на кускѣ дерева съ вырѣзкою для затылка и въ египетскихъ іероглифическихъ рисункахъ встрѣчаемъ орудія, очевидно предназначенныя для подобнаго же употребленія.

„Весьма вѣроятно, что въ бронзовую эпоху люди точно также заботились о своихъ прическахъ, тѣмъ болѣе, что въ каждой

гробницѣ этой эпохи мы находимъ шпильки въ два, два съ половиною фута съ толстыми головками, той же формы, какъ и шпильки абисинскихъ воиновъ и что въ каменную эпоху, какъ и въ бронзовую, находятъ гребни, совершенно подобные нынѣ употребляемымъ ново-зеландцами, не столько для прически, сколько для скобленія головы. Шляпки или головки шпилекъ нерѣдко изукрашены; формы ихъ разнообразны и находятъ ихъ во множествѣ, какъ въ гробницахъ, такъ и въ озерныхъ жилищахъ.

„Не надобно удивляться нашимъ предкамъ, спавшимъ на такихъ снарядахъ, тѣмъ менѣе, что намъ извѣстно, что гусары Фридриха Великаго по цѣлымъ ночамъ занимались своими прическами!“

И такъ, между тѣмъ, какъ г. Келлеръ и многіе другіе археологи видятъ связь между религіею и *полумѣсяцами*, находимыми въ швейцарскихъ озерахъ, г. Фогтъ —болѣе прозаикъ, относитъ ихъ просто къ принадлежностямъ туалетнымъ!! Предоставляемъ читателю изъ обоихъ поясненій выбрать любое. Мы замѣтимъ только, въ подтвержденіе мнѣнія доктора Келлера, что у многихъ гальскихъ племенъ полумѣсяцъ былъ религіознымъ символомъ; а г. Фогтъ видитъ въ немъ подушку, подушку каменную, кажущуюся намъ ужъ слишкомъ жесткою хотя бы даже и для первобытнаго человѣка.

Различные предметы и знаки, найденные въ человѣческихъ жилищахъ бронзовой эпохи, были, кажется, символами религіозными. Таковы рисунки, встрѣчающіеся на мечахъ, на посудѣ и т. п. Рисунки эти никогда не сняты съ натуры: это скорѣе кабалистическіе знаки или талисманы. Большею частью это круги, то одиночные, то переплетенные. Многіе авторы въ этихъ изображеніяхъ видятъ связь съ обоготвореніемъ солнца.

Другой знакъ, встрѣчающійся еще чаще, былъ извѣстенъ еще въ каменномъ вѣкѣ: говоримъ о крестѣ. Крестъ одинъ изъ древнѣйшихъ существующихъ символовъ. Г. Ж. де-Мортійе въ своемъ мемуарѣ: *Крестъ до христіанства* старался доказать, что крестъ былъ всегда символомъ секты, боровшейся съ фетишизмомъ. Вѣрно по крайней мѣрѣ то что крестъ былъ древнѣйшимъ символомъ, такъ какъ изображеніе его встрѣчается на памятникахъ

каменнаго вѣка и бронзовой эпохи. Во времена этрусковъ онъ встрѣчался повсюду.

Третья символическая фигура, попадающаяся на нѣкоторыхъ предметахъ бронзовой эпохи—есть трехугольникъ.

Короче сказать, весьма вѣроятно, что эти знаки, не относясь ни къ какому видимому предмету, имѣютъ отношеніе къ религіознымъ убѣжденіямъ или суевѣрію народовъ бронзовой эпохи и что такъ или иначе сердца ихъ были согрѣты чувствами вѣры.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Погребальные обряды и могилы въ бронзовую эпоху.—Характеръ человѣческой расы во время этого періода.

Какъ хоронили въ бронзовую эпоху и какъ тогда устраивали гробницы и мѣста для погребенія?

Въ первыя времена этого періода мертвыхъ продолжали зарывать въ тѣхъ похоронныхъ камерахъ, которыхъ нынѣ называютъ *дольменами* и о которыхъ гг. Нильсонъ и Любокъ дали такія смутныя и произвольныя толкованія, къ концу этого періода, положительно, начали сожигать мертвыхъ. Въ сочиненіи изданномъ въ 1869 году подъ заглавіемъ: *Данія на всемірной выставкѣ*, служащемъ каталогомъ предметовъ выставленныхъ въ галлереяхъ *исторіи труда* на выставкѣ Марсова Поля въ 1867 году—находится нѣсколько страницъ, содержащихъ въ себѣ свѣденія, нынѣ признанныя наукою, о погребальныхъ обрядахъ бронзовой эпохи:

„Труды послѣднихъ лѣтъ ученаго г. Ворсае о памятникахъ бронзоваго вѣка—говоритъ г. Вальдемаръ Шмидтъ, пролили большой свѣтъ на начала бронзоваго періода въ Даніи. Въ началѣ бронзоваго вѣка мертвыхъ погребали по видимому точно также какъ въ каменномъ вѣкѣ, т. е. тѣла усопшихъ складывали въ погребальныя камеры, сложенныя изъ камня и покрытыя насыпями (тумулусами); только камеры эти были очень малы и заключали въ себѣ не болѣе одного остава. Въ замѣну этого, подъ одной насыпью случается нѣсколько камеръ или скорѣе каменныхъ гробницъ.

„Комнаты эти впрочемъ во многихъ отношеніяхъ схожи съ подобными же комнатами каменнаго вѣка. Такъ, напримѣръ, въ

нихъ находятъ на землѣ слой прокаленыхъ кремней и на этой подстилкѣ скелеты, похороненные въ сидячемъ положеніи, какъ это дѣлалось въ каменномъ вѣкѣ.

„Къ слѣдующему, второму разряду гробницъ принадлежатъ похоронныя камеры, хотя и каменныя, но вмѣсто камня прикрытыя *деревяннымъ потолкомъ*. Сверхъ того найдены были оставы съ бронзовымъ оружіемъ, положенные въ нѣкотораго рода *деревянныя обшивки*, отъ которыхъ всего чаще остаются незначительные слѣды. Эти ящики покрывались камнями, нынѣ лежащими уже непосредственно на скелетахъ.

„Наконецъ, во всѣхъ датскихъ областяхъ открываютъ большіе гробы, выдолбленные въ стволахъ цѣльнаго дуба (колоды); въ нихъ также находятся человѣческіе трупы, похороненные по видимому въ шерстяныхъ одѣяніяхъ.

„Что касается до погребальныхъ обрядовъ, то судя по этимъ гробницамъ, обряды были тѣже, что и въ предыдущемъ вѣкѣ. Покойниковъ хоронили съ ихъ оружіемъ, утварью, бронзовыми или каменными, но кромѣ того на дно гроба подстилали животныя кожи, всего чаще бычачьи.

„Затѣмъ наступилъ новый періодъ, иногда начали сожигать тѣла и собирать ихъ пепелъ. Во всякомъ случаѣ, отъ прежнихъ обычаевъ не отставали. По примѣру того, какъ прежде хоронили въ шерстяныхъ одеждахъ, такъ теперь обгорѣлыя кости стали завертывать въ куски шерстяныхъ тканей. Впослѣдствіи и этотъ обычай исчезъ, въ свою очередь, и пепелъ и остатки обгорѣлыхъ костей стали собирать въ урны. Это обыкновеніе сохранилось до бронзоваго вѣка и служитъ отличительной характеристической чертой его послѣдняго періода, впрочемъ весьма продолжительнаго.

„И такъ, въ бронзовомъ вѣкѣ было двѣ, существенно одна отъ другой отличныя эпохи: въ одну, *мертвыхъ хоронили просто*, или въ погребальныхъ камерахъ, или въ гробахъ деревянныхъ; въ другую,—*трупы сожигали въ золу*.

„Замѣчательнѣйшею находкою, касающеюся перваго періода, была въ 1861 году раскопка двухъ кургановъ, называемыхъ Треенгеи и Кенгегеи, близъ Конгеае, въ Ютландіи. Въ каждой могилѣ

было похоронено по два покойника, положенные въ двойные гробы, выдолбленные изъ цѣльныхъ дубовыхъ колодъ. Скелеты почти совершенно разрушились отъ сырости, сохранившей, напротивъ того, одежду. Люди этого времени, какъ видно, одѣвались на шотландскій образецъ, по крайней мѣрѣ, носили шерстяную юбку, ноги оплетали лентами, какъ воины на миньятюрахъ временъ Карловинговъ, кромѣ того, носили плащъ, шапочку и, можетъ быть, плэдъ. Вмѣстѣ съ одеждами найдены были бронзовые мечи въ деревянныхъ ножнахъ, ножи, гребень, ящички, стаканы, деревянные ларчики, оловянный шарикъ и, наконецъ, въ одномъ изъ гробовъ наконечникъ стрѣлы изъ кремня. Остатокъ плаща на выставкѣ Марсова поля за № 596.

„При другой раскопкѣ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ этого кургана въ Геймпѣ, въ сѣверномъ Шлезвигѣ, найдены были также оставы въ дубовыхъ гробахъ и съ бронзовыми орудіями.

„Зеландія была въ этомъ отношеніи не бѣднѣе другихъ округовъ. Въ 1845 году въ Гойдегаардѣ, близъ Копенгагена, въ одномъ курганѣ найдена была гробница перваго періода бронзовой эпохи. Ее раскопали въ присутствіи первѣйшихъ датскихъ археологовъ. Она была расположена свыше трехъ метровъ ниже вершины кургана. Сложенная изъ камня, она имѣла свыше двухъ футовъ длины; ширина ея въ восточной части была въ 60 сантиметровъ, въ западной 48 сантиметровъ. Дно ея было устлано слоемъ мелкихъ кремней, на которыхъ была положена звѣриная кожа, вѣроятно бычачья, на ней кусокъ ткани съ остатками человѣческихъ костей, бронзовый мечъ въ деревянныхъ ножнахъ, обшитыхъ кожею и хорошо сохранившихся, наконецъ ларчикъ со слѣдующими вещами: 1) обломкомъ янтарной бусы, 2) кускомъ красноватаго камня, 3) раковиною называемою conus mediterraneus (Hvâss) съ прободенною скважиной для ношенія на ожерельи, 4) хвостомъ змѣи: coluber laevis, 5) небольшимъ кубикомъ сосноваго или еловаго дерева и 6) бронзовымъ ножомъ съ выпуклымъ лезвеемъ и нарядной рукояткой.

„Кости, по изысканіямъ ученыхъ, принадлежали человѣку, бывшему—судя по предметамъ, положеннымъ съ нимъ въ гробъ—особою важною, воиномъ и въ тоже время волхвомъ. Кубикъ сосно-

ваго дерева заставляетъ догадываться, что дерево это еще не совсѣмъ исчезло, а потому и явствуетъ, что эпоха, въ которую жилъ этотъ волхвъ, была самая отдаленная. Впрочемъ, можетъ быть и кусочикъ дерева и раковинка могли быть завезены изъ чужихъ краевъ. Присутствіе conus mediterraneus заставляетъ подозрѣвать о существованіи торговыхъ сношеній между Даніею и Средиземнымъ поморьемъ.

„*Второй періодъ бронзовой эпохи* характеристически отличается отъ перваго сожженіемъ труповъ, совершавшимся слѣдующимъ образомъ: трупъ, всего чаще со всѣмъ оружіемъ и украшеніями клали на костеръ, нарочно сложенный на мѣстѣ, долженствовавшемъ служить центромъ могильнаго кургана, потомъ зажигали костеръ и собирали обгорѣлыя кости въ урну. Прочее оставалось на мѣстѣ, обкладывалось камнями и покрывалось землею до окончанія постройки тумулуса. Урна съ золою становилась на другомъ концѣ тумулуса. Способъ этотъ былъ не единственный, оружіе и украшенія не всегда складывались на костеръ, но иногда приносились послѣ и раскладывались вокругъ урны.

Число гробницъ бронзовой эпохи, открытыхъ въ Даніи, весьма значительно. Тумулусовъ существуютъ тысячи и во многихъ содержатся погребальныя урны. Большая часть тумулусовъ въ разное время было разрыто и доставило множество бронзовыхъ вещей. Въ Копенгагенскомъ музеумѣ сохраняется не менѣе шестисотъ мечей бронзовой эпохи“ ([1]).

Лѣтъ двадцать тому назадъ сдѣлано было въ Любекѣ (въ Помераніи) весьма любопытное открытіе, такъ какъ оно представило одновременно три способа погребенія, существовавшіе въ доисторическія эпохи: камня, бронзы и желѣза.

Въ Вальдгаузенѣ близъ Любека, найденъ былъ тумулусъ въ 4 метра 20 сантиметровъ вышиною, въ пол-метра шириною. Его рѣзали горизонтальными слоями и вотъ что постепенно появлялось на свѣтъ:

([1]) Le Danemarc à l'Exposition universelle de 1867, par Valdemar Schmidt, 1 v. 8, Paris, 1868 p.p, 60—64.

На самой вершинѣ находилась очень древняя гробница, принадлежавшая очевидно желѣзной эпохѣ, такъ какъ вмѣстѣ со скелетомъ лежало заржавленное желѣзное оружіе и нѣсколько гончарныхъ издѣлій. Онъ былъ зарытъ въ землю.

Ниже, на половинѣ всей высоты тумулуса открылись выведенныя изъ камня перегородки и въ каждой изъ нихъ зольная урна, наполненная обуглившимися костями, бронзовыми ожерельями, головными шпильками и ножемъ.

Наконецъ, въ основаніи тумулуса нашли гробницу каменнаго вѣка. Она сложена была изъ неотесанныхъ камней и въ ней кромѣ костей и грубой посуды находились топоры изъ кремня.

Очевидно, что первобытные жители начали складывать могилу на природной почвѣ, по обычаямъ того времени и засыпали ее землею. Въ бронзовую эпоху на этомъ фундаментѣ устроили гробницу, и новая насыпь удвоила высоту кургана. Наконецъ въ желѣзную эпоху мертвеца похоронили, вырывъ ему могилу на вершинѣ пригорка.

Вообще въ бронзовую эпоху мертвыхъ хоронили въ погребальныхъ покояхъ, а иногда, въ видѣ исключенія, ихъ сожигали. Тогда обычай совершать поминальныя тризны былъ во всей силѣ. Благочестивое обыкновеніе класть подлѣ труповъ оружіе или утварь, служившія усопшимъ при ихъ жизни, соблюдался постоянно и благодаря этому обстоятельству наука археологіи нынѣ имѣетъ возможность собирать многочисленные слѣды старинныхъ обычаевъ этихъ отдаленныхъ временъ.

Замѣтимъ только, что съ этой эпохи стали часто класть въ могилы топоры и орудія размѣровъ меньшихъ противъ употреблявшихся въ житейскомъ быту. Топоры маленькіе, топоры ex voto (по обѣту, заповѣдные). Можно подумать, что наслѣдники по чувству бережливости клали въ могилы приношенія въ миньятюрѣ. Порода человѣческая уже перерождалась, коль скоро она стала уменьшать свои приношенія усопшимъ!

Въ заключеніе всего сказаннаго о бронзовой эпохѣ, зададимъ вопросъ: какой былъ типъ человѣка въ это время и отличался ли онъ отъ типа вѣка предыдущаго? Къ несчастію, точныя данныя для разъясненія этого вопроса—отсутствуютъ, по рѣдкости

обрѣтенія человѣческихъ костей, какъ въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, такъ и въ гробницахъ, разрытыхъ въ прочихъ странахъ Европы. Изъ озерныхъ швейцарскихъ жилищъ всего на все отрыто семь скелетовъ: одинъ въ Мейленѣ, два въ Нивау, одинъ въ Зюльцѣ, одинъ въ Біенскомъ селеніи и два въ Овернье. Первый, т. е. найденный въ Мейленѣ, близъ Цюрихскаго озера, только одинъ и принадлежитъ каменному вѣку; прочіе шесть—принадлежатъ бронзовой эпохѣ.

Скелетъ Мейленскій—скелетъ ребенка; черепъ хорошо, хотя и не совершенно, сохранился, по типу занимаетъ среднее мѣсто между головами длинными и короткими, по наблюденіямъ гг. Гиса и Рютимейера.

Вмѣстѣ съ черепомъ найдены были обломки костей туловища и членовъ, необыкновеннымъ объемомъ своимъ обличавшихъ людей высокаго роста. Мы уже замѣтили его въ людяхъ каменнаго вѣка, т. е. первыхъ временъ появленія человѣка на землѣ. Итакъ человѣческій типъ мало измѣнился со времени перваго своего появленія.

Селеніе Овернье, на Нефшательскомъ озерѣ, дало, какъ мы уже сказали, два черепа: одинъ, ребенка лѣтъ восьми; другой—взрослаго. Первый мало чѣмъ рознится отъ мейленскаго: онъ малъ, удлиненъ, съ низкимъ и узкимъ лбомъ. Черепъ взрослаго представляетъ эти же самыя характеристическія черты и, кромѣ того, непомѣрное развитіе затылочныхъ костей, незамѣтное въ первомъ черепѣ, вѣроятно, по малолѣтству субъекта. Эти оба черепа какъ будто служатъ доказательствами, что племена, населявшія озерныя жилища, не обновились въ бронзовую эпоху.

Это предположеніе подтвердили открытія въ окрестностяхъ Сіона. Тамъ, въ могилахъ изъ неотесаннаго камня нашли трупы, перегнутые пополамъ, обложенные вещами изъ бронзы. По отзывамъ гг. Гиса и Карла Фогта, сіонскіе черепа совершенно подобны мейленскому и оверньерскимъ и сверхъ того форма эта донынѣ сохранилась въ нѣмецкой Швейцаріи, гдѣ она преобладаетъ и можетъ служитъ такъ называемымъ гельветическимъ типомъ.

Всѣ донынѣ собранныя данныя слишкомъ малозначительны, чтобы, основываясь на нихъ, можно было произнести что нибудь

рѣшительное касательно умственнаго развитія человѣка въ бронзовую эпоху. Нѣкоторые черепа, найденные въ маломъ количествѣ и всегда въ несовершенно цѣломъ видѣ, не даютъ возможности остановиться на какомъ нибудь окончательномъ мнѣніи объ этомъ предметѣ.

Но лучше всякихъ костяныхъ обломковъ, о степени умственнаго развитія нашихъ предковъ, въ этотъ періодъ, могутъ дать намъ точныя понятія созданія ихъ рукъ. Искуство уже дали хорошіе всходы, промышленность была основана, земледѣліе появилось; бронза повинуется всѣмъ потребностямъ быта и прихотямъ воображенія. Что же еще нужно, чтобы знать, что человѣкъ въ эту эпоху, въ умственномъ отношеніи, занималъ уже высокую степень?

Оканчивая обзоръ бронзовой эпохи, мы задаемся вопросомъ: есть ли возможность опредѣлить точное пространство времени, замкнутое въ этомъ періодѣ исторіи человѣчества? Постараемся дать здѣсь не рѣшеніе этой задачи, но только понятіе о пріемахъ ученыхъ для ея разрѣшенія.

Швейцарскій археологъ и естествоиспытатель Морло, много писавшій объ озерныхъ жилищахъ, первый попытался опредѣлить продолжительность эпохъ каменной и бронзовой, и вотъ какъ онъ къ этому приступилъ:

Близъ Виллньева есть холмъ щебня и наносной земли, медленно осаждаемыхъ потокомъ Тиньеръ, въ этомъ мѣстѣ впадающемъ въ Женевское озеро. Холмъ этотъ разрѣзанъ для проведенія желѣзной дороги вдоль озера. Такимъ образомъ внутреннее строеніе холма было обнажено и оказалось совершенно правильнымъ, чѣмъ доказывается его постепенное образованіе въ теченіе вѣковъ. Въ немъ замѣчено три пласта растительной земли, лежащіе на различной глубинѣ между наносными слоями, паралельно имъ и теперешней поверхности холма, такъ что каждый слой укладывался въ отдѣльную эпоху.

Первый слой, начиная отъ вершины, занималъ глубину 1 метра и 15 сантиметровъ, имѣлъ отъ 10 до 15 сантиметровъ толщины. Въ немъ найдены были остатки предметовъ эпохи римской. Второй, лежащій на 1 метръ 70 сантиметровъ ниже и въ 15

сантиметровъ толщины, признанъ былъ за принадлежащій бронзовому вѣку: въ немъ найдены бронзовый ломъ и осколки неглазированной посуды.

Нижній слой, лежавшій на глубинѣ $5^1/_2$ метровъ, былъ отъ 15 до 17 сантиметровъ толщиною. Въ немъ были найдены грубыя гончарныя издѣлія, угли и животныя кости, свидѣтельствовавшія о каменномъ вѣкѣ, но только его послѣднихъ временъ.

Разсмотрѣвъ эти различные слои и принявъ въ соображеніе правильную форму холма, Морло приблизительно вычислилъ возрастъ каждаго изъ нихъ. Основаніемъ вычисленій онъ принялъ два историческія числа: годъ занятія Гельвеціи римлянами 58— до Р. Хр.; и время окончательнаго ихъ изгнанія, въ исходѣ пятаго вѣка по Р. Хр. Сближая эти числа, онъ сдѣлалъ выводъ, что слою эпохи римскаго владычества по меньшей мѣрѣ 18 вѣковъ и по большей 13. Замѣтивъ затѣмъ, что въ теченіе этой эпохи холмъ возросъ на 1 метръ 15 сантиметровъ, и постоянно придерживаясь ипотезы, что приращеніе происходило и въ предъидущіе вѣка съ одинаковою медленностью, онъ получилъ въ результатѣ, что слою бронзовой эпохи по крайней мѣрѣ 2900 л., по большей—4200; слою каменнаго вѣка—4700 лѣтъ, а всему холму до 10000 лѣтъ возраста.

Другое вычисленіе, выводы котораго вполнѣ согласуются съ предыдущими, было сдѣлано г. Гилліерономъ, професоромъ Нефвильской коллегіи. Мы говорили, что остатки построекъ на сваяхъ каменнаго вѣка были найдены близъ моста Тіэль, между озерами Біеннскимъ и Нефшательскимъ. Очевидно, что долина, въ которой озерное жилище занимаетъ самую узкую часть, въ древности почти вся была залита водою, такъ какъ, расширяясь ниже этого пункта, она сохраняетъ узкіе размѣры до Біеннскаго озера. Слѣдовательно, оно обмѣлѣло, въ чемъ можно убѣдиться при изслѣдованіи ила, осажденнаго его водами. Зная годичный коэфиціентъ убыли, т. е. ежегодное количество пониженія водъ, можно приблизительно вычислить возрастъ озернаго жилища моста Тіэля.

Близъ озера находится въ 375 метрахъ отъ нынѣшняго берега старинное абатство св. Іоанна, построенное въ 1100 году. Современный этому событію документъ упоминаетъ о правахъ на рыб-

ную ловлю, предоставленныхъ монастырю на одномъ участкѣ озера: изъ этого можно заключить, что монастырь стоялъ на самомъ берегу, и предположеніе это является само собою. Слѣдовательно, въ 750 лѣтъ озеро убыло или отошло отъ прежнихъ береговъ на 375 метровъ. Принявъ эту цифру за основаніе г. Гилліеронъ легко вычислилъ, сколько времени потребно было на удаленіе водъ на 3375 метровъ, такъ какъ цифра эта выражаетъ удаленіе настоящаго берега отъ гирла, подъ которымъ находятся озерныя жилища моста Тіэля. Такимъ родомъ наименьшій возрастъ жилища онъ вычислилъ въ 6750 лѣтъ и цифра эта подтверждаетъ выкладки Морло.

Предыдущія вычисленія опредѣляютъ каменному вѣку въ Швейцаріи древность отъ шести до семи тысячъ лѣтъ до христіанской эры, а эпохѣ бронзовой четыре тысячи лѣтъ до того же времени. Цифры эти, выдаваемыя на пищу любознательности, конечно, не лишены значительной дозы невѣрности; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онѣ нанесли жестокій ударъ классической хронологіи.

[illegible]

единые вѣка съ одинаковою медленностью, онъ получилъ въ результатѣ, что эпоха бронзовой эпохи по крайней мѣрѣ 2900 л., по большей — 4300; эпоха каменнаго вѣка — 4700 лѣтъ, а всему холму до 10000 лѣтъ возраста.

Другое вычисленіе, выводы котораго вполнѣ согласуются съ предыдущими, было сдѣлано г. Гилліерономъ, профессоромъ Нефшательской коллегіи. Мы говорили, что остатки построекъ на сваяхъ каменнаго вѣка были найдены близъ моста Тіель, между озерами Біеннскимъ и Нефшательскимъ. Очевидно, что долина, въ которой озерное жилище занимаетъ самую узкую часть, въ древности почти вся была залита водою, такъ какъ, расширяясь далѣе отъ пункта, она простирается [illegible] до Біеннскаго озера. Слѣдовательно, она обмелѣла, въ чемъ можно убѣдиться изъ наслѣдованія ила, осажденнаго ея водами. Зная величину коэффиціента рѣки, т. е. ежегодное количество приносимыхъ водъ, можно приблизительно вычислить возрастъ озернаго жилища моста Тіэля.

Жилище это находится въ 375 метрахъ отъ нынѣшняго берега, старинное аббатство св. Іоанна, построенное въ 1100 году. Современный этому событію документъ упоминаетъ о правахъ ...

ЖЕЛѢЗНАЯ ЭПОХА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отличительныя характеристическія черты желѣзной эпохи.—Выдѣлка желѣза въ доисторическія времена. — Обрѣтеніе серебра и свинца. — Выдѣлка посуды на станкѣ.—Изобрѣтеніе монеты.

Безъ металловъ, какъ сказали мы въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, человѣкъ навсегда остался бы въ дикомъ состояніи. Къ этой замѣткѣ прибавимъ, что цивилизація шла рука объ руку съ улучшеніемъ металловъ и сплавовъ, изготовляемыхъ человѣкомъ. Ознакомленіе съ бронзою и ея употребленіемъ дало сильный толчекъ развитію только что возникшаго образованія и послужило основаніемъ первыхъ человѣческихъ обществъ. Но бронза далеко не имѣла въ себѣ всѣхъ свойствъ, необходимыхъ въ металлахъ для многообразнаго употребленія ихъ въ промышленности. Въ этомъ сплавѣ нѣтъ ни твердости, ни упругости достаточныхъ для выдѣлки хорошихъ орудій; кромѣ того, онъ состоитъ изъ металловъ, не изобильныхъ въ природѣ. Людямъ необходимъ былъ металлъ дешевый, твердый, удобовыдѣлываемый и пригодный на всевозможныя потребности въ работахъ промышленныхъ, столь разнообразныхъ въ своихъ требованіяхъ.

Подобный металлъ былъ, наконецъ, обрѣтенъ и новая эра наступила для будущности человѣчества. Люди научились извлекать желѣзо изъ руды, желѣзо, которое можно назвать царемъ всѣхъ металловъ, за его неоцѣненныя качества. Съ того дня, какъ желѣзо попало въ руки людей, цивилизація утвердилась на незыблемыхъ

основаніяхъ и по мѣрѣ улучшеній въ выдѣлкѣ этого металла разразвивались: могущество человѣка, его способности и разумная его дѣятельность.

И такъ, весьма основательно назвали *желѣзною эпохою* самый послѣдній періодъ развитія первобытнаго человѣчества, и не должно удивляться тому, что послѣдніе годы желѣзной эпохи суть именно начало временъ историческихъ. Дѣйствительно, съ этого періода для человѣка прекращается его полудикое состояніе, описанное нами —въ его, особенно выдающихся чертахъ.

Употребленіе желѣза характеризуетъ главнымъ образомъ этотъ возрастъ человѣчества и потому мы обязаны ознакомить читателя со способами выдѣлки желѣза, употреблявшимися первыми металлургами, т. е. мы должны разыскать какими способами въ эту эпоху извлекали желѣзо изъ его натуральной руды.

Въ бронзовую эпоху искуство металлургіи сдѣлало большіе успѣхи. Тогда существовали большія мастерскія для приготовленія бронзы и маленькія литейни для плавки и отливки въ формы этого металлическаго сплава. Превращенныя въ оружіе и орудія, бронзовыя вещи отдѣлывались разными работниками. Искуство формовальное достигло уже высокой степени совершенства, что доказывается предметами изъ бронзы колоссальныхъ размѣровъ, о которыхъ мы говорили, а равно и изъ плоско-вдавленныхъ отливокъ, изображеніе которыхъ мы во множествѣ представили на предыдущихъ страницахъ. Были знакомы съ явленіемъ *закалки*, т. е. физическихъ измѣненій, которыя совершаются съ бронзою во время ея охлажденія, медленнаго или быстраго. Умѣли разнообразить пропорціи олова или мѣди для получки болѣе или менѣе плавкой бронзы. Знали паяльное мастерство во всѣхъ его отраслях, даже умѣли наводить струйки (дамаскировку) на металлическія издѣлія; остроту орудіямъ придавали посредствомъ ковки молотомъ. Открыли даже полезное примѣненіе нѣкоторыхъ солей, которыя будучи примѣшаны въ тиглѣ облегчаютъ плавку бронзы.

Намъ кажется невозможнымъ, чтобы въ концѣ бронзовой эпохи не знали особо, ни мѣди ни олова. Не думаемъ, чтобы такъ дол-

го обращаясь на литейныхъ съ обоими металлами для выдѣлки бронзы, люди не добывали мѣди и олова въ чистомъ состояніи.

И такъ, въ концѣ бронзовой эпохи, металлургическія познанія пріобрѣли большое развитіе. Изъ этого можно заключить, что замѣна бронзы желѣзомъ совершилась безъ особенныхъ затрудненій. Кузнецъ явился и занялъ мѣсто формовщика-литейщика вслѣдствіе успѣховъ и усовершенствованія металлургіи.

Но какимъ же образомъ первые металлурги извлекали желѣзо изъ его руды?

Желѣзо самородное, то есть натуральная желѣзная руда—вещество весьма рѣдкое: его находятъ исключительно въ аэролитахъ. По мнѣнію русскаго естествоиспытателя Палласа, нѣкоторыя сибирскія племена, съ великимъ трудомъ извлекаютъ изъ аэролитовъ, находимыхъ въ странѣ, нѣсколько крупинокъ желѣза, изъ которыхъ выковываютъ ножи. Тоже обыкновеніе существуетъ и у лапландцевъ. Наконецъ, по разсказамъ Америко Веспуччи, индѣйцы устьевъ Ріо-де-ла Плата, выдѣлывали въ пятнадцатомъ столѣтіи наконечники стрѣлъ и другое оружіе изъ желѣза, добытаго изъ аэролитовъ.

Нѣтъ надобности говорить, что камни, падающіе съ неба, слишкомъ рѣдки, слишкомъ непостоянны, чтобы могли когда нибудь навести людей на мысль добывать этимъ путемъ желѣзо. Слѣдовательно достовѣрно, что металлъ этотъ первоначально извлекали изъ его руды, подобно тому, какъ добывали мѣдь и олово, т. е. посредствомъ жара и угольевъ, приводя окись въ первобытное металическое состояніе.

Напрасно, въ опроверженіе этому, стали бы указывать на ту страшно высокую температуру, которая потребна при плавкѣ желѣза, или, выражаясь точнѣе, на невозможность плавить желѣзо въ обыкновенныхъ литейныхъ печахъ. Плавка для добычи металла не была необходимостью, и если бы нужно было приводить желѣзо въ расплавленное состояніе, то едва ли какой народъ могъ бы дойдти до этого. Достаточно было получить металлъ, вслѣдствіе прокаливанія его окиси, въ видѣ ноздреватыхъ кусковъ безъ всякой плавки. Ковка этихъ кусковъ при красномъ калильномъ жарѣ вскорѣ обращала ихъ въ полосы желѣза.

Бросивъ взглядъ на состояніе горныхъ промысловъ у нынѣшнихъ полудикихъ народовъ, мы найдемъ способъ извлеченія желѣза, существующій у нихъ и вполнѣ оправдывающій нашу мысль объ обработкѣ желѣза у людей, когда они только что еще ознакомились съ кузнечнымъ мастерствомъ. Естествоиспытатель Гмелинъ, во время путешествія своего по Тавридѣ, былъ свидѣтелемъ ручныхъ пріемовъ тамошнихъ жителей при добывкѣ желѣза. Тамъ, каждый житель приготовляетъ самъ себѣ желѣзо, какъ самъ для себя печетъ хлѣбъ. Плавильный горнъ находится въ кухнѣ и состоитъ изъ ямы, вмѣстимостью около двухъ кубическихъ дециметровъ, наполненной углемъ и желѣзною рудою. Надъ ямою глиняная дымовая труба; спереди заслонка для подкладки руды, которую запираютъ во время операціи; сбоку отверстіе для вставки трубки вѣтродульнаго мѣха. Одинъ человѣкъ приводитъ мѣхъ въ движеніе, а другой въ это время подкладываетъ въ печь слоями руду и уголь. Для каждой работы въ печь не вкладываютъ болѣе $1\frac{1}{2}$ килограмма руды. Наложивъ понемногу это количество, въ теченіе нѣсколькихъ минутъ въ него поддуваютъ мѣхомъ. Потомъ, отодвинувъ заслонку и выгребая изъ ямки золу и прочіе продукты горѣнія, вынимаютъ кусокъ ноздреватаго желѣза, образовавшагося изъ окиси, прокаленной на угольномъ жару; разумѣется безъ всякой плавки металла. Этотъ кусокъ отчищаютъ обломкомъ дерева и откладываютъ къ сторонѣ, присоединяя къ прочимъ; а впослѣдствіи ковкою молотомъ нѣсколько разъ, *свариваютъ* куски въ одну полосу.

Точно такимъ же способомъ добываютъ желѣзо изъ его окиси и негры Фута-Джаллона, на Сенегалѣ.

Ознакомившись съ этими пріемами современныхъ полудикихъ народовъ, не трудно понять то что швейцарскій естествоиспытатель Морло писалъ о первобытныхъ кузницахъ и, еще того легче, согласиться съ его мнѣніемъ. Морло въ своихъ *мемуарахъ о швейцарской археологіи* описалъ слѣды доисторическихъ кузницъ, найденные имъ въ Каринтіи (въ Австріи).

По его мнѣнію, желѣзо изъ его окиси, въ доисторическія времена добывали слѣдующимъ образомъ: На склонѣ пригорка съ навѣтренной стороны вырывали яму; на дно ея клали слой дровъ,

а сверху куски руды. Сверхъ этого слоя опять накладывали дрова; а потомъ при сильномъ вѣтрѣ, замѣнявшемъ дѣйствіе мѣха, еще невѣдомаго, дрова зажигали снизу. Дерево обращалось въ уголь, который при дѣйствіи жара приводилъ желѣзную окись въ металлическое состояніе. По прекращеніи горѣнія, между золою находили кусочки желѣза

Увеличивая вмѣстимость ямы стали получать большее количество металла. Морло нашелъ въ Далекарліи (въ Швеціи) кузницы, въ которыхъ вышеупомянутая яма, служившая печью, была выложена камнемъ, образуя такимъ образомъ родъ бассейна. Въ этотъ каменный тигель накладывали слои угля и руды. Послѣ нѣсколькихъ часовъ горѣнія, обрѣтали на днѣ вмѣстѣ съ золою кусокъ ноздреватаго желѣза.

Медленность операцій и ничтожество добычи побудили людей позаботиться объ увеличеніи каменнаго бассейна. Его возвысили на 2 метра; но потомъ — на четыре. Бока его, въ то же время окаймили глиняными стѣнами. Такъ образовался круглый тигель, который наполняли слоями руды и угля.

При этихъ, совершенно родоначальныхъ работахъ, не употребляли, какъ видитъ читатель, раздувательныхъ мѣховъ. Потому можно сказать, что при первоначальномъ извлеченіи желѣза изъ руды еще не употребляли такъ называемыхъ *каталанскихъ печей.* Послѣдній способъ, котораго до нынѣ придерживаются въ Пиринеяхъ, введенъ со временъ римской имперіи. Основаніемъ ему служитъ непрерывное дѣйствіе мѣховъ, тогда какъ въ первобытныхъ кузницахъ, повторяемъ, употребленіе мѣха было невидимо.

Эти первобытныя кузницы для выдѣлки желѣза, слѣды которыхъ найдены были естествоиспытателемъ Морло, въ Австріи и въ Швеціи, недавно были открыты въ большомъ количествѣ въ Кантонѣ Бернъ ученымъ горнымъ инженеромъ г. Кикере. Эти кузницы состоятъ изъ цилиндрическихъ углубленій, не очень глубоко вырытыхъ въ отлогостяхъ горъ и прикрытыхъ коническими шапками. Горючій матеріалъ, употребляемый для топки этихъ печей состоялъ изъ древеснаго угля, такъ какъ вокругъ этихъ древнихъ кузницъ всегда попадаются большіе его запасы.

Г. Кикере собралъ въ весьма любопытномъ мемуарѣ, напечатанномъ въ 1866 году (Recherches sur les anciennes forges du Jura bernois)—результаты своихъ долговременныхъ и тщательныхъ изысканій. Нѣсколько извлеченій изъ этого любопытнаго труда г. Кикере ознакомятъ съ настоящимъ устройствомъ кузницъ первобытнаго человѣка, изъ которыхъ до 400 было открыто имъ въ округѣ бернской Юры.

Скажемъ прежде всего, что г. Кикере изобразилъ результатъ своихъ изысканій построивъ миньятюрную модель кузницы первой желѣзной эпохи. Въ этомъ любопытномъ образчикѣ видна была глиняная печь на скатѣ горы, груды угля, окалины; хижина для жилья работниковъ, кузнечныя орудія—словомъ все, что только могло быть обрѣтено во время терпѣливыхъ и тщательныхъ изысканій швейцарскаго ученаго инженера.

Эту модель, совмѣстившую въ себѣ образцы древней промышленности, г. Кикере приготовилъ для всемірной выставки 1867 года изъ подлинныхъ матеріаловъ, продуктовъ и орудій, найденныхъ имъ при его изысканіяхъ на Юрѣ. Комиссіи для пріемки предметовъ на всемірную выставку 1867 года было не угодно удѣлить ученому скромное пространство въ одинъ метръ, для помѣщенія его модели. Не смѣшно-ли! На обширномъ Марсовомъ полѣ, гдѣ собрано было такое множество вещей безполезныхъ и глупыхъ, не могли дать мѣста, пространствомъ въ квадратный метръ, для постановки произведенія любопытнѣйшаго, когда либо выходившаго изъ подъ рукъ ученаго человѣка!..

Вслѣдствіе этого *умнаго* отказа, модель г. Кикере не явилась на всемірной выставкѣ Марсова поля и ея была лишена любопытная *галлерея исторіи труда*, возбудившая живѣйшее вниманіе публики. Но модель эта не потеряна для нашихъ читателей. Г. Кикере угодно было прислать намъ изъ Белльрива, гдѣ онъ живетъ (близъ Делемона Базельскаго кантона въ Швейцаріи), фотографическій снимокъ этой любопытной модели доисторической кузницы.

Печь состоитъ изъ ямы, прикрытой конической шапкою и прислоненной къ склону горы. Она окружена съ каждой стороны ступенями изъ камня, дозволяющими подняться до вершины. Вы-

сота покрышки 2 метра 80 сантиметровъ. Справа отъ печи хижина работниковъ, сложенная изъ бревенъ; такъ строятъ ихъ повсемѣстно съ незапамятныхъ временъ.

На первомъ планѣ справа видна куча угольевъ для топки печи; слѣва складъ руды, или такъ называемый у горнорабочихъ *рудный паркъ*. Руда сложена въ четырехугольную колоду. Всѣ орудія, изображенныя на рисункѣ, были найдены на мѣстѣ самимъ авторомъ.

Послѣ этихъ поясненій мы можемъ представить извлеченія изъ мемуара г. Кикере. Теперь не трудно будетъ понять описаніе первобытныхъ кузницъ бернской Юры, составленное ученымъ инженеромъ.

Г. Кикере замѣтилъ два рода первобытныхъ кузницъ, или правильнѣе двѣ степени усовершенствованія въ ихъ устройствѣ. Первыя—по мнѣнію автора древнѣйшія—немногочисленны; вторыя составляютъ большинство всѣхъ изслѣдованныхъ имъ кузницъ.

„Кузницы перваго разряда (по словамъ г. Кикере) состоятъ изъ малой цилиндрической ямы формы неправильной со дномъ съуженнымъ и вырытой въ боку горнаго склона, чтобы одна ея сторона была выше; спереди огороженная глиняною стѣнкою, подпертою каменьями. Яма эта внутри была покрыта глиняною смазкою въ 10—15 сантиметровъ толщины, цвѣта бѣлаго, съ красноватымъ оттѣнкомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ ней прикасался огонь. Глубина таковыхъ тиглей отъ 30 до 40 сантиметровъ, какъ можно судить по краямъ округленнымъ и болѣе или менѣе подернутымъ окалинами. Передняя часть, постоянно съ пробоиной, имѣла внизу отверстіе для тяги воздуха и лучшаго расплавленія рудной массы; черезъ эту пробоину извлекали вѣроятно кусокъ желѣза, образовавшійся послѣ прокаливанія руды.

„Второй разрядъ кузнечныхъ горновъ, многочисленный и наиболѣе распространенный, представляетъ, собственно, усовершенствованный видъ предыдущихъ, возвышенными краями тигельныхъ ямъ; высота ихъ измѣняется отъ 2 метровъ 30 сантиметровъ при поперечникѣ въ 48 сантиметровъ; до 8 метровъ 40 сантиметровъ и при толщинѣ стѣнокъ отъ 30 сантиметровъ до 2 метровъ 34

сантиметровъ. Стѣнки эти тоже изъ огнеупорной глины. Средняя вмѣстимость около 100 литровъ.

„Строитель кузницы, вырывъ круглое или вѣрнѣе, полукруглое отверстіе на днѣ ямы и въ боку горнаго склона, діаметромъ почти втрое противъ будущаго горна, устраивалъ въ рединѣ ямы съ одной стороны открытой, рядъ дна изъ глиняныхъ плитъ, покрытыхъ сверху слоемъ огнеупорной глины. Это дно горна, лежащее непосредственно на землѣ, дурно разровненной, тоньше боковыхъ стѣнокъ — изъ глины смѣшанной съ пескомъ или кремнями во внутренней части всегда огнеупорной. Пустое пространство между стѣнками горна и самою почвою, набивалось землею и другими веществами. Спереди горнъ поддерживался толстою стѣною, иногда прямолинейною, иногда же и полукруглою, сложенною изъ грубаго извѣстняка съ земляною подкладкою сзади. Въ этой стѣнѣ пробивали отверстіе въ 15 сантиметровъ, нѣсколько повыше дна постепенно расширявшееся воронкообразно отъ наружи внутрь горна для наблюденій за плавкою.

„Работа, начатая такимъ образомъ, достигала желаемой высоты; если же прорѣзъ сдѣланный въ горномъ склонѣ былъ недостаточно высокъ, тогда для лучшей устойки огнеупорныхъ стѣнокъ горна, ихъ снаружи подпирали камнями, чтобы не осыпалась земля. Когда горны устанавливались на равнинѣ, что иногда случалось, имъ придавали форму усѣченнаго конуса, съ болѣе или менѣе широкимъ основаніемъ, смотря по высотѣ снаряда.

„Тигель устанавливали не совсѣмъ вертикально, но нѣсколько наклонно, въ ту или другую сторону безъ особенно правильной соразмѣрности его діаметру. Внутренняя его форма была неправильна, переходя изъ круглой въ овальную и единственно по небрежности строителя. Тигли постоянно расширяются, снизу вверхъ, или сверху внизъ, но постоянно неправильно. Мы наблюдали тигли, съуженные въ верхней части, на 25—30 сантиметровъ съ трехъ сторонъ, подобно нынѣшнимъ плавильнымъ тиглямъ. И тутъ можетъ быть строитель руководствовался единственно своею прихотью.

„По установленіи горна, такимъ образомъ, послѣ извлеченія изъ нихъ деревянныхъ подпорокъ (если только ихъ употребляли при

постройкѣ) въ нижней его части дѣлали отверстіе, а самое дно плотно утрамбовывали, для удерживанія отъ утечки расплавленнаго или размягченнаго металла, тогда какъ окалины, болѣе легкія плавали на поверхности, вытекая черезъ края тигля. Такъ какъ онѣ не совсѣмъ разжижались, ихъ метали лопаточками свѣжаго или намоченнаго дерева; ими же размѣшивали и руду въ тиглѣ.

„Въ этихъ горнахъ обоихъ разрядовъ незамѣтно и слѣда раздувальныхъ мѣховъ, и въ нихъ болѣе или менѣе сильная тяга воздуха дѣлалась черезъ нижнее отверстіе, смотря по большей или меньшей высотѣ горна. Вѣроятно для усиленія этой тяги служили найденные нами куски известняка, отвалившіеся отъ верхняго края тигля, гдѣ они образовали родъ горла и тѣмъ способствовали высотѣ горна. Это простое средство употребляли и при устройствѣ первоначальныхъ тиглей. Употребленіе способа тяги, показаннаго нами, очевидно подтверждается тѣмъ, что окалинами покрыты стѣнки тигля противуположныя вѣтродульному отверстію, подвергавшемуся наименьшей степени жара, и до такой степени, что на этихъ послѣднихъ стѣнкахъ замѣтны приставшіе къ нимъ остатки руды, бывшей въ мягкомъ или полурасплавленномъ состояніи въ минуту прекращенія работъ въ горнѣ....

„Отсутствіе раздувательныхъ мѣховъ въ древнихъ юрскихъ кузницахъ кажется намъ тѣмъ достойнѣе замѣчанія, что они были извѣстны грекамъ и римлянамъ, изъ чего и явствуетъ, что кузнечное мастерство не только не проникло отъ нихъ въ эту страну, но что оно существовало въ ней гораздо ранѣе ихъ. Замѣтимъ также, что поддувалы въ горнахъ размѣщены не по направленію постоянно дующихъ вѣтровъ (чѣмъ можно было бы усилить тягу); но какъ попало, судя по большимъ или меньшимъ удобствамъ мѣстности.

„Касательно топлива, скажемъ, что всѣ первобытныя кузницы открытыя нами, отапливались древеснымъ углемъ, употреблявшимся въ огромномъ количествѣ. Мѣста для складки угля были близъ горновъ. Послѣдніе, слишкомъ малы для отопки дровами, мелкій же уголь попадается на каждомъ шагу и съ обломками орудій и въ окалинахъ. Упомянемъ между прочимъ объ открытіи въ Беллелэ, склада угля въ 2 метра 49 сантиметровъ въ поперечникѣ подъ

слоемъ плотнаго торфа въ 6 метровъ толщиною. Уголь лежалъ на твердой землѣ, до образованія торфяныхъ пластовъ. Въ этомъ же самомъ торфяникѣ найденъ свертокъ монетъ пятнадцатаго столѣтія, на которомъ въ 400 лѣтъ наросъ слой торфа только въ 60 сантиметровъ. Тамъ же, на глубинѣ 3 метровъ 60 сантиметровъ, между лошадиными костьми найдено копыто, еще съ подковою, обитою маленькими гвоздями со струйчатыми краями у шляпокъ, съ длинными пробоинами, въ которыя входили плотно гвозди въ формѣ буквы Т съ коническою верхушкою. Подобныя подковы встрѣчаются въ кельтическихъ жилищахъ, городахъ, кузницахъ, пастьбищахъ; рѣдко, на мѣстахъ римскихъ лагерей, гдѣ ихъ гораздо менѣе нежели широкихъ подковъ большаго объема съ жолобомъ для вбивки гвоздей. По вычисленіямъ, основаннымъ на монетахъ пятнадцатаго столѣтія (1478 г.), упомянутой подковѣ можно дать возрастъ по крайней мѣрѣ отъ 20 до 24 вѣковъ, когда животное пало и было съѣдено на землѣ, а не потонуло въ торфяникѣ, такъ какъ кости его разметаны по разнымъ сторонамъ. По этимъ же самымъ вычисленіямъ существованіе угля можно отнести за четыре тысячи лѣтъ.

„По несовершенству горновъ, потребленіе угля было, по крайней мѣрѣ вчетверо болѣе противъ нынѣ употребляемаго количества. Выплавленный металлъ постепенно падалъ на дно тигля. По мѣрѣ его накопленія, работникъ деревянною, мокрою лопаткою облегчалъ отдѣленіе окалинъ и размѣшивалъ металлъ для его очистки. Употребленіе этихъ деревянныхъ лопатокъ или ломовъ подтверждается нахожденіемъ ихъ слѣдовъ въ древнихъ кузницахъ: на многихъ кускахъ окалинъ, бывшихъ въ тѣстообразномъ состояніи, сохранились оттиски деревянной палки съ обуглившимся концомъ. Г. Морло въ своей замѣткѣ о римскихъ кузницахъ въ Вохеймѣ въ Верхней Кроаціи, нашелъ точно такіе же слѣды на тамошнихъ окалинахъ; то круглые, то трехугольные, но очевидно отъ желѣзнаго лома, тогда какъ въ юрскихъ кузницахъ эти ломы постоянно деревянные.

„Несовершенство горновъ, особенно же отсутствіе мѣховъ были причинами несовершенства выплавки металла изъ его руды и потому-то въ окалинахъ до сихъ поръ содержится еще такой бога-

тый процентъ желѣза, что лѣтъ двадцать тому назадъ директоръ желѣзныхъ заводовъ въ Ундервелье употреблялъ ихъ вмѣсто руды. Около нѣкоторыхъ горновъ попадаются груды окалинъ отъ ста до двухъ сотъ кубическихъ метровъ, что заставляетъ предполагать въ нихъ огромную добычу извлеченнаго желѣза. Изслѣдованіе этихъ окалинъ доказываетъ, что это желѣзо извлекали единственной обработкою, то есть не обращая его сперва въ чугунъ, а потомъ уже послѣ ковки, въ желѣзо.

„Добытое желѣзо въ необработанномъ видѣ представлялось въ видѣ глыбы, формою похожею на двѣ четырехгранныя пирамиды, соединенныя основаніями и вѣсомъ отъ пяти до семи килограммовъ. Одинъ подобный кусокъ былъ найденъ близъ горна, сломаннаго для постановки на его мѣстѣ склада угля въ Ундервелье; другой—въ окалинахъ одной кузницы Боекурта.

„Около горновъ найдены были въ большомъ количествѣ черепки такъ называемой кельтеской посуды: грубой, плохо обожженой, вылѣпленной руками безъ содѣйствія станка съ зернами кварца въ глиняномъ мѣсивѣ. Кромѣ того найдены были концы оленьихъ роговъ, употреблявшіеся вмѣсто рукоятокъ къ инструментамъ и много желѣзныхъ топоровъ. Одинъ изъ нихъ съ гнѣздомъ для насадки на топорище: орудіе древнѣйшее изо всѣхъ принадлежащихъ желѣзной эпохѣ; прочіе со сквозными обухами, какъ нынѣшніе топоры. Одинъ изъ послѣднихъ изъ такой твердой стали, что ее не беретъ даже напилокъ. Изъ монетъ найдены галльскія и римскія; нѣкоторыя изъ послѣднихъ принадлежатъ временамъ Константиновъ. Это упрямство къ древнѣйшимъ способамъ объясняется монополіей кузнечнаго мастерства, поддерживавшагося постоянно въ однихъ и тѣхъ же семействахъ. Это тѣмъ менѣе не должно удивлять насъ, при взглядѣ на нынѣшнихъ дровосѣковъ и угольщиковъ: когда имъ приходится на долго оставаться въ какой нибудь мѣстности со всѣмъ хозяйствомъ, они всегда придерживаются при устройствѣ правилъ самаго древняго домоводства. Для предохраненія своихъ постелей отъ сырости, они дѣлаютъ подставки изъ еловыхъ вѣтвей, образующихъ нѣчто въ родѣ кровати. Мы видали таковыя двухэтажныя: внизу укладывали дѣтей, сверху ложились взрослые. Тюфяки замѣняются мохомъ, папоротникомъ и

сѣномъ. За неимѣніемъ простынь, подстилали на это ложе плетенку изъ сосновыхъ вѣтвей. Эти постели служили скамьями и стульями. Посрединѣ хижины помѣщался очагъ, грубо сложенный изъ камней: онъ нагрѣвалъ житье зимою и на немъ круглый годъ готовили кушанье. Прибавимъ, что огонь разведенный почти постоянно и зола покрывавшая полъ, предохраняли жителей отъ безпокойныхъ насѣкомыхъ, которыя гибли спрыгивая въ эти необыкновенныя ловушки. Дымъ выходилъ въ единственное отверстіе, продѣланное въ кровлѣ (1).“

Таково описаніе доисторическихъ кузницъ, составленное г. Кикере. Отсутствіе мѣховъ отличительная ихъ черта. Мы думаемъ однако же, что у горновъ въ нижней части должны были существовать поддувала для лучшей тяги воздуха; поддувала, которыя будучи открыты или закрыты—усиливали или ослабляли горѣніе. Не было только настоящихъ мѣховъ, поддерживающихъ горѣніе и химическую реакцію кислорода желѣза съ углеродомъ. Приспособленіе раздувательныхъ мѣховъ принесло существенное улучшеніе кузнечному мастерству.

Другое улучшеніе состояло въ устройствѣ заслонки въ нижней части каменнаго бассейна, гдѣ жгли топливо и руду—состоявшей изъ нѣсколькихъ кирпичей, которыя можно было вложить или вынуть по желанію. По окончаніи работъ, сквозь эту заслонку вынимали лепешку желѣза, чего нельзя было сдѣлать сверху, за высотою горна. Ковка съ нѣсколькими проколками отдѣляла отъ ноздреватаго желѣза постороннія части, дѣлала его плотнѣе и превращала въ полосу, изъ которой кузнецы выдѣлывали разныя орудія.

Эти первобытные, но уже усовершенствованные горны извѣстны нѣмецкимъ рудокопамъ подъ именемъ: stuckhofen. Смотря по мѣстностямъ, въ устройствѣ ихъ дѣлали измѣненія—и по расположенію горна и особенно по свойству желѣзной руды, изобрѣли

---

(1) De l'age du fer, Recherches sur les anciennes forges du Jura bernois par Quiquerez. 1866, pp. 35—39, 77—80. Matériaux pour l'histoire positive de l'homme par Mortillet. Tome II. Paris 1866. pp. 505—510.

методы или способы обработки желѣза, извѣстные нынѣ подъ именемъ способовъ: шведскаго, нѣмецкаго, стирійскаго, каринтійскаго, корсиканскаго и каталанскаго.

Древніе горны для выплавки желѣза можно назвать однимъ общимъ именемъ *низкихъ горновъ*.

Приспособленіе кремнистыхъ веществъ къ извлеченію желѣза, дающее возможность получать жидкія окалины, вытекающія изъ тигля въ видѣ огненнаго ручья, было послѣднимъ усовершенствованіемъ въ этомъ отдѣлѣ горнозаводской промышленности. Такъ какъ при этомъ значительно увеличили высоту каменнаго тигля, въ который клали руду и топливо, *высокихъ горновъ*, т. е. нынѣшней системы извлеченія желѣза изъ руды.

Не имѣемъ надобности дѣлать оговорку, что какъ низкіе, такъ и высокіе горны, не имѣютъ отношенія ко временамъ первобытнаго человѣка, которыя составляютъ главный предметъ нашего сочиненія. Въ желѣзную эпоху, теперь изслѣдуемую нами, былъ извѣстенъ горнъ безъ вѣтродульныхъ мѣховъ; желѣзо за одинъ разъ изготовлялось въ самомъ ничтожномъ количествѣ и его надобно было отыскивать въ золѣ, выгребенной изъ каменной печи.

Золото, какъ мы уже говорили, было извѣстно людямъ съ бронзовой эпохи; серебро же, напротивъ, съ желѣзной. Серебра нельзя добыть инымъ путемъ, какъ отдѣляя его отъ свинца, съ которымъ оно всегда соединено въ своемъ единственномъ состояніи. Отдѣленіе свинца и желѣза называется *купеллированіемъ* и операція эта весьма сложная. Въ желѣзную эпоху она была извѣстна; серебро извлекали изъ серебристаго свинца посредствомъ тиглей, хорошо вылѣпленныхъ изъ золы.

Что особенно характеризуетъ изучаемую нами эпоху — это появленіе глиняной посуды, выдѣланной на станкѣ и обожженной въ усовершенствованной печи. До тѣхъ поръ гончарныя издѣлія вылѣплялись руками и обсушивались на открытомъ воздухѣ. Гончарная печь была изобрѣтена въ началѣ желѣзнаго періода. Въ ней обжигались гончарныя издѣлія, вылѣпленныя на станкѣ.

Наконецъ, что равномѣрно характеризуетъ желѣзную эпоху — это появленіе монеты. Съ этого времени появились первыя извѣст-

ныя намъ монеты. Онѣ бронзовыя и имѣютъ фигуру или клеймо не выбитое, но полученное посредствомъ отливки въ форму.

Древнѣйшія извѣстныя монеты—греческія и появились въ восьмой вѣкъ до Рождества Христова. Таковы монеты Эгины, Аѳинъ и Кизики. Ихъ обрѣли недавно въ Позенскомъ герцогствѣ.

Въ озерномъ жилищѣ Нефшателя тоже найдены были монеты глубочайшей древности. Представляемъ здѣсь въ настоящую величину (рис. 117) по рисунку изъ мемуара г. Дезора, бронзовую монету, найденную въ селеніи Тенъ въ озерѣ Нефшательскомъ. Но эти монеты не древнѣе греческихъ изъ Эгины и Кизики. Онѣ галльскія, что доказывается изображеніемъ на нихъ рогатаго коня, галльской эмблемы.

Въ Тифенау, близъ Берна, нашли подобныя же монеты, вмѣстѣ съ другими съ изображеніемъ Аполлона и клеймомъ *Массиліи* (Марселя). Основаніе этой фокейской колоніи относятъ къ шестому вѣку до Р. Х. и потому можно сказать, что эти монеты древнѣйшія изъ всѣхъ до нынѣ извѣстныхъ.

Стекло,—какъ мы сказали, было—извѣстно въ бронзовую эпоху, вслѣдствіе изготовленія этого металлическаго сплава, а потому изобрѣтеніе его и не можетъ характеризовать описываемую нами эпоху.

Главнѣйшія характеристическія черты желѣзной эпохи: орудія и оружіе желѣзныя, присоединившіеся уже къ существовавшимъ бронзовымъ для замѣны каменныхъ;—ознакомленіе со свинцомъ и съ серебромъ;—усовершенствованіе гончарныхъ издѣлій;—употребленіе монеты. Чтоже касается до цифры хронологической, мы принимаемъ 2000 лѣтъ до Р. Х., чтобы не противорѣчить большинству писателей; бронзовую же эпоху относимъ къ 4000 лѣтъ до Р. Х.

Сдѣлавъ этотъ общій взглядъ, мы можемъ перейдти къ изложенію обычаевъ и нравовъ человѣчества въ желѣзную эпоху или, по крайней мѣрѣ, въ первыя времена этого періода, соединяющагося со временами историческими.

Изучивъ человѣка въ первыя времена желѣзной эпохи, мы окончимъ бѣглый очеркъ первобытнаго человѣка и его трудовъ. Періодъ этотъ начинается, какъ мы сказали, около 200 лѣтъ

до Р. Х. и оканчивается при началѣ первыхъ проблесковъ историческихъ временъ. Поспѣшимъ же описать все что намъ извѣстно о человѣкѣ въ эпоху рождающейся цивилизаціи. За симъ нужно будетъ обратиться уже къ первымъ историкамъ,къ Геродоту—отцу исторіи—чтобы узнать о дѣяніяхъ и подвигахъ рода человѣческаго въ Европѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оружіе.—Орудія, утварь, посуда.—Курганы Галльштадта и равнины Лонима.—Озерныя жилища Швейцаріи.—Человѣческія жертвоприношенія.—Типъ человѣка въ желѣзную эпоху.—Начало историческихъ временъ.

Драгоцѣннѣйшіе слѣды обычаевъ человѣчества, въ первыя времена желѣзной эпохи, были найдены на обширномъ кладбищѣ, недавно открытомъ въ Австріи въ Галльштадтѣ близъ Зальцбурга. Рамзауэръ, директоръ Зальцбургскихъ соловарень, розыскалъ въ этой мѣстности около тысячи могилъ и описалъ ихъ, въ весьма любопытномъ сочиненіи, котораго рукописная копія, весьма намъ пригодившаяся, находится въ сен-жерменскомъ археологическомъ музеумѣ.

Такъ какъ галльштадтскіе могильные курганы принадлежатъ именно первымъ временамъ желѣзной эпохи, они въ нашихъ глазахъ составляютъ естественный переходъ отъ эпохи бронзовой къ эпохѣ желѣзной. Дѣйствительно множество предметовъ, найденныхъ въ этихъ могилахъ: кинжаловъ, мечей, разныхъ украшеній—представляютъ соединеніе бронзы съ желѣзомъ. Мечь, напримѣръ, состоитъ изъ бронзовой рукояти и желѣзнаго лезвія.

Бѣгло обозрѣвая предметы, найденные въ галльштадтскихъ могилахъ, мы дадимъ точное понятіе о началѣ желѣзной эпохи.

Прежде всего поражаетъ глубокое измѣненіе въ погребальныхъ обрядахъ. Въ каменный вѣкъ, мертвецовъ клали въ маленькіе подземные крипты, т. е. въ дольмены или *тумулусы*. Въ концѣ бронзовой и въ началѣ желѣзной эпохи начали сожигать трупы. Это обыкновеніе съ вѣками возрастало и въ историческія времена вошло повсемѣстно у многихъ народовъ.

Въ могилахъ Галльштадта попадается много глиняныхъ вазъ съ золою. Иногда встрѣчаютъ только сожженую часть тѣла, такимъ образомъ что въ могилѣ находятъ часть остава, а подлѣ него зола отъ частей, истребленныхъ огнемъ.

Могилы галльштадтскія такъ и раздѣляютъ на эти два разряда погребеній. Одна половина ихъ числа содержитъ просто золу; въ другой трупы уложены по общему обыкновенію желѣзной эпохи. Наконецъ, какъ мы сказали, въ нѣкоторыхъ лежатъ частію обгорѣлые оставы: иногда черепъ, иногда вся грудь; то нижнія конечности, причемъ зола лежитъ подлѣ уцѣлѣвшихъ частей.

Въ галльштадтскихъ могилахъ найдено много вещей, оружія и орудій могущихъ разъяснить исторію желѣзной эпохи. Всѣ эти вещи бронзовыя или желѣзныя, въ послѣднемъ случаѣ въ особенности оружіе. Изъ острыхъ оружій найдены: мечи, наконечности копій, кинжалы, ножи, топоры съ обухами и загибками. Рисунки кинжаловъ и мечей мы уже представили читателямъ. У всѣхъ этихъ оружій рукоятки бронзовыя, лезвія желѣзныя. Многіе поясы для мечей состоятъ изъ бронзовыхъ полосокъ, украшенныхъ рисунками обронной работы.

Представляемъ изображеніе ожерелья съ привѣсками (рис. 118) замѣчательно выполненнаго. Видно, что искуство достигло тогда высшей степени. Въ немъ слышатся уже начатки тѣхъ чудесъ, которыя явятся подъ небесами Греціи.

Браслеты, найденные цѣлыми сотнями, головныя шпильки, бронзовыя пуговицы—всѣ эти предметы выработаны со вкусомъ и нерѣдко украшены весьма изящными привѣсками. На рис. 119 и 120 изображены два браслета, съ рисунковъ рукописи о *Галльштадтскихъ могилахъ*, сочин. Рамзауэра. Изъ туалетныхъ украшеній найдены зерна янтарнаго ожерелья и нѣсколько зеренъ эмалевыхъ.

Въ галльштадскихъ могилахъ найдено около двухъ сотъ бронзовыхъ сосудовъ, изъ которыхъ иные достигаютъ до 90 сантиметровъ высоты. Эти бронзовые сосуды состоятъ изъ нѣсколькихъ кусковъ свинченныхъ, но не спаянныхъ. На рис. 121 и 122 изображены сосуды особенно изящной формы и съ украшеніями.

Въ тѣхъ же галльштадскихъ могилахъ найдены были небольшіе стеклянные сосуды.

Остатки гончарныхъ издѣлій изобильны и свидѣтельствуютъ объ усовершенствованіи выдѣлки; найдено было нѣсколько золотыхъ вещицъ. Золото для ихъ выдѣлки было вѣроятно добыто въ рудникахъ Трансильваніи.

Много встрѣчается въ этихъ могилахъ издѣлій изъ африканской слоновой кости: это признакъ весьма отдаленныхъ торговыхъ сношеній. Кость и стекло привозили въ Европу финикіяне. Европейскіе народы путемъ мѣховой торговли получали слоновую кость изъ Тира и Сидона.

Издѣлія изъ слоновой кости, найденныя въ галльштадтскихъ могилахъ, состоятъ изъ головокъ, шпилекъ и мечевыхъ эфесовъ.

Монетъ никакихъ не попадается по той причинѣ, что въ этихъ краяхъ Европы онѣ еще не вошли въ употребленіе.

Тогдашнее населеніе окрестностей зальцбургскихъ саловарень было очень богато, такъ какъ соляныя копи были для него источникомъ благосостоянія, въ то время когда еще не были извѣстны или доступны пріиски каменной соли въ Польшѣ. Такимъ образомъ объясняется всеобщее благоденствіе этихъ торговыхъ населеній и, вслѣдствіе этого, изящество и богатство предметовъ, найденныхъ въ галльштадтскихъ могилахъ.

Послѣ галльштадскихъ могилъ слѣдуетъ упомянуть о могилахъ, найденныхъ на равнинѣ Соммы, въ Ломбардіи, какъ принесшихъ то же полезную дань исторіи первыхъ временъ желѣзной эпохи.

На этой равнинѣ найдены могилы, сложенныя изъ неотесанныхъ камней формы прямоугольной. Внутри ихъ лежали сосуды съ золою, весьма порядочной работы. Они изъ тонкаго глинянаго тѣста выдѣланы на станкѣ, украшенные рисунками и выпуклыми каймами. На нѣкоторыхъ видны даже изображенія животныхъ, свидѣтельствующія о важныхъ успѣхахъ въ области изящнаго. Время выдѣлки этихъ урнъ опредѣляютъ намъ фибулы (застежки плащей), кольца и браслеты желѣзные, портупеи бронзовыя и желѣзныя и маленькія бронзовыя цѣпочки. Могилы Соммы принадлежатъ эпохѣ переходной, отъ эпохи бронзовой къ желѣзной. По

вычисленіямъ г. Мортійе онѣ принадлежатъ къ седьмому вѣку до Р. Х.

Здѣсь же упомянемъ о гробницахъ Сенъ-Жанъ де Белльвиль, въ Савойи. Здѣсь многочисленныя могилы съ начала желѣзной эпохи были изслѣдованы г. Борелемъ и г. Коста де Борегаръ. Послѣдній представилъ въ роскошномъ изданіи подробное описаніе этихъ могилъ ([1]).

Многіе скелеты лежатъ на спинѣ, сожжены отчасти, какъ въ галльштадтскихъ могилахъ. Найдено было много вещей, особенно украшеній. Таковы: застежки, браслеты, янтарныя и стеклянныя ожерелья и т. д.

Озерныя жилища Швейцаріи тоже доставили свою дань, полезную для историческихъ свѣденій о желѣзной эпохѣ.

На разныхъ пунктахъ Біенскаго и Нефшательскаго озеръ существуютъ постройки на сваяхъ, въ которыхъ найдены желѣзныя вещи съ обломками, принадлежащими отдаленнѣйшимъ вѣкамъ; одно только озерное жилище Швейцаріи принадлежитъ первымъ временамъ желѣзной эпохи—жилище Тенъ на Нефшательскомъ озерѣ.

Большая часть найденныхъ здѣсь вещей, извлечены изъ тины, гдѣ онѣ превосходно сохранились, будучи защищены отъ прикосновенія воздуха. Ихъ нашли повсюду гдѣ только видны сваи, и если дальнѣйшіе розыски увѣнчаются успѣхомъ, то отъ жилища Тенъ надо ожидать богатѣйшей поживы, такъ какъ сваи занимаютъ пространство въ 15 гектаровъ.

Обломки, найденные въ этомъ жилищѣ, очевидно галльскаго происхожденія. Въ этомъ легко было убѣдиться, сравнивая найденное въ немъ оружіе съ найденнымъ во рвахъ Alise Sainte-Reine, древней Алезіи, гдѣ окончилось владычество галловъ во время ихъ великой борьбы съ Цезаремъ.

Г. де Ружмонъ замѣтилъ, что это оружіе совершенно соотвѣтствуетъ описанію у Діодора Сицилійскаго оружія гальскаго. Стало быть Швейцарія была заселена, въ первые годы желѣзной эпохи, галльскими племенами, т. е. племенемъ отличнымъ отъ заселявша-

([1]) Lés sèpultures de St. Jean de Bellerille—in. 4

го эту страну въ каменную и бронзовую эпохи, и этотъ новый періодъ ввелъ въ Швейцаріи употребленіе желѣза.

Между предметами, найденными въ *палафиттѣ* Тена многочисленнѣйшіе состоятъ изъ оружія: мечей, наконечниковъ копій и дротиковъ. Большая ихъ часть предохранена была отъ ржавчины слоемъ ила.

Мечи всѣ прямые, не очень толстые (не болѣе трехъ миллиметровъ) и совершенно плоскіе. Длина лезвія отъ 80 до 90 сантиметровъ; оно оканчивается рукоятью, около 15 сантиметровъ— безъ чашки и крестообразной поперечины. Многіе мечи еще въ ножнахъ и потому сохранились превосходно и ими еще можно рѣзать.

Одинъ мечъ по всей поверхности покрытъ струйками (дамаскированъ) и только края его гладко отшлифованы.

Археологъ г. Реффи (Reffye) объясняетъ этотъ фактъ слѣдующимъ образомъ: По его мнѣнію лезвіе изъ твердаго, негибкаго желѣза, а края наварены изъ полосокъ желѣза мягкаго выкованнаго молотомъ. Этотъ способъ ковки,—давалъ возможность воину, самому выправлять иззубрины на остреѣ. Выгода драгоцѣнная для эпохи, когда войска не сопровождались обозами и почти все имущество свое воинъ несъ на себѣ. Подобныхъ дамаскированныхъ клинковъ найдено много и во рвахъ Ализы.

Ножны, впервыя попадаюіяся намъ, находка важная по украшающимъ ихъ рисункамъ. Послѣдніе большею частью дѣланы рѣзцомъ, а иные обронной работы. На всѣхъ лежитъ печать оригинальности, своехарактерности, отличающая ихъ отъ римскихъ издѣлій этого рода. Однѣ изъ подобныхъ ноженъ (рис. 123) принадлежатъ къ коллекціи г. Дезора и нарисованы въ его мемуарѣ. На нихъ изображенъ рогатый конь, символъ галловъ, чѣмъ доказывается происхожденіе оружія, найденнаго въ озерѣ Тенъ. Подъ рисункомъ зернистая насѣчка въ родѣ шагреневой кожи.

Эти ножны состоятъ изъ двухъ полосокъ тонко выбитаго листоваго желѣза, припаянныхъ другъ къ другу, кромѣ нижней части, гдѣ онѣ связаны проволокою весьма искусно свитою. На верхнемъ концѣ пластинка, съ рисункомъ съ одной стороны и кольцомъ—съ другой, для привѣски меча къ поясу.

Наконечники копій замѣчательны своими странными формами и большими размѣрами, Длина ихъ до 40 сантиметровъ, ширина отъ 4 до 6; они обоюдоостры и волнообразно изогнуты и снабжены неравными выемками и скважинами. Иныя скважины имѣютъ видъ полумѣсяца. Средневѣковая алебарда была можетъ быть усовершенствованіемъ или видоизмѣненіемъ этихъ странныхъ копьевыхъ наконечниковъ.

Вмѣстѣ съ наконечниками найдены были обломки древка, на которое наконечники насаживались; древки эти тонкія и въ верхней части окованы желѣзомъ.

Что это наконечники копій, а не стрѣлъ или дротиковъ, которые метались издали и слѣдовательно терялись—это доказывается изяществомъ ихъ отдѣлки. Очевидно не стали бы прилагать такихъ стараній для выдѣлки оружія, служившаго только на одинъ резъ. Этого нельзя сказать о наконечникахъ дротиковъ, найденныхъ во множествѣ въ озерномъ жилищѣ Тена. Это просто желѣзки съ углубленьями внутри для насадки на древко, оканчивающіеся листовиднымъ остреемъ, длиною отъ 10 до 12 сантиметровъ.

Изъ опытовъ, дѣланныхъ по приказанію императора, явствуетъ, что дротики эти не были оружіемъ метательнымъ, что бросали ихъ не рукою просто (придерживаясь за древко), но посредствомъ веревки или пращи, у римлянъ называвшейся amentum.

Опыты эти доказали, что стрѣла брошенная рукою, далѣе 20 метровъ не летитъ; съ помощію же пращи (amentum) ее можно метнуть вчетверо далѣе. У галловъ, вѣроятно, существовали цѣлые особые отряды пращниковъ, вооруженныхъ *дротиками на пращахъ* и метавшихъ дротики съ пращъ, какъ другіе мечутъ камни. Этотъ выводъ г. Дезора кажется намъ весьма справедливымъ.

Дротики предыдущаго типа весьма часто попадаются во рвахъ Ализы. Кромѣ ихъ, тутъ же находятъ множество желѣзныхъ стрѣлъ, не встрѣчающихся въ озерномъ жилищѣ Тена.

Дротики, въ рукахъ человѣка желѣзной эпохи, были не единственно оружіемъ воинскимъ; они употреблялись также и на охо-

тѣ. Лукъ и *пращный дротикъ* были охотничьими оружіями этой эпохи.

За оружіемъ слѣдуютъ орудія. Прежде всего назовемъ топоры. Они больше, крѣпче и съ болѣе широкимъ лезвіемъ, нежели топоры бронзовой эпохи. Загибокъ на нихъ уже нѣтъ, а только на обухѣ четырехугольная впадина, въ которую вставлялось изогнутое топорище.

Серпы больше, но и проще нежели серпы бронзовой эпохи; на нихъ нѣтъ ни рисунковъ, ни украшеній.

После серповъ слѣдуетъ упомянуть о косахъ съ кольцемъ для насадки на древко, найденныхъ въ двухъ экземплярахъ въ озерномъ жилищѣ Тена. Длина ихъ около 35 сантиметровъ, т. е. они втрое меньше косъ нынѣ употребляемыхъ швейцарскими жнецами. Изъ присутствія этихъ косъ можно сдѣлать важный выводъ: люди начала желѣзной эпохи заготовляли запасы сѣна и слѣдовательно занимались скотоводствомъ.

Желѣзные наконечники багровъ, употребляемыхъ лодочниками, очень обыкновенны на Тенѣ; они оканчиваются четырехсторонней пирамидой или конусомъ. Въ нѣкоторыхъ еще уцѣлѣли обломки деревянныхъ шиповъ, къ которымъ наконечники прибивались гвоздями.

Вслѣдъ за этими предметами назовемъ удила и подковы; первыя весьма простой конструкціи, которой придерживались весьма долгое время. Онѣ состоятъ изъ желѣзной цѣпочки вкладывавшейся въ ротъ лошади и по краямъ оканчиваются кольцами, къ которымъ привязывали поводья.

Фибулы или застежки плащей заслуживаютъ особеннаго вниманія: они весьма изящныхъ и разнообразныхъ формъ, величиною отъ 6 до 12 сантиметровъ. Всѣ они состоятъ изъ булавки (рис. 124), соединенной съ пружиною, обмотанною вокругъ валька; всѣ снабжены чахломъ для острея, для отклоненія укола. Большая ихъ часть такъ хорошо сохранилась, что могла бы быть и теперь употреблена въ дѣло.

Эти застежки, о которыхъ мы уже упоминали при обзорѣ галльштадскихъ могилъ и которыя впослѣдствіи были извѣстны этрускамъ и римлянамъ — могутъ служить доказательствами тому, что древніе гельветы и германцы носили тоги. Застежки эти совер-

шенно особаго фасона, отличнаго отъ фибулъ римскихъ; во всѣхъ же своихъ прочихъ частяхъ, онѣ совершенно похожи на находимыя въ Ализѣ.

Вмѣстѣ съ фибулами въ швейцарскихъ озерахъ найдено много колецъ, назначенiе которыхъ до нынѣ загадочно. Однѣ гладкiя, другiя разнообразно рѣзныя. Полагаютъ, что нѣкоторыя кольца служили пряжками для воинскихъ поясовъ, но назначенiе прочихъ необъяснимо. Ихъ нельзя, по малому объему, причислить и къ браслетамъ. На иныхъ кольцахъ правильно расположенныя насѣчки по всей окружности; изъ этого вытекаетъ предположенiе, что кольца замѣняли, можетъ быть, ходящую монету.

Въ озерномъ жилищѣ Тена (на Нефшательскомъ озерѣ) найдены также: хорошей работы щипцы, служившiя вѣроятно для выщипыванiя волосъ; пара ножницъ съ пружиною (рис. 125) изъ цѣльнаго куска металла и нѣсколько тонкихъ лезвiй (рис. 126), вѣроятно бритвянныхъ.

Гончарныя издѣлiя этой эпохи не обличаютъ существенныхъ успѣховъ противъ бронзовой эпохи: они дурно обожжены и глиняное мѣсиво темнаго цвѣта. Правда, что вмѣстѣ съ этой посудой найдено множество черепковъ отъ сосудовъ и даже цѣлыхъ сосудовъ выдѣланныхъ на станкѣ, обожженныхъ въ печи и такимъ образомъ, красноватымъ своимъ цвѣтомъ подходящихъ къ нынѣшнимъ горшечнымъ работамъ. Но по мнѣнiю археологовъ эти сосуды не старѣе римской эпохи, и мнѣнiе это подтверждается обрѣтенiемъ между свай Тена груды черепицъ, очевидно римскаго происхожденiя. Изъ этого можно вывести, что многiя швейцарскiя озерныя жилища еще существовали во время римскаго владычества.

Мы уже говорили, что появленiе монеты, есть отличительная черта желѣзной эпохи. Въ 1864 году г. Дезоръ нашелъ въ Тенскомъ озерѣ пять монетъ, несомнѣнно галльскихъ. Онѣ бронзовыя и на одной ихъ сторонѣ изображенъ рогатый конь, съ другой человѣческiй профиль. Мы представили выше (рис. 117) любопытный образчикъ монеты озерныхъ жилищъ, найденный г. Дезоромъ въ Нефшательскомъ озерѣ. Пузырьки и рябинки на ея поверхности доказываютъ, что монету отливали въ формы нѣсколькими рядами, а потомъ одну отъ другой отпиливали.

Совершенно подобныя же монеты были найдены, какъ мы говорили, въ Тифенау, близъ Берна, съ изображеньями Діаны, Аполлона и клеймомъ Марселя. Послѣднія не старѣе шестаго вѣка нашей эры: т. е. времени основанія Марселя; можно предполагать, что и прочія монеты имъ ровесницы.

Таковы остатки орудій, оружія, утвари и проч. выдѣланныхъ изъ желѣза и собранныхъ въ озерномъ жилищѣ Тена, т. е. въ Нефшательскомъ озерѣ. Прибавимъ, что близъ Берна, на мѣстѣ, называемомъ *полемъ сраженія Тифенау*, такъ какъ оно было театромъ великой борьбы между гельветами и галлами, собрано было до сотни мечей и наконечниковъ копій, подобныхъ найденнымъ въ Тенѣ, осколки латъ, кольца, застежки, каменныя шины, наконецъ монеты галльскія и марсельскія серебряныя, бронзовыя и оловяныя. Слѣдовательно это поле сраженія современно озернымъ жилищамъ Тена.

Кромѣ двухъ драгоцѣнныхъ источниковъ историческихъ свѣденій—Тена и Тифенау — въ Швейцаріи находятся, *тумулусы* и обыкновенныя гробницы которыя могутъ служить справочнымъ архивомъ о желѣзной эпохѣ. Здѣсь слѣдуетъ только замѣтить, что иногда трудно съ достовѣрностью опредѣлить, что двѣ одинакія гробницы принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ, а потому при опредѣленіи времени слѣдуетъ быть весьма осмотрительнымъ.

Короче сказать, желѣзная эпоха, даже въ первыя свои времена нами изслѣдованныя, можетъ оказаться истинною эпохою начала цивилизаціи у европейскихъ народовъ.

Выдѣлка простыхъ продуктовъ, какъ-то желѣза и тканей давали все необходимое для насущныхъ житейскихъ потребностей. Торговля была уже въ цвѣтущемъ состояніи, такъ какъ уже не ограничивалась простою мѣною. Монета, условное выраженіе богатства, будучи въ обращеніи въ эту эпоху, чрезвычайно облегчала обмѣнъ. Что касается до земледѣлія, то и оно преуспѣло на столько, на сколько могло, на зорѣ цивилизаціи. Остатки, житъ найденные въ озерныхъ жилищахъ Швейцаріи, вмѣстѣ съ желѣзными земледѣльческими орудіями: косами и серпами, довольно ясно говорятъ намъ, что хлѣбопашество было главнымъ богатствомъ тогдашнихъ народовъ. Лошадь, оселъ, собака, быкъ, боровъ уже съ давнихъ временъ были

сотрудниками человѣка при его полевыхъ работахъ или подспорьемъ въ его продовольствіи. Фруктовыя деревья разводились то же въ значительномъ количествѣ.

Правда, намъ не извѣстно ни одно бронзовое или желѣзное орудіе, служившее для обработки земли у народовъ желѣзной эпохи. Кромѣ серповъ, другихъ орудій не было найдено. Но эти орудія, вмѣстѣ съ костями домашней скотины, находимыя въ болотныхъ и озерныхъ жилищахъ, доказываютъ, что землепашество и удобреніе земли, были хорошо извѣстны людямъ періода предшествовавшаго временамъ историческимъ.

Несомнѣнные признаки доказываютъ существованіе человѣческихъ жертвоприношеній у древнихъ гельветовъ. Изъ разсказовъ древнихъ историковъ извѣстно, что варварское это обыкновеніе существовало у галловъ и народовъ Сѣверной Европы. Въ тумулусѣ близъ Лозанны, заключавшемъ въ себѣ четыре погребальныя урны, въ то же время найдено было четыре остава молодыхъ женщинъ. Поломанныя ихъ кости ясно доказывали, что онѣ погибли въ истязаніяхъ. Остатки ихъ украшеній были разбросаны кругомъ и по всему замѣтно, что несчастныя жертвы суевѣрія были раздавлены подъ камнями, изъ которыхъ слагали тумулусъ. Неподалеку въ другомъ тумулусѣ лежали двѣнадцать оставовъ въ безпорядочномъ положеніи. Вѣроятно это остатки людей, одновременно умерщвленныхъ на алтарѣ неумолимаго божества.

Какой былъ типъ человѣка въ желѣзную эпоху? Вѣроятно такой же какъ и нынѣ. Черепа и оставы, найденные въ гробницахъ этой эпохи, принадлежатъ породѣ людей совершенно тождественной съ теперешнею породою.

Далѣе мы не простираемъ нашихъ изслѣдованій о первобытномъ человѣчествѣ. Мы достигли эпохи, достаточно просвѣщенной преданіями и документами историческими. Задача естествоиспытателя оканчивается тамъ, гдѣ начинается работа историка.

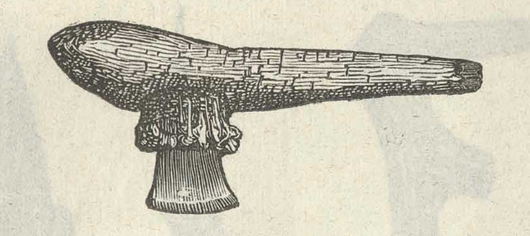

Рис. 78. Каменный топоръ.

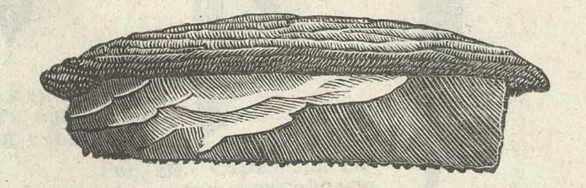

Рис. 79. Кремневая пила.

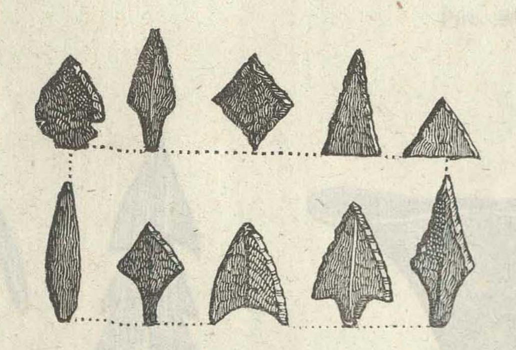

Рис. 80. Разные виды наконечниковъ стрѣлъ.

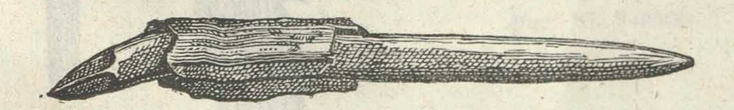

Рис. 81. Костяной наконечникъ, прикрѣпленный смолою.

Рис. 82. Каменный наконечникъ, прикрѣпленный смолою.

Рис. 83. Стрѣловой наконечникъ, прикрѣпленный ниткою.

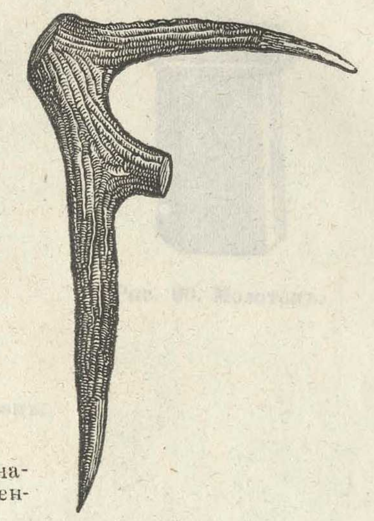

Рис. 84. Кирка.

Рис. 85. Острогъ изъ оленьяго рога.

Рис. 86. Острогъ съ двумя рядами зазубринъ.

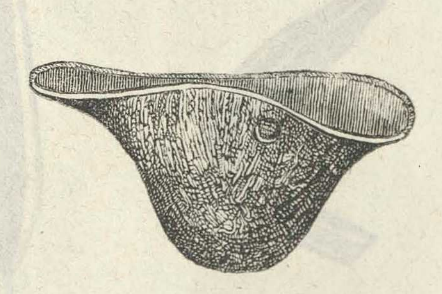

Рис. 87. Плошка.

Рис. 88. Топоръ.

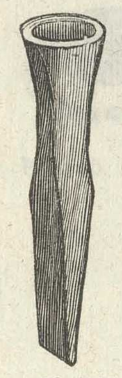

Рис. 89. Рѣзецъ.

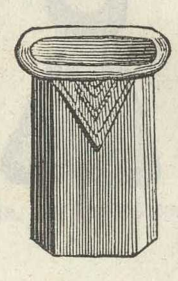

Рис. 90. Молотокъ.

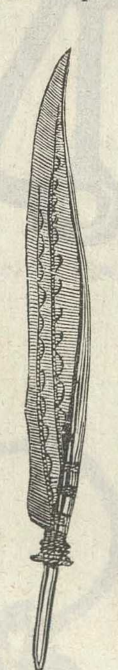

Рис. 91. Ножъ.

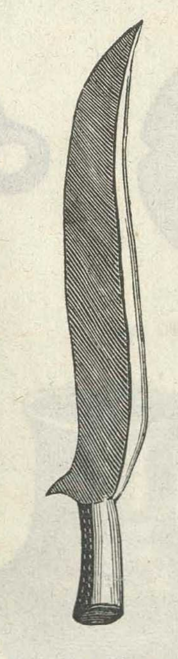

Рис. 92. Ножъ.

Рис. 93. Серпъ.

Рис. 94. Браслетъ.

Рис. 95. Кольце.

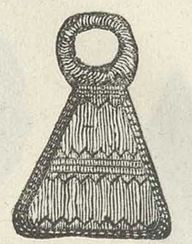

Рис. 96. Привѣска.

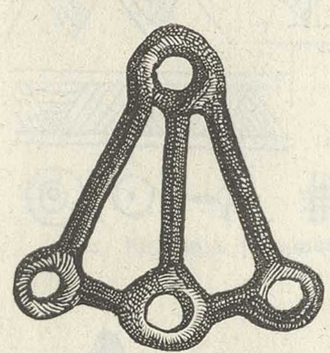

Рис. 97. Привѣска.

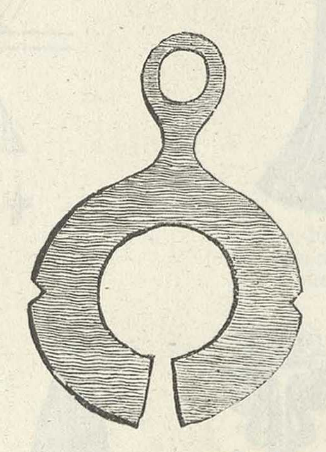

Рис. 98 Бронзовая привѣска.

Рис. 99. Обручевидная привѣска.

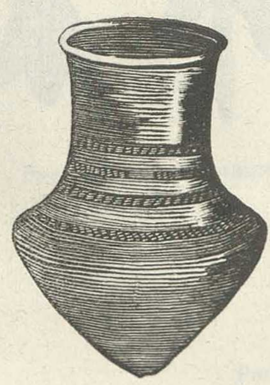

Рис. 100. Глиняный сосудъ.

Рис. 101. Глиняный сосудъ.

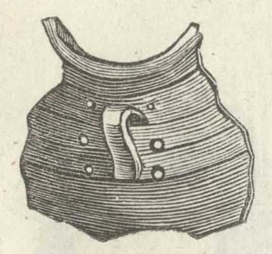

Рис. 102. Глиняный сосудъ съ ручкой.

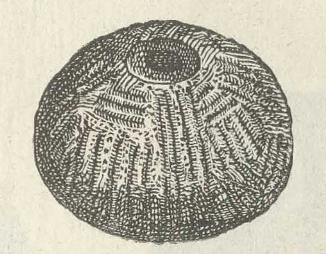
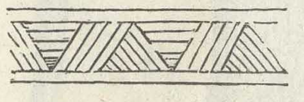
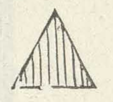

Рис. 103 Тарелка глиняная.

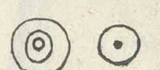

Рис. 104. Видъ украшеній.

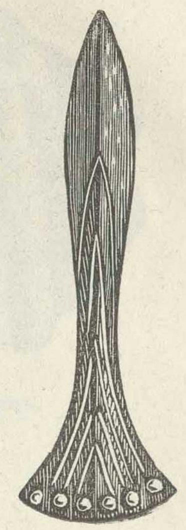

Рис. 105. Бронзовый кинжалъ.

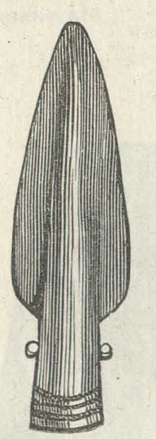

Рис. 106. Наконечникъ копій.

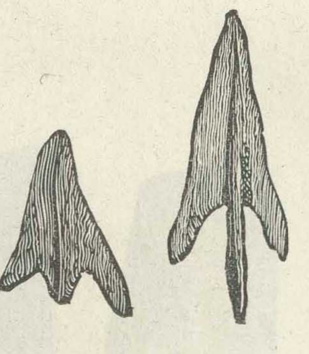

Рис. 107. Наконечникъ стрѣлъ.

Рис. 108. Бронзовый ножъ скандинавскій.

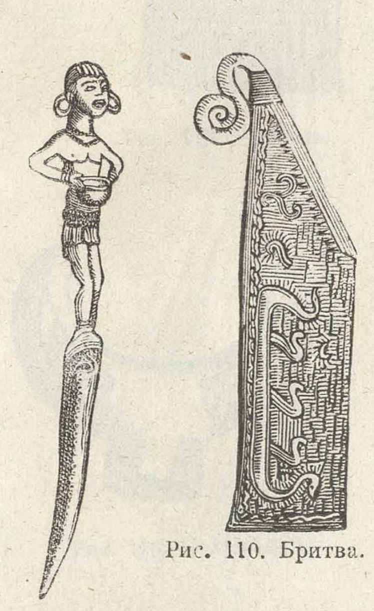

Рис. 109. Бронзовый ножъ скандинавскій

Рис. 110. Бритва.

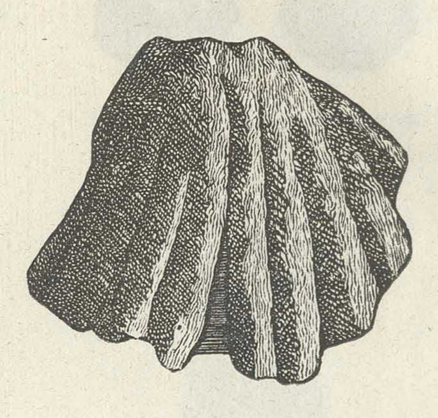

Рис. 111. Плащъ.

Рис. 112. Сорочка.

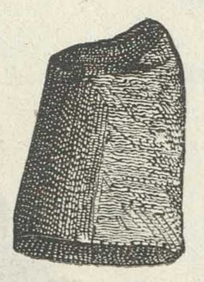

Рис. 113. Шапка.

Рис. 114. Шапка.

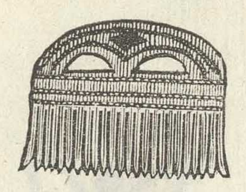

Рис. 115. Гребень.

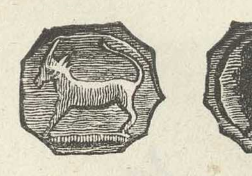

Рис. 117. Бронзовыя монеты.

Рис. 116. Полумѣсяцъ.

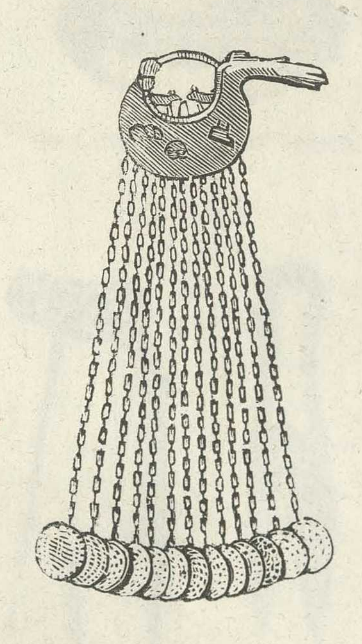

Рис. 118. Ожерелье съ призѣсками.

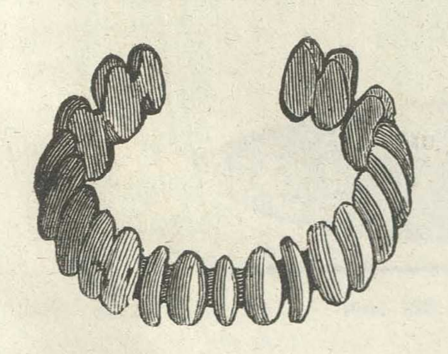

Рис. 119. Браслетъ.

Рис. 120. Браслетъ.

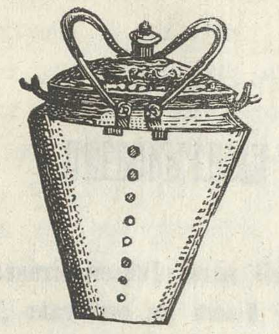

Рис. 121. Бронзовый сосудъ.

Рис. 122. Бронзовый сосудъ.

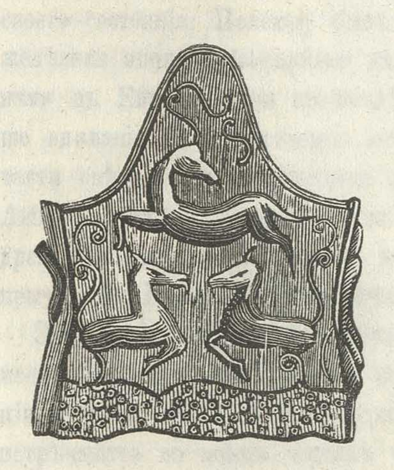

Рис. 123. Ножны.

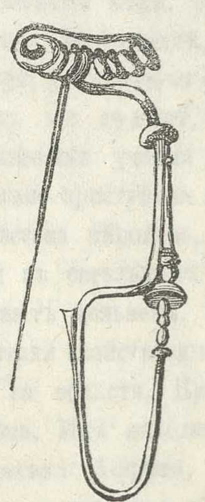

Рис. 124. Фибула.

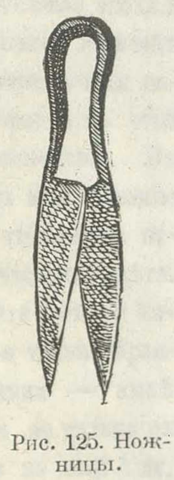

Рис. 125. Ножницы.

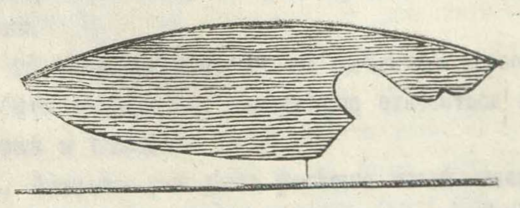

Рис. 126. Бритва.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ АМЕРИКѢ.

Развитіе человѣчества было конечно одинаково во всѣхъ частяхъ свѣта, такъ что въ какой бы странѣ его не изучать, повсюду человѣкъ прошелъ тѣ же самые фазисы до достиженія теперешняго своего состоянія. Повсюду былъ каменный вѣкъ, бронзовая эпоха и желѣзная эпоха, смѣнившіяся въ томъ же порядкѣ, какой замѣченъ нами въ Европѣ. Если на послѣдней мы особенно сосредточили наше вниманіе, то единственно потому, что до нынѣ, только въ этой части свѣта были произведены прилежныя ученыя изысканія. Въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ едва только приступили къ изслѣдованію древности рода человѣческаго; но весьма вѣроятно, что факты открытые въ Европѣ, повторяются и въ остальныхъ частяхъ свѣта.

Это на первый случай доказываютъ дольмены. Эти могилы каменнаго вѣка, которыя сперва почитали свойственными только Франціи и даже исключительно одной ея области, Бретани — нынѣ встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта. Ихъ находятъ не только въ Европѣ, но во множествѣ и на берегахъ Африки, и по всей Азіи, даже до глубины Индіи, этотъ родъ погребенія обозначаетъ одну эпоху въ исторіи человѣка, чтò подтверждено и новѣйшими путешественниками.

И такъ, тѣ свѣденія, которыя мы имѣемъ о первобытной Европѣ, могутъ быть обобщены и равномѣрно относиться къ Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Океаніи.

Впрочемъ, Америка уже была успѣшно изслѣдована въ отношеніи исторіи первобытнаго человѣка; и потому послѣднія страницы нашего труда мы посвятимъ обзору доисторическихъ слѣдовъ, найденныхъ въ Америкѣ, и изложенію предварительныхъ условій бытія человѣка, разоблачаемыхъ этими слѣдами.

Обнародованныя уже свѣденія касаются только сѣверной Америки.

О каменныхъ и костяныхъ орудіяхъ Новаго Свѣта, безполезно было бы распространяться: формою они немногимъ различествуютъ отъ европейскихъ. Примѣненіе ихъ тоже самое и разница только въ веществахъ, изъ которыхъ они сдѣланы. Здѣсь находятся также: топоры, ножи, наконечники стрѣлъ и т. п. Только выточены они не изъ кремня, котораго нѣтъ въ странѣ, а изъ обсидіана.

Вѣкъ, который надобно опредѣлить исключительно для первобытнаго человѣка Сѣверной Америки есть вѣкъ мѣдный. Въ Америкѣ употребленіе мѣди предшествовало бронзѣ. Такъ и должно быть у народовъ, обладавшихъ такими богатѣйшими мѣдными рудниками. На берегахъ Верхняго озера существуютъ весьма важныя копи самородной мѣди, которыя разработывались индѣйцами весьма въ давнія времена. Слѣды этихъ разработокъ открыты разными путешественниками.

Г. Кнаппъ, агентъ горной компаніи Миннезоты, первый сказалъ слово объ этихъ доисторическихъ рудникахъ. При своихъ изысканіяхъ въ 1847 году онъ нашелъ пещеру, заселенную ежами, а въ ней подъ кругами земли жилу самороднаго желѣза, со множествомъ находившихся въ ней каменныхъ топоровъ. Вскорѣ онъ набрелъ на другія пещеры, глубиною отъ 8 до 10 метровъ, на протяженіи нѣсколькихъ миль. Обломки камней и щебень были разбросаны по сторонамъ и на нихъ выросли огромныя деревья. Въ одномъ сосновомъ стволѣ г. Кнаппъ насчиталъ до 395 растительныхъ кольцеобразныхъ слоевъ и дерево это имѣло еще другихъ не менѣе маститыхъ товарищей. Въ грядахъ щебня, медленно покрывавшихся растительными остатками, въ древности росли деревья, которыя отживъ сотни лѣтъ, распались въ гниль, уступивъ свои мѣста новымъ поколѣніямъ деревъ, достигшихъ не менѣе почтеннаго возраста. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ относить разработку мѣдныхъ рудниковъ на Верхнемъ озерѣ къ весьма отдаленной эпохѣ.

Во многихъ изъ этихъ пещеръ найдены были каменные молотки въ весьма значительномъ количествѣ. Въ одной пещерѣ нашли большіе топоры изъ діорита, съ топорищами, всаженными въ обухъ со сквознымъ отверстіемъ и кромѣ того длинныя діоритовыя же по-

лосы. Послѣднія, которыя не могли бы быть подняты однимъ человѣкомъ, служили безъ сомнѣнія для обивки кусковъ мѣди, раздробленныхъ послѣ на мелкіе обломки для удобнѣйшей переноски. По свидѣтельству профессора Матера, на нѣкоторыхъ скалахъ еще видны слѣды ударовъ этими гранитными толчеями.

Обработка самородной мѣди была весьма проста. Индѣйцы ковали ее молотами, безъ помощи огня, и благодаря ея ковкости придавали ей желаемыя формы.

Въ Америкѣ, какъ и въ Европѣ, найдено было много гончарныхъ издѣлій доисторической эпохи. Онѣ, надобно отдать имъ справедливость, гораздо лучше издѣлій стараго свѣта. Глина размѣшана тщательнѣе, кромѣ той, изъ которой сдѣлана посуда для вседневнаго употребленія, въ которой глина смѣшана съ кварцемъ; форма ихъ чище и работа старательна. Вылѣплена эта посуда, по видимому, не на станкѣ: по мнѣнію гг. Сквайра и Дэвиса, весьма свѣдущихъ американскихъ археологовъ, индѣйцы при выдѣлкѣ посуды употребляли палку, которой сверлили средину обдѣлываемаго комка глины.

Изъ глиняныхъ издѣлій, любопытнѣйшія—трубки, обрѣтеніе которыхъ и должно было ожидать въ странѣ классическихъ *калуметокъ* (глиняныхъ курительныхъ трубокъ). Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ видъ звѣрей, весьма вѣрно вылѣпленныхъ. Фигуры эти весьма разнообразны: онѣ изображаютъ четвероногихъ и птицъ разныхъ породъ. Въ штатѣ Огейо найдены были семь трубокъ, изображавшихъ моржа, въ неподражаемомъ совершенствѣ. Это открытіе тѣмъ любопытнѣе, что нынѣ моржъ встрѣчается не ближе трехъ или четырехъ сотъ льё отъ Огейо.

Туалетныя украшенія Сѣверной Америки состоятъ изъ браслетовъ, ожерельевъ, серегъ и проч. Браслеты—мѣдные обручи согнутые молоткомъ такъ, что концы ихъ сходятся. Ожерелья состоятъ изъ черепаховыхъ зеренъ, собранныхъ въ достаточномъ количествѣ; изъ раковинъ, звѣриныхъ зубовъ, кусочковъ слюды—пробуравленныхъ для нанизанія на нитку. Изъ этихъ же веществъ сдѣланы и серьги.

Всѣ эти предметы—оружіе, орудія, посуда, украшенія—были извлечены изъ подъ гигантскихъ построекъ, представляющихъ нѣ-

которую аналогію, иногда даже, разительное сходство съ древнѣйшими металлитическими сооруженіями на древнемъ континентѣ. Американскіе археологи распредѣлили ихъ, согласно вѣроятному ихъ назначенію, на нѣсколько разрядовъ, надъ которыми мы, на минуту, пріостановимся.

Прежде всего *могильные курганы* или *тумулусы*, которыхъ насчитываютъ десятки тысячъ. Высота ихъ бываетъ отъ 2 до 40 метровъ. Они стоятъ отдѣльно или группами и вообще имѣютъ круглую форму. Всего чаще подъ ними находятъ оставъ, или пережженный въ золу; или всего рѣже—цѣльный, въ положеніи сидячемъ на корточкахъ. Подлѣ трупа лежатъ украшенія, а въ весьма рѣдкихъ случаяхъ — оружіе. Это совершенное противорѣчіе тому, что нынѣ соблюдается въ Америкѣ, изъ чего можно заключить какой глубокій переворотъ совершился въ понятіяхъ индѣйцевъ со временъ доисторическихъ.

Нынѣ почти дознано, что нѣкоторые маленькіе *тумулусы*— остатки землянокъ, такъ какъ въ нихъ не найдено ни золы, ни костей. Другіе, напротивъ, преимущественно большіе, содержатъ въ себѣ множество остововъ. Отъ послѣднихъ слѣдуетъ отдѣлить такъ называемые *костяные колодцы*, заключающіе остатки многихъ тысячъ труповъ.

Трудно было бы объяснить себѣ такое громадное сборище костей, если бы изъ сочиненій старинныхъ писателей не было извѣстно, что индѣйцы имѣли обыкновеніе собираться каждыя восемь или десять лѣтъ, на назначенномъ мѣстѣ для погребенія костей своихъ покойниковъ, предварительно вырытыхъ изъ земли. Странный этотъ обрядъ назывался: „торжественнымъ праздникомъ мертвыхъ.“

Мы немногое можемъ сказать о *жертвенныхъ холмахъ*, по той причинѣ, что назначеніе ихъ еще не опредѣлено съ должной ясностью. Отличительная ихъ черта — нахожденіе въ чертѣ священныхъ оградъ, о которыхъ поговоримъ далѣе, и помѣщеніе подъ ними алтаря, лежащаго на землѣ и сложеннаго изъ обожженной глины или камня. Въ глазахъ нѣкоторыхъ археологовъ этотъ мнимый алтарь ничто иное, какъ мѣсто древняго очага, а самая насыпь—жилище послужившее владѣльцу могилою послѣ его смер-

ти. Отъ рѣшенія вопроса: совершались ли въ этихъ мѣстахъ человѣческія жертвоприношенія слѣдуетъ воздержаться потому, что предметъ этотъ еще недостаточно изслѣдованъ.

Холмы-храмы — пригорки въ видѣ усѣченной пирамиды со ступенями для всхода до самой вершины, а иногда и съ нѣсколькими терассами различной высоты. Всѣ они неизмѣнно оканчиваются болѣе или менѣе пространной платформой и достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ. Въ Кагокіи (штатъ Иллинойсъ) храмовый холмъ имѣетъ 30 метровъ вышины при 200 — длины и 150 — ширины у основанія. Холмы эти не были исключительно храмами, и позволительно думать, опираясь на многіе примѣры изъ исторіи индѣйцевъ, что по верхней эспланадѣ устроивали жилище начальниковъ.

Любопытнѣйшія земляныя работы безспорно тѣ, которыя американскими археологами называются: *холмы-звѣри.* Они состоятъ изъ исполинскихъ барельефовъ вылѣпленныхъ на поверхности земли и изображающихъ людей, животныхъ птицъ, пресмыкающихся, даже неодушевленные предметы: кресты, трубки и проч. Ихъ находятъ тысячами въ Висконсинѣ особенно между Мисиссипи и озеромъ Мичигэнъ, вдоль военной индѣйской дороги. Высота ихъ весьма незначительна и никогда не достигаетъ болѣе 2 метровъ, но за то размѣры длины и ширины громадны. Нѣкоторыя изъ этихъ фигуръ вѣрно скопированы съ природы; но между ними есть иныя, которыя трудно опредѣлить вслѣдствіе измѣненій отъ вліянія атмосферическаго въ теченіе многихъ вѣковъ.

Въ графствѣ Дэль находится любопытная рельефная группа состоящая изъ человѣческой фигуры съ протянутыми руками, шести животныхъ, простаго тумулуса и семи простыхъ холмовъ. Длина первой фигуры 40 метровъ и до 50 — отъ оконечности одной руки до другой. Длина фигуры животныхъ отъ 30 до 40 метровъ.

Въ этихъ чудовищныхъ изображеньяхъ часто можно узнать ящерицъ и черепахъ. Группа холмовъ близъ деревни Пьюоки (Pewaukee) состояла изъ изображенія двухъ ящерицъ и семи черепахъ; одна изъ нихъ была въ 150 метровъ длиною. Въ Воукешѣ (Waukesha) тоже найдена чудовищной величины черепаха

превосходно вылѣпленная, которой хвостъ протягивался на длину 80 метровъ.

Въ штатѣ Огейо, близъ Гранвилля, на высокомъ холмѣ, находится вылѣпленная фигура пресмыкающагося, нынѣ извѣстнаго подъ именемъ аллигатора. Лапы его имѣютъ 12 метровъ длины, вся же его длина превосходитъ 80 метровъ. Въ томъ же штатѣ есть фигура змѣи—мастерское произведеніе въ этомъ родѣ. Голова ея лежитъ на холмѣ, вдоль котораго извивается туловище на 240 метровъ, пріятными извивами и волнообразными линіями. Пасть разинута, какъ будто чудовище проглатываетъ свою добычу. Послѣдняя изображена массою земли овальной формы, частію лежащая на змѣиной челюсти. Длина овала 50, ширина 25 метровъ; высота 1 метръ 20 сантиметровъ.

Въ нѣкоторыхъ округахъ вмѣсто возвышенностей находятъ углубленія, т. е. фигуры вмѣсто рельефа представляютъ вдавленный рисунокъ: странный варіантъ этихъ странныхъ работъ.

О происхожденіи и цѣли подобныхъ насыпей невольно теряешься въ догадкахъ. Въ нихъ никогда не попадается остатковъ человѣческихъ, стало быть они не служили мѣстами погребеній. Величайшая тайна до нынѣ скрываетъ обстоятельства, сопровождавшія сооруженія этихъ доисторическихъ памятниковъ, весьма впрочемъ замѣчательныхъ.

Намъ остается еще сказать слово объ оградахъ. Американскіе археологи раздѣляютъ ихъ на ограды *оборонительныя и священныя*. Это распредѣленіе однако основано на весьма невѣрныхъ данныхъ, и вѣроятно большая часть такъ называемыхъ священныхъ оградъ была возведена для оборонъ. Вообще же ограды состоятъ изъ каменной стѣны съ наружнымъ или внутреннимъ рвомъ. Часто онѣ имѣютъ видъ паралелограмма или четырехугольника, даже правильнаго круга, изъ чего заключили, что древніе индѣйцы имѣли единицу геометрической мѣры и знали какой нибудь способъ измѣренія угловъ. Иногда ограда замыкала въ себѣ значительное пространство и нерѣдко въ главной оградѣ можно найдти другія меньшія, обнесенныя оборонительными окопами и служившими вмѣсто стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ограды раз-

ныхъ очертаній групируются однѣ послѣ другихъ, соединяясь переходами или образуя независимыя части.

Самая важная изъ этихъ группъ — Ньюэркъ въ долинѣ Сіото: она занимаетъ пространство въ четыре квадратныя мили и состоитъ изъ восьмиугольника, квадрата и двухъ большихъ круговъ. Наружная стѣна одного изъ послѣднихъ еще по нынѣ имѣетъ 17 метровъ ширины у основанія, при 4 метрахъ высоты; въ непробито нѣсколько дверей, около которыхъ высота ея увеличивается на 1 метръ. Внутри находится ровъ въ 2 метра глубины и 4 метра при приближеніи ко входу; ширина 12 метровъ. Вся ограда нынѣ поросла исполинскими деревьями, отъ пяти — до шести сотъ лѣтъ; что доказываетъ глубочайшую древность эпохи, въ которую ограда была возведена.

Размышляя о безчисленномъ количествѣ и о размѣрахъ исчисленныхъ нами памятниковъ, нельзя не сознаться, что американскія долины въ древности были населены гораздо гуще, нежели въ ту эпоху когда въ нихъ проникли европейцы. Эти племена образовывали значительныя общества, достигшія довольно высокой степени образованія, во всякомъ случаѣ высшаго, нежели то, которонынѣ досталось въ удѣлъ индѣйскимъ племенамъ. Народы, принужденные добывать насущное свое пропитаніе звѣроловствомъ, никогда не были бы въ состояніи воздвигать подобныя сооруженія. Богатства свои они неизбѣжно почерпали въ земледѣліи.

Этотъ выводъ, впрочемъ, подтверждается фактами. Во многихъ мѣстахъ американской почвы существуютъ небольшіе холмы, называемые *маисовыми пригорками*, происшедшіе оттого, что ежегодно на одномъ мѣстѣ посѣваемый маисъ образовалъ пригорки по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій. Открыты были также слѣды древнихъ огородовъ съ симетрически расположенными грядами.

Можно ли опредѣлить числомъ этотъ періодъ полуобразованія, которое, вмѣсто того, чтобы возрастать подобно европейскому, внезапно затмилось по причинамъ неизвѣстнымъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть отрицательный, если бы пожелали цифрою лѣтъ опредѣлить эту эпоху. Однако же по общему заключенію, къ которому пришли американскіе археологи, исторія Новаго Свѣта заключаетъ въ себѣ четыре великіе періода.

Первый періодъ замыкаетъ въ себѣ начало земледѣлія и промышленности; второй—возведеніе окоповъ и оградъ; третій—разведеніе садовъ. Въ послѣднемъ періодѣ американскіе народы обратились въ первобытное дикое состояніе и заняли мѣстности; на которыхъ прежде развивалось земледѣліе.

Г. Любокъ, доставившій намъ свѣденія въ своемъ сочиненіи *Доисторическій человѣкъ* (1) полагаетъ, что эта смѣна событій произошла въ теченіе свыше трехъ тысячь лѣтъ, хотя и сознаетъ незначительности этой цифры. Другой ученый, докторъ Доулеръ, смотритъ на это иначе. Онъ нашелъ близъ Новаго Орлеана человѣческій оставъ и остатки очага, которымъ даетъ, *на основаніи* болѣе или менѣе допускаемыхъ вычисленій—пятидесятивѣковую давность! Южная Америка, стало быть, очень стара!...

Изъ этого примѣра видно, какъ еще много неяснаго окружаетъ исторію первобытнаго человѣка въ Америкѣ, и понятно почему мы долгомъ сочли, для соблюденія вѣрности духу науки, ограничиться изученіемъ фактовъ, свойственныхъ только Европѣ. Примѣнять ко всему свѣту выводы совершенно правдивые, сдѣланные въ Европѣ, было бы все-таки лучше, нежели описывать феномены мѣстные, не вполнѣ изученные и дающіе поводъ къ толкованіямъ, различествующимъ одно отъ другаго отъ трехъ тысячъ до пятидесяти тысячъ лѣтъ.

---

(1) Archiologie de l'Amérique du Nord, pages 210—298.

ЭПИЛОГЪ.

Да позволено намъ будетъ, оканчивая трудъ нашъ, оглянуться, и бросить бѣглый взглядъ на длинный путь нами пройденный.

Далеко отъ насъ остался человѣкъ—житель пещеръ, современникъ пещернаго медвѣдя и маммута! У насъ едва сохранилось воспоминаніе объ этихъ мощныхъ четвероногихъ, которыхъ тѣни смутно мелькаютъ во мракѣ временъ четвертичной эпохи. Рядомъ съ этими животными, безвозвратно исчезнувшими съ поверхности земнаго шара мы видѣли существа съ лицами человѣческими, жившія въ пещерахъ, одѣвавшіяся въ звѣриныя кожи и дробившія камень въ осколки, для выдѣлки изъ нихъ оружія и орудій. Съ участіемъ и сочувствіемъ мы слѣдили за ними, такъ какъ они, не смотря на дикій свой обликъ, грубые обычаи и суровый бытъ—наши братья, предки, предтечи современной цивилизаціи.

Мы радовались ихъ усиліямъ и успѣхамъ. Мы видѣли какъ они послѣ оружія изъ кремня просто вырубленнаго, стали употреблять оружіе и орудія изъ шлифованнаго камня, т. е. подвергнутаго обработкѣ, которая есть зародышь первобытной промышленности народовъ.

Мы видѣли, какъ первобытные люди, благодаря орудіямъ изъ шлифованнаго камня, костей, оленьихъ или лосьихъ роговъ, подъяли борьбу съ ежедневно-возрастающимъ успѣхомъ съ угрожавшими имъ силами. Мы видѣли какъ они подчинили себѣ нѣкоторыхъ животныхъ, какъ собаку и лошадь и сдѣлали ихъ своими сотрудниками и спутниками въ домашнемъ быту; какъ они въ баранѣ, быкѣ и другой скотинѣ нашли поддержку для своего пропитанія.

Наконецъ явились металлы! Металлы, драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ завоеваній залогъ новой эры дѣятельности и могущества первобытныхъ народовъ! За орудіями изъ камня, кости и оленьяго рога слѣдуютъ орудія металлическія. Съ металлами проникаетъ и цивилизація въ человѣческое общество. Если люди изъ бронзы выковываютъ мечи и копья, таже бронза служитъ имъ на изготовленіе орудій для работъ мирныхъ. Благодаря успѣхамъ неусыпнаго труда и умственному развитію, его неизбѣжному слѣдствію—власть чело-

вѣка надъ природою еще увеличивается и нравственное его усовершенствованіе возрастаетъ прогресивно... Но сколько вѣковъ было потребно на одержаніе этихъ побѣдъ? Но назначеніе твое еще не выполнено. Впередъ, вѣчно впередъ смѣлый рудокопъ! Путь далекъ и цѣль еще не достигнута... У тебя была бронза, теперь у тебя есть желѣзо! Желѣзо—сила могучая, терзающая и убивающая, стоющая крови и слезъ—но и оплодотворяющая и оживляющая, дающая пищу тѣлу и духу. Римляне называли мечь—ferrum; впослѣдствіи этимъ же именемъ они называли мирный сошникъ. Металлъ посѣвавшій ужасъ, опустошеніе и смерть—вскорѣ принесъ народамъ миръ, богатство и благоденствіе.

Теперь трудъ твой оконченъ! Великая борьба съ природою совершена и власть твоя навсегда упрочена. Ты подчинилъ животныхъ волѣ своей и своей прихоти. Ты научился извлекать изъ нѣдръ тебѣ покорной земли всякаго рода богатства, въ нихъ заключенныя. Ты отвлекъ теченіе рѣкъ, вырубилъ лѣса, на нагорьяхъ воздѣлалъ поля и долины. Ты превратилъ землю въ цвѣтущій и плодоносный садъ. Ты измѣнилъ поверхность шара земнаго. Во истину ты царь творенія!

Но этимъ, конечно, не ограничился кругъ твоихъ мирныхъ завоеваній и никто не можетъ сказать какъ далеко распространится твое владычество. Впередъ же, вольный и гордый въ твоей бодрости и дѣятельности къ судьбамъ новымъ и еще невѣдомымъ!

Берегись однако же, чтобы гордость твоя не заставила тебя забыть свое происхожденіе. Какъ бы ни было велико твое нравственное величіе, какъ бы ни была обширна власть твоя надъ послушною природою, исповѣдуй и сознавай, каждый часъ твоей жизни всемогущество Творца. Склонись предъ твоимъ верховнымъ властителемъ, Богомъ благости и любви, давшимъ тебѣ жизнь и готовящимъ тебѣ въ другой жизни иную, лучшую участь. Покажи себя достойнымъ высшаго счастія блаженнѣйшаго безсмертія, ожидающаго тебя въ иномъ мірѣ, если ты заслужишь его постояннымъ усовершенствованіемъ своей души и соблюденіемъ твоихъ обязанностей къ подобнымъ тебѣ и къ Богу!

Конецъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЭПОХА СѢВЕРНАГО ОЛЕНЯ.

ГЛАВА ПЕРБАЯ.

ЭПОХА ШЛИФОВАННАГО КАМНЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ ВѢКЪ.

БРОНЗОВАЯ ЭПОХА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

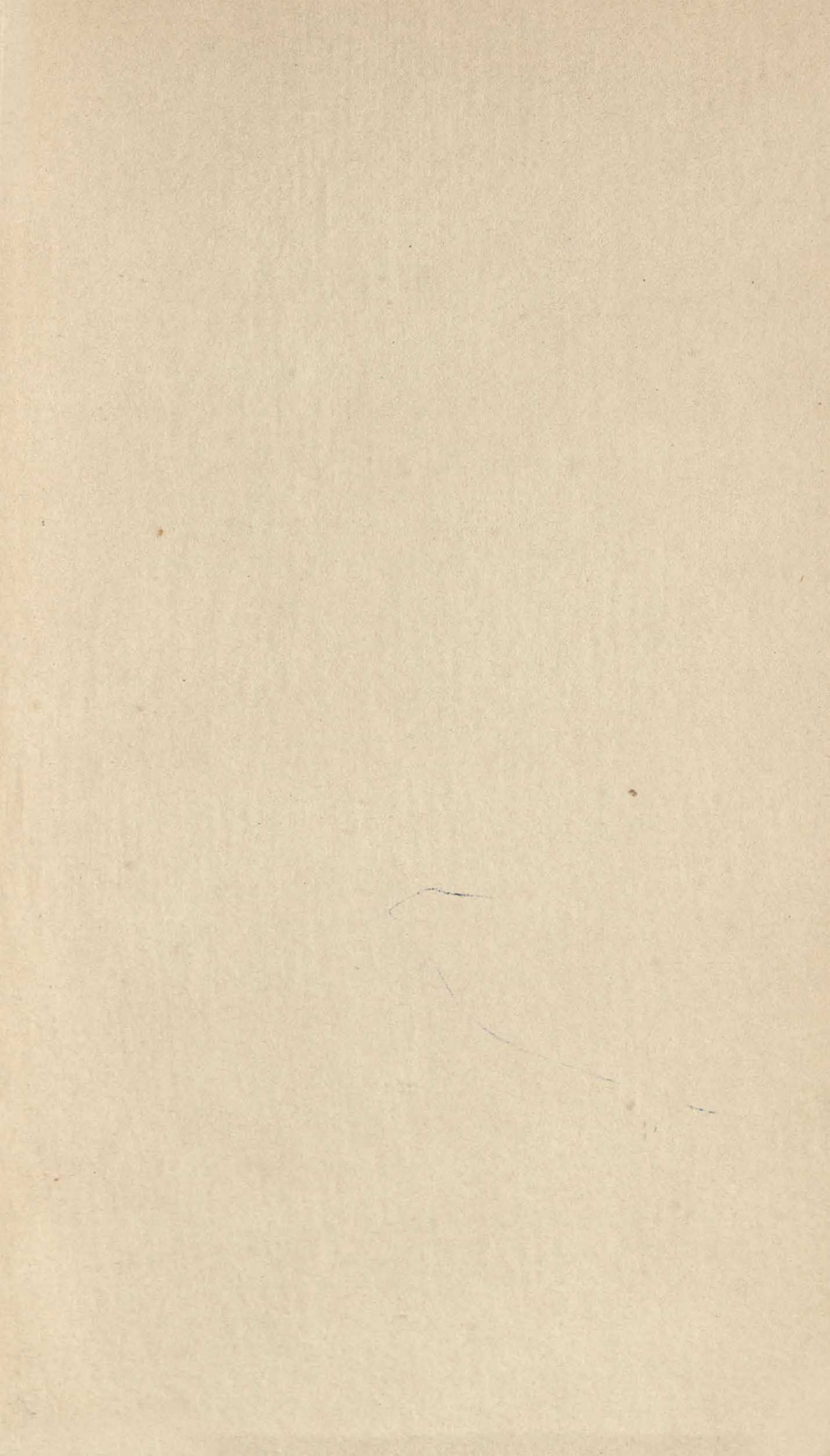
ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ЖЕЛѢЗНАЯ ЭПОХА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

2007334324